

Г.Г. Хазагеров, И.Б. Лобанов

РИТОРИКА

ВЫСШЕЕ
ОБРАЗОВАНИЕ

Серия «Учебники, учебные пособия»

Г. Г. Хазагеров,
И. Б. Лобанов

РИТОРИКА

Ростов-на-Дону
«Феникс»
2004

ББК 83.7

Х-15

Хазагеров Г. Г., Лобанов И. Б.

Х-15 Риторика / Серия «Учебники, учебные пособия». — Ростов н/Д: Феникс, 2004. — 384 с.

Учебник представляет собой полное и последовательное изложение трех основных разделов риторики: инвенции, диспозиции и элокуции. В нем подробно рассматриваются вопросы, связанные с созданием замысла речи, выработкой доказательств, расположением найденного материала, а также языковым оформлением речи. В учебнике содержится большое количество примеров, почерпнутых из самых разных сфер ораторского искусства — от церковных речей до современного политического красноречия.

Для студентов вузов, а также всех, кто хочет повысить уровень своего речевого мастерства.

ISBN 5-222-04207-3

ББК 83.7

© Хазагеров Г. Г., Лобанов И. Б., 2003

© Изд-во «Феникс»: оформление, 2003

Оглавление

Введение	5
I. Из истории риторики и красноречия	12
1. Античная риторика	13
2. Средневековая риторика	22
3. Риторика в эпоху Возрождения	24
4. Риторика в Новое время	27
5. Риторика в XX веке и современное состояние риторики	29
II. Инвенция	31
1. Замысел речи	34
1.1. Предмет и тема речи	34
1.2. Тезис и проблема	38
1.3. Цель речи	42
1.4. Анализ аудитории	48
1.5. Стратегии убеждения	52
2. Развертывание темы и тезиса речи: топика и аргументы	65
2.1. Топика	67
2.2. Виды общих мест	72
2.3. Общие места	76
2.4. Общие места и оценка	96
2.5. Аргументация	99
2.6. Классификация аргументов	104
2.7. Естественные доказательства	106
2.8. Логические аргументы (логос)	110
Силлогистические (дедуктивные) доказательства	113
Наведение	135
2.9. Аргументы к этосу («нравы»)	142
2.10. Аргументы к пафосу («страсти»)	150
2.11. Ошибки и уловки аргументации	156
III. Диспозиция	161
1. Структура речи и классический подход к композиции	161
1.1. Обращение	165
1.2. Именованье темы (вступление)	168
1.3. Повествование	172
1.4. Описание	174
1.5. Доказательство	177
1.6. Опровержение	180
1.7. Воззвание	182
1.8. Заключение	183
1.9. Общие рекомендации	184
2. Принцип выдвижения и современный взгляд на композицию	186

3. Отмеченные позиции и схемы выдвижения	190
3.1. Отмеченные позиции	190
3.2. Схемы выдвижения	196
4. Выразительность и ее виды	204
IV. Элокуция	208
1. Элокуция и качества речи	208
2. Красота	211
2.1. Речевые средства усиления изобразительности	214
2.2. Специальные средства усиления изобразительности: тропы и фигуры	217
2.3. Тропы	221
2.4. Метафора и тропы сходства	224
2.5. Метонимия и тропы смежности	232
2.6. Антифразис и тропы контраста	235
2.7. Перифразис и тропы тождества	236
2.8. Грамматические тропы	240
2.9. Фигуры	245
2.10. Фигуры убавления	249
2.11. Фигуры прибавления	255
2.12. Фигуры размещения	270
2.13. Амплификации	274
2.14. Дискретные фигуры	291
3. Уместность	295
4. Правильность	299
5. Ясность	302
Хрестоматия	307
Лисий, Защитительная речь по делу об убийстве Эратосфена	307
Цицерон, Речь в защиту поэта Авла Лициния Архия ...	312
Поучение Григория, епископа Белгородского (конец XII века)	323
Феофан Прокопович, Слово на погребение Петра Великого	325
Степан Козловский, О необходимости чтения книг	329
Высочайший манифест императора Александра I по случаю окончания войны с Наполеоном	333
П. А. Александров, Защитительная речь по делу В. Засулич (1878)	335
В. Д. Спасович, Застольная речь в Кракове по случаю открытия памятника Мицкевичу	362
Вячеслав Резников, О свободе и ответственности	367
Иоанн Крестьянкин, Поучение в Прощеное воскресенье ..	369
Речь А. А. Ширвиндта на юбилее З. Е. Гердта	374
Примечания	377
Литература	381

Введение

Риторика — наука об убеждающей речи. С самого начала своего существования риторика обслуживала нужды активной стороны коммуникативного процесса — нужды говорящего и пишущего. Одни науки учили читать, понимать, извлекать смысл из текстов, другие — создавать эти тексты. К первым относятся филология^{1*}, герменевтика², литературоведение³, ко вторым — риторика и поэтика⁴ (в древнем смысле этого слова).

Риторика необходима для всех людей, которым в силу их профессиональной принадлежности приходится говорить. Сегодня, как и в давние времена, наибольший интерес к риторике проявляет «говорящий класс», то есть люди, так или иначе связанные с публичным пространством, — журналисты, политики, политологи. Когда риторика зарождалась, в роли публичного пространства выступала агора⁵ — городская площадь. Сегодня это аудитория средств массовой информации — эфир, газетные полосы, часто посещаемые сайты и т.п. Однако интерес к риторике проявляют и те, кто обращается к небольшой аудитории, к группе людей или даже к одному человеку, скажем, партнеру по переговорам. В этом смысле в риторике заинтересованы бизнес, торговля, дипломатия, сфера обслуживания, медицина, педагогика. Во всех этих случаях риторика также обслуживает нужды говорящего, показывает, как делать тексты, как строить речь, учит говорить убедительно.

По-видимому, риторика имеет и еще более широкую ценность, не связанную исключительно с нуждами, которые возникают у говорящего. Как указывает Н. А. Безменова, *риторика представляет собой теорию, описывающую процесс порождения речи, то есть переход от самого общего представления о будущей речи к готовому тексту, который можно произносить перед аудиторией*. С этой точки зрения риторика может служить моде-

* См. сноски в конце книги.

лью порождения речи. И она имеет ряд преимуществ по сравнению с другими моделями, поскольку последние нередко описывают только переход от уже готового смысла к языковому выражению. Такие аспекты, как, например, формирование самой мысли, остаются за пределами рассмотрения. В риторике этот аспект активно изучался: именно он рассматривается в инвенции — разделе риторики, изучающем изобретение, создание смысла речи. Это же касается и топики — учения, которое в подавляющем большинстве последних учебников по риторике либо неоправданно опускается, либо излагается недостаточно подробно, либо вообще критикуется как бессмысленное (сказалось отвращение к риторике, выработавшееся в результате ее превращения в школьную дисциплину).

При этом рекомендации, которые были выработаны риторикой, не являются чем-то надуманным и, по большому счету, качественно новым. За риторическими рекомендациями стоит самое настоящее эмпирическое исследование речевой практики. Давая рекомендации, теоретики риторики не только исходили из каких-то общих, абстрактных предположений и утверждений, они активно анализировали лучшие образцы ораторского искусства, стремясь выявить, почему они оказались эффективными.

С необходимостью риторики для говорящего все, в общем-то, ясно. Теперь зададимся другим вопросом: **нужна ли риторика другой стороне коммуникативного процесса — слушателю, читателю?** На этот вопрос следует ответить утвердительно, на что есть по крайней мере три причины.

Во-первых, *риторический анализ уже созданного текста помогает отделить риторику от манипулирования сознанием, помогает критическому пониманию убеждающего текста, распознаванию уловок, демагогии, элементарной неискренности говорящего.* В текстах, предназначенных оказать на слушателей определенное воздействие, наряду с добротным убеждением мы сталкиваемся с различными способами манипулирования сознанием, такими, как подталкивание к ложным выводам из

правильных посылок или сокрытие независимых источников информации. Так, сообщение о том, что среди любителей огурцов такой-то процент болеет СПИДом, наталкивает на ложный вывод о зависимости этого заболевания от потребления огурцов (при этом нам не сообщают, что среди тех, кто не любит огурцы, процент заболевших тот же). Высказывание «ученые доказали то-то и то-то» без ссылки на то, кем были эти ученые, также искажает наше восприятие, тем более в том случае, когда ученые другой группы утверждают противоположное (о чем нам не сообщают). Все это случаи так называемого манипулирования, причем случаи достаточно очевидные, приводимые нами для примера. Не всегда распознать манипулирование так же просто. Для этого и необходим риторический анализ. Полезно также научиться распознавать демагогические, бездоказательные высказывания, чему способствует не только умение обнаружить логическую уловку, но и профессиональное умение отделить конкретику от общих слов.

Наконец, риторический анализ поможет распознать случаи несовпадения истинных намерений говорящего с теми намерениями, которые он декларирует, иначе говоря, распознать неискренность. Риторика сама по себе не способна распознать, истинны ли те факты, о которых нам сообщают. Мы не можем узнать, анализируя только один текст, в самом ли деле произошло извержение вулкана, но на основании риторического анализа мы можем сделать обоснованное предположение об истинной цели того или иного сообщения.

Во-вторых, *риторический анализ позволяет оценить текст с точки зрения его эффективности, позволяет указать на риторические ошибки и предложить варианты их исправления.* Наряду с орфографическими, пунктуационными и прочими ошибками, связанными с нарушениями норм литературного языка⁶, наряду со стилистическими сбоями, связанными также с нарушениями норм общения (примером может служить неуместное употреблением официального стиля в неофициальном

общении)⁷, мы можем фиксировать также и риторические просчеты. Известно, что многие ораторы проиграли свое дело не из-за того, что правда была не на их стороне, а из-за того, что их аргументация была слабо продуманной, из-за обыкновенного неумения говорить убедительно. Речь может оказаться, например, слишком бесцветной или рыхлой, так что главные и сильные аргументы оказываются буквально погребенными в неправильно построенной композиции. Речь может быть, напротив, слишком броской, производить впечатление легковесной. Возможностей ошибиться много, и дело риторического анализа указать на допущенные ошибки.

Наконец, в-третьих, *риторический анализ позволяет рассматривать текст в культурологическом аспекте*. Только что названная функция риторического анализа предполагает решение задачи оптимизации речи и в конечном счете обслуживает говорящего, хотя и адресуется слушающему. Первая же из рассмотренных функций предполагает постановку диагноза речи с точки зрения добросовестности ее построения и обслуживает нужды слушающего в чистом виде, помогая ему избежать ловушек. Третья функция риторического анализа еще теснее связана с нуждами слушателя, так что она смыкается с традиционным филологическим анализом текста. Всякий текст, создан ли он вчера или написан две тысячи лет назад, представляет собой объект филологического или культурологического интереса. Не составляет исключения и риторический текст. Мы изучаем речи знаменитого римского оратора Марка Туллия Цицерона не для того, чтобы обнаружить в них манипулирование и заступиться, скажем, за Катилину. Мы изучаем их и не для того, чтобы, обнаружив слабости, помочь великому оратору древности улучшить свои речи. Мы изучаем их прежде всего потому, что нам интересна античная культура, интересна ментальность античного человека. Но чтобы понять античную драму или современную пьесу, необходимо хотя бы элементарное знание того, что такое драма. А чтобы

понять убеждающий текст и определить его место в культуре или проследить на этом тексте специфику той или иной культуры, надо знать азы риторики. Поэтому третьей функцию риторического анализа можно назвать культурологической. Риторика, таким образом, представляет собой самостоятельную концепцию, особый взгляд на речевое общение, который позволяет проанализировать речь в связи с тем контекстом, в котором она существует.

Все три рассмотренные функции риторического анализа так или иначе (вторая в меньшей мере) связаны с потребностями воспринимающей стороны, с потребностями слушателя или читателя. Поэтому условно отнесем такого рода анализ к риторике для слушающего. Таким образом, риторика для слушающего имеет дело с уже созданным текстом. Традиционную же задачу создания эффективных, убедительных текстов возложим на риторику для говорящего.

Возможно, нелишним будет указать, что изучение риторики для говорящего и риторики для слушающего полезно любому человеку, который имеет дело с текстом. Не умея анализировать тексты, мы лишаемся возможности совершенствовать свои навыки создания текстов; следовательно, практикующий оратор или автор должен обладать хотя бы минимальными знаниями, которые помогали бы ему извлекать практическую пользу из тех текстов, которые он читает. С другой стороны, для того чтобы качественно анализировать тексты, необходимо понимать, почему их автор совершил именно этот, а не иной выбор, почему он пошел именно по такому пути, отказавшись от других возможностей. А понимать это можно только в том случае, если сам понимающий настолько владеет системой понятий, которые он использует для анализа, что может самостоятельно создавать тексты.

Предлагаемый учебник адресован филологам, журналистам, культурологам, юристам — всем тем, кто имеет дело с текстом и речью. Авторы считают, что некоторым из представителей этой широкой категории людей важ-

нее риторика для говорящего, хотя небезынтересна и риторика для слушающего (особенно первая и вторая функции риторического анализа). Другим интереснее именно риторика для слушающего, которая вообще может быть рассмотрена как составная часть филологии, культурологии, социологии. Но определенный интерес представляет и риторика для говорящего, хотя бы потому, что без разработанного ею аппарата невозможно обойтись при риторическом анализе уже созданных текстов. Из этих положений и вытекает концепция настоящей книги.

В изложении теоретического материала мы будем иметь в виду обе группы адресатов книги. При этом мы будем уделять внимание как риторике для говорящего, так и риторике для слушающего. В практической части мы будем разделять задания, сориентированные прежде всего на создание оригинальных текстов, и задания, сориентированные прежде всего на анализ уже созданных текстов. Разумеется, в качестве таких текстов мы будем предлагать нечто культурно значимое или по крайней мере нечто такое, что служит хорошим ключом к пониманию той или иной культуры.

Классическая риторика включала пять разделов: инвенцию⁸, диспозицию⁹, элокуцию¹⁰, меморию¹¹ и демонстрацию¹². Первая часть занималась выработкой аргументации, разработкой общей концепции риторического текста. Вторая — вопросами композиции этого текста. Третья — языковыми средствами. Четвертая учила, как запоминать речь, пятая — самому произнесению. Введение двух последних разделов было обусловлено тем, что классическая риторика была ориентирована на устное произнесение речи. В настоящем учебнике рассматриваются только первые три части риторики. Мемория и демонстрация не представляет собой ценности ни для журналиста, ни для культуролога, ни для филолога, то есть для значительной части тех, кого может заинтересовать риторика. Журналист создает письменные тексты, а если это тележурналист, он может пополнить свои знания в области демонстрации за счет сценического мастерства и все-

возможных психологических рекомендаций, которыми богата современная литература и которые часто ошибочно отождествляются с риторикой. Культуролог имеет дело с написанными текстами, и демонстрация (если это не видеоматериалы) остается за пределами его объекта. Зато инвенция, диспозиция и элокуция будут изложены с учетом как риторики для говорящего, так и риторики для слушающего. К этим трем разделам мы добавили сведения из истории риторики (как теоретической дисциплины) и красноречия (как риторической практики). Такие сведения, безусловно, нужны любому человеку, который изучает историю культуры, и будут полезны для любого человека, который занимается речевой практикой, то есть создает тексты. Не стоит забывать о том, что, несмотря на огромные различия, которые могут разделять эпохи и культуры, имеется и нечто универсальное, справедливое для любых культур и эпох. А потому прошлое может быть источником для тех образцов, на которые мы должны ориентироваться.

Таким образом, книга включает следующие разделы: «Из истории риторики и красноречия» (теоретический раздел), «Инвенция», «Диспозиция», «Элокуция» (эти разделы снабжены практическими заданиями, при помощи которых можно выработать навыки как создания, так и анализа текста) и «Хрестоматию», в которой собраны произведения ораторского искусства, могущие служить вспомогательным материалом и отражающие особенности риторической практики.

Введение	5
I. Из истории риторики и красноречия	12
1. Античная риторика	13
2. Средневековая риторика	22
3. Риторика в эпоху Возрождения	24
4. Риторика в Новое время	27
5. Риторика в XX веке и современное состояние риторики	29

I. Из истории риторики и красноречия

История риторики, которая является ровесницей европейской культуры в целом, насчитывает приблизительно два с половиной тысячелетия, а потому естественно, что на протяжении этого огромного периода риторика переживала как «хорошие», так и «плохие» времена. И длительная история риторики как дисциплины лишний раз доказывает, что в этом знании есть определенная польза.

Риторика — это вечная спутница демократии. Риторика возникла, а также переживала расцвет в те периоды, когда публичное общение не сталкивалось с особыми политическими или идеологическими ограничениями, когда была возможность и необходимость говорить то, что ты думаешь, прямо и открыто.

Именно этим обусловлено и активное возрождение риторики в наши дни. Попытки создания эффективных демократических институтов невозможны без существования развитых коммуникаций, в рамках которых любой член общества имеет право выражать свое собственное мнение. И в силу того что длительное время в нашей стране практически не было подлинно публичных коммуникаций, риторика оказалась достаточно востребованной.

Нельзя сказать, что риторика существует только там, где есть демократия. Правильным было бы более неопределенное утверждение: судьба демократии сказывалась и на судьбе риторики. В зависимости от того, насколько развитыми были демократические институты общества, риторика либо вообще практически исчезала из сферы практики и науки, либо приобретала особые формы, получала переосмысление.

Например, в Советском Союзе, несмотря на все заявления о демократичности строя, расхождение с государственной идеологией строго каралось, а потому и риторики в традиционном смысле этого слова не было. Конечно,

существовало ораторское искусство, которое кое-что заимствовало из риторики. Однако эта дисциплина обслуживала потребности лекторов, преподавателей, в меньшей степени — журналистов и политических деятелей; по крайней мере, о существовании риторики как оружия в политической, идеологической и прочей борьбе было почти забыто.

Рассмотрим историю риторики более детально, обращая внимание на то, какие основные изменения затрагивали ее в каждую историческую эпоху.

1. Античная риторика

Считается, что риторика возникла в V веке до н. э. на Сицилии, когда была свергнута сиракузская тирания и люди столкнулись с необходимостью вести множество споров и тяжб, которые требовали умения убеждать. Среди первых наиболее ярких риторов можно называть Горгия (483–367 гг. до н. э.), которого иногда называют основателем риторики. Этот статус, приписываемый Горгию, достаточно сомнителен, поскольку нам известно, что Горгий был учеником Лисия — сиракузского оратора, который основал собственную школу, а сам Лисий был учеником Коракса. Согласно древним представлениям, риторика была дана людям Меркурием по приказу Юпитера.

Возникновение риторики тесно связано с греческой цивилизацией. Сам термин «риторика» — греческого происхождения: он восходит к слову «rhetor», греческому названию оратора, от которого и было образовано слово «rhetorike» — «искусство создания и произнесения речи». Кстати, и по-русски слово «риторика» раньше нередко писалось иначе, ближе к греческому оригиналу — «реторика».

Возникновение риторики тесно связано с деятельностью **софистов** — древнегреческих философов, которые известны прежде всего тем, что полагали, будто доказать можно что угодно, главное — выбрать правильные средства доказательства. Это широкое понимание убеждения, которое включает в себя и манипулирование сознанием,

использование неправильных и/или недопустимых способов доказательства, впоследствии было подвергнуто суровой критике. И не без оснований. Однако эта особенность зарождения риторики очень важна. По-видимому, именно из-за этого практически на всем протяжении истории этой дисциплины за риторикой сохранялась репутация не совсем «честного» инструмента. По крайней мере, такое мнение можно было встретить у некоторых крупных культурных деятелей в любой период европейской истории. Хотя риторика достаточно быстро освободилась от этого морально сомнительного груза, особенно-сти ее рождения (так сказать, «родовая травма») наложили отпечаток на ее дальнейшее существование.

Чтобы лучше понять, в чем состояла эта первоначальная установка ранних риториков, приведем в качестве примера известный силлогизм «Рога», который приписывается одному из софистов (силлогизмом условно можно называть рассуждение, построенное по определенным правилам, однако что это за правила, мы скажем в соответствующей главе раздела «Инвенция»):

Все, что ты не потерял, ты имеешь.

Ты не потерял рога.

Следовательно, у тебя есть рога.

Ошибочность этого рассуждения очевидна, однако опровергнуть его не так просто: оно построено в соответствии с логическими законами (хотя и нарушает другие законы логики). Ради справедливости здесь надо отметить один важный момент. Возможно, в том, что такие рассуждения рассматривались как вполне допустимые, тоже была необходимость. По крайней мере, сначала необходимо узнать, какие способы доказательства существуют (именно это сделали софисты), чтобы потом отобрать из них те, которые действительно приемлемы (именно это сделали их критики).

Впрочем, нельзя сказать, что софисты были плохими ораторами и не могли убеждать, используя более приемлемые средства. С этой точки зрения любопытным представляется следующая история из жизни Протагора —

одного из наиболее ярких представителей этого движения. Протагор учил одного молодого человека искусству убеждения бесплатно; за обучение он должен был заплатить только в том случае, если выиграет в суде свою первую тяжбу (условие, кстати, вполне разумное). Когда по окончании обучения Протагор вдруг потребовал плату и стал угрожать судом, справедливо указав, что если он, Протагор, выиграет дело, то ученик будет обязан ему заплатить по решению суда; если же он проиграет, то это будет первая успешная тяжба его ученика, а следовательно, ученик должен будет ему заплатить. На это ученик возразил ему, что если Протагор выиграет дело, то он сможет отказаться от уплаты в силу заключенного соглашения (ведь он проиграет свое первое дело); если же он выиграет это дело, то сможет не платить за обучение по решению суда. Протагор, как сообщается в источниках, совсем отказался от платы.

Для софистов вообще характерна такая ориентация на блестящие, остроумные ответы. Во многом именно вследствие этого софисты получили множество достаточно нелестных характеристик, примером которой может служить следующая: «Этим именем обозначается основанное на мнении лицемерное подражание искусству, запутывающему другого в противоречиях, подражание, принадлежащее к части изобразительного искусства, творящего призраки и с помощью речей выделяющего в творчестве не божественную, а человеческую часть фокусничества: кто сочтет полного софиста происходящим из этой плоти и крови, тот, кажется, выразится вполне справедливо» (Платон, диалог «Софист»).

Тем не менее роль софистов была достаточно важной. А все дело в том, что они первыми решились поставить под сомнение то, что все остальные принимали на веру. С этой точки зрения их влияние на культуру в целом было огромным. Более того, если бы не софисты, видимо, философы вообще не открыли бы такого явления, как истина. И действительно, если бы не было обнаружено, что под сомнение можно поставить все без исключе-

ния, то нельзя было бы увидеть и того, что какие-то вещи в действительности нельзя отрицать!

Важную роль в становлении риторики сыграл древнегреческий философ Платон, хотя его влияние не было однозначным. Модель сократического диалога, то есть диалога, в котором участники при помощи умело поставленных вопросов ищут истину, оказала очень большое влияние на становление риторики. В отличие от традиционного понимания риторики как искусства убеждать, идеал Платона, отразившийся в образе Сократа из его диалогов, состоял не только в убеждении, то есть одностороннем процессе воздействия на слушающего, но и в поиске истины. Утверждение Платона о том, что нельзя овладеть искусством красноречия, не познав истины, очень важно для риторики — и не только с теоретической, но и с практической точки зрения. По крайней мере, это утверждение позволяет выявить особую перспективу в разработке речи и преподнесении ее слушателям: уже одно то, что оратор показывает в своей речи не готовый результат, а процесс его нахождения, проводя слушателей по тому пути, который он проделал сам, делает речь гораздо более убедительной.

Тем не менее в концепции Платона и в том, как она отразилась в его деятельности, были и негативные аспекты. Остановимся на них подробнее.

Платон очень негативно относился к софистам и софистической риторике, противопоставляя ей диалектику — особое средство поиска истины. Именно Платон поставил под сомнение моральные основы, на которых базировалась риторика софистов. Крайне распространенное в наши дни мнение о том, что наследие софистов недопустимо использовать, — это во многом результат стараний Платона.

Критика софистов, предпринятая Платоном, не кажется особенно обоснованной, поскольку вряд ли является объективной и совершенно непредвзятой, лишенной эмоциональности, которая, как известно, с истиной далеко не всегда совместима. В качестве аргумента приведем мнение крупного философа XX века Бертрانا Рассела, кото-

рый в «Истории западной философии», на наш взгляд, сумел поставить точку в этом вечно продолжающемся споре между софистами и Платоном. Выдержка эта достаточно велика, но очень показательна:

«До некоторой степени — хотя нельзя сказать, сколь велико значение этого обстоятельства, — ненависть, которую вызывали к себе софисты не только у широкой публики, но и у Платона и последующих философов, была обязана своим существованием их интеллектуальной честности. Преследование истины, когда оно ведется искренне, должно игнорировать моральные соображения. Мы не можем знать заранее, чем окажется истина по отношению к тому, что в данном обществе мыслится поучительным. Софисты были готовы следовать за доказательством, куда бы оно их ни вело. Часто это приводило их к скептицизму. Один из софистов, Горгий, утверждал, что ничего не существует, а если что-либо и существует, то оно непознаваемо, и даже если существует и познаваемо для кого-либо одного, то он не может передать свое знание другим. Мы не знаем, каковы были доводы Горгия, но я могу хорошо себе представить, что они имели логическую силу, которая заставляла противников Горгия искать убежище в наставлениях. Платон всегда старался проводить взгляды, которые, как он думал, сделают людей добродетельными. Едва ли Платон был когда-нибудь интеллектуально честен, потому что он всегда оценивал доктрины по их социальному значению. Но даже и в этом он не был честен, так как претендовал на то, что следовал доводам и судил на основании чисто теоретических критериев, тогда как фактически направлял спор таким образом, чтобы последний приводил в результате к добродетели. Платон ввел этот порок в философию, где он с тех пор и продолжает существовать. Характер его диалогов определяется, по-видимому, в основном его враждебностью к софистам. Одним из недостатков всех философов со времени Платона было то, что их исследования в области этики исходили из предположения, что им уже известны те заключения, к которым они должны только еще прийти».

Разве софисты были не правы, утверждая, что истинно то, что человек считает истинным? Это может вызывать неприятие только тогда, когда мы сталкиваемся с тем, что нам представляется как предрассудок, глупость или необразованность. Но как быть с нашими собственными убеждениями? Почему мы берем на себя право утверждать, что наша точка зрения правильна, тогда как все другие — нет? Это, по крайней мере, необходимо доказать, но Платон не сделал этого. Наши убеждения истинны, поскольку кажутся нам таковыми, — в обратном случае они не были бы убеждениями. И точно так же, как трудно убедить «глупца», трудно изменить свои собственные «истины».

Эта оценка заслуживает внимания уже хотя бы потому, что диалоги Платона — это, в конечном счете, инсценировки поиска истины, а не поиск истины. Платон не был стенографом, а потому он придумывает спор, выставляя тем самым вымышленный образ Сократа как идеального диалектика. Истина, к которой Сократ якобы приходит в процессе беседы с другими людьми, на самом деле была известна Платону заранее. Фактически форма беседы, спора — это и есть уловка, мало чем отличающаяся от софизмов, а возможно, даже более изощренная. Конечно, заблуждения участников этих диалогов вполне правдоподобны, однако это не реальные убеждения, которые могут стать препятствием, а всего лишь основания для того, чтобы ввести мысль, которая Платону кажется правильной. Убежденность в существовании конечной истины — это всегда субъективная убежденность. Платон отверг вполне продуктивное представление софистов о том, что убеждений может быть столько же, сколько существует людей, — представление, которое очень важно для риторической практики.

Особый этап развития риторики справедливо связывают с именем Аристотеля (384–322 гг. до н. э.) — древнегреческого философа, логика и ритора. Среди его работ, имеющих непосредственное отношение к риторике, сле-

дует называть трактаты «Риторика», «Толика» и «О софистических опровержениях».

Аристотелю удалось реабилитировать риторику, исключив использование риторики, связанное с манипулированием сознанием, при помощи указания на то, что риторика должна пользоваться только допустимыми средствами убеждения. Наследие софистов (несмотря на содержавшееся в них рациональное зерно) нуждалось в такой кардинальной переработке, в отсеивании того, что не может использоваться при доказательстве своей точки зрения.

Еще одно важное достижение Аристотеля — это открытие собственно риторических доказательств. По мнению Аристотеля, оратор должен опираться на логику, однако не должен забывать и о ценностной и психологической стороне убеждения. Все это нашло отражение в противопоставлении логоса, этоса и пафоса. В силу важности психологических доводов не случайным, например, является то, что значительная часть «Риторики» посвящена анализу разных типов аудитории: Аристотель оправданно связывает, например, с возрастом слушателей их особенности, которые оратор должен учитывать при создании речи.

Следующий этап развития античной риторики — это период эллинизма. Античная Греция постепенно утрачивает свое господствующее положение, и в центре античного мира оказывается Древний Рим. Хотя римская культура достигла огромных высот, ради справедливости необходимо отметить, что без греческого влияния это было бы невозможно. Не зря этот период называют эллинизмом: культурные достижения Древней Греции были быстро усвоены Древним Римом.

Усвоение риторики римской культурой было закономерным, тем более что Рим в первые века своего существования был республикой, то есть демократическим государством. Риторика проникает туда достаточно рано: уже в I веке до н. э. создается риторика «К Герению», которую иногда приписывают Цицерону.

Одна из наиболее ярких фигур в риторике этого времени — это, несомненно, **Марк Туллий Цицерон** (106–43 гг. до н. э.). Помимо большого количества речей, которые до настоящего времени могут служить прекрасными образцами для других ораторов, до нас дошли теоретические сочинения Цицерона, посвященные ораторскому искусству: «Об ораторе», «Брут (О знаменитых ораторах)», «Оратор», «О наилучшем роде ораторов».

Цицерон огромное внимание уделял тому, что любой оратор должен быть разносторонне развитым человеком: «Оратор должен соединить в себе тонкость диалектика, мысль философа, язык поэта, память юрисконсульта, голос трагика и, наконец, грацию и жесты великих актеров».

Постепенное превращение Рима в империю, в которой император обладал неограниченной властью, оказало огромное влияние на риторику. Именно эти обстоятельства, по-видимому, привели к тому, что появилось новое понимание риторики: риторика стала рассматриваться не как искусство убеждать, а как *искусство хорошо говорить*. Наиболее полно такое понимание риторики нашло выражение у **Марка Фабия Квинтилиана** (36–100 гг. н. э.) Квинтилиан был создателем первой государственной школы риторики; его перу принадлежит трактат «Образование оратора, или Марка Фабия Квинтилиана. Двенадцать книг риторических наставлений».

С именем Квинтилиана связано несколько важных изменений в отношении к риторике; некоторые из них — а возможно, и все — следует считать для нее роковыми (хотя не исключено, что именно благодаря Квинтилиану риторика выжила в более поздние эпохи).

Во-первых, как уже указывалось, именно Квинтилиан первым предложил понимание риторики как искусства хорошо говорить. Как видно из этого определения, риторика уже не связывалась им с публичной коммуникацией, которая требует эффективного убеждения. Главная задача оратора — создавать прекрасное выражение для своих мыслей, делать из своей деятельности искусство, которое по достоинству может оценить только специа-

лист. Теперь сфера деятельности оратора существенно расширяется и, к сожалению, теряет связь с убеждением. Риторика выходит за пределы общественной жизни, становится средством услаждения и тем самым сближается с художественной литературой (хотя Аристотель, например, очень четко разделял художественную литературу и риторику, которым он посвятил два разных трактата — «Поэтику» и «Риторику»).

Во-вторых, возможно, что именно изменениями в политической жизни, спровоцировавшими изменение в отношении к риторике, обусловлен и расцвет в изучении фигур мысли и словесных фигур. В частности, Квинтилиан в «Двенадцати книгах риторических наставлений» целых две части посвящает очень подробной классификации средств повышения изобразительности и выразительности речи. Это направление для развития риторической теории оказалось очень живучим: начиная с эпохи Средневековья и вплоть до XIX века, а также в XX веке изучение образных речевых средств было едва ли не единственной активно развивавшейся частью риторики.

Наконец, в-третьих, именно в риторике Квинтилиана можно видеть первое проявление длительного процесса «вырождения» риторики — ее превращения из эффективного средства общественной борьбы в школьную дисциплину. Так, Цицерон полагал, что оратор по-настоящему формируется на форуме, то есть в гуще общественной жизни; Квинтилиан считал, что естественная среда формирования оратора — это не форум, а риторическая школа.

Скорее всего, эти идеи Квинтилиана были проявлением более глубокого процесса — процесса превращения риторики в нормативную дисциплину, следовать требованиям которой было обязательно.

В заключение этого очерка истории риторики в античности необходимо отметить, что риторика занимала очень важное место в культурной жизни древних обществ. И дело не только в том, что она обслуживала нужды, связанные с публичной коммуникацией. Риторика была обязательной дисциплиной при обучении детей: она, наряду

с грамматикой и диалектикой (логикой), входила в состав тривия — набора обязательных дисциплин, которые преподавались в школах.

2. Средневековая риторика

В Средние века сохраняется статус риторики как одного из компонентов тривия (эта система была заимствована Средневековьем у античности). Основным содержанием курса риторики было **учение о жанрах речи**, опиравшееся в основном на идеи античного поэта Горация, **учение о стилях**, которое было разработано Вергилием, а также **учение о фигурах**.

Появление в ряду объектов риторики жанра было не случайным, поскольку от античности Средневековье заимствовало и представление о четких границах между различными типами речи. В связи с этим даже такой раздел риторики, как изобретение, переосмысливается: в Средние века он воспринимается не столько как поиск мыслей, сколько как поиск подходящего жанра.

В повышении роли стиля сыграло роль также то, что риторика все больше и больше поворачивается в сторону художественной литературы. Учение о стилях приписывалось Вергилию, который якобы изобрел «колесо», на котором схематически были представлены различные стили. При этом стили привязывались к определенным литературным произведениям: высокому стилю соответствовала «Энеида», среднему — «Георгики», низкому — «Буколики». Очевидно, что эта схема делала обязательной ориентацию на художественные, а не ораторские тексты.

Можно отметить следующие особенности средневековой риторики.

1. На первый план выходит гомилетика — искусство церковной проповеди. Кроме того, на первый план выступает также академическое красноречие. Конфронтационное красноречие, тесно связанное с судебными разбирательствами и государственной деятельностью, отходит на второй план.

Между красноречием, которое формируется в Средние века, и красноречием античности есть существенная разница. В античности риторика была тесно связана с необходимостью переубеждать, доказывать то, что противоположная сторона по каким-то причинам не желает признать. В Средние века эта функция риторики отступает на второй план. Нельзя сказать, что гомилетика совершенно не предполагает убеждения: чтобы вынудить людей следовать заповедям и требованиям церкви, необходимо объяснить им, почему это необходимо. Однако принципиальным оказывается то, что фактически в ситуации произнесения проповеди мы имеем дело не с противостоящими точками зрения, а с противопоставлением знания и незнания или даже с простым предписанием. Относительный упадок в полемическом красноречии существенно изменил облик риторики.

2. В Средние века продолжается разработка вопросов, связанных с разграничением тропов и фигур, а также с описанием их разновидностей. Поэзия в Средние века во многом развивалась в направлении освоения этих образных средств. В частности, в XV веке расцвета достигла школа так называемых поэтов-риториков, основным признаком которого было активное (и осознанное) использование фигур и тропов и вообще разного рода средств повышения смысловой и эстетической насыщенности текста.

Впрочем, количество работ, посвященных этим вопросам, гораздо меньше, чем античных. Одним из наиболее ярких проявлений стало сочинение **Беды Достопочтенного «Книга о тропах и фигурах»**. К другим заметным представителям риторики раннего Средневековья принадлежат **Исидор Севильский** и **Юлий Руфиний**. Еще одно важное риторическое сочинение того времени — это трактат **«О тропах»** византийского автора **Георгия Херобоска**, созданный в IV или V веках н. э. Эта работа важна потому, что она была переведена на русский язык и вошла в состав **«Изборника Святослава» (1073 г.)** Фактически этот трактат был первой риторической работой,

переведенной на русский язык. Хотя после этого проблемы риторики не привлекали внимание русских на протяжении длительного времени, именно с момента появления «Изборника Святослава» можно начинать историю русской риторики.

В период позднего Средневековья были созданы такие риторические трактаты, как «Риторика» Филиппа Меланхтона (переведена на русский язык в 1620 г.), «Риторическое искусство» и «Риторический комментарий, или Наставление ораторам» Герхарда Фосса, а также риторические сочинения Юлиа Цезаря Скалигера.

3. В Средние века в целом продолжается процесс «вырождения» риторики, которая из практически ориентированной дисциплины постепенно превращается в школьный предмет, оторванный от реальных нужд общения. Наиболее ярко этот процесс дал о себе знать в эпоху Возрождения, когда произошел ряд очень важных изменений в культурной жизни.

3. Риторика в эпоху Возрождения

В эпоху Возрождения происходят очень важные изменения в культуре. Именно в этот период христианство перестает быть ведущей идеологией, в сфере мысли, науки и искусства развивается свобода (по крайней мере, от религиозных догм). В эпоху Возрождения формируется совершенно новый для европейской культуры тип человека; меняются экономика, государственность, образование, культура. Если в античности в центре мира стояла природа, а в Средние века — бог, то в период Возрождения на это место становится человек. По этой причине говорят об антропоцентризме философии Возрождения.

Не случайным поэтому кажется и возрастающий интерес к античности. Если в Средние века наследие древнего мира интересовало мыслителей исключительно с точки зрения возможности обоснования догматов христианства, то с приходом Возрождения характер этого интереса кардинально меняется. Люди эпохи Возрождения

могли посмотреть на философию и культуру античности иначе, менее предвзято: там они могли увидеть восхищение перед природой и красотой, в том числе и человеческой. Если Средневековье видело в античности авторитет, то для Возрождения она стала идеалом.

Какие же процессы происходят с риторикой в этот период?

1. До Возрождения риторика была связана с античной традицией и, в частности, с латынью. Несмотря на неприятие античной традиции, характерное для раннего Средневековья, античная традиция была достаточно быстро усвоена христианскими мыслителями. В период Возрождения национальные языки приобретают совершенно новый статус, активно развивается публичная коммуникация, не связанная с академической и церковной сферой. Развитие экономики и культуры становится причиной активного развития торгового красноречия, возрождаются красноречие парламентское и судебное.

Более того, движение Реформации привело к тому, что в значительной части стран даже общение внутри церкви начинает осуществляться не на латыни, а на национальных языках. Это не могло не сказаться на церковном красноречии. В качестве примера можно было бы привести также бурную письменную полемику, которая развернулась между Эразмом Роттердамским и Лютером по поводу изменений в отношении к католицизму; во Франции новый тип духовного красноречия был представлен Сен-Франсуа де Салем и кардиналом Лотарингским. Эти процессы оказали очень существенное влияние на отношение к риторике, прежде всего — на ожидания от нее.

Данный процесс, в частности, нашел проявление и в том, что в период Возрождения появляются первые риторики, написанные не на латыни, а на национальных языках. Примером такой риторики могут служить сочинения Пьера Фабри и Антуана Фоклена, написанные на французском языке. Формируется даже радикальное мнение о том, что риторика должна освободиться от ан-

тичного наследия. Так, Ле Гра, один из авторов того времени, придерживавшийся такой точки зрения, писал: «Изучать риторику по-латыни — значит учиться плохо говорить по-французски».

2. В целом в эпоху Возрождения риторика получила достаточно заметное развитие. Во времена Возрождения был создан ряд учебников по риторике, которые заслуживают внимания и в наши дни. К ним можно отнести «Искусство поэзии» Николя Буало, «Искусство английской поэзии» Джорджа Путтенхема, «Сад красноречия» Генри Пичема, «Источники французского красноречия» Шабанеля, «Красноречие для обучения дамы высшего света» Левена де Тамплери.

Уже из двух первых названий видно, что в этот период риторика начинает сближаться с изучением поэтической, художественной речи. Ярким проявлением этого может служить, например, то, что риторическое знание использовалось в качестве модели для других сфер языковой практики: в 1540 г. увидел свет трактат Доле «О манере хорошо переводить», в 1594 г. — риторика дю Вера, которая фактически представляла собой риторический комментарий к переводам фрагментов из Демосфена и Цицерона. Это сближение было в целом закономерным, поскольку национальные языки получили наибольшее развитие в сфере художественной литературы. Однако в этом процессе было и много негативного. Дело в том, что риторическая коммуникация в силу своей направленности на воздействие заметно отличается от художественной литературы. Нельзя сказать, что художественная литература полностью исключает воздействие на читателя. Но эта цель всегда является вторичной, поскольку основная цель художника — создание особого мира, который в литературе воплощается не при помощи красок или звуков, а при помощи слов. А это означает, что риторика и художественная литература используют одни и те же средства, но делают это по-разному, в соответствии с теми законами, которым они подчиняются.

3. В период Возрождения фактически заново создаются многие новые отрасли красноречия, например, риторика светской беседы, риторика портрета и т. д. Местом формирования этих риторик были, как правило, светские салоны. Благодаря этому огромное развитие получает сфера культуры речи, что само по себе не могло не оказать влияния на становление национальных литературных языков. Разработанные (во многом благодаря риторике) нормы художественной речи становятся нормами и для разговорного языка высших дворянских сословий.

4. Риторика в Новое время

Новое время — это период, когда риторика в некоторых своих проявлениях (прежде всего, в изучении тропов и фигур) достигает максимального расцвета. Однако именно в этот период (к XIX веку) риторика предается полнейшему забвению.

В Новое время риторика окончательно превращается в дисциплину, сосредоточенную на красоте речи, то есть на средствах повышения ее изобразительности и выразительности — тропах и фигурах.

Именно в эпоху Нового времени риторика в силу ее отрыва от реальной практики перестает восприниматься как особая эффективная наука. В это время и складывается негативное представление о риторичности как напыщенности и бессодержательности. Уже в XVIII веке во многих европейских государствах риторика исключается из учебных дисциплин.

Тем не менее можно утверждать, что на протяжении XVII–XIX веков риторика все же существовала. По крайней мере, именно в этот период переживает свой расцвет церковное красноречие (во Франции оно было представлено такими именами, как Боссюэ, Фенелон), активно развивается судебное, академическое и политическое красноречие. Среди ярких представителей последнего можно назвать, например, Мирабо и Робеспьера.

Именно к периоду Нового времени можно отнести формирование риторики в России. Мы уже указывали на то, что первым учебником по риторике, переведенным на русский язык в 1620 г., была «Риторика» Ф. Меланхтона. Было бы неправомерно утверждать, что риторики в России до этого времени не было. На это указывает и то, что на русский язык задолго до этого времени был переведен трактат Г. Херобоска «Об образех»; кроме того, русская риторическая традиция более ранних периодов очень богата: как и в средневековой Европе, в России было создано множество прекрасных произведений гомилетического красноречия (то есть проповедей). Однако до указанного времени обучение ораторскому искусству осуществлялось в основном в форме подражания образцам, риторическая теория была не развита.

Это положение стало изменяться, когда появилась «Риторика» Меланхтона. Чуть раньше была создана и первая оригинальная русская риторика. Мы имеем в виду риторический учебник митрополита Макария, который появился в 1617 или 1619 г. и включал две части, посвященных изобретению и украшению речи. Позднее, в конце XVIII века, эта риторика была существенно переработана и дополнена Михаилом Усачевым, в то же время появляется трактат Феофана Прокоповича «Об искусстве риторики» (1706 г.)

Особый этап развития русской риторики связан с именем М. В. Ломоносова. В его «Кратком руководстве к красноречию» (1747 г.), а также в созданном позднее его более пространным варианте Ломоносов исходит из аристотелевского понимания риторики как искусства убеждать. Вслед за Аристотелем Ломоносов большое внимание уделяет психологическим доводам.

В конце XVIII — начале XIX века в России появляется большое количество новых учебников по риторике. Здесь необходимо упомянуть «Опыт риторики» И. С. Рижского (1796 г., книга переиздавалась до 1828 г.),

«Правила высшего красноречия» М. М. Сперанского (опубликованы в 1844 г., хотя легший в ее основу курс лекций читался пятьюдесятью годами ранее), **«Общую риторику» и «Частную риторику» Н. Ф. Кошанского**, **«Исследование о риторике в ее наукообразном содержании и в отношении, какое имеет она к общей теории слова и логики» К. П. Зеленецкого (1846 г.)**

5. Риторика в XX веке и современное состояние риторики

Возрастание интереса к риторике в XX веке происходит во многом благодаря увеличению интереса к языку. Существует обоснованное мнение о том, что для философии и гуманитарных наук в XX веке характерен так называемый «языковой поворот», в результате которого представители самых разных наук, школ и направлений начинают уделять внимание языку и, шире, символической деятельности как особой, специфичной черте человека. В действительности выражение «языковой поворот» объединяет самые разнородные направления, между которыми практически невозможно найти что-то общее. Тем не менее благодаря этому риторика снова выходит на первый план.

Возможно, в том, что это произошло, можно также «винить» и возросшую цену политических и идеологических проблем. Для исследователей XX века, как ни для кого, была очевидна связь между властью и языком. Особенно это касается французских исследователей, принадлежащих к структурализму и постструктурализму (например, Р. Барта, М. Фуко, Ж. Лакана, К. Леви-Стросса). Именно из этой сферы вышли такие исследователи, внесшие заметный вклад в возрождение риторики, как уже упоминавшийся **Ролан Барт**, **Цветан Тодоров** и **Жерар Женнет**. Со структуралистской парадигмой также связана деятельность бельгийской «Группы μ », создавшей знаменитую (и переведенную на русский язык) **«Общую риторику»**.

Интерес к риторике возрождается и в связи с аргументацией. Одним из наиболее ярких явлений XX века в этом отношении стали работы еще одного бельгийского исследователя — **Х. Перельмана**, который в своих работах попытался возродить аристотелевскую риторiku (на положения этого исследователя мы отчасти опираемся в этом учебнике). Идея опоры на риторiku возникла у Перельмана в связи с попыткой выявить ту особую логику, которая лежит в основе юридических рассуждений, нередко имеющих ценностный характер. Такие рассуждения достаточно трудно описать при помощи обычной логики, а потому вполне естественным оказалось обращение к риторике, которая изначально была связана с ценностями или, по крайней мере, не исключала их. К этому направлению риторических исследований можно отнести и работы **Стивена Талмина**, а также многих других английских и американских исследователей.

В послереволюционной России риторика переживает непродолжительный расцвет. Во многом это связано с созданием Института живого слова, сотрудники которого уделяли достаточно много внимания теории убеждающей речи и теории спора. Однако в силу того, что отрицательное отношение к риторике сохраняется, а особенности политического строя Советского Союза исключают развитие полемической коммуникации в общественной и политической сферах, на место риторики приходят такие дисциплины, как ораторское искусство и культура речи, которые многое заимствуют из риторики, но вносят в свой объект и много нового.

Активное развитие риторики в России связано с политическими переменами, которые делают более востребованным искусство публичного доказательства. За последние 15–20 лет появилось множество учебников и практических пособий, в которых с разной степенью подробности, с разной степенью новаторства и верности традициям излагаются наиболее важные положения риторики.

II. Инвенция	31
1. Замысел речи	34
1.1. Предмет и тема речи	34
1.2. Тезис и проблема	38
1.3. Цель речи	42
1.4. Анализ аудитории	48
1.5. Стратегии убеждения	52
2. Развертывание темы и тезиса речи:	
топика и аргументы	65
2.1. Топика	67
2.2. Виды общих мест	72
2.3. Общие места	76
2.4. Общие места и оценка	96
2.5. Аргументация	99
2.6. Классификация аргументов	104
2.7. Естественные доказательства	106
2.8. Логические аргументы (логос)	110
Силлогистические (дедуктивные) доказательства	113
Наведение	135
2.9. Аргументы к этосу («нравы»)	142
2.10. Аргументы к пафосу («страсти»)	150
2.11. Ошибки и уловки аргументации	156

II. Инвенция

Инвенция (изобретение) — это первый этап подготовки речи, на котором оратор должен определить, о чем он будет говорить. Именно на этом этапе определяется, что будет доказывать или говорить аудитории оратор и каким образом он будет доносить свои мысли до слушателей. Во многом именно данный этап определяет то, как будет выглядеть будущая речь.

Термин «изобретение» представляет собой перевод латинского термина *invention*, и перевод этот, нужно признать, не является особенно удачным. Дело в том, что слово «изобретение» имеет дополнительные оттенки значения, которые связаны с намеренным выдумыванием искусственных положений и аргументов. В действительности оратор ничего не изобретает, изобретение предполагает *поиск* содержательного наполнения речи в соответствии со строгими рекомендациями и правилами. Однако термин «изобретение» закрепился, а потому естественно использовать именно его.

Существует по меньшей мере два подхода к определению инвенции, которые зависят от понимания сущности ораторского искусства. Так, согласно Аристотелю, сущность риторики состоит в убеждении («риторика — это искусство убеждать»), а потому инвенцию можно определить как поиск способов убеждения, соответствующих теме, предмету речи. Хотя Аристотель относил это определение не к риторике в целом, а к ее разделу — топике (см. «Риторика», ч. I, 2), такая формулировка вполне подходит к инвенции, поскольку инвенция как особый этап была выделена позже.

Есть и еще одно, более широкое определение, которое вытекает из определения риторики как «искусства хорошо говорить». В частности, оно представлено у Ломоносова: «Изобретение риторическое есть собрание разных идей, пристойных предлагаемой материи». Слово «пристойных» в этом случае употребляется в более широком значении,

не связанном исключительно с соблюдением моральных приличий. Речь идет о подборе идей, которые *соответствуют* избранной теме, *раскрывают* ее и при этом *не являются надуманными и противоречащими здравому смыслу*. Здесь уже нет акцента на убеждении, поскольку основное внимание уделяется содержательному наполнению речи.

Очевидно, что второе определение инвенции шире первого: в первом случае основная цель инвенции связана с убеждением, во втором такой связи нет, хотя она и не исключается. Первое определение, пожалуй, лучше передает особенность риторического подхода к действительности, второе в большей степени соответствует реальности и нуждам практики. Риторика возникла в ответ на потребность эффективно доказывать свою точку зрения в сферах, которые в наши дни мы определили бы как судебную и парламентскую. Однако впоследствии, в процессе исторического развития, стало более очевидным, что ораторское искусство далеко не всегда имеет дело с убеждением, иногда от оратора требуется только говорить логично и по существу, не пытаясь изменить убеждения аудитории.

Мы не будем навязывать ни один из подходов к определению инвенции, оставив читателям возможность совершить выбор между ними самостоятельно или согласиться со справедливостью обоих подходов. А все дело в том, что гораздо более важным в этом случае оказывается понимание конкретных, частных задач, которые должен решить автор на начальном этапе подготовки речи.

Какие же это задачи?

Во-первых, оратор должен четко определить, о чем именно он будет говорить. Для этого ему необходимо уточнить тему речи и четко сформулировать тезис (основную мысль), который должен быть донесен до аудитории. Кроме того, оратор должен определить цель речи — тот результат, которого он должен достигнуть. Цель речи напрямую связана с ораторским жанром. Решение этих задач не-

обходимо по двум причинам. Прежде всего, если для оратора не ясно, что он должен донести до аудитории, он вряд ли сможет быть эффективным. Кроме того, в зависимости от этого решается и вопрос о том, каким образом должна быть подана основная мысль речи и какие средства воздействия на аудиторию следует использовать. Наконец, вместе с темой, тезисом и целью речи нередко сначала избирается и стратегия убеждения, на основе которой будет строиться речь. Именно эти задачи в дальнейшем мы будем называть *замыслом речи*.

Во-вторых, на стадии инвенции оратор должен собрать материал, который впоследствии будет использован при написании речи. Под материалом в данном случае следует понимать конкретные идеи, примеры и положения, которые станут наполнением речи, а также аргументы, которые могут быть использованы для доказательства основной мысли речи (тезиса). Кроме того, он должен определить, будет ли тема речи интересной или важной для аудитории, и найти такой поворот темы, при котором речь сможет вызвать наиболее сильный эффект. В целом эту вторую задачу можно охарактеризовать как *развертывание темы и тезиса речи*.

Материал обязательно должен отражать и раскрывать тему речи, а также соответствовать ее цели. Все дело в том, что в подавляющем большинстве случаев материала оказывается больше, чем его необходимо для написания речи. С этой точки зрения последняя частная задача, которую должен решить оратор, противостоит двум первым. Тема речи, ее тезис, ее цель можно сравнить с ситом, через которое просеивается песок для того, чтобы собрать мелкие и крупные камни, то есть наиболее значимые положения (эти камни могут оказаться драгоценными). Другими словами, только с опорой на тему речи, ее предмет и цель оратор оказывается в состоянии выбрать наиболее веские и уместные мысли и аргументы.

1. Замысел речи

Итак, первым шагом на фазе инвенции является *определение темы, тезиса и цели речи, а также выбор основной стратегии*. Все эти операции в целом будем считать созданием замысла речи.

Необходимо иметь в виду, что такая последовательность не является обязательной. В действительности она может быть и обратной: тема и тезис иногда окончательно формулируются после того, как была собрана значительная часть фактов и сформулированы наиболее важные положения и аргументы. Вызвано это тем, что оратор далеко не всегда достаточно хорошо владеет темой, чтобы сразу определить, о чем именно он будет говорить. Иногда ему требуется время для обдумывания своего выступления, для чтения соответствующей литературы или ознакомления с соответствующими материалами. В некоторых случаях только после этого можно дать окончательные формулировки.

Тем не менее, работу над речью все равно необходимо начинать с формулировки темы и тезиса (хотя бы в первом приближении). Не следует отказываться от этого, поскольку предварительная наметка границ, за которые нельзя выходить, помогает более продуктивно искать информацию и не блуждать без более или менее четкого направления. Поэтому будем считать, что **тема, предмет, тезис и цель речи формулируются в самом начале разработки, но должны уточняться по мере работы.**

1.1. Предмет и тема речи

Предмет речи — это тот фрагмент действительности, с которым соотносится речь. Предмет речи чрезвычайно широк. В подавляющем большинстве случаев на начальном этапе подготовки оратору известен только предмет речи. Например, грядет какое-то знаменательное событие, в связи с которым необходимо прочитать речь, или студенту поручили прочитать доклад на какую-то тему. По-

нятно, что такого задания самого по себе недостаточно для того, чтобы четко определить, о чем именно следует говорить в речи.

Тема речи уже ее предмета. Можно сказать, что тема речи — это определенный ее аспект, который выбирается оратором в силу того, что или он будет интересен для аудитории, или более известен оратору, или не так сложен и т. д.

Предмет речи объединяет множество тем. Соотношение между предметом речи и ее темой в каждом конкретном случае зависит от трех главных факторов: 1) допустимого объема речи, 2) знаний аудитории и 3) интересов аудитории. Чтобы продемонстрировать это, обратимся к трем примерам.

1. Лектор, который читает целый курс по риторике, имеет больше возможностей для детализации, чем лектор, который должен в течение часа рассказать о риторике в целом. Следовательно, в первом случае лектор может раскрыть множество тем. Во втором случае ему скорее всего придется ограничиться одной очень общей темой; затронуть несколько тем он вряд ли сможет, потому что тогда его речь будет слишком поверхностной. Однако в обоих случаях мы имеем дело с одним и тем же предметом, который просто по-разному рассматривается и членится.

2. В аудитории филологов, изучавших риторику, общая, обзорная лекция о риторике вряд ли будет уместна, поскольку основные знания у студентов уже имеются. Следовательно, в такой аудитории следует выбрать другую тему речи. В то же время в аудитории, которая не знакома с риторикой, изложение элементарных знаний вполне приемлемо и даже желательно.

3. В аудитории студентов-историков, пожалуй, более уместной будет речь, темой которой будет возникновение риторики. Построив свою речь вокруг этой темы, оратор под видом исторических сведений (например, характеристики взглядов известного ритора древности) сможет «протащить» и некоторые сведения о том, как же следует го-

ворить. В то же время в аудитории студентов-юристов общий исторический обзор будет не таким интересным и уместным, как, например, рассказ о связи между риторикой и судопроизводством. Последняя тема также имеет исторический аспект, поскольку возникновение риторики тесно связано с судебной практикой, однако этот аспект вторичен с точки зрения темы речи.

Тему речи можно сравнить с увеличительным стеклом, через которое рассматривается предмет речи. В зависимости от размера и силы увеличительного стекла предмет предстает перед нами по-разному. Если это стекло большое, то нам оказывается доступной значительная часть предмета речи без перемещения стекла, тогда как через маленькое стекло мы можем увидеть лишь небольшой фрагмент темы. В отличие от слабого увеличительного стекла, сильное увеличительное стекло дает возможность увидеть детали, хотя и не позволяет обычно охватить весь предмет целиком. Формулируя тему, автор речи фактически выбирает стекло, при помощи которого он вместе со своими слушателями будет рассматривать предмет речи. А потому он может или рассмотреть этот предмет бегло, обзорно (то есть использовать слабое увеличительное стекло), или остановиться на более частном аспекте, который будет исследован досконально (использовать сильное стекло).

Продолжая эту аналогию, следует сказать, что далеко не всякое увеличительное стекло подходит к данной аудитории. Чем более осведомленной является аудитория, чем выше уровень ее образования, тем более уместен выбор частной темы (использование сильного увеличительного стекла), то есть детальное рассмотрение какого-то вопроса и использование большого числа аргументов в пользу той или иной точки зрения. Кроме того, многое зависит и от времени: если времени не так много, то детализация, скорее всего, будет неуместной.

При выборе темы необходимо учитывать следующие рекомендации.

1. *Тема речи должна быть интересной для оратора.* Эта, казалось бы, элементарная мысль на самом деле очень важна. С момента зарождения риторики было ясно, что оратор будет иметь успех только в том случае, если для него самого тема представляет важность, вызывает интерес. Аристотель даже выделил особый тип доказательств, которые исходят от самого оратора; вместе с этическими качествами оратора они получили название «этоса». В случае, когда тема не интересна для самого оратора, он вряд ли сможет увлечь ею аудиторию.

2. *Тема должна быть известной для оратора.* Другими словами, оратор должен быть достаточно компетентным, чтобы произносить речь на определенную тему. Очевидно, что человек, который не имеет, например, искусствоведческого образования и сам не занимается искусством, не может выступать перед студентами консерватории с лекцией о музыке. Оратор, который допускает ошибки (при этом, возможно, даже не подозревая об этом), в лучшем случае вызовет иронически снисходительное отношение.

В подтверждение этой точки зрения можно сослаться на Цицерона, который писал в трактате «Об ораторе»: «Я спрашиваю, возможно ли говорить против военачальника или за военачальника без опытности в военном деле или без знания расположения суши и моря? Можно ли говорить перед народом о принятии или отклонении законов, а в сенате — о всех сторонах управления без глубокого знания и понимания государственных дел? Можно ли направить речь к воспламенению мыслей и чувств слушателей или к их охлаждению (а это составляет главную силу оратора) без самого тщательного обследования всех разъясняемых философами теорий об индивидуальных разновидностях и характерах людей?» Конечно, Цицерон понимал, что от оратора нельзя требовать знаний обо всем без исключения и что в этом случае больше знает специалист. Однако он указывал, что специалист,

желающий хорошо изложить основы своего дела, должен прибегнуть к ораторскому искусству.

3. Тема должна быть интересной и важной для аудитории. Ситуация, когда тема не интересна для аудитории, представляет собой одну из самых серьезных проблем, с которыми приходится сталкиваться любому оратору. О том, как сделать тему интересной и понятной, мы расскажем чуть позже. Однако на первых этапах инвенции следует ставить перед собой вопрос о степени ее интересности. По крайней мере, необходимо осознавать тот факт, что тема не вызовет особого энтузиазма у слушателей. Уже одно понимание этого побуждает искать новые решения.

1.2. Тезис и проблема

Тезис — это основная мысль речи, которую оратор стремится доказать при помощи специально подобранных аргументов. Тезис — это всегда положение, которое нуждается в доказательстве. А следовательно, основное различие между темой речи и ее тезисом заключается в том, что тезис может быть истинным или ложным, тогда как тема таким свойством не обладает. Это обусловлено тем, что тезис — это всегда утвердительное предложение, тогда как тема может формулироваться и в виде номинативного предложения (то есть более или менее развернутого предложения). Не останавливаясь пока на этом вопросе подробнее, укажем также, что тезис не может существовать без аргументов, то есть положений, с опорой на которые оратор его обосновывает.

Из того, что тезис связан с аргументами и предполагает доказательство, вытекает одно очень важное следствие.

Существуют речи, которые не имеют тезиса. Естественно, это речи информационные и развлекательные. Их отличие от остальных типов речи состоит в том, что в их основе нет спорного положения. Конечно, это не означает, что у таких речей нет предмета и темы. Само собой разумеется, что оратор и в этом случае должен выстраивать свою речь с учетом законов логики и композиции, стре-

миться к тому, чтобы все мысли были сформулированы четко и ясно, а также связно и последовательно.

Тезис целесообразно противопоставлять проблеме. Любая речь, которая имеет тезис, соотносится с проблемой — ситуацией, в которой имеется тот или иной выбор между несколькими решениями. Фактически тезис — это решение проблемы, снятие неопределенности, связанной с выбором. Допустим, необходимо решить какой-то вопрос, например, выяснить, было ли совершено преступление. Проблема в этом случае будет выражаться формулировкой «Преступное действие было совершено или не было совершено», тогда как тезис будет представлен конкретным решением, которое выбирает оратор (например, «действие было совершено»).

Таким образом, проблема охватывает все возможные ответы на какой-то вопрос, тезис дает однозначный ответ; проблема соотносится со спорной ситуацией, в которой могут быть уместными несколько противоречащих точек зрения, тезис всегда соотносится с одной из точек зрения, которую принимает оратор.

Укажем основные принципы, в соответствии с которыми необходимо формулировать тезис.

а) Тезис должен быть сформулирован таким образом, чтобы его можно было раскрыть в рамках речи полностью.

Формулируя тезис, оратор берет на себя обязательство не отклоняться от него, а также доказать его, продемонстрировать, что его мысль правильна. Здесь необходимо учитывать и особенности аудитории, и имеющееся в распоряжении время. Слишком широкий тезис так же плох, как и слишком узкий. Слишком широкий тезис, как правило, не позволяет раскрыть его сущность в рамках отведенного времени, а излишне узкий тезис нередко делает речь затянутой, вынуждает бесконечно возвращаться к одним и тем же мыслям и «пережевывать» их.

б) Тезис лучше формулировать так, чтобы он был понятен для аудитории и мог быть схвачен сразу, без особых усилий.

Это предполагает отказ от непонятных слов, слишком сложных конструкций, обилия деталей. Поскольку риторика имеет дело прежде всего с устным общением, необходимо учитывать особенности восприятия речи на слух. Легче всего воспринимаются простые выражения, в которых нет осложняющих компонентов (причастных и деепричастных оборотов), а также большого количества обстоятельств.

Хотя оратор не всегда приводит свой тезис в речи, может возникнуть ситуация, когда потребуются четко его сформулировать (например, в ответ на выступление оппонента, который искажает основную мысль речи). Именно поэтому тезис всегда должен быть «наготове», даже если в самой речи он прямо не формулируется.

При формулировке тезиса необходимо, чтобы тезис был совершенно ясен для самого оратора. Возможно, это указание покажется лишним, однако опыт показывает, что это не всегда так.

в) Тезис должен быть приемлемым для аудитории.

Это означает, что формулировка тезиса по возможности должна быть смягчена (если, конечно, оратор выдвигает слишком спорный тезис). Необходимо найти такую формулировку, которая была бы хорошим компромиссом между мыслью оратора и мнениями, разделяемыми аудиторией. Спорный тезис, который может вызвать неприятие аудитории, скорее всего будет принят аудиторией, если он предлагается ей в мягкой форме, не полемично. Естественно, из формулировки тезиса следует исключить и любые неприемлемые с точки зрения этикета выражения.

Не всегда есть возможность четко сформулировать тезис сразу. Поэтому необходимо помнить, что это нужно сделать хотя бы как можно скорее.

Нет никакой необходимости непосредственно формулировать и тем более акцентировать, выделять тезис в самой речи: иногда можно положиться на способность слушателей сделать выводы самостоятельно. Это, кстати, будет проявлением уважения к ним. Кроме того, иногда именно те речи, в которых нет формулировки тезиса, ока-

зываются более эффективными. Особенно это касается речей, в основе которых лежат «страсти», то есть речей, воздействующих на чувства слушателей и тем самым вызывающих необходимую оратору реакцию.

Почему же тезис необходимо четко формулировать?

1. Оратор, который четко знает основную мысль своей речи и может сформулировать ее в виде отдельной фразы, всегда будет последовательным в процессе своего выступления. Он не будет отклоняться от тезиса и не «потеряет» тему, а следовательно, избежит критических замечаний по поводу своей непоследовательности. Изначальная ясность тезиса помогает подготовить хорошо выстроенную, логичную и понятную речь и «навести порядок в собственной голове» (что многим ораторам просто необходимо). Фактически хорошая речь — это планомерное, последовательное развертывание тезиса.

2. Оратор, который четко знает тезис своего выступления, всегда сможет достаточно быстро сориентироваться и приложить дополнительные усилия для преодоления неожиданных «осложнений». Хотя риторика предлагает широкий набор средств, при помощи которых речь можно сделать эффективной, и указывает, в каких ситуациях эти средства следует использовать, необходимо помнить, что нет такого знания, которое давало бы возможность давать однозначный прогноз. Любые прогнозы и рекомендации всегда вероятностны. А потому даже тщательное продумывание речи не всегда приводит к успеху. Именно в такой ситуации и оказывается полезным четкое представление об основной мысли речи.

3. Оратор, который четко представляет основную мысль своей речи, более уверенно чувствует себя во время дискуссии. Понимание основной мысли речи помогает отделить рациональные и уместные контраргументы от контраргументов, которые не относятся к существу дела. Кроме того, оратору будет гораздо легче придумать новые аргументы в пользу своей точки зрения.

4. Наконец, немаловажным преимуществом является и возможность импровизации. Если ясна основная

мысль, частности восстановить гораздо легче. Формулировка основной темы речи нередко оказывала добрую службу не одному человеку, который по каким-то причинам не имел перед собой текста. Естественно, такой ситуации следует избегать, однако иногда это не случается.

1.3. Цель речи

Цель речи — это тот результат, к которому стремится оратор. Никто никогда не говорит «просто так». Даже если мы болтаем ни о чем с другом и при этом не сообщаем никакой важной информации, мы все равно достигаем определенной цели — устанавливаем контакт, формируем обоюдные приятные отношения. Число целей, которые преследует человек, что-то произнося, огромно: его приблизительно можно представить, попытавшись сосчитать глаголы, способные обозначать речевое действие (не только типа *говорить*, но и типа *просить*, *разгневаться*, *оскорбить*, *пригласить*).

Тем не менее эти цели можно обобщить и представить в рамках достаточно простой классификации. В нашем случае ситуация упрощается из-за того, что риторическая коммуникация имеет достаточно ограниченное число общих целей — уже хотя бы потому, что основная цель, которую она преследует, состоит в убеждении.

С точки зрения работы над речью целесообразно выделять общую цель речи и ее частные цели. **Общая цель речи** тесно связана с собственно коммуникативными характеристиками общения. Она фактически определяет тип речи, которая должна быть произнесена. Общая цель может быть представлена такими глаголами, как «убедить», «объяснить», «побудить», «сообщить» и т. д.

Частные цели представляют собой конкретные формулировки, тесно связанные с тезисом речи. Так, частная цель состоит не просто в том, что необходимо убедить аудиторию, а в том, что аудиторию надо, например, убедить в необходимости голосовать на выборах за кандидата N., или в том, что ее надо убедить в том, что следует участвовать в выборах, и т. п.

Традиционным для риторики является выделение **совещательных, судебных и эпидейктических речей**. Это деление восходит к Аристотелю.

Согласно Аристотелю, *совещательные речи* ориентированы на будущее, поскольку произносятся в ситуациях, когда имеется необходимость принять наиболее правильное решение. Аристотель связывал эти речи с выступлениями на народном собрании, в настоящее время мы сказали бы, что речь идет о парламентском красноречии.

Судебные речи ориентированы на прошлое, поскольку в них говорится о том, что имело место или не имело его. Защитник или обвинитель, выступающий перед судом, стремятся представить события так, как это необходимо с точки зрения той роли, которую они выполняют. Задача защитника состоит в доказательстве невиновности человека или группы людей (или, по крайней мере, в доказательстве того, что их вина минимальная). Обвинитель стоит перед обратной задачей: в подавляющем большинстве случаев он должен быть максимально суровым. Несмотря на различие в задачах, и защитник, и обвинитель могут говорить только о том, что было (или могло быть).

Эпидейктические речи — это речи, которые содержат в себе похвалу или порицание. Аристотель полагал, что такие речи ориентированы на настоящее. Непривычное для русского уха название этого типа речей сохранилось потому, что в русском языке нет слова, которое обозначало бы и похвалу, и порицание, а употребление выражений «похвальная речь» или «порицающая речь», естественно, выражает только один из аспектов этого типа речей. Эпидейктические речи не стоит отождествлять с похвальными речами, адресованными конкретному человеку, поскольку это лишь разновидность таких речей. В эпидейктических речах оратор либо хвалит, либо порицает любое явление действительности. А это может быть поступок, человек, человеческое создание, норма, явление природы и т. д., то есть все, у чего можно выделить и плохие, и хорошие качества.

Эта классификация достаточно важна, поскольку является первым основанием для выделения частных риторик — риторик, которые занимаются изучением того, как следует убеждать и, шире, говорить в каждой из сфер общественной жизни. Например, судебное красноречие строго подчиняется нормам, правилам и стандартам, которые задает процессуальное законодательство, в нем существуют свои требования к тому, какие доказательства считаются допустимыми, а какие неприемлемы. Хотя частные риторики представляют несомненный профессиональный интерес, их рассмотрение не входит в тему данной книги.

Тем не менее, необходимо отметить две особенности этой классификации, поскольку с ними связаны ее основные недостатки. Во-первых, Аристотель исходит из представления о риторике как искусстве убеждения, а потому совсем не учитывает речей, которые можно назвать информационными, поскольку они не ставят перед собой цели убедить слушателей.

Во-вторых, каждый тип речи тесно связан с определенной типичной социальной ситуацией: судебным разбирательством и прениями на народном собрании; лишь эпидейктические речи Аристотель не связывает с конкретными условиями. По этой причине в некоторых случаях сведение конкретной речи к одному из выделенных Аристотелем типов оказывается слишком условным, даже если мы исходим из более широкого понимания целей речи. Возможно, именно из-за того, что Аристотель связывал речи с конкретными социальными ситуациями, эта классификация неоднократно дополнялась.

Классификация Аристотеля во многом зависит от типа государственного устройства, соответствует демократическому государству с активной политической жизнью. А потому любые изменения в этой сфере делают ее не совсем точной. Например, уже в античности (во многом благодаря Квинтилиану) сложилось представление о развлекательной речи, что было следствием определен-

ного затишья в политической жизни, вызванной тем, что Рим стал империей. В Средние века появилось понятие гомилетики — церковного красноречия, поскольку вопросы политической жизни вообще отступили на второй план.

Тем не менее, несмотря на условность, пожалуй, любую речь можно свести к этим трем типам. Скорее всего, именно поэтому данная классификация сохранилась до сих пор и приводится практически во всех учебниках по риторике. Ее современным вариантом являются три основных установки речи, предложенные Т. Г. Хазагеровым и Л. С. Шириной в учебнике «Общая риторика»:

1) установка на наблюдение («было — не было»), которая соответствует судебной речи. В таких речах говорится о прошедших событиях, при этом не обязательно, чтобы это были преступления, к этому типу вполне можно отнести сообщения на исторические темы, в которых выясняется подлинная последовательность событий, их причины и т. д.;

2) установка на рассуждение («истинно — ложно»), которую можно сопоставить с эпидейктической речью. В этом случае, естественно, выделенный Аристотелем тип речи трактуется гораздо шире. При установке на рассуждение основная задача оратора состоит в рассмотрении положения, которое может касаться конкретного человека, явления действительности, способа действия и т. д., и в выяснении того, является ли это суждение правильным, допустимым с моральной точки зрения, целесообразно ли оно и т. д.;

3) установка на действие («надо сделать — не надо делать»), соответствующая совещательной речи. В таких речах говорится о том, имеет ли смысл поступать каким-то образом, или так делать не стоит, поскольку это влечет за собой неблагоприятные последствия.

Преимущество этого варианта классификации состоит в том, что она не связывает типы речей с конкретными социальными ситуациями; по крайней мере, эта связь не так очевидна.

Существенной чертой этой классификации является то, что любая установка предполагает, как минимум, два решения: на это указывает выражение, взятое в скобки и кавычки. А это означает, что каждый из типов речи связан с наличием неопределенности и оснований для колебаний. С этой точки зрения цель речи состоит в том, чтобы не только указать аудитории на наличие неопределенности (это может быть ей известно), но и предложить основания для того, чтобы снять эту неопределенность. Следовательно, в каждом из этих случаев мы имеем дело со спорностью отстаиваемого положения — того варианта решения проблемы, которое по тем или иным причинам избирает оратор. Это очень важный момент, поскольку оратор в подавляющем большинстве случаев действительно вынужден говорить в ситуации, когда нет неопределенности. В дальнейшем мы вернемся к этой особенности риторической коммуникации, а пока сделаем одну важную оговорку.

В действительности далеко не всегда оратор вынужден говорить на тему, относительно которой имеется несколько мнений. Существуют случаи, когда нет необходимости доказывать что-то, поскольку оратор просто сообщает аудитории информацию, о которой она ничего не знает. Подобная ситуация не так редка: значительная часть докладов, лекций строится именно таким образом.

Исключать такие речи из сферы риторики только на том основании, что подобные сообщения не соотносятся с каким-то спорным вопросом, мы не можем. Несмотря на то что оратор в такой речи ничего не должен доказывать или оспаривать, он все равно должен обладать собственно риторическими навыками, например, он должен уметь правильно разработать тему, выстроить речь, согласовать ее с интересами аудитории и изложить понятным, красивым языком. Следовательно, применение риторических умений не всегда предполагает ситуацию, в которой имеется спорный вопрос.

По-видимому, этот вопрос будет понятнее, если напомнить, что существует два основных подхода к риторике. Согласно первому подходу, риторика представляет собой искусство убеждать при помощи слов. Очевидно, что все типы речи, приведенные выше, выделены с точки зрения этого подхода. Но существует и другой подход, который заключается в том, что риторика определяется как искусство хорошо говорить. Такая точка зрения действительно имеет определенные недостатки, поскольку она связана с угрозой вырождения риторики как полемического искусства в пустую игру словами.

На основе этих простых соображений мы предлагаем дополнить указанный список еще двумя типами установок:

4) **установка на сообщение**, которая имеет место в речах, содержащих только информацию (она может быть интересной, познавательной, полезной, однако никак не связана с доказательством);

5) **установка на развлечение**, которая, как правило, присуща так называемому социально-бытовому красноречию (застольные и праздничные речи, в том числе тосты и поздравления, юмористические речи и т. д.)

Эти два типа установок необходимо четко противопоставлять, помня о том, что только три первые установки являются собственно риторическими, поскольку только они связаны с необходимостью убеждения. Возможно, это прояснит высказанное выше утверждение, что только некоторые речи имеют тезис — положение, которое требуется доказать. Естественно, это речи, которые в своей основе имеют установку на наблюдение, рассуждение и действие. Остальные два типа речи могут иметь тему, однако не могут иметь тезиса, поскольку оратор не стремится вызвать изменения убеждений аудитории, которые кажутся ему неправильными.

И еще одно важное замечание. Утверждение о том, что тезис имеется только у некоторых речей, помогает нам сохранить противопоставление двух подходов к риторике. Напомним, что в соответствии с одной точкой зрения риторика представляет собой искусство убеждать,

тогда как сторонники второй точки зрения полагают, что риторика — это искусство хорошо говорить. При этом собственно риторические речи (речи, в которых необходимо убедить) противопоставляются речам, в которых убеждение отсутствует.

И последнее, хотя и не менее важное (*last but not least*, как говорят англичане). В любой речи могут содержаться элементы, связанные с самыми разными установками. Например, в значительной части речей уместными и полезными (как средство привлечения внимания) оказываются развлекательные элементы, например, анекдоты или забавные истории. То же можно сказать и о других элементах. Однако это не означает, что существуют речи, в которых имеется несколько установок. **Оратор на начальном этапе работы над речью должен определить, какого именно результата он должен добиться и какой установке этот результат соответствует. При этом такая установка может быть только одна. Это очень важное правило, которое на последующих этапах (и не только в процессе изобретения) поможет быстро разобраться в том, что важно, а что нет, что можно опустить, а о чем необходимо сказать.**

1.4. Анализ аудитории

Приступая к работе над речью, оратор должен обязательно определить, перед какой аудиторией ему предстоит выступать. От этого зависит многое в его речи. Как сформулировать тезис? О чем лучше говорить, а о чем — умолчать? Что вообще в будущей речи будет уместным, а что неуместным? В какой форме следует говорить? Какие аргументы использовать? Ответы на эти вопросы во многом зависят от того, к кому именно обращается оратор.

Что же необходимо учитывать?

1. Повод собрания аудитории. Это едва ли не самая важная характеристика, поскольку от нее зависит, насколько значимыми являются все остальные качества аудитории.

В обычном случае люди собираются по какому-то поводу: студенты приходят на лекции, родители «явля-

ются» на родительское собрание, работники собираются на совещание, любители музыки приходят на концерт, сторонники политической партии собираются на митинге. Естественно, в разных ситуациях степень уместности ораторского выступления меняется: вряд ли кто-то станет долго слушать выступающего на концерте, тогда как на митинге это станут делать гораздо более охотно.

Наличие конкретного повода, как правило, снимает неопределенность для оратора. Перед судом присяжных следует говорить по существу рассматриваемого дела, на родительском собрании — о проблемах, связанных с поведением детей, о нуждах класса и т. д. В этом случае у людей всегда есть общий интерес, и именно он вынуждает их собираться и определяет возможные темы для общения.

Более трудно выступать перед случайными аудиториями — группами людей, которые, например, собираются по случайным поводам и не имеют никаких общих интересов (кроме, возможно, сиюминутных). В социологии такие образования называют толпами. По мнению большинства исследователей, в толпе люди нередко утрачивают индивидуальное начало, превращаются в единое целое, которое способно на такие поступки, которые отдельный человек никогда не решился бы совершить.

Впрочем, именно в силу этого на толпу воздействовать легче. На этом основан эффект от выступлений «вождей», которые призывают людей к определенным поступкам, как правило, неприемлемым с точки зрения цивилизованного человека. Если мы обратимся к любому тоталитарному режиму или к случаям коллективных беспорядков, мы почти непременно обнаружим эпизоды, когда образовывались толпы и «вожди» направляли их в необходимом для них направлении. Трудно сказать, становится ли человек вождем в толпе только в силу того, что она желает вождя и избирает им любого, кто себя в этом качестве предложит, или необходимы особые достоинства для того, чтобы суметь направить людей.

2. Однородность аудитории. Аудитория, которая является однородной, то есть состоит из людей одного воз-

раста, одного социального положения или уровня образования (а иногда и всех этих признаков вместе), более удобна для оратора. В этом случае достаточно просто определить, какие темы более предпочтительны, и предсказать реакцию на то или иное положение. Например, в аудитории пенсионеров можно упоминать о здоровье, внуках и детях, низких пенсиях, но вряд ли стоит говорить о сексе или современной музыке. В молодежной аудитории положение меняется до обратного: секс и современная музыка приветствуются, а тема пенсий, детей и внуков вряд ли найдет успех.

Конечно, в таком решении всегда есть немного условности и даже карикатурности, поскольку иногда встречаются пенсионеры, которые не прочь послушать современную музыку, причем такую, которую не каждый молодой человек станет слушать. Тем не менее такие ситуации — это несомненное исключение. Стереотипы можно критиковать сколько угодно, однако в них всегда есть доля истины, и уж точно — с ними нужно считаться.

В неоднородной аудитории ситуация сложнее, но не намного. Здесь уместно использовать только нейтральные темы, которые, скорее всего, не вызовут особого раздражения или смущения у большей части присутствующих. Кроме того, хорошим поворотом в такой аудитории будет и опора на то, что всех различает, в сопоставлении с тем, что может объединить («все мы разные, но все мы, пожалуй, согласимся с тем, что...») Поиск компромисса и призывы к терпимости вполне подходят в такой ситуации.

Достоинство неоднородной аудитории заключается в том, что в ней часто можно обсуждать более широкий круг тем, опираясь на реакции людей, поскольку в таких аудиториях реакции людей более разнообразны. И оратор даже может идти на риск, говоря о том, что скорее всего вызовет неодобрение части присутствующих. В однородной аудитории это делать гораздо сложнее: люди в ней в большей степени готовы к объединению против «врага», в которого может превратиться оратор. А это

нередко происходит, когда он выражает мнение, вступающее в противоречие с мнением присутствующих. Глупо говорить юристам о том, что юриспруденция бессмысленна и даже вредна, или утверждать перед верующими, что Бога нет.

Как неоднородную следует рассматривать массовую аудиторию, особенно если она является рассредоточенной. В настоящее время роль таких аудиторий постоянно возрастает из-за того, что все большую и большую значимость приобретают средства массовой информации. При этом следует учитывать, что внимание такой аудитории к сообщению постоянно меняется: то, что привлечет одного человека, может показаться безразличным для другого, и он просто переключится на другой канал (перестанет читать статью, выключит радиоприемник).

3. Социально-культурные характеристики. К ним относится все, что касается национальности, возраста, пола, вероисповедания, социального положения. Эти качества, как правило, сами подсказывают, о чем именно следует говорить и как это следует делать. При общении с аудиторией, обладающей большой общностью, всегда следует учитывать наличие культурно обусловленных традиций, обычаев и стереотипов.

4. Интеллектуальные характеристики. От этих характеристик аудитории зависит выбор аргументации. Чем выше образование аудитории, тем в большей степени оратор может опираться на логические рассуждения, причем эти рассуждения могут быть достаточно сложными. В аудитории с невысоким уровнем образования более уместна опора на образные средства и наглядность (изобразительность) в речи. Как указывал Аристотель, использование примеров, частных случаев (наведение) более убедительно для чувственного восприятия, тогда как логическое рассуждение (силлогизм) в большей степени понятно для обладателя хорошо развитого абстрактного мышления, для того, кто, как выражается Аристотель, «любит спорить».

6. Количественные характеристики. Эти характеристики важны в первую очередь с точки зрения того, насколько легко предсказать реакции слушателей на те или иные положения. Как правило, при общении с небольшим количеством людей (например, с группой из 2–5 человек) легче учитывать их личностные характеристики, даже если индивидуальные качества этих людей плохо известны. Чем больше аудитория, тем более общей и абстрактной должна быть оценка. По крайней мере, в случае, если оратор произносит речь для аудитории, включающей большое количество человек, гораздо уместнее опираться на стереотипы: стереотипы как раз и отражают усредненные, типичные качества людей. Но чем меньше аудитория, тем меньше вероятность, что стереотип «срабатывает» и человек поведет себя так, как подсказывает сознательный и бессознательный социальный опыт.

Тем не менее, отказываться от каких-то обобщений и суждений относительно аудитории не имеет смысла. Прежде всего, это обезличивает речь, она оказывается «адресованной никому». Дело в том, что всегда можно найти нечто общее, что могло бы объединить людей. Именно этому учит такой раздел инвенции, как топики, о которой подробнее будет сказано в следующей главе. Это не обязательно должны быть какие-то общие очевидные характеристики. Для подавляющего большинства людей, например, свойственно испытывать сострадание к слабым (например, к детям или животным). Естественно, такими темами не стоит злоупотреблять и тем более эксплуатировать. Однако помнить о том, что есть вещи, которые по праву можно считать общечеловеческими, нужно всегда, и при необходимости это может оказать существенную помощь.

1.5. Стратегии убеждения

В основе речи может лежать несколько стратегий убеждения — основных способов, при помощи которых оратор может стремиться к доказательству тезиса. Обычно такие стратегии используются в комплексе, и при та-

ком условии эффективность речи повышается — даже несмотря на то, что далеко не все из этих стратегий сами по себе, так сказать, в «изолированном» использовании способны однозначно подтвердить тезис.

Стратегии убеждения также относятся к тем качествам будущей речи, которые могут быть определены с самого начала. По крайней мере, даже если это будет неясно, все равно необходимо иметь стратегии убеждения в виду: зная о них, гораздо проще «подыскать место» тому или иному положению в будущей речи. Невольно мы это всегда делаем, когда ищем доводы в подтверждение своей правоты. Не будет ли лучше, если мы станем использовать это обычно бессознательное умение осознанно?

Прежде чем перечислять эти стратегии, рассмотрим, каким образом «устроена» ораторская речь, какие компоненты она содержит. Мы будем говорить в первую очередь о собственно риторических речах, которые являются полемическими, то есть о речах, которые в своей основе имеют установку на наблюдение, рассуждение или действие.

Структура аргументации. Любая аргументация обязательно включает два компонента: 1) тезис (положение, которое необходимо обосновать, доказать) и 2) доводы, или аргументы (суждения, которые приводятся для обоснования тезиса). Иногда в состав аргументации включают также 3) демонстрацию — средства, при помощи которых говорящий демонстрирует связь между тезисом и аргументами.

Выше мы уже останавливались на том, что такое тезис. Теперь рассмотрим его в связи с аргументацией. Аристотель отмечает такое важное качество тезиса, как его конфликтность. С этой точки зрения тезис — это положение (или даже предположение), которое не согласуется с общепринятым, или, по крайней мере, положение, по поводу которого имеются разные мнения. Аристотель указывает в «Топике»: «...относительно тезиса или большинство расходится во мнении с мудрыми, или внутри

каждой стороны мнения расходятся, потому что тезис есть положение, не согласующееся с общепринятым». Если бы тезис не обладал этим качеством, если бы он был очевидным и явно необходимым, то и смысла в его доказательстве просто не было бы. Как справедливо отмечает Аристотель, те, кто сомневается, следует ли уважать родителей, нуждается не в доказательстве, а в наказании, а те, кто сомневается, действительно ли снег бел, нуждаются не в доказательстве, а в чувственном восприятии.

Ту же мысль, хотя и не так прямо, сформулировал и Цицерон: «Когда я полностью изучу все обстоятельства дела, я сейчас же соображаю, какой в нем вопрос спорный. Ибо идет ли спор между людьми по делу уголовному, как о преступлении, либо по гражданскому, как о наследстве, либо по совещательному, как о войне, либо по личному, как о похвале, либо по ученому, как о смысле жизни, — ни в одном он не обходится без вопроса или о том «что сделано, делается и будет сделано», или «каково сделанное», или «как его назвать». Именно этот спорный момент («тезис», как сказал бы Аристотель) и является основным объектом внимания для оратора.

Этот момент Аристотель и Цицерон акцентируют совершенно обоснованно. И действительно, может ли выступать в качестве тезиса положение, с которым аудитория согласна? Естественно, на этот вопрос следует ответить отрицательно. Если аудитория согласна с мыслью, то совершенно нет смысла убеждать ее в правильности этой мысли. Такое положение мы можем использовать в качестве обоснования, но никак не в качестве основной мысли, которую необходимо доказать.

Аргументы (доводы) — это суждения, которые приводятся в подтверждение тезиса и делают тезис приемлемым или неприемлемым (в зависимости от намерений оратора). Какие аргументы существуют, мы обсудим чуть позже, в следующей главе. Пока же нас будет интересовать только их роль в рамках ораторской речи — обоснование тезиса.

Помимо того, что оратор, отстаивая тезис, приводит в его пользу аргументы, иногда ему приходится показывать, что основная мысль его речи логически вытекает из предлагаемых аргументов. Это действие называется демонстрацией. Было бы неправильно утверждать, что демонстрация необходима всегда. В наиболее очевидных случаях достаточно просто высказать аргумент, чтобы слушатели могли его усвоить. Поэтому к демонстрации оратор обычно прибегает тогда, когда связь между тезисом и аргументами не так очевидна или когда аудитория мало способна к быстрому схватыванию логических рассуждений.

Для того чтобы показать необходимость демонстрации, вернемся немного назад и еще раз остановимся на понятии аргумента. Стивен Талмин, один из наиболее ярких представителей современной риторики, предложил выделять в аргументе следующие компоненты:

1) заявление — положение-аргумент, которое некто стремится подтвердить и обосновать;

2) основания — факты, на которых основывается аргумент;

3) обоснование — оценка того, насколько правомерно основывать аргументы на выбранных основаниях;

4) поддержка — дополнение к обоснованию, которое осуществляется при помощи того, что говорящий сам задает некоторые вопросы и сам же отвечает на них;

5) модальное уточнение, которое показывает, насколько трудно (или легко) перейти от основания к доказываемому утверждению;

6) контрдоказательства, которые вводятся в том случае, если связь между основаниями и утверждением недостаточно очевидна.

Как видно, концепция Талмина основывается на допущении, что далеко не всегда связь между основаниями и выводимыми из них утверждениями является достаточно сильной. И небольшое рассуждение показывает, что если эта связь действительно слабая, то необходимость в последних пяти компонентах возрастает. Если же эта связь

очевидна, то и необходимости в них нет; возможно даже, что их введение только навредит оратору, который покажется аудитории слишком настойчивым в демонстрации своих логических умений там, где в этом нет нужды.

Возьмем простое рассуждение: «Маша красивая, потому что она похожа на известную актрису». Здесь есть тезис (утверждение о красоте Маши) и аргумент (сравнение с известной актрисой, которую — допустим — большинство считает красивой). Если аргумент верен, то и тезис будет принят слушателями без особых возражений. Если это не так, то слушатели будут вправе не согласиться с предъявляемой им мыслью.

Однако представим себе ситуацию, когда аудитория по каким-то причинам не в состоянии понять указанное рассуждение и потому нуждается в том, чтобы его логичность специально продемонстрировали. В действительности структура этого рассуждения достаточно сложна, поскольку говорящий делает несколько утверждений, которые связываются между собой:

1) утверждение о том, что Маша похожа на известную актрису;

2) утверждение о том, что известная актриса красива;

3) умозаключение, в котором на основании сходства между указанными женщинами делается вывод о том, что их сходство заключается и в таком качестве, как красота.

Рассмотрим, как могло выглядеть обоснование первого утверждения (см. таблицу).

Конечно, приведенный пример комичен и приводился не без умысла. Однако подобное рассуждение имитирует обычные способы, при помощи которых мы обосновываем собственные мысли, которые могут оказаться спорными. И понятно, что в случаях, когда мы имеем дело с аргументами, которые обосновывают тезис не особо очевидно, подобная демонстрация просто необходима.

Теперь вернемся к структуре аргументации в целом. Естественно, выделение этих трех компонентов убеждающей речи представляет наиболее простую ситуацию. В действительности все бывает несколько сложнее. Напри-

мер, если довод конфликтен, его также необходимо обосновать и доказать — он становится в речи тезисом второго уровня. В этом случае ситуация дублируется, повторяется в миниатюре: доказывая правильность довода, оратор фактически создает «речь в речи», в которой есть свой тезис, свои аргументы и своя демонстрация. В приведенном случае только после того, как довод будет доказан, из него можно выводить новое следствие. Потенциально такая цепь может быть бесконечной, поскольку в пользу аргументов могут выдвигаться другие аргументы, которые также могут быть подкреплены доводами, в свою очередь требующими доводов, и т. д. Именно поэтому оратор при подготовке речи должен по возможности искать такие доводы, которые не требовали бы дополнительного обоснования.

Я полагаю, что Маша похожа на известную актрису...	<i>заявление</i>
...Посмотрите, у нее нос той же формы, так же расположены глаза, к тому же, если вы обратите внимание, они у нее того же цвета. Лицо у Маши той же формы, она брюнетка, как и известная актриса...	<i>основания</i>
...Я полагаю, что на основании пяти признаков сходства можно делать вывод о том, что два человека похожи...	<i>обоснование</i>
...Возможно, пяти признаков недостаточно: Можем ли мы так считать? Да вроде бы нет, и я думаю, что вы с этим согласитесь...	<i>поддержка</i>
...Конечно, достаточно трудно сделать заключение, что если люди имеют пять признаков, по которым они похожи, их можно считать похожими...	<i>модальное уточнение</i>
...и можно было бы сказать, что на самом деле это не так, потому что необходимо как минимум шесть признаков...	<i>контрдоказательства</i>

Из этого, кстати, следует достаточно важный вывод, что в действительности и тезис, и аргументы — это по-

нения функциональные, их роль зависит от того, как положения используются при аргументации. То, что является тезисом в одной ситуации, в другой ситуации вполне может оказаться доводом. А следовательно, все зависит от функции, которую выполняет положение в данной речи, в данном споре и даже на данном этапе дискуссии.

Еще один фактор, который усложняет риторическую коммуникацию, заключается в том, что у оратора всегда имеется хотя бы один оппонент — лицо, которое имеет отличающуюся точку зрения (оратора в таком «соседстве» обычно называют пропонентом). Оппонент не обязательно должен быть представлен конкретным человеком или конкретной группой людей, которые непременно вмешаются в процесс выступления или попытаются опровергнуть его после того, как оратор закончит произносить речь. На самом деле это может быть некое лицо, которое присутствует в ситуации произнесения речи лишь потенциально: «возможно, есть люди, которые полагают, что...» Но то, как именно присутствует оппонент, не имеет значения: если какая-то точка зрения возможна, то всегда можно найти хотя бы одного человека, который ее придерживается. И всегда есть вероятность, что в аудитории найдутся люди, которые, возможно, не будут считать противоположную точку зрения правильной, однако и не станут сразу же утверждать, что она неверна. Кроме того, «доказательство от обратного», то есть доказательство, которое представляет собой опровержение противоположной точки зрения, является достаточно эффективным.

В силу того что тезис конфликтен, то есть спорен, структура аргументации по меньшей мере удваивается: если у нас есть тезис и аргументы в его пользу, мы вряд ли имеем право утверждать, что у оппонентов нет ни тезиса, ни аргументов. Следовательно, тезис всегда противостоит контртезису — утверждению, которое существенно отличается от тезиса и в каких-то отношениях вступает с ним в противоречие. В еще более сложном случае имеется не одна, а несколько точек зрения на один и тот же предмет, но эту ситуацию мы рассматривать также не будем.

Соответственно, у контртезиса есть и аргументы — суждения, которые могут быть выдвинуты в его пользу. Такие положения мы будем называть **аргументами в пользу контртезиса**.

В большинстве случаев у нас имеются не только положения, подтверждающие правильность нашей точки зрения (нашего тезиса), но и положения, которые мы могли бы выдвинуть, если бы зашла речь о том, почему следует считать неправильным контртезис — точку зрения оппонента. С учетом двойственности ситуации уместно утверждать, что и у противоположной стороны также есть подобные мысли. Будем в дальнейшем называть такие положения **аргументами против тезиса или контртезиса соответственно**.

Чтобы все сказанное было легче представить, обратимся к схеме. На ней представлена ситуация гипотетического спора по поводу красоты уже знакомой нам Маши.

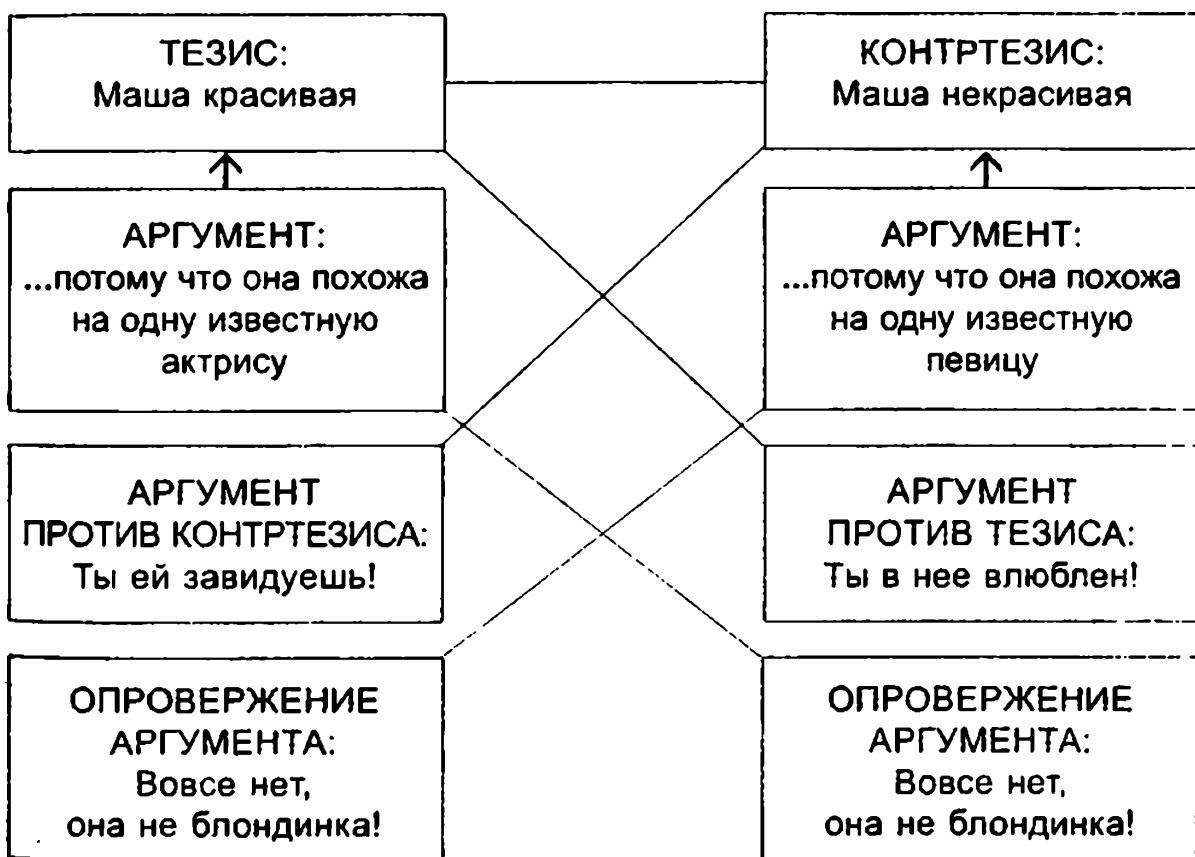

Рисунок 1. Стратегии аргументации

Все сказанное выше вообще полезно для оратора, поскольку помогает ему сознательно подготовиться к самому худшему — крайне сильным оппонентам, которые не хотят сдаваться (конечно, если оратор окончательно не запутается в том, что здесь написано). Однако нас в данном случае интересуют стратегии убеждения, и именно к ним мы переходим.

Стратегии убеждения. Из вышесказанного ясно, что основная стратегия убеждения состоит в том, что оратор приводит тезис и аргументы, подтверждающие этот тезис. Поэтому назовем эту стратегию «**прямым подтверждением**». В нашем примере это сложное суждение «Маша красивая, потому что она похожа на одну известную актрису». Естественно, аргументов может быть гораздо больше, к тому же они могут быть более основательными, чем в этом примере. Однако преимущество предлагаемых аргументов заключается в том, что они крайне правдоподобны: люди нередко именно так обосновывают свои мысли.

Еще одна стратегия — «**прямое опровержение тезиса (контртезиса)**» — заключается в том, что оратор подбирает положения, которые доказывают неправильность точки зрения оппонента. В идеале в этом случае доводы должны быть такими и приводиться в таком количестве, чтобы они могли перевесить доводы оппонента. Естественно, все это делается для того, чтобы, доказав неправильность контртезиса, сделать заключение о правильности тезиса.

В нашем примере это могло бы быть следующее рассуждение:

«Некоторые полагают, что Маша некрасивая. Но это совсем не так. Что следует понимать под утверждением, что кто-то некрасивый? То, что у него есть горб и кривые зубы (или другие уродства). Но у Маши нет кривых зубов и горба, и нет никаких других уродств. Следовательно, неверно, что Маша некрасивая. А потому нам ничто не мешает считать ее действительно красивой».

Приведем еще один пример с так называемым «аргументом к человеку» (о том, что это такое, подробно говорится в следующей главе):

«Некоторые полагают, что Маша некрасивая. Однако эти некоторые просто ей завидуют, а потому им нельзя доверять».

Аналогично и с оппонентом, однако здесь добавляются оскорбления (что, конечно же, недопустимо, и это уже не ирония):

«Некоторые полагают, что Маша красивая. Однако эти некоторые просто в нее влюблены. А ведь известно, что любовь зла, а следовательно, полюбишь и некрасивую женщину».

Стратегия **«косвенное подтверждение»** заключается в том, что оратор выводит из своего тезиса другие положения и доказывает их, а затем из их истинности выводит истинность основной мысли. В этом случае он будет рассуждать примерно так:

«Маша красивая. Если это так, то она должна нравиться многим мужчинам. Я спросил об этом мужчин, которые ее знают. Все они сказали, что Маша красивая, и готовы подтвердить это под присягой. Следовательно, Маша действительно красивая. Кроме того, Маша заняла второе место на городском конкурсе красоты, а это ведь что-то значит!»

Оппонент может рассуждать таким же образом:

«Маша некрасивая. Если это так, то женщины, которые только и знают толк в красоте, без труда определяют это. Я показала фотографию Маши нескольким женщинам, и они сказали, что Маша совсем не красивая. Они клялись собственной красотой, что говорят чистую правду, и готовы подтвердить это под присягой. Следовательно, Маша и вправду некрасивая».

Аналогично устроена и стратегия **«косвенное опровержение контртезиса»**: в этом случае оратор выводит следствия из контртезиса, опровергает их, на этом основании делает вывод о том, что контртезис неверен, и выводит истинность тезиса:

«Некоторые полагают, что Маша некрасивая. Если это так, то она должна не нравиться мужчинам. Я показывал ее фотографию многим мужчинам, и все они сказали, что Маша если и не красавица, то уж точно симпатичная. Следовательно, нельзя сказать, что Маша некрасивая, у этого нет никаких оснований».

Все стратегии, которые описаны выше, распределяются по парам. В первой паре объединяются стратегии, которые направлены на тезис или контртезис, различие между ними заключается в том, что тезис необходимо подтвердить, а контртезис должен быть опровергнут. Во второй паре объединяются стратегии, направленные на следствия из тезиса, и в них также подтверждается тезис и опровергается контртезис, но уже с опорой на следствия из них.

Теперь перейдем к стратегиям, которые пар не имеют. Это вызвано тем, что они направлены на элементы, которые в речи оратора должны быть убедительными по определению. Естественно, это аргументы и демонстрация. Если аргументы не убедительны, оратор обязан их подтвердить независимо от того, какую стратегию он избрал. Подтверждение аргументов не может быть отдельной операцией, которая существует независимо от связи между аргументами и тезисом. Если мы прекрасно обоснуем аргументы, но из них нельзя будет вывести нашего тезиса, то работу можно считать бесполезной.

То же касается демонстрации. Оратор может показывать ошибочность демонстрации оппонента. Однако в его речи демонстрация — это всегда только дополнительное средство, которое само по себе доказательной силы не имеет; нельзя хорошо продемонстрировать связь между неверным тезисом и неверными аргументами. Тем более что обоснование вывода, в котором допущена ошибка, — это совершенно бесперспективное занятие, так как эти старания только докажут, что наши рассуждения неправильны. А кто станет рыть самому себе могилу?

Таким образом, то, что в речи оппонента может быть объектом критики, в речи самого оратора играет лишь вспомогательную роль и самостоятельной силы не имеет.

Стратегия «аргументы против аргументов» состоит в том, что оратор показывает необоснованность аргументов, которые оппонент приводит в пользу контртезиса, и, делая вывод о необоснованности контртезиса, приходит к истинности тезиса. Вот как это выглядит в нашем случае:

«Некоторые полагают, что Маша некрасивая. При этом они ссылаются на то, что она похожа на известную певицу, которая всем кажется некрасивой. Но похожа ли она на нее? Совсем нет. Та певица блондинка, а Маша брюнетка, у певицы глаза посажены неровно, а у Маши нет. Поскольку Маша не похожа на эту певицу, ничто не мешает нам считать, что она красивая [то, что Маша некрасивая, не доказано]».

Естественно, здесь аргументация может быть другой. Пропонент может, например, утверждать, что Маша похожа на известную певицу, однако на самом деле эта певица вовсе не некрасивая.

Наконец, под ударом может оказываться и логическая связь между тезисом оппонента и аргументами, которые он приводит. Эту стратегию мы назовем «опровержением демонстрации». Основная задача в этом случае состоит не в том, чтобы показать неправильность аргументов, а в том, чтобы показать, что из правильных аргументов не вытекает контртезис. В нашем примере это могло бы выглядеть так:

«Некоторые считают, что Маша некрасивая, и обосновывают это тем, что она похожа на известную певицу. Но разве из того, что Маша похожа на нее, а эта певица некрасивая, следует, что и Маша тоже некрасивая? Я думаю, что нет. Можно быть похожим на кого-то, но при этом быть красивее этого человека. Так что на основании сходства мы не можем сделать вывода о красоте».

В этом случае было бы уместным привести пример, который показывал бы отсутствие связи между сходством и степенью красоты.

Таким образом, мы выделили шесть основных стратегий доказательства, которые может использовать говорящий. Представим их в виде таблицы. В ее основе лежит три признака: 1) доказывает ли оратор свою правоту или стремится опровергнуть соперника и 2) на что именно направлено внимание оратора — на тезис, следствия из него, аргументы или демонстрацию. Напомним, что две клетки этой таблицы остаются пустыми потому, что оратор не может использовать в качестве самостоятельных средств подтверждение своих аргументов или демонстрацию, они всегда выступают в качестве вспомогательных элементов, которые только повышают убедительность положений оратора. В то же время они вполне могут стать объектом «атаки» в речи оппонента.

	подтверждение собственной позиции	опровержение позиции оппонента
тезис	прямое подтверждение	прямое опровержение
следствия из тезиса	косвенное подтверждение	косвенное опровержение
аргументы	—	аргументы против аргументов
демонстрация	—	опровержение демонстрации

Конечно, количество этих стратегий можно умножать до бесконечности, говоря, например, об «аргументах против аргументов, направленных против аргументов» или «об аргументах в пользу аргументов в пользу тезиса». Понятно, что все наиболее важные комбинации уже исчерпаны — как бы далеко ни зашел спор, мы всегда можем понять, как следует действовать. Дело же заключается в том, что важно точно знать, что в настоящий момент является вашим тезисом, а что — контртезисом, и какие аргументы в пользу и против них имеются. Тезис и аргументы — понятие функциональное!

Теперь несколько слов об уместности и силе каждой из стратегий. Естественно, наиболее эффективной является основная стратегия, заключающаяся в прямом подтверждении тезиса. Стратегия «косвенное подтверждение» уже обладает меньшей убедительной силой, поскольку в этом случае вывод характеризуется только некоторой вероятностью. То же можно сказать и об опровержении, как прямом, так и косвенном. По большому счету, их использование также не ведет к доказательству тезиса. Используя их, мы в лучшем случае добиваемся смятения оппонента и ставим противоположную сторону в неловкое положение.

Стратегии «аргументы против тезиса (контртезиса)» и «аргументы против аргументов» также не приводят к доказательству. Конечно, если не доказано, что тезис неверен, мы можем предполагать, что это действительно так. Однако из опровержения контртезиса еще нельзя делать вывод о том, что обратное верно. В действительности, всегда, когда мы имеем дело с оппозициями («красивая — некрасивая»), можно предположить наличие некоего нейтрального промежуточного уровня качеств («не то чтобы красивая, но и не уродина»). А следовательно, доказательство оставляет одну не использованную возможность, которая может оказаться правильной.

Тем не менее это не означает, что все стратегии, кроме стратегии подтверждения, совершенно неприемлемы. В действительности оратор должен использовать их в комплексе. Как правило, эффектное опровержение позиции оппонент дает существенное преимущество в любом споре и позволяет собрать силы для того, чтобы вступить в бой с новыми аргументами (думается, военные метафоры здесь вполне уместны, поскольку речь идет о стратегии).

2. Развертывание темы и тезиса речи: топики и аргументы

В данном разделе речь будет идти о двух относительно самостоятельных частях изобретения: топике и аргументации.

Необходимо отметить, что разделение топики и аргументации достаточно условно. Дело в том, что создатель топики Аристотель видел в ней источник для поиска способов убеждения относительно любой темы. Следовательно, топка и аргументация не были разделены: топка рассматривалась как средство, а аргументация — как результат использования этого средства. Положение изменилось лишь позже. С развитием логики и теории аргументации были открыты иные способы описания доказательств, которые могут быть использованы и в рамках риторики, хотя и требуют важных, существенных уточнений, связанных со спецификой риторической коммуникации.

Противопоставление топики и аргументации уместно в связи с тем, что было сказано о целях речи. Аргументацию уместно связать с речами, в которых имеется необходимость доказать что-либо, то есть с речами, в которых есть тезис — спорное утверждение, нуждающееся в доказательстве. В отличие от аргументации, топка применима и к речам, в которых такой необходимости нет.

Например, произнося речь в честь юбиляра, нет необходимости *доказывать*, что данный человек прекрасен или просто хорош; возможно, это нужно на суде, но не на юбилее, поскольку люди, которые собрались на нем, вряд ли будут иметь сомнения относительно того, что юбиляр действительно хотя бы неплохой человек. На юбилеях не принято ругать или осуждать юбиляров. В то же время недостаточно просто сказать о том, что юбиляр — прекрасный человек. Красноречие в связи с этим можно определить как умение интересно, уместно и красиво говорить на самые обычные темы. Поэтому оратор должен «объяснить», почему юбиляр действительно является хорошим человеком, то есть развернуть свою мысль, превратить ее из одного-единственного суждения в совокупность связанных между собой суждений. Слово «прекрасен» слишком абстрактно, общо по своему содержанию, а потому требует конкретизации. В чём заключается это качество в конкретном случае? Человек обладает хорошим характером, высокими моральными качествами? Или

он прекрасный специалист, знаток своего дела, у которого всем следует учиться? Или, может быть, этот человек просто приятен? Понятно, что без такой конкретизации произнести речь просто невозможно. Именно с этой задачей имеет дело топики.

Кроме того, топики может использоваться для создания наполнения речи, которое не связано с аргументами напрямую, а направлено скорее на представление тезиса и аргументов, на выявление и акцентирование для аудитории каких-то дополнительных аспектов и деталей объекта, о котором идет речь.

2.1. Топика

Топика — это риторическое учение, которое было создано для того, чтобы помочь оратору разрабатывать содержательную сторону речи. Свое название топики получила от древнегреческого слова *topoi*, которое переводится на русский язык как «общие места»; в латинском языке существовало аналогичное выражение — *loci communes*. Общее риторическое место — это конкретный способ, при помощи которого оратор развивает тему, раскрывает ее аспекты, значимые с точки зрения установки речи. Поэтому общие риторические места можно считать рекомендациями оратору, которые обобщают удачные находки предшественников, то есть систематическим каталогом уместных и удачных суждений и аргументов, которые когда-либо придумывались ораторами.

Впрочем, «изобретая» речь, оратор неизбежно использует те или иные общие риторические места независимо от того, отдает ли он себе в этом отчет. А все дело в том, что топосы отражают универсальную организацию человеческого мышления, то есть представляют собой набор категорий, которыми мыслит каждый человек. Здесь будет уместным отметить, что топики тесно связана с концепцией знания как припоминания, созданной Платоном. Платона по праву называют основателем идеализма, поскольку он первым сформулировал представление об идеях — идеальных образцах, которые воплощаются в реаль-

ных предметах. Согласно этой концепции, любое познание представляет собой не открытие чего-то нового, а припоминание, узнавание того, что уже отражено в идеях, существующих независимо от человеческого сознания. Желаящих подробнее ознакомиться с этой теорией на оригинальном материале отошлем к диалогу Платона «Менон»; там, в частности, описывается, как неграмотный раб «припоминает» геометрические знания, которые изначально содержатся в его сознании, но являются неосознанными.

Эта идея не могла не пользоваться популярностью и в средние века, поскольку напрямую была связана с представлением о творении: бог создал мир в соответствии со своим замыслом, а следовательно, мир существовал и до того, как он появился, но не реально, а в виде божьего замысла. Это представление находило противников даже в Средние века, например, в виде номиналистов, полагавших, что слова — это только названия для классов предметов и явлений, которые не имеют ничего общего с божественным замыслом. Тем не менее оно достаточно характерно для христианского мышления и объясняет тот факт, что топики получила наибольшее развитие именно в средние века.

Теперь поставим вопрос о том, зачем нужна топики.

Оратор, который готовит речь, стоит перед важной задачей: ему необходимо подобрать аргументы и представить тезис таким образом, чтобы его речь оказала требуемое воздействие. Из хаоса идей, аргументов, соображений и фактов он должен создать текст, который будет максимально понятным для аудитории и одновременно будет способствовать достижению целей, стоящих перед оратором. Как мы поступаем в такой ситуации? Естественно, мы думаем о том, что можно вообще сказать в связи с избранной темой, и как это соотносится с тем тезисом, который нам необходимо доказать. Другими словами, мы начинаем обдумывать, изучать предмет речи. В результате этого мы выделяем самые разные аспекты предмета речи и определяем, соответствуют ли они теме и способствуют ли решению проблемы.

Данное действие в русской риторике было названо **примышлением**. Василий Великий так объяснял его сущность: «...примышлением... называется подробнейшее и точнейшее обдумывание представленного, которое следует за первым чувственным представлением... Например, у всякого есть простое представление о хлебном зерне, по которому узнаем видимое нами. Но при тщательном исследовании сего зерна входит в рассмотрение многое, и даются зерну различные именованья, обозначающие представляемое. Ибо одно и то же зерно называем то плодом, то семенем, то еще пищею — плодом как цель предшествовавшего земледелия, семенем как начало будущего, пищею как нечто пригодное к приращению тела у вкушающего. <...> Одним словом, обо всем, что познается чувством и в подлежащем кажется чем-то простым, но по умозрению принимает различные понятия, говорится, что оно умопредставляемо по примышлению»¹³.

Таким образом, **топика**, будучи вспомогательным средством, обобщающим опыт других ораторов, помогает отказать в процессе создания речи от спонтанной и не всегда систематической разработки темы. Понятно, что в некоторых случаях, когда оратор сталкивается с трудностями, такое средство может оказаться очень полезным.

Отметим, что **топика** традиционно рассматривалась как очень мощное средство, поскольку она опиралась на представление о познании как припоминании. Фактически это означает, что при помощи **топики** оратор мог «извлекать» из сознания аудитории те представления, которые в нем уже содержатся. С этой точки зрения должно быть понятно, почему в Средние века **топику** могли считать особо эффективным средством поиска аргументов.

Риторические **топосы** следует отличать от общих мест в обычном смысле этого выражения, несмотря на их сходство и «генетическую близость». «Общим местом» обычно называют банальность, избитую, тривиальную мысль, которая для всех очевидна, не требует доказательств, а потому вообще не представляет интереса. В этом выражении присутствует отрицательная оценка: утверждение,

что в речи какого-то человека нет ничего, кроме общих мест, следует понимать скорее как упрек в бессодержательности, чем как указание на обоснованность.

Негативное отношение к риторике очень ярко выразил В. Г. Белинский: «И какие же плоды этого учения? — Бездушное резонерство, расплывающееся холодной и пресной водой общих мест или высокопарных риторических украшений». И далее: риторика, «которой до сих пор нас учат, дает только губительную способность варьировать отвлеченную мысль общими местами и растягивать пустоту в бесконечность, другими словами — пускать мыльные пузыри».

Следует признать, что не последнюю роль в дискредитации риторики сыграла топка, которая со временем из действенного средства, используемого в общественной практике, превратилась в набор жестких правил, которые школьники были вынуждены применять в процессе изучения риторики. Другими словами, в какой-то момент риторика и топика утратили свою связь с практикой общения и убеждения и стали «искусством в себе», искусством, существующим ради себя самого.

Однако это не означает, что оценка Белинского является совершенно правильной. Действительно, очень плохо, когда оратор говорит «ни о чем», но причина этого не столько в риторике и топике, сколько в том, каким образом они преподаются, в каких сферах используются, а также в качествах самого оратора, который почему-то оказывается неспособным говорить точно, уместно, по существу и действительно метко и остроумно. Цицерон, например, был прекрасным оратором, и это несмотря на то, что он тоже очень строго следовал риторическим рекомендациям и сам их вырабатывал.

Но еще более важным контраргументом в данном случае может служить тот факт, что рассуждения Белинского вполне поддаются описанию с точки зрения топики. В частности, он рассматривает риторику в связи с теми результатами («плодами»), которые она приносит. А это один из топосов, который в риторике называли «причи-

ной»: это общее место предполагает при обращении к предмету речи рассматривать причины, которые привели к его возникновению, а также следствия, к которым он приводит. В первом случае задается вопрос «что привело к возникновению этого явления?», во втором — вопросы «причиной чего стало данное явление? что возникло благодаря ему?»

Необходимо также иметь в виду, что топики — это явление, очень характерное для культуры Древней Греции, для сознания человека того времени. С одной стороны, в ней мы можем узнать некоторые важные черты собственного мышления, так как от античности нам досталось множество культурных черт. С другой стороны, эти особенности все равно будут для нас чем-то чуждым: это все-таки другая культура, удаленная от нас во времени. Тем более что наша культура «впитала» не только наследие античной культуры, но и христианство, да и создано после античности было много оригинального.

Известный исследователь античной и средневековой культуры С. С. Аверинцев очень емко описал характерное для античной культуры стремление к систематизации и каталогизации¹⁴. Человек античности верил в возможность охватить весь мир при помощи разума, распределить его по категориям и затем использовать эти категории в своей деятельности. Чтобы понять, насколько важна эта черта для античной культуры, достаточно вспомнить, что именно в античности были «изобретены» логика с ее силлогизмами, метафизика с ее «сущностями», «признаками» и «действиями», а также теория права.

При этом вера во всемогущество разума распространялась не только на науку, но и на искусство. В качестве примера С. С. Аверинцев приводит рекомендации относительно написания биографии человека, которые давались античными авторами: «Как разъясняет античная теория, составителю биографии надо было прежде всего вычленить рубрику «происхождение» и затем разделить ее на подрубрики «народ», «отечество», «предки» и «родители», чтобы трактовать каждую подрубрику обособ-

ленно; далее, в рубрике «деяния» должны быть выделены подрубрики «душа», «тело» и «судьба»; в первой из них в свою очередь различаются отдельные добродетели или пороки, во второй — отдельные телесные качества, в третьей — наличие или отсутствие благоприятных обстоятельств, каковы власть, богатство и обилие друзей и т. п.» (С. С. Аверинцев приводит древнегреческие обозначения этих «рубрик», которые мы опускаем).

Уже одно это описание позволяет в первом приближении представить, что такое топка.

2.2. Виды общих мест

Формальное и содержательное понимание топоса. Значимость топика для риторики заключается в двух моментах. Во-первых, топика помогает осуществить разработку темы, выявить те ее аспекты, которые являются важными с точки зрения коммуникативной ситуации. Во-вторых, топика помогает построить обоснование тезиса. Рассмотрим эти вопросы подробнее.

1. Очевидно, что для того, чтобы убедить слушателей, оратор не может ограничиться простым указанием на ту мысль, которую он хочет донести до аудитории. Оратор обязан сказать нечто большее, он должен развернуть тему, отразить разнообразные ее аспекты, представить тезис развернуто и глубоко. Именно к этому стремится большинство ораторов — даже те, кто не знакомы с риторикой (но при этом хорошо осознают сущность задач, стоящих перед оратором). Обычно развертывание темы осуществляется интуитивно, неосознанно: оратор просто собирает, а затем систематизирует идеи, которые приходят ему в голову. Таким образом, топика представляет собой набор своего рода призм, при помощи которых оратор, работающий над речью, может исследовать тему и выявить ее аспекты, грани.

2. Общие риторические места связаны и с обоснованием тезиса. Необходимость убеждения возникает только в том случае, когда в общественном мнении имеется несогласие по поводу каких-то вопросов. Именно в этой

ситуации кто-то становится оратором, а кто-то — слушателем, причем граница, разделяющая разные лагеря, в ситуации убеждения обычно совпадает с границей между говорящим и слушающими. Оратор предлагает аудитории тезис, с которым она не согласна, и пытается так обосновать и доказать свою точку зрения, чтобы аудитория изменила свои убеждения.

Но каким образом оратор может достичь этой цели? Естественно, имеется только один способ — свести спорный тезис к положениям, которые разделяются аудиторией. В этом случае аудитория, не желающая принимать тезиса, оказывается как бы припертой к стенке: у нее просто нет возможности не принимать тезис, поскольку он сведен к утверждениям, которые невозможно опровергнуть. Никто не станет спорить с тем, что снег бел, а дважды два — четыре. А если из подобных утверждений выводится мысль, которую необходимо доказать, то и принять ее легче.

Приведенные выше две точки зрения на топосы дополняют друг друга. На их основании можно выделить формальное и содержательное понимание общих риторических мест. В соответствии с *формальным (логическим) пониманием общее риторическое место — это прием, при помощи которого автор речи выявляет аспекты темы*. С этой точки зрения топосы соотносятся с общими категориями, которыми оперирует человеческое мышление («часть», «целое», «причина», «время», «место» и т. д.) Приведем тривиальный пример. В формальном отношении общее риторическое место «Земля — это планета Солнечной системы» включает соединение ряда категорий: вида (Земля) и рода (планет существует много, планетой является не только Земля, но и другие космические тела), а также указание на побочный признак. Все вместе они дают то, что со времен античности называют дефиницией (определением). Если объектом речи (например, популярной лекции) является Земля как планета, вполне естественно обратиться к более подроб-

ному определению планеты и рассказать, например, о том, чем планеты отличаются от звезд. Помимо топоса «род и вид» в этом случае используется еще один топос — «противоположное», который предполагает обращение к несовместимому (противоречащему или просто несходному) понятию, в нашем случае — это понятие «звезда», с которым сравнивается понятие «планета».

В соответствии с *содержательным пониманием* *общее риторическое место является основанием для умозаключений, при помощи которых оратор обосновывает правильность своего тезиса.* В этом случае топосы представляют собой суждения, которые считаются истинными и, что очень важно, принимаются аудиторией. Хорошая речь обычно не содержит только оригинальные, новые, поражающие мысли. В любой речи есть общепринятые основания, отсылающие к здравому смыслу и обыденным представлениям. Эти основания не всегда четко проговариваются. Однако без них оратор оказывается в состоянии, когда у него из-под ног просто исчезает почва. А в подвешенном состоянии, без опоры любой почувствует себя неуютно.

Рассмотрим еще один пример, который прояснит содержательное понимание риторического общего места. Допустим, человек совершил преступление, и его дело рассматривается в суде. Логика, которой подчиняется закон, неумолима. Она выражается в виде силлогизма:

*Если человек совершил преступление,
он должен быть наказан.*

Данный человек совершил преступление.

Следовательно, он должен быть наказан.

На приведенном выше силлогизме, который вряд ли нуждается в прямой, явной формулировке, строится все правосудие. Первая посылка в этом силлогизме является топосом в содержательном смысле этого слова: это положение, которое в нашем обществе принимается безоговорочно. Вряд ли кто-то станет с ним спорить.

Именно этим обусловлено то, что топосы получили название «общих мест». Слово «общий» в этом случае

указывает на то, что *положение является общим для оратора и аудитории, в одинаковой степени разделяется ими*. Успех речи можно поставить в прямую зависимость от того, сможет ли говорящий свести тему, которая может вызвать возражения у аудитории, к совокупности положений, которые аудитория принимает безоговорочно. Можно сказать, что оратор, который достигает этой цели, «загоняет» аудиторию «в тупик», то есть вынуждает ее принять доказываемый им тезис.

Между формальным и содержательным пониманием общих мест нет непреодолимой границы. Применяя общие категории к теме, мы используем формальное понимание. Однако в результате этого мы скорее всего придем к суждениям, которые будут приняты аудиторией если не как достоверные, то как возможные, правдоподобные или допустимые. Возможно, утверждение «Земля — это третья планета Солнечной системы» вызовет у кого-нибудь возражения (хотя поверить в это трудно). Однако само выделение рода и вида, которое лежит в основе этого утверждения, скорее всего, ставиться по сомнению не будет. А все дело в том, что эта операция естественна для человеческого мышления.

Внутренние и внешние топосы. Со времен Аристотеля теоретики риторики различают внутренние и внешние топосы. **Внутренние топосы** исходят из самого предмета, его структуры («устройства») и качеств. Работая с внутренними топосами, оратор анализирует отдельные факты, изучает свойства объекта, выделяет среди них обязательные и случайные, использует самого разного рода доказательства. Другими словами, эти топосы так или иначе связаны с самим объектом. В качестве примера здесь можно привести возможность мысленно выделять в объекте части, определять его родовую и видовую принадлежность, сравнивать разные явления и т. д.

Внешние топосы — это любая аргументация (не обязательно логическая), которая опирается на уже существующее знание об объекте. Другими словами, внешний топос всегда имеет дело с посторонними свидетельствами, то

есть с тем, что может быть подтверждено другими людьми. В отличие от внутренних топосов, используя которые оратор проводит анализ объекта самостоятельно и стремится выявить то, что очевидно и без труда может быть продемонстрировано аудитории с опорой на ее интеллектуальные и чувственные способности, внешние топосы предполагают ссылки на других людей. Следовательно, в этом случае оратор опирается на то, что было установлено другими людьми, и при этом предполагает, что данные мнения заслуживают доверия. Очевидно, что внешние топосы во многом пересекаются с так называемыми «аргументами по существу», о которых будет рассказано в следующей главе.

2.3. Общие места

Топосы можно применять двояко. Первый способ, который можно назвать «педантичным», состоит в том, что общие места применяются к каждому слову тезиса. В случае необходимости топосы могут применяться и к тем представлениям, которые были получены в результате их первого применения. М. В. Ломоносов в «Кратком руководстве к красноречию» так описал этот процесс: необходимо к каждому термину тезиса «приискать первые идеи из мест риторических», а затем «к первым идеям приискивать и приписывать вторичные, к вторичным, ежели надобно, третичные из тех же мест». Другими словами, эту операцию можно повторять до тех пор, пока в этом есть смысл, то есть пока результаты, которые она приносит, важны с точки зрения замысла речи.

Второй способ менее формален. Он состоит в том, что оратор при подготовке речи применяет общие места к теме, предмету или тезису в целом, не опираясь на слова, входящие в формулировку. В этом случае топосы применяются не к словам, из которых состоит формулировка, а к объекту речи. Этот способ, конечно, не исключает исследования отдельных понятий, которые входят, например, в тезис. Однако оратор в этом случае все равно опирается не на слова, а на понятия. С точки зрения второго способа

общие места можно рассматривать как своеобразные ходы рассуждения и повороты мысли, к которым прибегает оратор. Именно поэтому второй способ более удобен и, видимо, более эффективен, поскольку он помогает не превращать работу над речью в механический процесс.

И еще одно замечание. Естественно, топики не являются средством изобретения содержания, которое дает результаты только потому, что используется. Другими словами, топосы не приводят к наиболее оптимальному решению автоматически. Те идеи, которые оратор создает с опорой на топику, также нуждаются в осмыслении с точки зрения того, насколько они способствуют достижению задач речи. А потому оратор должен самостоятельно решать, что именно он введет в речь, а что останется за ее пределами.

Существует множество перечней риторических общих мест, которые имеют и сходства, и различия, а потому нам ничего не остается, кроме как предложить свой собственный, обобщающий другие перечни. Для удобства все общие места распределены по группам.

1. Общие места, связанные с сущностью объекта речи. К этой группе принадлежат топосы, которые опираются на существенные признаки людей, предметов и явлений, признаки, как правило, входящие в содержание соответствующего понятия либо как-то тесно связанные с ним.

1.1. Определение — общее место, в соответствии с которым предмет рассматривается как член более широкой категории, на основании чего выделяются его сходства с членами этой категории. Аристотель полагал, что определение представляет собой выражение, обозначающее суть вещи, о которой идет речь. Используя этот топос, оратор обращается не к единичному явлению или предмету, а к множеству всех предметов, принадлежащих к данному виду.

Рассмотрим пример. Допустим, кого-то обвиняют в том, что он не является честным человеком. В этом случае оратор должен установить, что означает выражение

«быть честным» (что понимается под честностью), а затем применить это определение к обвиняемому. Если окажется, что поведение человека соответствует этому определению, данное обвинение следует признать справедливым, если верным окажется обратное, то можно будет опровергнуть обвинение.

Аналогично перед адвокатом может стоять задача доказать, что действие, совершенное подсудимым, в действительности не было преступлением. Для этого ему необходимо обратиться к определению преступления, которое указывает на признаки этого действия. Введя такое определение, адвокату будет легче продемонстрировать правильность своей точки зрения: если известны признаки любого преступления, то нужно лишь выяснить, имеются ли эти признаки у совершенного действия.

Риторическое определение не должно непременно удовлетворять требованиям, выдвигаемым к научному определению. Например, в строгом смысле диктофон можно определить как устройство (род), которое используется для записи речи или других звуков (видовая характеристика); в это определение можно также включить указание на то, что это устройство является портативным. Такое определение всегда фиксирует объективные признаки предмета и лишено оценочных компонентов.

Приведем еще пример использования этого топоса:

«Мудрое и бережливое государство должно удерживать людей от причинения взаимного вреда, предоставляя им во всем остальном полную свободу занятий и не отнимая у них заработанный хлеб... Это все, что требуется от хорошего государства» (Томас Джефферсон).

Данный пример формально не является определением, поскольку он не строится по схеме «X — это Y, обладающий такими-то отличительными признаками». Однако здесь речь идет о том, что представляет собой мудрое и бережливое государство (то есть о его сущности), а слова «должно» и «требуется» подчеркивают, что речь идет о желательном, об образце.

Риторическое определение может быть образным и включать оценку; кроме того, оно может специально создаваться с учетом целей, стоящих перед оратором. Например, в одной из риторик приводится риторическое определение «Дуб — самое красивое дерево нашего климата». В нем также можно выделить указание на род («дерево») и видовую характеристику, отличающую определяемое от других деревьев («самое красивое»). Тем не менее видовая характеристика в этом случае не является объективной, она представляет собой оценку, с которой можно как соглашаться, так и не соглашаться. А все дело в том, что качество «красота» вряд ли можно измерить, в отличие, например, от размера или веса. Такое определение вряд ли уместно в научной речи, однако оратор вполне может на него опираться.

Фактически определение может принимать и форму отождествления двух наименований чего-либо, утверждение о правомерности называть одно и то же действие двумя разными способами:

«Я начал защитительную речь с указания на накал страстей, на особую эмоциональную атмосферу, в которой велось предварительное следствие. Не успело оно возникнуть, как в прокуратуру поступил протест собрания жителей городка, где живет отец Игоря Иванова, с требованиями смерти для убийцы. Подобные же требования изложены в документах от имени учащихся. Разве это не давление на следователя, и даже не косвенное, а прямое?» (Н. П. Кан, Речь в защиту Далмацкого).

1.2. Очень близко к определению стоит еще одно общее место, которое традиционно выделяется в риторике — **имя**. В соответствии с этим общим местом оратор обращается к наименованию предмета и его использованию. Предмет и его наименование — это не одно и то же. Поэтому мы рассуждаем о столе и слове «стол» по-разному: в первом случае мы можем говорить о внешнем виде стола, его качествах, например, удобстве, во втором — о том, из скольких букв или звуков состоит слово, сколько в нем слогов, к какой части речи принадлежит или что значит.

Естественно, такие рассуждения обычно имеют смысл только относительно того, что означает данное слово, как его можно использовать; обычно оратор это делает для того, чтобы предотвратить возможное неправильное понимание его слов. Это общее место оказывается важным, если оратор подозревает, что аудитория опирается на представления, которые отличаются от его собственных.

В более широком случае оратор может рассуждать о том, как вообще употребляется слово. Оратор показывает аудитории общую картину независимо от того, как он сам использует это слово и как его может использовать аудитория; в этом случае оратор говорит о том, как принято использовать какое-то выражение. Целью такого рассуждения обычно является установление того смысла, который вкладывает в слово или выражение оратор, и избежание непонимания.

Рассмотрим пример, взятый из речи П. А. Дроздова в защиту О. Кадуева. В этом примере адвокат употребляет выражение и тут же его разъясняет:

«Почему он решил, что ему не преодолеть сопротивление Нины, только после того, как она ему сообщила о своей невинности? Ясно, что дело не в этом. Предельно ясно, что он прекратил свои попытки, когда убедился, что Нина действительно не хочет того, чего так добивается Олег. Что значит «действительно не хочет», — могут спросить меня. Я готов на это не только ответить, но подробно изложить свою точку зрения, тем более что я уже раньше упомянул о символическом сопротивлении женщины.

Мог ли подумать подсудимый, что потерпевшая сопротивляется неискренне? Мог ли он подумать, что она сопротивляется в силу скромности, что не она сопротивляется, а сопротивляется ее подсознательное чувство девушки? Мог ли он подумать, что Нина сопротивляется не потому, что она не хочет близости, а потому, что как-то неловко сразу изъяснить согласие? Да, подсудимый не только мог, но именно так и думал! Он

полагал, что Нина сопротивляется потому, что она стесняется, что, преодолевая ее сопротивление, он помогает ей преодолеть чувство стыдливости. Он считал, что они оба идут к одной цели, но разными путями: он прямым путем — путем инициации, она — окольным. Пожалуй, иначе он мыслить не мог.

В самом деле, что должен был бы подумать Олег о Нине, если бы она сразу, без сопротивления, позволила ему овладеть собой?»

Данное общее место очень близко к топосу «определение», поскольку давая чему-то определение, мы невольно опираемся на слово или выражение, которым этот предмет или явление обычно обозначаются. Различие между ними состоит только в том, что в случае с определением оратор не нуждается в сопоставлении разных пониманий одного и того же слова или выражения, тогда как в случае с именем он вынужден обращаться к мнениям, традициям и особенностям их использования.

1.3. Очень близко к определению стоит другое общее место — *род и вид*. В соответствии с ним оратор обращается к более общей (родовой) категории, к которой принадлежит объект речи. Например, если речь идет об убийстве, такой общей категорией будет преступление.

В самом простом случае оратор просто указывает на род, а затем перечисляет его виды:

«Что до состояния самого ритора надлежит, то много способствует к возбуждению и утолению страстей: 1) когда слушатели знают, что он добросердечный и совестный человек, а не легкомысленный ласкатель и лукавец; 2) ежели его народ любит за его заслуги; 3) ежели он сам ту же страсть имеет, которую в слушателях возбудить хочет, а не притворно их страстными учинить намерен, ибо он тогда не токмо словом, но и видом и движением действовать будет; 4) ежели он знатен порою или чином; 5) с важностью знатного чина и породы купно немало помогает старость, которой честь и повелительство некоторым

образом дает сама натура» (М. В. Ломоносов, Краткое руководство к красноречию).

В этом примере М. В. Ломоносов говорит о факторах, которые влияют на доверие к оратору (род), и дает их конкретный перечень (виды).

Данный топос допускает еще два способа использования. Во-первых, свойства, присущие роду, присущи виду. Поэтому, например, в ходе судебного разбирательства можно обратиться к признакам преступления и распространить их на убийство как вид преступления. Впрочем, необходимо иметь в виду, что верно обратное (то есть что свойства, присущие виду, далеко не всегда присущи и роду), а следовательно, применение признаков убийства к преступлению вообще не даст достоверного результата.

Во-вторых, при использовании этого топоса оратор может обращаться к другим видам, принадлежащим к тому же роду, для сопоставления. С этой точки зрения адвокат может сопоставить убийство с кражей, применением насилия и другими видами преступлений и вывести из этого сопоставления нечто важное (например, показать то, что совершенное деяние — убийство — по своим последствиям гораздо более страшно и опасно для общества, чем кража).

1.4. «Собственное» и «привходящее» — еще одно общее место, связанное с делением. В этом случае оратор выделяет в объекте признаки, которые в наши дни мы назвали бы обязательными (постоянными) и случайными. Обязательный признак присущ объекту или целой категории постоянно, тогда как случайный признак характерен только для индивидуальных объектов либо присущ всем объектам только иногда. Например, бумага всегда имеет цвет (постоянный признак), а какой именно это цвет, зависит от случая: она может быть белой, желтой, желтоватой, серой, черной, красной и т. д. Цвет в данном случае — это собственное, а конкретный цвет (то есть, в конечном счете, характеристика, которую принимает «цвет вообще») — это привходящее.

Это общее место необходимо в том случае, когда оппонент принимает случайный признак за обязательный или называет обязательный признак случайным.

1.5. Целое и части — общее место, в соответствии с которым нечто рассматривают как совокупность компонентов. Если рассмотрение рода и видов касается явлений, которые связаны друг с другом семантически, то рассмотрение частей и целого связано с пространственной или временной смежностью. Например, человек имеет голову, руки, ноги и другие части тела, общество состоит из людей и их объединений, а музыкальное произведение — из звуков, аккордов и мелодий. Практически любой объект действительности мы можем разделить на части, чтобы говорить обо всех или об одной из них.

Прекрасным примером использования общего места «целое и части» является следующее суждение Цицерона об ораторском искусстве:

«Оратор должен соединить в себе тонкость диалектика, мысль философа, язык поэта, память юрисконсульта, голос трагика и, наконец, жесты и грацию великих актеров».

В качестве примера приведем также фрагмент из речи А. Меня «Христианство»:

«Конечно, христианство бросило вызов многим философским и религиозным системам. Но одновременно оно ответило на чаяния большинства из них. И самое сильное в христианской духовности — именно не отрицание, а утверждение, охват и полнота...»

Если в исламе есть абсолютная преданность человека Богу, который является суверенным властелином космоса и человеческой судьбы, то это самое мы находим и в христианстве.

Если в китайском мирозерцании небо — Цянь — является чем-то ориентирующим человека в жизненных вещах, даже в мелочах, в различных оттенках традиций, то и это есть в христианстве.

Если брахманизм (современный индуизм) говорил нам о многообразных проявлениях Божественного, то и это есть в христианстве.

Если, наконец, пантеизм утверждает, что Бог во всем, что он, как некая таинственная сила, пронизывает каждую каплю, каждый атом мироздания, — то христианство и с этим согласно, хотя оно не ограничивает воздействия Бога только этим пантеистическим всеприсутствием».

1.6. Возможное и невозможное — топос, в соответствии с которым некое действие или событие рассматриваются как такие, которые либо возможны, либо невозможны. Оратор в этом случае может опираться, например, на качества того человека, которым это действие было совершено. Используя данный топос, необходимо иметь в виду, что возможность действия еще не означает, что оно действительно имело место, а из кажущейся невозможности нельзя делать вывод о том, что действие не было совершено. Чтобы доказать это, необходимо обратиться к другим аргументам.

Особенность этого топоса состоит в том, что оратор концентрирует внимание не на том, было ли совершено действие или произошло ли событие, а на его возможности, а затем делает вывод о его закономерности (либо оставляет сделать этот вывод слушателям):

«И правда, многим заурядным людям, не имевшим никакого ремесла или занимавшимся каким-нибудь низким ремеслом, права гражданства в Греции предоставлялись неохотно; но неужели регийцы, или локрийцы, или неаполитанцы, или тарентийцы, которые нередко награждали правами гражданства актеров, выступавших на сцене, отказались бы Авла Люциния, увенчанного высшей славой дарования, наградить тем же?»

Этот пример интересен тем, что в нем идет речь о совершенно гипотетической ситуации, поскольку спор, рассматриваемый в суде, касался того, что поэту Авлу Люцинию Архию отказали в гражданстве. Здесь важен культурный фон: римляне ориентировались на Грецию, а

потому для них действия греков в аналогичной ситуации могли иметь вес. Таким образом, рассматривая гипотетическую ситуацию, результат которой вероятен, Цицерон побуждает суд положительно решить вопрос о гражданстве Архия.

2. Сравнение. К этой группе относятся топосы, в основе которых лежит сопоставление нескольких более или менее сходных объектов. В качестве примера, который наиболее общо демонстрирует сущность этой группы общих мест, можно привести фрагмент из речи Цицерона в предыдущем пункте: в нем оратор сравнивает поэта с артистами, имея в виду, что занятия поэзией выше, чем сценическое искусство. Возможно, в этом случае Цицерон намекает на идею Платона о недопустимости театрального искусства в идеальном государстве, а также на значительные достижения греков в поэтическом искусстве и их уважение к поэтам. Благодаря этому рассматриваемая гипотетическая ситуация с гражданством Архия в греческом городе приобретает дополнительную обоснованность и вескость в качестве основания для аналогии: если уж греки делали гражданами своих городов артистов, то поэта они сделали бы гражданином и подавно; поскольку мы хотим быть похожими на греков, нам также надо предоставить гражданство для Архия.

2.1. Сходство и различие — общее место, в соответствии с которым оратор рассматривает нечто с точки зрения его сходств с другими вещами и отличий от них.

В отличие от общих мест из первой группы (определения и родо-видовых отношений), данное общее место учитывает все признаки, которые могут быть существенными в контексте. Если в общих местах первой группы основная задача — определить сущность объекта, указать его место в иерархии сущностей (сходства и различия с этой точки зрения являются вспомогательным средством), то в данном топосе на первый план выступает сравнение как операция, непосредственно направленная на выявление различий.

Кроме того, сходство и различие могут быть как логическими (в этом случае сопоставляемые объекты похожи, поскольку они принадлежат к одной категории), так и образными, основанными на более отдаленных сходствах.

В качестве примера приведем отрывок из речи А. Меня «Христианство»:

«Человек в своих религиозных исканиях бесконечно больше осуществляет свою высшую природу, чем когда он воюет, пашет, сеет, строит. И термиты строят, и обезьяны воют по-своему (правда, не так ожесточенно, как люди). И муравьи сеют, есть у них такие виды. Но никто из живых существ, кроме человека, никогда не задумывался над смыслом бытия, никогда не поднимался выше природных физических потребностей. Ни одно живое существо, кроме человека, не способно пойти на риск — даже на смертельный риск — во имя истины, во имя того, что нельзя взять в руки. И тысячи мучеников всех времен и народов являются собой уникальный феномен в истории всей нашей Солнечной системы».

«Перебирая» отдельные способности человека, Александр Мень приходит к выводу, что по отдельным характеристикам человек не отличается от животных и насекомых (хотя бы некоторых), и тем самым приходит к признаку, в котором человек отличается от них, — к его способности ставить глубинные проблемы о смысле бытия и искать истину. Сопоставление помогает А. Меню сделать свое утверждение более обоснованным, показать важность выделяемого признака на фоне остальных. Естественно, такое рассуждение заметно выигрывает по сравнению с простым утверждением о том, что человек способен мыслить и искать смысл жизни и мира.

2.2. Степень (большее или меньшее) — общее место, в соответствии с которым выявляются различия в количестве признака у разных объектов. Данное общее место предполагает, что двум или более предметам, существам или явлениям присуще одно и то же свойство, отличия же между ними заключаются в том, в какой степени они присущи каждому из них. Например, рассуждая о досто-

инстве какого-то человека (допустим, о его уме), оратор может сопоставить интеллект этого человека с интеллектом другого человека (или других людей) и показать, что первый имеет заметное превосходство.

Примером использования общего места «степень» может служить следующее суждение, приписываемое Сократу: «Говорят, что боги ни в чем не нуждаются; так вот, чем меньше человеку надо, тем больше он похож на бога». Здесь это общее место реализуется не в самом простом виде, поскольку речь идет о двух качествах, которые могут быть представлены в разной степени: «человеку нужно много или мало» и «человек похож на бога».

3. Отношения. К этой группе относятся все общие места, с точки зрения которых рассматриваются разным образом связанные между собой объекты и явления.

3.1. Причина и следствие — топос, в соответствии с которым оратор рассматривает следствия с точки зрения причин, их вызвавших, либо причины, которые вызвали определенное следствие. Тезис при этом может выступать и как причина каких-то событий, и как их следствие. Например, юридическое доказательство того, что какой-то человек совершил преступление (следствие), нередко опирается на наличие мотива (причины) — заинтересованности преступника в результате преступления. С другой стороны, в рассуждении о том, что преступление — это нежелательное действие, поскольку оно влечет за собой нежелательные для общества последствия, понятие «преступление» оказывается частью причины этих последствий.

Приведем в качестве примера высказывание Франклина Рузвельта о налогах из речи, произнесенной им в Питтсбурге 19 октября 1932 года:

«Налоги пропитаны потом всякого, кто трудится. Результатом чрезмерных налогов являются бездействующие фабрики, проданные за недоимки фирмы и толпы голодных людей, бродящих по улицам в напрасных поисках работы».

В данном случае общее место «причина и следствие» является источником аргумента к страстям, который основан на том, что оратор вызывает определенные чувства (в нашем случае — сострадание) аудитории и тем самым вынуждает аудиторию принять его положение и устанавливает с ней эмоциональный контакт.

И еще один пример:

«Между тем в деревне Люторичи до 700 жителей; они все отказывались допустить опись; они все, судя по ныне мной представленному приговору, считают себя беззаконно разоренными Фишером. Вот кого или из числа которых и следовало бы спросить: кто вас подговаривал не допускать описи? Они могли сказать, нуждались ли они в подстрекательстве или наболела у них эта мысль сама собой. А их не спросили, и на мимолетных, плохо вяжущихся между собой впечатлениях урядников и полиции построили тяжелое обвинение.

Не верьте ему, господа судьи!

Но подстрекатели были. Я нашел их и с головой выдаю вашему правосудию: они — подстрекатели, они — зачинщики, они — причина всех причин...

Бедность безысходная, бедность — создание Фишера, одобряемая его владыкой, беззастенчивая эксплуатация, всех и все доведшая до разорения, — вот они, подстрекатели!» (Ф. Н. Плевако).

В этом примере, взятом из речи в защиту люторичских крестьян, Ф. Н. Плевако прямо спрашивает о том, что привело к бунту и неповиновению и называет эту причину — бедность крестьян. Это вполне естественно, поскольку вопрос о мотиве может быть достаточно важным в судебном разбирательстве. Дополнительный эффект указанию на причину и следствие придает метафора: адвокат называет неодушевленную причину «подстрекателем», то есть рассматривает ее как нечто живое, одушевленное.

3.2. Предшествующее и следующее — топос, в соответствии с которым говорящий определяет, какие события предшествовали, а какие — следовали.

Это общее место очень похоже на предыдущее, однако их не следует путать. В первом случае речь идет о причине и следствии, во втором — об отношениях между событиями, только напоминающими причину и следствие. Например, овдовевшая женщина может выйти замуж повторно, а следовательно, смерть супруга является одним из условий для повторного брака. В то же время смерть супруга *не является причиной* этого события, поскольку вдова может как выйти, так и не выйти замуж повторно. При этом два события — смерть супруга и повторное замужество — всегда происходят в строгой последовательности. Женщина не может выйти замуж повторно, если ее муж жив (и они не разведены).

3.3. Противоположность и противоречие — топос, предполагающий обращение к понятиям, дополняющим понятие, которое входит в тезис. В русской риторике этот топос традиционно называли «противное».

В логике принято различать контрарные и контрэдикторные отношения между понятиями. *Контрарные отношения (отношения противоположности)* связывают два понятия, которые при объединении не исчерпывают родового понятия. Например, противоположными являются понятия «белое» и «черное», поскольку к их родовому понятию («цвет») относятся и другие цвета (красный, синий, зеленый и т. д.)

Контрэдикторными (противоречащими) являются два понятия, которые при объединении исчерпывают значение родового термина или, по крайней мере, все альтернативные возможности. В случае с цветом контрэдикторными будут понятия «белый» и «не белый». Точно так же контрэдикторными являются понятия «виновен» и «не виновен». Приведем пример из диалога Платона:

«Сократ: О народе ты еще подумаешь, но уж о себе и своих будущих товарищах-ораторах ты, конечно, думал, и не раз. Так скажи мне вот что: бывают ведь и такие нехорошие ораторы, которые обманывают народ ему во вред. Некоторые делают это ненамеренно, а некоторые даже намеренно. Какие же все-таки лучше, а какие хуже?»

В этом примере Сократ опирается на контрадикторные понятия «намеренности» и «ненамеренности» (эти понятия являются противоречащими, поскольку третьей возможности нет). Это деление оказывается важным с точки зрения дальнейшего рассуждения Сократа: опираясь на аналогию между намеренным и ненамеренным обманом, с одной стороны, и намеренным и ненамеренным письмом с ошибками, он показывает, что намеренный обман лучше, поскольку оратор, обманывающий намеренно, может отказаться от обмана.

3.4. Действие/претерпевание. Обращаясь к этому топосу, оратор стремится выяснить, «кто что кому делает» и «кто что к кому испытывает».

В этом случае существенно, что если, например, один человек оказывает какое-то воздействие на другого человека, то этот второй человек непременно испытывает данное воздействие. На первый взгляд, эта мысль тавтологична, не несет ничего нового. Однако иногда такой поворот может быть очень полезным.

Приведем пример из судебной практики. В настоящее время все более и более частыми становятся обращения в суд по поводу возмещения морального и физического вреда — страданий, причиненных действиями или бездействием другого лица или организации (приблизительно так определяется понятие вреда в юриспруденции). При этом законодательство требует, чтобы истец доказал два момента: во-первых, это наличие страданий, а во-вторых, связь между страданиями и действиями или бездействием их причинителя. Такое доказательство содержит в себе общее место «действие и страдание». Особенно ярко это проявляется в том случае, когда страдания были причинены ненамеренно. В этом случае мы имеем дело с двумя суждениями. Во-первых, это суждение «Х испытал страдания из-за того, что Y вел себя определенным образом». Во-вторых, это выводимое из него в соответствии с данным общим местом суждение «Y причинил страдания X». В случае, когда вред был причинен неосознанно, такой вывод неочевиден, но правилен.

Важность этого топоса иллюстрирует следующий фрагмент из речи И. М. Кисенишского, произнесенной в защиту подсудимого Давитая:

«Гевондян действительно говорил на следствии, что был свидетелем того, как Маркарян за что-то ударил Давитая и от этого удара разлился бензин из имеющегося у него в руках ведра, попав на одежду и тело Маркаряна.

На обоих судебных процессах скрупулезно проверялись и уточнялись показания Гевондяна, выяснялись подробности и обстоятельства этого инцидента.

Что же показал Гевондян по существенным обстоятельствам этого события?

На первом допросе он сказал: «Первым ударил Маркарян. После этого удара выплеснулось ведро». Вопрос: «Что Вы понимаете под словом «выплеснулось», считаете ли Вы, что Давитая плеснул бензин нарочно, что затем — поджег?» Ответ: «Я видел, как выплеснулась жидкость из ведра, но я не утверждаю, что Давитая нарочно плеснул бензин. Я не видел и не знаю, кто поджег».

На нашем судебном процессе Гевондян показал также достаточно определенно: «Сам факт видел так. Давитая с ведром подошел к Маркаряну, и тот его ударил. Жидкость из ведра выплеснулась на Маркаряна. Я лично не видел, чтобы Давитая поджег Маркаряна».

Попытались уточнить этот инцидент, конкретизировать вопрос: «Одно дело — «выплеснулся бензин», другое дело — «плеснул бензин из ведра» — это разные вещи. Как же все-таки было?» Ответ был однозначен: «Сейчас могу сказать точно: бензин выплеснулся после удара Маркаряна».

Совершенно ясно, что от того, как именно происходили события, в этом случае зависит наличие или отсутствие обвинения в намеренном нанесении увечий другому лицу. Поэтому обратим внимание на следующий момент: приведенные показания позволяют доказать, что в действительности Давитая не только не обливал Маркаряна бензином, но бензин выплеснулся на Маркаряна из-за того, что он ударил Давитая. Конечно, эта ситуация

напоминает разбирательство школьников, однако от ее исхода очень многое зависит.

5. Обстоятельства. К этой группе принадлежат общие места, которые характеризуют событие с точки зрения дополнительных признаков, которые ему сопутствовали.

5.1. *Время* — общее место, которое предполагает обращение к временным характеристикам объекта речи. Ярким примером использования этого общего места является рассуждение о том, в какое время (в какую эпоху) жила историческая личность (например, писатель) и как эта эпоха определила поведение (например, творчество) данного человека. Любой человек, который учился в школе, писал сочинения и читал учебники по литературе, а потому наверняка сталкивался с подобными рассуждениями.

Существует множество временных «шкал», на которые может опираться оратор. В частности, это время суток, времена года, периоды человеческой жизни. В более широком смысле к этому общему месту можно отнести, например, рассуждения о том, в какое время (в какую эпоху) жил человек и как это время повлияло на него.

5.2. *Место* — общее место, которое указывает на любую локализацию события. В узком смысле — это пространственная локализация (например, «описываемые события произошли по такому-то адресу»), а также географическая локализация («это происходило в Москве, в России»).

В более широком смысле данный топос соотносится и с социальным местом (местом, которое человек занимает в социальной системе). Традиционно такое «место» связывается с понятием социального статуса. Примером наименований статуса могут служить слова «президент», «отец», «ребенок», «преподаватель», «преступник». Очевидно, что в таком понимании топос «место» сближается с топосами, определяющими сущность предмета (определение, род и вид).

5.3. *Цель* — общее место, в соответствии с которым оратор обращается к действию и намерениям совершив-

шего его лица или, в более широком смысле, к телеологическому объяснению — объяснение чего-либо через цель, для которой это существует. Используя это общее место, оратор отвечает на вопросы «зачем?», «для чего?», «с какой целью?»

5.4. Средства — общее место, предполагающее постановку вопросов: «с помощью чего?», «как? каким образом?», «с чьей помощью?» и т. д.

6. Свидетельства — эта группа объединяет общие места, которые соотносятся с разнообразными источниками мнений. Если во всех предыдущих случаях речь идет об объективных, не зависящих от человека качествах действительности (философ-идеалист, пожалуй, в этом случае предпочел бы говорить о свойствах мысли и представлений), то последняя группа общих мест соотносится с источниками, из которых мы получаем информацию о том, что думали, видели, слышали другие люди.

6.1. Ссылка на авторитеты — топос, который помогает говорящему усилить свой аргумент путем ссылки на человека (или людей), которые пользуются уважением в аудитории. С древних времен был даже выделен особый «аргумент авторитету». Его сущность состоит в том, что оратор доказывает правильность своего утверждения не путем ссылки на факты или логические законы, а при помощи указания на мнение, сила которого состоит не в его правильности, а в том, кому оно принадлежит. Примером этого общего места могут служить многочисленные выражения вроде «как писал Аристотель», «по мнению Х. Перельмана» и т. д., которые часто встречаются в данном учебнике. Цитаты тоже часто представляют собой использование общего места «ссылка на авторитеты».

6.2. Свидетельства очевидцев — топос, близкий к предыдущему, но основывающийся на свидетельстве, которое само по себе заслуживает доверия, однако было сделано человеком, который не обладает исключительным авторитетом с точки зрения аудитории. Естественно, в этом случае необходимо ссылаться на свидетельство, ко-

торое сделал человек, не вызывающий особых подозрений и недоверия, поскольку именно благодаря ссылке на то, что этот человек видел и может подтвердить, такой аргумент приобретает силу.

К этому же общему месту следует отнести и ссылку говорящего на собственный опыт или опыт самой аудитории. Другими словами, этот топос основывается не только на свидетельстве третьего лица. При этом ссылка на опыт аудитории оказывается наиболее сильным ходом: если аудитория действительно испытывала или видела нечто подобное, она не сможет отрицать свидетельства своих собственных чувств. В случае, когда говорящий ссылается на свой опыт или опыт третьего лица, это сделать гораздо проще.

6.3. Максимы или поговорки — топос, в соответствии с которым говорящий придает вес своему аргументу, ссылаясь на пословицы, поговорки, а также традиции, стереотипы, предрассудки и т. д., то есть на любые распространенные мнения, которые существуют в общественном сознании. Когда Аристотель на страницах «Риторики» пишет, что люди, которые требуют доказательств того, что родителям необходимо подчиняться, заслуживают не доказательства, а наказания, он фактически использует данный топос.

Данный топос достаточно близок к ссылке на авторитеты, поскольку общественное мнение, коллективный опыт, находящие воплощение в максимах и пословицах, в целом ряде случаев действительно является хорошим обоснованием для аргументов. Однако если в этом случае максимы являются анонимными, то в случае со ссылкой на авторитеты они всегда имеют автора.

6.4. Слухи — топос, в соответствии с которым говорящий ссылается на неподтверждаемые другими способами сведения. Хотя в Греции такой аргумент имел определенную силу даже в судебных разбирательствах, в настоящее время он утратил свою силу, по крайней мере — в целом ряде сфер. Тем не менее этот топос может ис-

пользоваться в неюридических отношениях, когда один человек стремится дискредитировать другого...

6.5. Свидетельства, данные под клятвой, — топос, который также имеет ограниченную ценность. В отличие от предыдущего случая свидетельства, данные под клятвой, имеют ценность, как правило, в рамках юридических отношений. Впрочем, мы нередко клянемся, стремясь подтвердить правдивость того, что вызывает у наших собеседников недоверие (хотя такие клятвы вряд ли имеют особую силу).

6.6. Документы — топос, в соответствии с которым говорящий обращается к письменным подтверждениям своего положения. К документам относятся любые закрепленные в письменной форме высказывания и обязательства, например, письма, договоры, записки, дневники и т. д.

6.7. Закон — топос, в соответствии с которым говорящий подтверждает свой тезис при помощи ссылки на закон. Данный топос наиболее уместен в рамках юридических отношений, когда имеется необходимость доказать виновность (или невиновность) определенного лица, и не используется в других ситуациях. Исключением может служить разве что ситуация, когда в хвалебной речи некое лицо ставится в пример как законопослушный гражданин.

6.8. Прецедент — топос, в соответствии с которым говорящий доказывает правильность тезиса при помощи ссылки на аналогичный случай в прошлом. В строгом смысле прецедент — это юридическое понятие; участники судебного процесса в случае, если какой-то вопрос не урегулирован законодательно, могут ссылаться на решения суда, вынесенные по аналогичному делу.

Однако данный топос может использоваться и в более широком контексте. Например, мы можем указать на событие в прошлом и последствия, которые эти события повлекло, а затем на основании этого примера сделать вывод о том, что в будущем может случиться то же самое. Оратор ссылается на реальные события, которые

имели не менее реальные последствия, а не рассматривает гипотетическую, создаваемую им только в воображении. В последнем случае выводы всегда можно поставить под сомнение, показав, что не менее вероятным является и другой исход.

2.4. Общие места и оценка

Топосы как совокупность положений, которые аудитория принимает как истинные, можно разделить на общие и частные. А потому совершенно естественным является вопрос о связи между топосами, на которые опирается оратор.

Общими являются топосы, которые признаются правильными в любой аудитории, частными — топосы, которые могут быть приняты только в некоторых аудиториях либо только частью аудитории.

В связи с разграничением общих и частных топосов необходимо делать несколько замечаний.

1. Нередко можно встретить мнение, что универсальные топосы, как и универсальные средства доказательства, — это все то, что связано с рациональным знанием. В частности, известный теоретик риторики Х. Перельман предложил выделить два типа посылок: 1) посылки, представленные фактами, истинами и предположениями (рациональные аргументы), и 2) топосы в собственном смысле слова — посылки, которые основаны на ценностях и иерархиях предпочтения (под последними имеется в виду ценность явлений и действий относительно друг друга). Первый тип посылок, по мнению Перельмана, применим в любой аудитории, второй тип — только в некоторых аудиториях или только по отношению к части аудитории.

Эта точка зрения справедлива, но лишь отчасти. Дело в том, что не для всех аудиторий рациональная, логическая аргументация будет уместной и эффективной. Например, в результате исследований было выявлено, что преимущественно женская аудитория в большей степени реагирует на эмоциональную речь, тогда как в мужской аудитории более эффективной оказывается логика. Кро-

ме того, чем менее образованной является аудитория, тем больше в речи должно быть конкретных, наглядных примеров; от логических рассуждений по возможности необходимо отказаться (по крайней мере, в такой аудитории количество логических аргументов должно быть сведено к минимуму, а при их использовании оратор должен подробно и обстоятельно демонстрировать связь между тезисом и аргументами). Это обусловлено тем, что люди с невысоким уровнем образования не обладают умением и опытом рассуждать. Поэтому в речи, адресованной к женщинам с невысоким уровнем образования, крайне чтимая мужчинами-риторами рациональная аргументация может неожиданно оказаться неуниверсальной.

Кроме того, существуют ценности, которые разделяются если не всеми, то подавляющим большинством людей. Такой ценностью, например, является человеческая жизнь: даже расист, стремящийся к уничтожению целого народа, или большой начальник, относящийся к людям как к «винтикам», вряд ли станут публично отрицать ценность человеческой жизни (если, конечно, они заботятся о своей репутации). А это означает, что и топосы — ценностные суждения, лежащие в основе речи, в соответствии с определением будут не частными, а общими.

Вообще деление топосов на общие и частные (в том случае, если оно опирается на их применимость в любой аудитории и к любому случаю) вряд ли можно считать правомерным. Любые правила знают исключения. Например, действие, соверщенное подсудимым, действительно является убийством, однако не любое убийство является преступлением, заслуживающим наказания. Но никому не придет в голову обвинять солдата в том, что он убил солдата неприятельской армии, хотя его действия обычно вполне укладываются в определение преступления. Это действие можно оправдать даже применительно к солдату-противнику.

Опасность такого деления, по-видимому, состоит в том, что оратор расслабляется, а его бдительность и «готовность к бою» притупляются. И действительно, если в на-

ших руках есть универсальное орудие в виде положений, которые будут оказывать воздействие всегда, зачем прилагать дополнительные усилия? На это можно ответить только вопросом: а как быть, если случайно окажется, что очевидное не принимается аудиторией за очевидное?

2. Следует иметь в виду, что человеку свойственно рассматривать как общие те топоры, которые в действительности могут рассматриваться как частные. Склонность универсализировать какие-то представления и положения характерна для человека. В этом нет ничего странного, поскольку убеждения обычно отражают наш опыт и создают стабильную, устойчивую картину мира. Это необходимо, поскольку жить в постоянной неопределенности невозможно. Даже негативные убеждения, способные испортить или осложнить жизнь, лишив ее возможных удовольствий (вроде убежденности параноика в том, что все люди хотят причинить ему зло), выполняют и положительную функцию: они могут уберечь человека от новых разочарований, поскольку *некоторые* люди действительно могут хотеть причинить ему зло. Опытные психиатры и психотерапевты стараются относиться к любым внешне параноидальным фантазиям непредвзято, поскольку человек может говорить о реальных опасностях, которые возникли в его жизни (пусть даже и в силу того, что это человек с больной психикой).

Несмотря на то что в наши дни релятивизм становится все более и более распространенным, любой человек нуждается в том, что было бы неизменным и стабильным. По крайней мере, уже само утверждение «Все ценности относительны» может быть убеждением, которое помогает человеку жить и справляться с трудностями и разочарованиями во взаимодействиях с другими людьми.

С этой точки зрения любое деление общих мест на универсальные и частные всегда может быть подвергнуто критике и в конечном счете является относительным.

Это справедливо и для любого учебника риторики, в котором утверждается, что существуют универсальные и неуниверсальные источники доказательств и положений.

Исключением не является и данный учебник. Поэтому остается только посоветовать читателю самому определять, что именно он будет считать универсальным, поскольку это субъективно решаемый вопрос, и быть готовым к тому, что в практической деятельности придется искать доказательства даже того, что кажется бесспорным.

2.5. Аргументация

Как уже указывалось, аргументация — это важнейший компонент речи, при помощи которых оратор стремится что-то доказать аудитории. Напомним также, что аргументация в широком смысле этого слова всегда включает *тезис* (доказываемую спорную мысль), *аргументы* и *демонстрацию* (показ связи между тезисом и аргументами)¹⁵. В случае, если нет необходимости доказывать что-либо, нет и тезиса, то есть спорного утверждения. А потому все, что будет сказано ниже, относится только к речам, в которых реализуются установки на наблюдение, рассуждение или действие.

Прежде чем переходить к изложению этой важной части изобретения, необходимо сказать о том, в чем состоит специфика риторической аргументации. Риторическая аргументация во многом напоминает логическую, однако совпадение между ними не является полным. В действительности и сходство между ними является только внешним; не случайно современные теоретики риторики (например, бельгиец Х. Перельман) называли часть риторической аргументации не логической, а квазилогической (то есть псевдологической). Без четкого понимания этого оратор может неосознанно подменять риторическую аргументацию аргументацией логической и научной, что в действительности не соответствует сути риторики, а также существенно ограничивает оратора с точки зрения возможностей, которые имеются в его распоряжении.

Риторика и логика возникли одновременно и изначально задумывались как дополняющие друг друга дисциплины. По крайней мере, уже у Аристотеля мы нахо-

дим их последовательное противопоставление. Тем не менее в настоящее время очень часто встречается недостаточно полное осознание этих различий.

В чем же состоят различия между риторической логической аргументацией и логическими доказательствами в собственном смысле этого выражения?

1. Для логики рассуждение является логичным или нелогичным в силу своего строения, она исключает из рассмотрения адресанта (автора сообщения) и адресата (его получателя). Например, любое умозаключение, построенное по схеме «Если все А суть В, а все В суть С, то все А суть С», признается правильным, поскольку в его основе лежит соответствующая аксиома. Для риторики **фигуры адресанта (оратора) и адресата (аудитории) очень важны**. Дело в том, что основная задача риторики, в отличие от задачи логики, состоит не в доказательстве того или иного положения, а в изменении мнений адресата. Риторика действует там, где есть сопротивление, в первую очередь — в виде мнений, убеждений и предрассудков аудитории. Если же кто-то не принимает доказательства, построенного логиком, то логик может лишь вздохнуть и подумать о том, что у этого человека не все в порядке с головой, раз он не может принять таких очевидных вещей.

В соответствии с этим со времен Аристотеля выделяют три основных группы средств, при помощи которых может осуществляться доказательство тезиса: «страсти» (этос), «аргументы» (логос) и «нравы» (пафос). Аристотель связывал «страсти» со слушателями, а точнее, с теми чувствами, которые они испытывают по отношению к тому, что говорит оратор. «Нравы» он определял как доказательства, исходящие от личности оратора. Сейчас их толкуют в основном как авторитет, который имеет оратор в глазах аудитории, хотя сам Аристотель однозначно указывал на то, что в действительности эти доказательства не имеют отношения к прошлым заслугам оратора, они представляют собой результат самой речи, а следовательно, проявляются в виде убеждения аудитории в высоких моральных качествах оратора, которое возникает в силу

того, что именно он говорит. И только третий тип доказательств («аргументы») исходит из самого содержания речи, из особенностей ее объекта. Как видно, роль адресанта и адресата в риторике действительно велика.

2. Риторика оперирует не истинными, а лишь вероятными утверждениями. Это еще одна важная мысль, которую нередко пропускают современные исследователи, занимающиеся проблемами риторики и ораторского искусства. Если логика является средством, при помощи которого наука получает новое знание, то сфера действия оратора — это общественная жизнь. А в общественной жизни более важными являются не точные знания, а *мнения*. Дело не в том, что знания не важны, а наука ничего не значит с точки зрения жизни. Просто мнения — это среда, в которой органично существует любое общество. Естественно, человек может быть абсолютно уверен в чем-то и потому станет утверждать, что он это «знает совершенно точно». Однако от этого его мнение не перестанет быть мнением.

Для оратора крайне важно найти точки пересечения с аудиторией. Если таких точек пересечения не будет найдено, взаимодействие с аудиторией не приведет ни к чему, кроме споров и взаимных обвинений. Такими точками пересечения являются убеждения, которые разделяются и оратором, и аудиторией.

По этой причине любые рассуждения оратора не являются логическими в собственном смысле слова, они остаются квазилогическими (именно так назвал их современный теоретик риторики Х. Перельман, который стремился возродить на современной почве взгляды Аристотеля). Это необходимо иметь в виду далее, когда мы будем говорить о логической аргументации.

3. Риторическая аргументация шире, чем логическая. Логические (то есть «квазилогические») аргументы не являются единственно возможными при обосновании тезиса. Риторика рассматривает и систематизирует другие средства убеждения, например, частные случаи, на кото-

рые можно сослаться как на пример или образец, а также аналогию, которая помогает нам прояснить, сделать более заметными какие-то стороны объекта. Естественно, такие средства не могут считаться логическими.

Выше мы уже указывали на восходящее к Аристотелю деление на три вида: логос, этос и пафос. Только первый вид аргументов имеет отношение к логике. Но даже в этом случае Аристотель противопоставляет риторические и «диалектические» (логические) аргументы и даже вводит для них особые названия: силлогизму и наведению в логике соответствуют риторические энтимемы и примеры¹⁶. Для Аристотеля вообще характерна попытка последовательно провести границу между логикой и риторикой, продемонстрировать их взаимные сходства и соответствия, которые в действительности являются следствием их различий.

Наконец, риторическая аргументация шире логической и в смысле применения. В большинстве учебников по риторике и логике высказывается мнение, что логическая аргументация является универсальной, применимой в любой ситуации и к любой аудитории, тогда как использование всех остальных средств убеждения зависит от контекста — от той ситуации, в которой произносится речь. Это мнение, в целом обоснованное, все же вызывает возражения. Наверное, слишком сильным было бы утверждение о том, что специалисты-логики переоценивают значение логической аргументации в силу своих «цеховых» интересов. Тем не менее, представляется очевидным, что в некоторых ситуациях чрезмерное внимание к логическим доказательствам неуместно.

4. Особенность риторической аргументации состоит также в том, что она выбирает порядок, обратный нормальному порядку в логическом доказательстве. Логика используется для выведения нового знания из того, что уже известно, то есть из посылок. Риторика исходит из обратного порядка: имеется суждение (тезис речи), который необходимо обосновать, то есть выявить аргументы, которые заставили бы аудиторию принять этот тезис.

Таким образом, в логике вывод следует за его посылками, которые являются его основанием, тогда как в риторике вывод предшествует обоснованию, которое оратор специально создает для того, чтобы доказать тезис.

Основная заслуга в формировании такого (пожалуй, единственно правильного) подхода к риторической аргументации во многом принадлежит софистам. Софистов принято ругать за их готовность следовать туда, куда ведет их доказательство, особенно этим прославились Сократ и Платон (причем по большому счету образ софистов, с которым мы сейчас имеем дело, сложился благодаря Платону).

О том, почему эта критика не кажется нам совершенно обоснованной, мы уже говорили в первом разделе учебника, посвященном истории риторики.

5. Наконец, риторика требует доказывать только те положения, которые имеют общественную значимость, тогда как логику в большей степени интересует форма, а не содержание доказательства. Логические законы могут применяться к любому содержанию, в том числе и к совершенно тривиальному, в результате чего мы все равно получаем правильное рассуждение. Например, с точки зрения логики совершенно равнозначны следующие умозаключения:

Все книги имеют больше одной страницы. Это книга. Следовательно, в ней больше одной страницы.

Если человек совершил убийство, он не может спать спокойно. Человек спал спокойно. Следовательно, он не совершал убийства.

Очевидно, что первое умозаключение не имеет такой же значимости, которая есть у второго: вряд ли от первого рассуждения может зависеть жизнь и благополучие какого-то человека. Однако второе умозаключение, приведенное на суде, может стать причиной оправдания человека, которого несправедливо и необоснованно обвиняют в совершении преступления. В связи с этим можно привести мысль Аристотеля, который писал в «Топике», что любой человек, который задается вопросом, следует

ли любить родителей, заслуживает лишь наказания, а человеку, который спрашивает, бел ли снег, достаточно взглянуть на него. Это утверждение задает границы, в которых риторика использует логическую аргументацию. И эти границы зависят в первую очередь от необходимости установить контакт с аудиторией. Понятно, что первое умозаключение из приведенных выше не имеет ценности с точки зрения воздействия.

Наконец, необходимо остановиться на еще одном моменте. Основная цель аргументации состоит в убеждении аудитории, то есть в принятии аудиторией идей, которые излагает говорящий. По этой причине связь между аргументацией как средством убеждения и такими понятиями, как «истина» и «добро», лишь желательна, но не обязательна. Если это выгодно говорящему, аргументация может быть направлена на доказательство утверждений, которые являются заведомо ложными либо морально неприемлемыми.

Естественно, это следует осудить. Однако нельзя отрицать того факта, что риторика — это всего лишь нейтральное орудие, которое может использоваться как во благо, так и во вред. Поэтому ничто не может гарантировать, что риторические положения не будут использоваться для неблагоприятных целей.

2.6. Классификация аргументов

В риторике было предложено два главных основания для классификации аргументов. Во-первых, это деление доказательств на естественные и искусственные, во-вторых — выделение доказательств в соответствии с такими аспектами ораторской речи и, шире, риторической коммуникации, как логос, этос и пафос.

1. Традиционным для риторики является выделение естественных и искусственных доказательств. **Естественные доказательства** — это показания свидетелей, документы, то есть все то, что удостоверено людьми благодаря тому, что они видели или слышали.

Искусственные доказательства определить несколько труднее, поскольку они представляют собой все доказательства, которые не являются естественными. Так называют доказательства, которые так или иначе связаны с необходимостью рассуждать. Например, если мы имеем показания свидетеля и если эти показания подтверждают нашу точку зрения, нам нет необходимости приходить к каким-то выводам при помощи рассуждений. «Х убил У, и Z видел это, а потому может подтвердить». Подтверждение того, что факт имел место, непосредственно содержится в словах свидетеля. Ситуация кардинально меняется, если свидетеля событий нет. В этом случае мы, подобно сыщику из детективного романа, вынуждены прибегать к рассуждениям, то есть на основе известных фактов делать заключения о том, как разворачивались события (так сказать, «восстанавливать картину преступления»). Любые способы, которые мы используем для того, чтобы преодолеть отсутствие свидетельств, и являются искусственными доказательствами.

2. Искусственных доказательств гораздо больше, чем естественных. Именно поэтому дальнейшая классификация будет касаться искусственных доказательств.

Аристотель выделял три вида доказательств. В частности, в «Риторике» он пишет: «Что касается способов убеждения, доставляемых речью, то их три вида: одни из них находятся в зависимости от характера говорящего, другие — от того или иного настроения слушателей, третьи — от самой речи. Эти последние заключаются в действительном или кажущемся доказывании». Доказательства, исходящие от характера говорящего, традиционно соотносят с *этосом* («нравами»), доказательства, исходящие от настроения слушателей, — с *пафосом* («страстями»), а доказательства, исходящие от самой речи, или, точнее, от структуры предметного мира, с которой речь соотносится, — с *логосом* («аргументами» в собственном смысле этого слова).

Это самые общие основания для классификации, более подробно виды аргументов описываются ниже. Пока же отошлем читателя к рисунку 2, на котором представлена классификация аргументов.

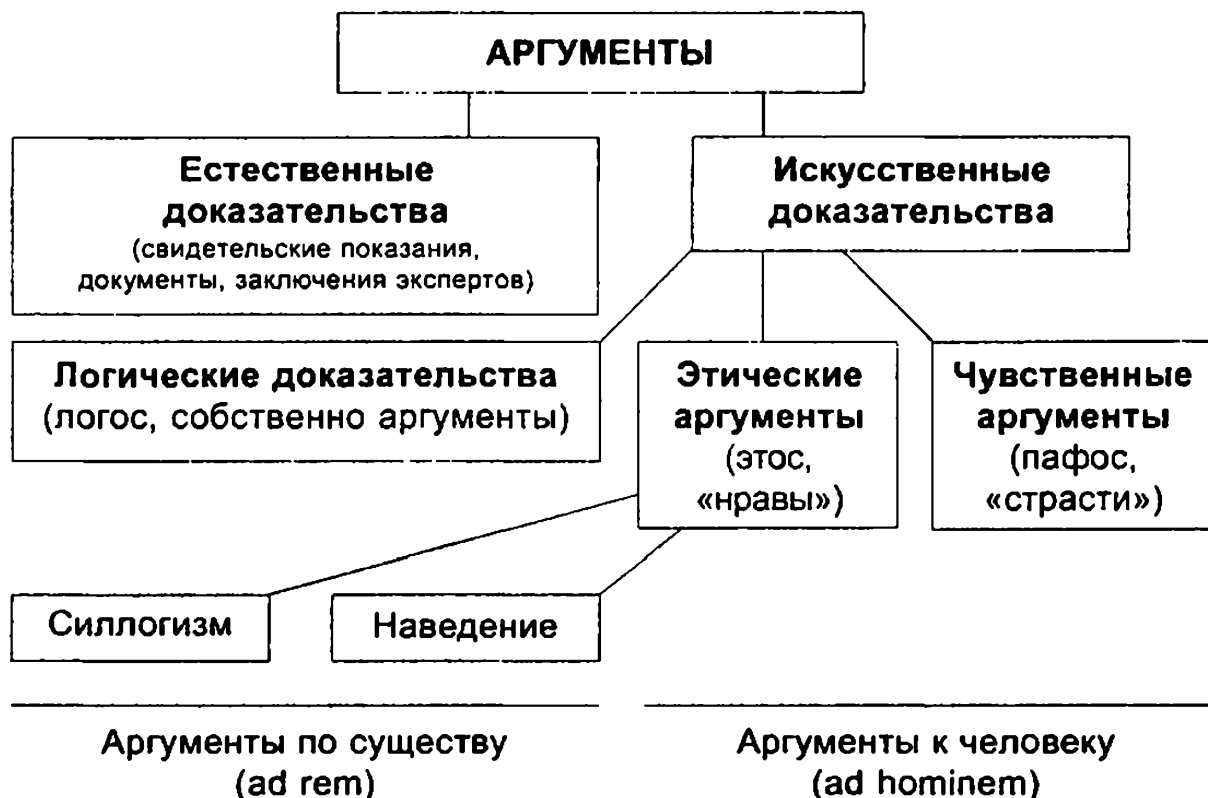

Рисунок 2. Виды аргументов

2.7. Естественные доказательства

Основная задача, которую любой оратор решает при помощи естественных доказательств, состоит в выяснении того, имел ли место тот или иной факт. Хотя это может быть установлено и на основании косвенных признаков при помощи умозаключений, естественные доказательства обладают большим весом, поскольку позволяют построить более достоверную картину.

Основные источники естественных доказательств — это свидетельства очевидцев и документы. Границу между ними установить достаточно сложно, поскольку нередко свидетельства фиксируются в документах, а письменные источники (например, воспоминания) не всегда могут рассматриваться как документы в юридическом и административном смысле этого слова.

1. Свидетельства — утверждения людей, которые присутствовали при событии или неподалеку и обладают какой-либо информацией, имеющей значение с точки зрения установления действительного развития ситуации. Обычно свидетельские показания касаются того, что люди видели, однако речь может идти и о том, что люди слышали или ощущали, а также о том, что они узнали из уст непосредственных участников или очевидцев сразу после событий. С точки зрения субъекта свидетельства можно разделить на четыре группы.

а) Собственные восприятия аудитории. Это едва ли не самый «надежный» вид естественных доказательств, поскольку человек обычно доверяет своим собственным чувствам.

б) Свидетельства других людей. Естественные доказательства этой разновидности наиболее действенны, если человек, на опыт которого ссылается оратор, с точки зрения аудитории заслуживает доверия, то есть не может стать объектом аргумента к человеку (см. соответствующий раздел).

Обращение к свидетельствам других людей обязательно тогда, когда речь идет о событиях прошлого, которые не могли видеть ни аудитория, ни оратор. В этом случае при подготовке речи оратор обращается к источникам (воспоминаниям, дневникам, документам), по которым восстанавливает ход и обстоятельства событий.

в) Свидетельства самого оратора. Использование этой разновидности доказательств естественно в том случае, если говорящий выступает в качестве свидетеля, который дает показания, то есть в ситуации судебного разбирательства. Однако есть и другие случаи, когда оратор может сослаться на собственный опыт.

г) Ссылки на общезначимый опыт, который имеет (или мог бы иметь) любой человек. Такое знание далеко не всегда опирается на опыт, оно может быть получено человеком от других людей. Например, суждения «Крапива жжется» и «Собака кусается» не нуждаются в

каком-то специальном подтверждении: любой человек, даже если он не имел возможности проверить истинность этих утверждений, что называется, «на собственной шкуре», знает случаи, когда крапива обжигала, а собака кусала кого-либо. К этой же категории можно отнести и такие утверждения, которые не соотносятся непосредственно с опытом слушателей, однако косвенно могут быть выведены из их сходного опыта.

Можно дать одну рекомендацию относительно того, как следует «подавать» свидетельства. Оратор должен стремиться к тому, чтобы его описание содержало много деталей и было ярким, возможно, образным. Такая подача свидетельств нередко помогает компенсировать их недостаточность. Если оратор сумеет нарисовать картину, которую аудитория сможет ясно себе представить, задачу можно считать достигнутой. При этом описание может содержать детали, которые не касаются существа дела, и, возможно, даже являются вымышленными. В любом случае необходимо сделать так, чтобы описание было психологически убедительным. Оратор должен занять позицию наблюдателя, свидетеля событий и описать их так, как будто они стоят у него перед глазами.

Эффективным нередко оказывается и обращение к внутренним переживаниям, которые оратор как бы реконструирует в речи, рассуждая о мотивах, намерениях и чувствах участника событий. Особенно эффективным это оказывается в рамках судебного разбирательства, хотя может использоваться и в других ситуациях.

Приведем в качестве примера фрагмент из речи известного русского адвоката В. Д. Спасовича, произнесенной в связи с делом Дементьева, который, будучи военным, отказался исполнять приказание поручика и оскорбил его. Обратите внимание на фрагменты, выделенные жирным шрифтом, на их языковые особенности (в частности, на использование настоящего времени, позволяющего представить события как происходящие перед глазами) и позицию наблюдателя-очевидца, которую они отражают. Существенно, что адвокат не был свидетелем этих

событий, однако, опираясь на показания других людей, представляет их так, как если бы видел своими глазами.

«На улице Малой Дворянской есть большой дом, занимаемый внизу простонародьем; бельэтаж занимает Данилова и другие жильцы, затем в мезонине живет Дементьев с женой и дочерью. У Даниловой есть собака, большая и злая. Из приговора мирового судьи видно, что она бросалась на детей и пугала их. 5 апреля настоящего года эта собака ужаснейшим образом испугала малолетнюю дочь Дементьева, которую отец страстно любит, ради которой он променял свою свободу на военную дисциплину. Девочка шла с лестницы по поручению родителей; собака напала на нее, стала хватать ее за пятки. Малолетка испугалась, закусил губу в кровь и с криком бросилась бежать. На крик дочери отец выбежал в чем был, в рубашке, в панталонах, в сапогах, не было только сюртука. Он простой человек, он нижний чин, ему часто случалось ходить таким образом и на дворе, и в лавочку. А тут рассуждать некогда, собака могла быть бешеная. Собаку втаскивают в квартиру, он идет за ней, входит в переднюю и заявляет: «Как вам не стыдно держать такую собаку».

2. Документы — письменные источники, на основании которых можно восстановить ход событий. Документы могут быть источниками естественных доказательств как непосредственно, так и косвенно. В первом случае документы содержат прямые подтверждения и обычно создаются именно для подтверждения (примером в данном случае может служить стенограмма показаний свидетеля, справка врача или заключение эксперта). Такие документы оратор может использовать как в виде цитат, так и при реконструкции событий, при создании яркой и психологически достоверной картины, которая предъясняется аудитории.

Косвенно документы подтверждают то, что события имели или не имели места, в том случае, если они являются уликами. В этом случае факты, отражаемые в доку-

ментах, используются не в чистом виде, а в составе рассуждений, так как улики всегда предполагают более или менее сложные умозаключения.

2.8. Логические аргументы (логос)

Аристотель выделял два основных способа риторического доказательства, основанного на логосе: силлогизм и наведение. **Силлогизм** — это доказательство, при котором частное положение доказывается при помощи общих положений. **Наведение** — это такое доказательство, в котором общее положение доказывается при помощи частных положений. Именно на это деление мы и будем опираться в дальнейшем.

В современных книгах по риторике, теории аргументации и логике это деление обычно отождествляется с противопоставлением индукции и дедукции. Под **индукцией** в этом случае понимают метод доказательства, который основан на переходе от частного (единичных фактов) к общему (общим утверждениям). Индукция в науке не дает точного, достоверного доказательства, поскольку ведет только к вероятным заключениям. И действительно, делая на основании единичных фактов вывод о том, что все лебеди белые, мы можем ошибаться, поскольку любой лебедь другого цвета будет достаточным основанием для того, чтобы опровергнуть наш вывод.

Дедукция — это метод доказательства, основанный на переходе от общего к частному. В качестве общего при дедукции выступают суждения, которые считаются истинными (то есть являются аксиомами) либо были доказаны другими способами (то есть являются теоремами). В отличие от индукции, дедукция способна давать полностью достоверные, истинные суждения (естественно, если она опирается на истинные посылки).

В отождествлении силлогизмов и наведения с дедукцией и индукцией соответственно есть много справедливого. В то же время это отождествление не является совершенно точным. Фактически риторические понятия в этом случае подменяются понятиями логики и методо-

логии научного познания. В чем же заключается сущность этой подмены?

1. Дедукция и индукция связаны с истинным знанием, тогда как риторика оперирует тем, что имеет лишь вероятностный и правдоподобный характер; наука ориентируется на истину, а риторика — на мнение. Поэтому представляется закономерным, что риторике нельзя подчинять законам научного познания, так как между ними имеются не только сходства, но и различия.

Конечно, и в науке имеются риторические аргументы, многое в теориях и концепциях предполагает не точное знание, а веру и убеждения. Особенно очевидно это стало в XX веке, когда были высказаны самые убийственные доводы, направленные против убеждения в абсолютной объективности науки, а события доказали, что ученые не могут занимать отстраненную, ценностно независимую позицию. Тем не менее, как показали недавние исследования в рамках социологии науки, для функционирования научного сообщества жизненно необходимой является предпосылка о принципиальной познаваемости мира и возможности проверки этого знания. В риторической же коммуникации она не является необходимой, ссылка на науку — это лишь одна из форм «аргумента к авторитету», который является далеко не единственным типом аргументов.

2. Аристотеля по праву считают ученым, который создал и обосновал дедукцию как особый метод познания. При этом справедливо утверждение, что индукция как метод познания, отличающийся от дедукции, была открыта только в Новое время Фрэнсисом Бэконом, и произошло это в рамках полемики с античной традицией, которая до того момента воспринималась как единственно достоверная. Бэкон описал этот метод в своей работе «Новый Органон» (1620). Уже одно это название полемично, поскольку Аристотелю принадлежит труд «Органон», в котором он рассуждает о механизмах познания. Добавляя к этому названию слово «новый», Бэкон подчеркивает то, что он предлагает качественно новое средство познания.

Тот факт, что Аристотель не знал индукции, поскольку как метод познания она была открыта спустя много веков после него, вступает в противоречие с выделением индукции и дедукции как основных способов риторического доказательства. Понятие индукции очень близко к понятию наведения; более того, латинское слово «*inductio*» представляет собой эквивалент греческого слова, которое на русский язык переводится как «наведение». Однако эти понятия различаются по своему объему: изначально в термин «индукция» вкладывался иной смысл. Учитывать отличия между ними целесообразно и с теоретической, и с практической точки зрения. На этом мы остановимся в следующем пункте.

3. Индукция предполагает обязательное исследование если не всех, то как можно большего числа фактов и частных случаев, только в этом случае ее результаты могут считаться полностью достоверными или достаточно обоснованными¹⁷. В риторике же такое требование не является обязательным. Существуют случаи, когда достаточно обратиться только к одному факту (например, для того чтобы прояснить общее положение). Этот риторический прием охватывается понятием наведения, но оказывается за пределами понятия индукции. По крайней мере, этот прием может быть определен как крайняя и не дающая достоверного знания форма неполной индукции. Таким образом, с точки зрения риторики индукция — это частный случай наведения.

4. Наведение не всегда опирается на факты, оно может опираться на более частные суждения, которые сами являются обобщением, результатом индукции. Аристотель в «Топике» приводит такой пример наведения: «...если кормчий, хорошо знающий свое дело, — лучший кормчий и точно так же правящий колесницей, хорошо знающий свое дело, — лучший, то и вообще хорошо знающий свое дело в каждой области — лучший». Это яркий пример наведения, однако он не является индукцией. Индукция предполагала бы исследование всех (или большинства) конкретных случаев, в которых имеется опре-

деленное соотношение между уровнем знания своего дела и оценкой «качества» специалиста. Аристотель же опирается на суждения, которые сами по себе являются обобщениями, полученными при помощи индукции.

Силлогистические (дедуктивные) доказательства

Основы дедукции были заложены еще в античности Аристотелем, который создал учение о силлогизмах. С точки зрения современной логики аристотелевская силлогистика представляет только исторический интерес. Аристотелевскую силлогистику начали критиковать в Новое время, а в течение примерно последних ста лет развитие логики зашло так далеко, что силлогистика вообще может рассматриваться как пережиток. Это, впрочем, не означает, что она совершенно не имеет ценности. Прежде всего, недостаток силлогистики заключается не в том, что она неправильна, а в том, что она неуниверсальна, познание и доказательство опираются не только на силлогистические умозаклучения, но и на другие средства.

Поэтому с практической точки зрения эта критика не так существенна, как может показаться. Тем более что мы все, не подозревая об этом, думаем силлогизмами (по крайней мере тогда, когда делаем выводы). Например, как указывает А. В. Гладкий, когда человек, увидев утром сухую улицу, заключает из этого, что ночью не было дождя, этот человек пользуется одной из разновидностей (модусов) силлогизма, посылки и заключение которого можно сформулировать приблизительно так: «Всякая ночь, в течение которой был дождь, обладает тем свойством, что наутро после нее улицы мокрые. Только что прошедшая ночь этим свойством не обладает (улицы сухие). Следовательно, только что прошедшей ночью не было дождя». Естественно, делая выводы, мы мыслим на более «нормальном» языке, здесь не очень обычные выражения введены для того, чтобы точнее передать логическую форму мысли. Тем не менее совершенно очевидно, что в данном случае мы чисто автоматически использу-

ем силлогизм (позже желающие смогут выяснить, какая именно разновидность силлогизма здесь используется).

Кроме того, как особое средство познания силлогистика имела огромное влияние на интеллектуальную жизнь европейской цивилизации, а потому любой образованный человек должен иметь хотя бы поверхностное представление о ней: без этого многие явления европейской культуры окажутся непонятными.

Простой категорический силлогизм. Рассмотрение дедуктивных рассуждений мы начнем с простого категорического силлогизма. Он является наиболее распространенным и наиболее полно описанным видом дедуктивных умозаключений. Категорическим его называют потому, что его посылками (суждениями, из которых выводится заключение) являются простые категорические суждения, которые включают субъект, предикат и связку (об этом см. ниже).

При рассмотрении дедуктивных суждений имеется четыре важных пункта: 1) структура силлогизма, 2) структура суждения, входящего в силлогизм, 3) типы суждений, входящих в силлогизм, 4) фигуры и модусы силлогизма. Именно в таком порядке мы и будем излагать логическое учение о силлогизмах.

1. Структура умозаключения. Любое дедуктивное умозаключение представляет собой совокупность нескольких (обычно двух) посылок и заключения. Посылки — это истинные суждения, которые являются основанием для заключения; связь между посылками и заключением называется выводом.

Рассмотрим пример.

Хороший оратор умеет убедить аудиторию.

Иван умеет убедить аудиторию.

Иван — хороший оратор.

Первые два суждения в данном умозаключении являются посылками, третье суждение — это заключение; линия отделяет посылки от заключения. Очевидно, что обе посылки являются основаниями, с опорой на которые мы можем утверждать, что заключение истинно.

Еще один важный момент, касающийся структуры суждения, — это выделение большой и малой посылки, а также их терминов (членов). Однако предварительно необходимо остановиться на структуре суждения: без этого говорить о структуре силлогизма нельзя.

2. Структура суждения. И посылки, и заключения представляют собой суждения. В традиционной логике, восходящей к Аристотелю, в суждении выделяют субъект и предикат. В самом общем смысле субъект и предикат можно сопоставить с подлежащим и сказуемым, хотя эта аналогия не является полной. Будем исходить из того, что субъект — это то, о чем говорится в суждении, а предикат — это то, что сообщается о субъекте.

В составе суждения выделяют также связку — элемент, который опосредует субъект и предикат, соединяет их. Однако связка обычно никак не выражается в речи. По крайней мере, в русском языке она выражается только в том случае, когда субъекту приписывается признак-предикат, выраженный существительным или прилагательным, а само высказывание отнесено к прошедшему или прошлому, например: «Он был (будет) поэтом (веселым)».

В предложенном выше примере субъект первого суждения — это «хороший оратор», а предикат — выражение «умеет убедить аудиторию». Во втором суждении предикат тот же, а вот субъектом является уже имя собственное «Иван». Наконец, в третьем суждении субъект представлен именем «Иван», а предикат — словосочетанием «хороший оратор», которое в первом суждении фигурировало в качестве субъекта.

Почему с точки зрения дедуктивного вывода деление суждений, входящих в умозаключение, на субъект и предикат важно? Оно важно потому, что между суждениями должна обнаруживаться тесная содержательная связь, без которой дедуктивный вывод невозможен. Эта связь проявляется в том, что какие-то элементы суждений, входящих в силлогизм (субъекты и предикаты), совпадают. Так, в приведенном выше примере о хорошем ораторе предикаты первой и второй посылки совпадают, вторая посыл-

ка и заключение имеют один и тот же субъект, а субъект первой посылки совпадает с предикатом заключения.

Понятно, что все, что здесь говорится, туманно и абстрактно, однако это важно для понимания некоторых вещей, которые должен понимать любой оратор. Но вернемся к структуре суждения. Любое заключение (так же, как и посылки) включает субъект и предикат. При этом в рамках силлогизма обязательно обнаруживается такое соотношение: одна из посылок включает субъект заключения, а другая — его предикат. И в рамках заключения, и в составе посылок элементы суждения, которые в заключении выступают в качестве субъект и объекта, обозначают при помощи латинских букв S и P соответственно. Кроме того, обе посылки всегда содержат третий общий элемент, который в традиционной логике обозначали при помощи буквы M (от латинского слова «medium» — средний).

Рассмотрим с этой точки зрения приведенный выше пример:

Хороший оратор (P) умеет убедить аудиторию (M).

Иван (S) умеет убедить аудиторию (M).

Иван (S) — хороший оратор (P).

Нетрудно заметить, что элементы S и P обозначаются при помощи первых букв латинских слов «субъект» и «предикат». При этом то, что является предикатом в заключении, не обязательно будет предикатом в посылке (это явно следует из того, что «хороший оратор» — это субъект первой посылки и предикат заключения). Верно и обратное: член суждения, который является предикатом в заключении, может быть как субъектом, так и предикатом заключения.

Члены силлогизма P, S и M соответственно называются большим, малым и средним членами. Средний член силлогизма всегда опосредует, связывает между собой две посылки и никогда не выступает в заключении. Посылка, которая содержит большой термин, называется большой посылкой, другая посылка — малой посылкой.

Эти понятия важны уже хотя бы потому, что позволяют описывать структуру силлогизма. Силлогизм, приведенный выше, схематически можно представить так:

PM

SM

SP

Существует большое количество суждений, которые не имеют между собой связи, а потому не могут быть посылками в рамках силлогизма. Например, суждения «Хороший оратор умеет убедить аудиторию» и «Иван — учитель» не имеют ни одного общего элемента, а потому не могут быть посылками в рамках дедуктивного умозаключения. Точнее, конечно, было бы сказать, что они не могут быть посылками только в рамках категорического силлогизма: при наличии суждения, имеющего общие элементы с обоими приведенными суждениями, они могут быть элементами дедуктивного умозаключения. Например, если мы введем суждение «Учитель должен быть хорошим оратором», то сможем получить такое умозаключение:

Учитель должен быть хорошим оратором.

Иван — учитель.

Иван должен быть хорошим оратором.

Хороший оратор умеет убеждать аудиторию.

Иван должен уметь убеждать аудиторию.

3. Типы суждений. Пока воздержимся от объяснения, почему с точки зрения силлогистики выделение типов суждений существенно, укажем лишь на то, что в логике их выделяется четыре: общеутвердительные, общеорицательные, частноутвердительные, частноотрицательные. Эти четыре типа суждений образуются в результате сочетания двух признаков. Первый признак — это частный или общий характер суждения. В общем суждении признак приписывается всем предметам, принадлежащим к какому-то классу («Все учителя имеют специальное образование»). В частном суждении признак, обозначаемый предикатом, приписывается только некоторым предметам, принадлежащим к классу («Некоторые учи-

теля имеют высшее образование»). Выделяют также единичные суждения, в которых признак приписывается одному предмету; однако в зависимости от контекста в дальнейшем мы будем рассматривать их либо как общие, либо как частные.

Второй признак — это деление суждений на утвердительные и отрицательные. Уже из одного их названия ясно, что в утвердительных суждениях утверждается наличие признака («Некоторые учителя имеют высшее образование»), в отрицательных суждениях наличие признака отрицается («Некоторые учителя не имеют высшего образования»).

Сочетание этих двух признаков и дает четыре типа суждений. Общеутвердительные и частноутвердительные суждения традиционно обозначаются при помощи букв А и I, а общеотрицательные и частноотрицательные суждения при помощи букв Е и О. Чтобы запомнить эти обозначения, достаточно знать, что А и I — это первая и вторая гласная буква латинского глагола *affirmo* («утверждаю»), а буквы Е и О — первая и вторая гласная глагола *negō* («отрицаю»).

Возможно, вы уже заметили, что в общих суждениях нередко фигурируют слова типа «всякий», «любой», «каждый», а в частных суждениях — слова типа «некоторый». Такие слова действительно являются показателем типа суждений. Тем не менее, необходимо отметить, что в некоторых случаях в суждениях такие не представлены. Например, суждение «Иван — хороший оратор» является, как это ни странно, общеутвердительным. Дело в том, что собственные имена в подавляющем большинстве случаев отсылают к множеству объектов, которое состоит только из одного элемента. Это необходимо учитывать при определении характера суждения.

То же касается и отрицания, хотя отсутствие отрицания — явление более редкое. Возьмем в качестве примера умозаключение: «Взрослым людям не менее восемнадцати лет. Ване десять лет. Следовательно, Ваня не взрослый». В этом рассуждении заключение мы вполне

могли бы заменить предложением «Ваня маленький». В нем отрицания нет, но в то же время в контексте приведенного умозаключения это отрицательное суждение.

Тип суждения	Обозначение	Схема	Пример
Общеутвердительное	A	Все предметы, обладающие свойством P, обладают свойством S	Все люди смертны (Все, кто является людьми, смертны)
Частноутвердительное	I	Некоторые предметы, обладающие свойством P, обладают свойством S	Некоторые люди являются женщинами (Некоторые предметы, которые являются людьми, являются женщинами)
Общеотрицательное	E	Ни один предмет, обладающий признаком P, не обладает признаком S	Ни один ребенок не является взрослым (Ни одно существо, обладающее признаком «детскость», не обладает признаком «взрослость»)
Частноотрицательное	O	Некоторые предметы, обладающие свойством P, не обладают свойством S	Некоторые люди не являются женщинами (Некоторые существа, являющиеся людьми, не являются женщинами)

Кроме того, в некоторых случаях один и тот же член суждения с точки зрения языка может быть представлен по-разному, но это различие не существенно с точки зре-

ния логики. Например, в суждениях «Некоторые люди, имеющие высшее образование, владеют английским языком» и «Все сотрудники нашего отдела владеют английским языком» имеется один и тот же член, хотя он и представлен разными выражениями: «люди, владеющие английским языком» и «владеет английским языком». Все дело в том, что любое свойство всегда приписывается определенной совокупности объектов (людей, предметов или явлений). В первом случае это выражено явно, поскольку речь идет о людях, которые характеризуются соответствующим качеством. Во втором случае это представлено только косвенно, поскольку выраженное словосочетанием свойство обязательно должно быть приписано какому-то множеству объектов, само по себе оно не относится к действительности.

Теперь перейдем к таким понятиям, как фигуры и модусы силлогизма.

4. Фигуры и модусы силлогизма. Возможно, кто-то уже обратил внимание на тот факт, что в рамках силлогизма высказывания могут быть расставлены по-разному. Например, помимо приведенного на стр. 115 умозаключения справедливым будут и другие:

(1) Иван (S) умеет убедить аудиторию (M).

Хороший оратор (P) умеет убедить аудиторию (M).

Иван (S) — хороший оратор (P).

(В этом случае посылки переставлены местами.)

(2) Иван (S) — хороший оратор (M).

Хороший оратор (M) умеет убедить аудиторию (P).

Иван (S) умеет убедить аудиторию (P).

(В этом случае заключение стало посылкой, а вторая посылка — заключением.)

Как видно, в разных случаях одни и те же термины могут выполнять разную роль в структуре силлогизма, и это выражается в том, что они просто занимают разные места. Так, в первом и втором примерах средним термином является выражение «уметь убеждать аудиторию», а в третьем — выражение «хороший оратор»; точно так

же иным является и соотношение между большим и малым членом силлогизма. Конкретная «формула», в соответствии с которой между посылками и заключениями распределяются термины силлогизма, называется **фигурой силлогизма**.

Всего таких фигур четыре, и выделяются они на основании того, какие место средний термин занимает в большой и малой посылках. Схематически они представлены на рис. 3.

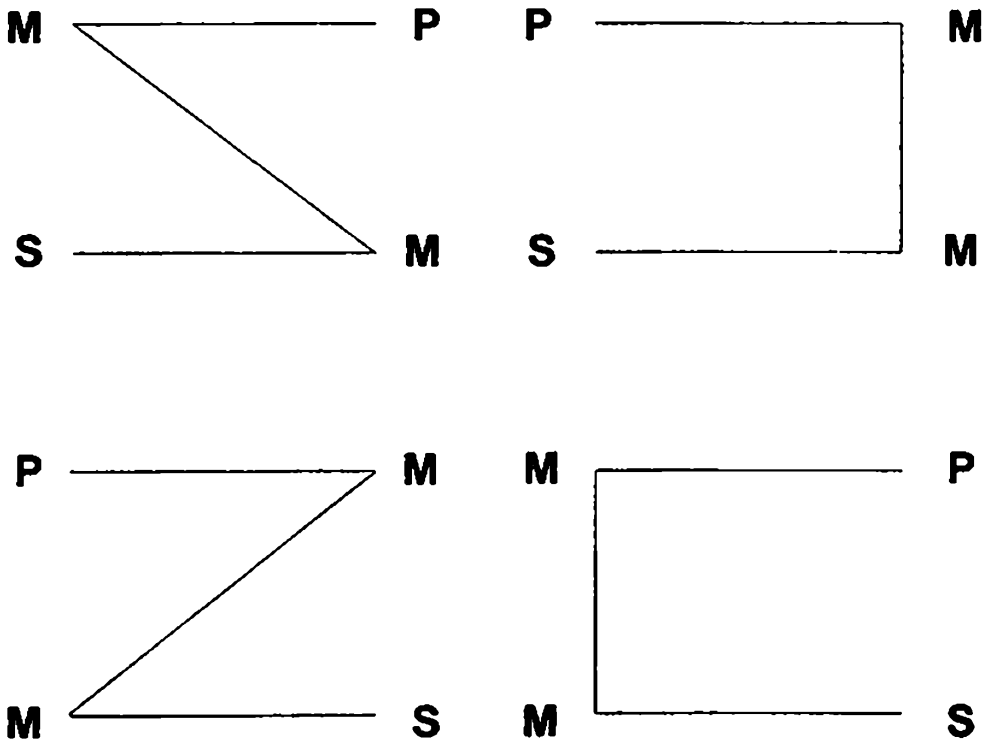

Рисунок 3. Фигуры силлогизма

Если же учесть, что суждения в рамках силлогизма могут быть представлены разными типами (общеутвердительными, общеотрицательными, частноутвердительными и частноотрицательными), а большой, средний и малый термин могут по-разному комбинироваться в посылках, то при помощи относительно несложных расчетов можно прийти к выводу, что всего возможно 256 комбинаций суждений внутри силлогизмов. Каждая из таких комбинаций называется **модусом силлогизма**.

В этой информации не было бы никакой необходимости, если бы все фигуры силлогизма были равноправными. И действительно, зачем знать, сколько именно существует видов силлогизмов, если все они одинаково достоверны? Это знание, по-видимому, представляло бы интерес только с праздной точки зрения. Однако в действительности все немного сложнее. Дело заключается в том, что существует всего 19 модусов, которые дают достоверные выводы. Все правильные модусы силлогизма получили выразительные латинские названия. Эти названия, впрочем, не несут никакого смысла, они образованы почти на том же принципе, что и буквенные обозначения разных типов суждений: первая, вторая и третья буквы обозначают тип первой посылки, второй посылки и заключения соответственно.

Представим их в виде таблицы (гласные буквы, обозначающие типы суждений, набраны как строчные).

Этот список можно дополнить также пятью модусами: AAI и EAO для первой фигуры, EAO и AEO для второй фигуры и AEO для четвертой фигуры. Их правильность вытекает из правильности других модусов. Однако в традиционной логике эти модусы не рассматривались, поскольку с их помощью делаются более слабые и менее общие выводы, чем выводы соответствующих им модусов Barbara, Celarent, Cesare, Camestres и Camenes. Было бы странно специально изучать и использовать в логических заключениях те средства, которые недостаточно эффективны — и это при том, что имеются другие, гораздо более эффективные средства!

1-я фигура	bArbArA, cElArEnt, dArIl, fErIo
2-я фигура	cEsArE, cAmEstEres, fEstInO, bArOkO
3-я фигура	dArAptI, dIsAmls, dAtIsI, fElAptOn, bOkArdO, fErIsOn
4-я фигура	brAmAntIp, cAmEnEs, dImArIs, fEsApO, frEsIsOn

Таким образом, не все силлогизмы являются правильными, а точнее, приводят к достоверному и однозначному знанию. Иногда они приводят к вероятностным выводам, иногда — вообще к нелепым, как в следующем примере:

Млекопитающие — теплокровные животные.

Птицы — теплокровные животные.

Некоторые птицы — млекопитающие.

Здесь возникает закономерный вопрос: чем вызвано то, что не все силлогизмы являются правильными?

Одна из причин заключается в том, что средний термин хотя бы в одной из посылок должен быть представлен в полном своем объеме (или, как выражаются логики, должен быть *распределенным*). Это означает, что, во-первых, средний термин должен быть субъектом хотя бы одного из суждений, а во-вторых, он должен быть субъектом общего суждения.

В качестве исключения как распределенные рассматриваются предикаты частноутвердительных суждений, в которых понятие, выраженное предикатом, полностью входит в объем понятия, обозначенного субъектом. Приведем пример. В суждении «Некоторые люди, владеющие музыкальными инструментами, играют на фортепиано» предикат («играть на фортепиано») полностью входит в объем понятия «люди, имеющие играть на музыкальных инструментах». Это означает, что не все музыканты умеют играть на фортепиано, но любой человек, который умеет играть на фортепиано, может назвать себя музыкантом или, по крайней мере, сказать о себе, что он умеет играть на музыкальном инструменте. В этом случае одно множество (множество людей, умеющих играть на фортепиано) полностью входит в другое множество (множество музыкантов), потому что нет людей, которые умели бы играть на фортепиано и при этом не были бы музыкантами (в широком смысле этого слова). В частноутвердительном суждении с нераспространенным предикатом соотношение между субъектом и предикатом иное. Так, в суждении «Некоторые сотрудники нашего отдела — женщины» предикат не входит в значение субъекта целиком: не все сотрудники отдела являются женщинами и не все женщины являются сотрудниками

отдела. В этом случае два множества просто пересекаются, и ни одно из них не входит в другое полностью.

Итак, поскольку средний термин хотя бы в одной из посылок должен быть распределенным, определяя, какие модусы являются правильными, можно сразу же исключить из расчета все модусы, в которых ни одна из посылок этим двум требованиям не удовлетворяет. Общий же подсчет модусов учитывал также те случаи, когда оба суждения являются частными.

Чтобы сделать эту мысль более ясной, обратимся к примеру. Возьмем для анализа силлогизм, который построен с нарушением указанного принципа.

Некоторые люди, имеющие высшее образование (М), владеют английским языком (Р).

Все сотрудники нашего отдела (S) имеют высшее образование (М).

Следовательно, все сотрудники нашего отдела (S) владеют английским языком (Р).

Вывод в этом случае не является неправильным, однако он не достоверен, а лишь вероятен: мы не можем исключить возможности, что все сотрудники данного отдела действительно владеют английским языком, но и не имеем возможности утверждать это с полной уверенностью. Поэтому выбор вывода оказывается случайным, поскольку возможно три варианта: 1) все сотрудники отдела действительно владеют английским языком; 2) некоторые сотрудники отдела владеют английским языком и 3) ни один сотрудник отдела не владеет английским языком. А все дело в том, что средний термин не является распространенным ни в одном суждении. В первом случае он является субъектом частноутвердительного (а не общего) суждения, во втором случае он вообще является предикатом — но предикатом общеутвердительного суждения. В результате мы получаем вывод, который нельзя считать достоверным — в отличие от ранее рассмотренных примеров, выводы которых либо правильны (если, конечно, их посылки истинны), либо заведомо ложны.

Существует и еще ряд ограничений, в силу которых далеко не все модусы дают достоверные выводы. Мы не будем рассматривать их и просто порекомендуем желающим обратиться к любому учебнику логики, в которых этот вопрос рассматривается очень подробно.

Другие разновидности силлогистических умозаключений. Простой категорический силлогизм — не единственно возможная форма умозаключений. Кроме того, наши дедуктивные рассуждения имеют более сложные формы и нередко объединяют самые разные виды умозаключений. Поэтому необходимо ввести разграничения, которые традиционно применяются при описании умозаключений. Общая классификация силлогистических умозаключений представлена на рисунке 4.

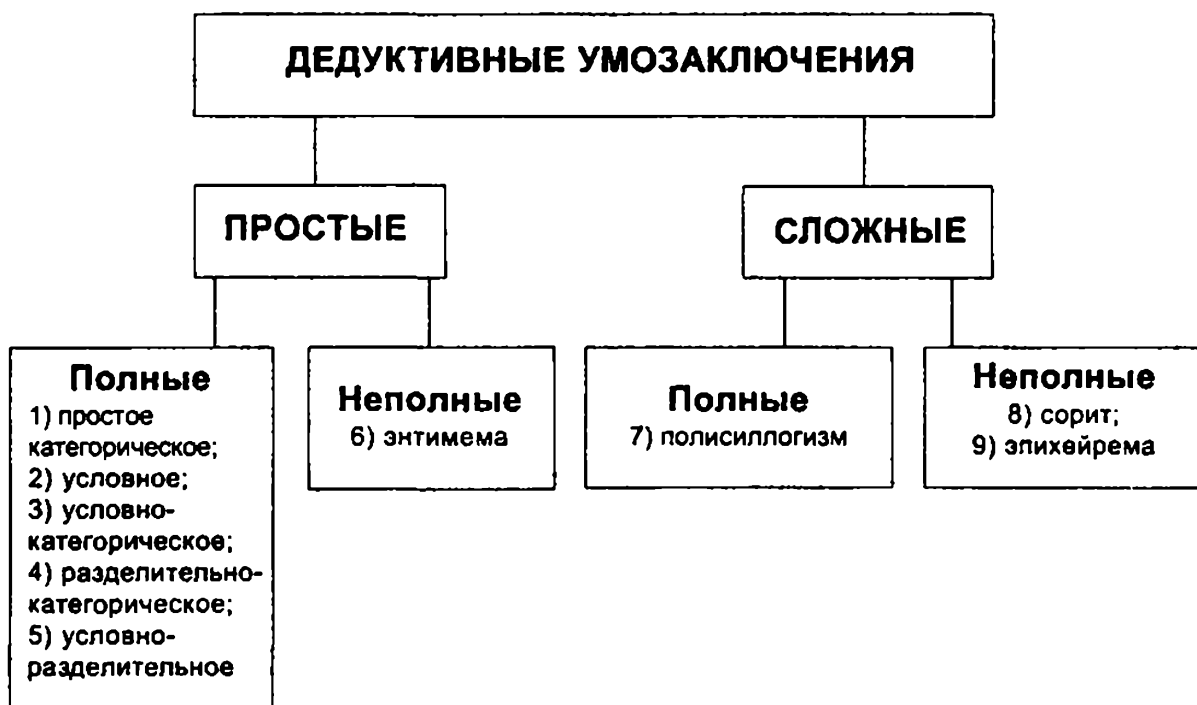

Рисунок 4. Классификация силлогистических умозаключений

Прежде всего, умозаключения бывают **простыми** и **сложными**. Простые умозаключения включают в свой состав две посылки и вывод, тогда как сложные умозаключения представляют собой сцепления простых. Простые умозаключения называются **силлогизмами**, а сложные получили название **полисиллогизмов**.

Умозакключения могут быть также *полными* и *неполными*. В полных умозакключениях явно выражаются все посылки и заключение, в неполных один из элементов отсутствует. В последнем случае рассуждающий полагается на способность слушателя самостоятельно восстанавливать то, что было опущено. Поскольку каждое простое умозакключение содержит три элемента, очевидно, что опустить можно только один элемент: по двум элементам мы можем восстановить рассуждение, тогда как по одному это невозможно.

Дальнейшее деление умозакключений в традиционной логике зависит от того, из каких суждений оно состоит. Простой категорический силлогизм включает только простые суждения, в которых есть субъект и предикат и которые представлены простыми предложениями. Кроме того, в логике выделяют суждения условные (они построены по схеме «если..., то...») и суждения разделительные (они построены по схеме «или..., или...»). В зависимости от того, какими суждениями представлены посылки умозакключения, они и делятся на виды.

Имея три типа суждений, мы можем определить, что различные их сочетания дают 5 различных вариантов простого силлогизма: 1) простой категорический силлогизм, 2) условный силлогизм, 3) условно-категорический силлогизм, 4) разделительно-категорический силлогизм, и 5) условно-разделительный силлогизм. Два разделительных суждения силлогизма не образуют.

Рассмотрим каждый из видов более подробно.

1. В *простом категорическом силлогизме* обе посылки представлены категорическими суждениями; поскольку об этом типе умозакключений было сказано раньше, останавливаться на нем мы не будем.

2. *Условный силлогизм* в качестве посылок включает два условных высказывания:

Если человек в отпуске, он не ходит на работу
(«если а, то b»).

Если человек не ходит на работу, его нельзя там найти («если b, то с»).

Следовательно, если человек в отпуске, его нельзя найти на работе («следовательно, если а, то с»).

3. В условно-категорическом силлогизме одна посылка представлена условным, а вторая — категорическим суждением:

Если человек совершил преступление, он должен понести наказание («если а, то b»).

Этот человек совершил преступление («имеет место а»).

Следовательно, он должен понести наказание («следовательно, b»).

4. Разделительно-категорический силлогизм содержит в качестве посылок разделительное и категорическое суждение:

Люди бывают либо мужчинами, либо женщинами («или а, или b»).

Этот человек — мужчина («имеет место а»).

Следовательно, он не женщина («следовательно, не b»).

5. Условно-разделительный силлогизм, который называют также *дилеммой*, включает два условных суждения и разделительное суждение в качестве посылок, из которых выводится категорическое суждение. В «Словаре по логике» А. А. Ивина и А. Л. Никифорова приводится такой пример:

Если пойдешь направо, коня потеряешь («если а, то b»).

Если пойдешь налево, голову потеряешь («если с, то d»).

Но нужно идти направо или налево («а или с»).

Следовательно, придется потерять коня или голову («следовательно, b или d»).

В менее строгом смысле в риторике дилеммой называют любое рассуждение, в котором имеется две противоположные посылки и одно заключение. Например, римс-

кий политик и оратор Тит Ливий в ответ на требования Тарквиниев возвратить им имущество, блага и права предложил такую дилемму: «Не вернуть им их — дать предлог к войне; вернуть — предоставить им оружие и средства нападения». В этом случае Тит Ливий указывает на две разные возможности (возвращение или невозвращение требуемого) и показывает, что и в том, и в другом случае результат будет одним и тем же. Как видно из этого примера, дилемма очень удобна для того, чтобы подчеркнуть неизбежность какого-либо вывода, явления или варианта развития событий. Данное рассуждение содержит только две посылки и один и тот же вывод из них, а потому является энтимемой (см. ниже).

Приведем еще один пример — наставление тверского епископа Семена, датируемое второй половиной XIII в.:

«Полоцкий князь Константин, прозванный Безруким, собираясь укорить у себя на пиру за что-то своего тиуна, сказал при всех епископу: «Владыко, где будет тиун на том свете?» Епископ Семен отвечал: «Где и князь!» Князь же, рассердившись, говорит епископу: «Тиун неправедно судит, взятки берет, имущество людей с торгов продает, мучит, злое всем делает, а я тут при чем?» И говорит епископ: «Если князь хороший, богобоязненный, людей бережет, правду любит, то выбирает тиуном или иным начальником человека доброго и богобоязненного, исполненного страха божия, разумного, праведного, творящего все по законам Божиим и судить умеющего. Тогда князь — в рай, и тиун — в рай. Если же князь лишен страха божия, христиан не бережет, сирот не милует и вдовиц не жалеет, то ставит тиуном или начальником человека злого, бога не боящегося, закона божия не знающего, судить не умеющего, — только для того, чтобы добывал князю имущество, а людей не щадил. Как взбесившегося человека напустил на людей, вручив ему меч, — так и князь, дав округу злому человеку, губит людей. Тут и князь — в ад, и тиун — с ним в ад!»

Фактически здесь реализована более сложная структура, состоящая из двух условных суждений, например: «Если князь хороший, то и тиун хороший; если князь и тиун хорошие, они попадают в рай». Однако этот пример показателен тем, что он хорошо показывает, как при помощи условно-разделительного силлогизма говорящий может показать альтернативные направления в развитии событий.

Все указанные разновидности умозаключений являются простыми и полными. Им противостоят простые неполные умозаключения, которые принято называть энтимемами.

6. Энтимема — силлогизм, в котором одна из посылок или тезис опущены, не сформулированы в явном виде. Аристотель, предложивший понятие энтимемы, последовательно противопоставлял этот тип рассуждений силлогизмам на том основании, что силлогизмы — это логические рассуждения, тогда как энтимемы более характерны для риторического доказательства, поскольку они в большей степени соответствуют особенностям обычного (ненаучного и нефилософского) мышления. Рассуждения, в основе которых лежит энтимема, воспринимаются как более естественные; кроме того, они вынуждают аудиторию использовать свои собственные способности к рассуждению и восстанавливать пропущенную посылку, а следовательно, способствуют большему вовлечению аудитории в содержание речи.

Примером энтимемы может служить простейшее рассуждение, которое уже приводилось в связи со стратегиями убеждения, когда речь шла о стратегиях убеждения: «Маша красивая, потому что она похожа на одну известную актрису». В этом рассуждении присутствует тезис («Маша красивая»), а также обоснование тезиса — одна из посылок («потому что она похожа на одну известную актрису»).

Однако это рассуждение может быть развернуто до простого силлогизма:

Все женщины, похожие на одну известную актрису, красивые.

Маша похожа на одну известную актрису.

Следовательно, Маша красивая.

Если же быть более точным, то приведенный пример энтимемы должен быть развернут до сорита, поскольку опущенная в этом рассуждении посылка, также нуждается в подтверждении:

Одна известная актриса красивая.

Женщины, похожие на эту актрису, также являются красивыми.

Маша похожа на известную актрису.

Следовательно, Маша красивая.

Приведем также в качестве примера фрагмент речи Д. С. Лихачева о культуре, произнесенной на Съезде народных депутатов СССР в 1989 году, в котором он обосновывает необходимость культуры и внимания к ней со стороны власти: «...без культуры в обществе нет и нравственности. Без элементарной нравственности не действуют социальные и экономические законы, не выполняются указы и не может существовать современная наука, ибо трудно, например, проверить эксперименты, стоящие миллионы, огромные проекты «строек века» и так далее».

Это рассуждение в строгом виде можно представить следующим образом:

Если в обществе нет культуры, в обществе нет нравственности

(«если а, то b»).

Если в обществе нет нравственности, оно сталкивается со множеством проблем

(«если b, то c»).

Следовательно, если в обществе нет культуры, оно сталкивается со множеством проблем

(«следовательно, если а, то с»).

Это рассуждение в контексте речи требует также распространения на актуальную для говорящего и аудитории ситуацию, однако в нашем случае это не существен-

но. В рассуждении Д. С. Лихачева вывод не формулируется, однако он достаточно очевиден для человека, который воспринимает этот текст.

Простым силлогизмам противостоят сложные, которые также могут быть полными (полисиллогизм) и неполными (сорит и эпихейрема).

7. Полисиллогизм — умозаключение, в котором заключение первого силлогизма становится одной из посылок следующего силлогизма. В рамках полисиллогизма могут объединяться самые разные простые силлогизмы, причем их не обязательно должно быть два. Полисиллогизм в большей степени соответствует тем нуждам, которые имеются у оратора; большинство наших рассуждений представляют собой именно полисиллогизмы. Так же, как и простые силлогизмы, полисиллогизмы могут быть полными и неполными.

8. Сорит — сложный силлогизм, представляющий собой сцепление простых неполных силлогизмов. В рамках сорита простые силлогизмы выступают в сокращенном виде: одна из посылок обычно опускается. При этом отношения между отдельными посылками в сорите проявляются в наличии общих терминов. Примером сорита может служить следующее рассуждение:

Общественно опасное деяние наказуемо.

Преступление — общественно опасное деяние.

Дача взятки — преступление.

Дача взятки наказуема.

8. Эпихейрема представляет собой сложный силлогизм, который состоит из нескольких энтимем. С этой точки зрения эпихейрема близка к сориту:

Распространение заведомо ложных сведений

уголовно наказуемо, поскольку является клеветой.

Действия обвиняемого являются распространением заведомо ложных сведений, так как они выразились в заведомом искажении фактов.

Действия обвиняемого уголовно наказуемы.

В отличие от сорита, в котором пропущены только некоторые посылки, в эпихейреме все посылки являются энтимемами.

Эпихейрему в риторике нередко определяют также как развернутый силлогизм, который включает дополнительные детали и не свойственные для логических рассуждений образные и прочие речевые средства (например, вопросы, восклицания, оценочные суждения и т. д.)

С такой точки зрения этот вид логических аргументов также можно считать собственно риторическим, а следовательно, отличным от силлогизма, на том основании, что в речи силлогизмы в чистом виде обычно реализуются. Оратор неизбежно вносит в них дополнительные детали, избыточные с точки зрения структуры силлогизма, но важные с точки зрения воздействия и полноты речи.

В связи с дедуктивными рассуждениями в контексте ораторской речи необходимо сделать очень важное замечание. Поскольку ораторская речь не является логическим рассуждением в полном смысле этого слова, оратор практически никогда «не говорит силлогизмами». Такая речь была бы сухой и скучной. Поэтому в речах рассуждения, основанные на силлогизмах, обычно оказываются как бы замаскированными. Естественно, это достигается за счет того, что некоторые посылки заключения опускаются. Как указывалось, благодаря этому легче привлечь внимание аудитории, поскольку она будет восстанавливать пропущенные посылки самостоятельно. Кроме того, с той же целью силлогизмы накладываются друг на друга, образуя непрерывную линию рассуждения, которая напоминает естественный монолог.

Однако это не единственный способ. Существует и противоположный способ «маскировки» дедуктивных рассуждений — добавление деталей, которые не являются необходимыми с точки зрения силлогизма. Так, в приведенном фрагменте из речи Д. С. Лихачева следствие из второй посылки (*Если в обществе нет нравственности, оно сталкивается со множеством проблем*) представлено в виде конкретных суждений, указывающих на те про-

блемы, с которыми общество сталкивается (неисполнение указов, невозможность существования науки).

В подобной ситуации для оратора полезной будет топика, которая поможет подобрать детали, укладывающиеся в тему речи и одновременно в логику рассуждения, но не обязательные с точки зрения логики рассуждения. Кроме того, в этом случае плодотворной может быть и опора на языковые компоненты, которые предполагает демонстрация связи между тезисом и аргументами.

Чтобы лучше проиллюстрировать это, рассмотрим большой фрагмент из защитительной речи. Известный русский адвокат Ф. Н. Плевако начал речь в защиту обвиняемого Оскара Бострема следующим образом:

«Защитнику, прежде всего, необходимо постараться приобрести доверие к себе. Доверие приобретается основательностью речи; но бывают речи основательные, которым, однако, нет веры: это бывает тогда, когда явится подозрение, что человек говорит не то, что хочет его сердце, — сердце в разладе с умом.

Подобное подозрение могло явиться у вас, господа присяжные, против меня, защитника, потому что Гольдсмит в начале заседания заявил, что я собирался быть поверенным его как гражданского лица.

Но я очень счастлив, что не искал, где глубже, где лучше, где больше дают: это видно из того, что я, слава Богу, защищаю по назначению суда и, следовательно, никакого личного интереса, кроме душевного, сердечного расположения, в переходе из одного лагеря в другой не имел. Поэтому я полагаю, что вы отнесетесь ко мне с доверием настолько, насколько этого будет заслуживать внутренняя правда моих слов».

Данное рассуждение построено на основании силлогизма: «Когда человек говорит то, что хочет его сердце, его речь вызывает доверие. Я говорю то, что хочет мое сердце. Следовательно, моя речь должна вызывать доверие». Этот силлогизм является своего рода «несущей конструкцией» всего рассуждения, поскольку для Ф. Н. Плевако важно, чтобы присяжные приняли его заключение.

Впрочем, этот силлогизм еще не является доказательством в полном смысле слова. Дело в том, что лишь его первая посылка не вызывает сомнений. Вторая же посылка в рассуждении Плевако («Я говорю то, что хочет мое сердце») спорна. Поэтому данная посылка должна быть обоснована. Для этого Плевако опирается на другой силлогизм: «Если человек не имеет корыстных интересов, он говорит то, что хочет его сердце. Я не имею корыстных интересов. Следовательно, я говорю то, что хочет мое сердце».

Однако и этот силлогизм не может быть признан окончательно достоверным, так как имеются факты, которые указывают на то, что он, возможно, имеет корыстные интересы, — это намерение быть поверенным гражданского истца и последующий переход на противоположную сторону. Поэтому Плевако приводит доказательства того, что этот переход был совершен им не по какому-то корыстному причинам: он не ищет, где больше дают, и защищает ответчика по назначению суда. Следовательно, мы имеем еще один силлогизм: «Если адвокат защищает ответчика по назначению суда, он делает это без корыстных интересов. Я адвокат и защищаю ответчика по назначению суда. Следовательно, я не имею корыстных интересов».

Таким образом, рассуждение Ф. Н. Плевако имеет следующую структуру:

1) *Если адвокат защищает ответчика по назначению суда, он делает это без корыстных интересов. Я защищаю ответчика по назначению суда. Следовательно, я не имею корыстных интересов;*

2) *Если человек не имеет корыстных интересов, он говорит то, что хочет его сердце. Я не имею корыстных интересов. Следовательно, я говорю то, что хочет мое сердце;*

3) *Когда человек говорит то, что хочет его сердце, его речь вызывает доверие. Я говорю то, что хочет мое сердце. Следовательно, моя речь должна вызывать доверие.*

Теперь посмотрим на посылки, которые автор оставляет недоказанными (они выделены курсивом). Очевидно, что нет необходимости доказывать эти посылки, по-

сколько их истинность очевидна; однако даже если это будет необходимо, сделать это нетрудно.

Наведение

Как уже указывалось, Аристотель выделял два основных способа доказательства: силлогизм и наведение. Несмотря на то что русское слово «наведение» является калькой (буквальным переводом) латинского термина «inductio», между ними нет точного соответствия: значение термина «наведение» шире, поскольку включает и доказательства путем ссылки на единичные случаи.

Поэтому, наряду с индукцией (1), отнесем к наведению обоснование с опорой на единичные факты, то есть примеры, иллюстрации и образцы (2), а также аналогию (3).

Индукция. Как уже указывалось, индукция представляет собой метод доказательства, который предполагает переход от частного к общему. Совершая индуктивное умозаключение, человек на основании того, что некоторое свойство присуще ряду предметов из некоторого класса, делает вывод, что это свойство присуще всем предметам из данного класса. Схему индукции можно представить следующим образом:

Предмет A_1 обладает свойством x .

Предмет A_2 обладает свойством x .

Предмет A_3 обладает свойством x .

Предметы A_1 , A_2 и A_3 принадлежат к классу предметов A .

Следовательно, все предметы, принадлежащие к классу A , обладают свойством X .

Естественно, количество рассматриваемых предметов может быть как больше, так и меньше (вплоть до одного примера, на основании которого и делается вывод об общей закономерности).

В отличие от дедукции, заключение в рамках индуктивного рассуждения не вытекает из посылок с логической необходимостью, а потому оказывается истинным только с определенной долей вероятности. Два примера помогут проиллюстрировать это:

(1) Енисей течет с юга на север.

Иртыш течет с юга на север.

Лена течет с юга на север.

Обь течет с юга на север.

Енисей, Иртыш, Лена и Обь — крупные реки Сибири.

Следовательно, все крупные реки Сибири текут с юга на север.¹⁸

(2) Демосфен был философом.

Сократ был философом.

Платон был философом.

Аристотель был философом.

Сократ, Платон и Аристотель были древними греками.

Следовательно, все древние греки были философами.

Первое рассуждение приводит нас к истинному выводу, тогда как второе рассуждение ложно (конечно, если не использовать слово «философ» в очень общем смысле). Однако построены они на одном и том же принципе. И в целом то, что первое рассуждение ведет к истинному выводу, является случайностью.

Это осознавал уже Фрэнсис Бэкон — английский философ, который первым обосновал индукцию как метод научного познания в том виде, в котором о ней принято говорить сейчас (его теория познания, кстати, гораздо сложнее из-за дополнительных процедур, которые, по его мнению, должны сделать индуктивное познание достоверным). Проблема, связанная с индукцией, состоит в том, что индуктивное рассуждение всегда опирается на ограниченный круг фактов, тогда как для того, чтобы оно было достоверным, необходимо знать все факты. Например, если человек видел только белых лебедей, то на основе индукции он может заключить, что все лебеди белые. Однако достаточно одного черного лебедя, и его заключение окажется неистинным. В случае с орнитологом можно предположить знание действительно большого числа фактов, настолько большого, чтобы подобные выводы можно было считать более или менее достоверными. Но как

быть нам, простым смертным, если многие из нас видели лебедей всего несколько раз в жизни?

Ситуация осложняется тем, что пока факт, противоречащий выводу, не предъявлен, мы не имеем достаточных оснований, чтобы говорить о неправильности вывода. Следовательно, вывод индуктивного рассуждения оказывается одновременно и вероятно неправильным (поскольку индуктивное рассуждение не дает абсолютно достоверных утверждений), и правильным (поскольку далеко не всегда есть факты, опровергающие этот вывод).

В силу того что в подавляющем большинстве случаев мы не можем знать всех фактов, при индуктивных рассуждениях мы фактически имеем дело не с индукцией, а с *неполной индукцией*. Именно так принято называть умозаключение, в котором на основании того, что признак присущ некоторым элементам класса, делается вывод, что этот признак присущ всем элементам класса.

Неполная индукция имеет две разновидности. Во-первых, это *популярная индукция*, которая опирается на простое перечисление фактов. Такое рассуждение имеет вид, приведенный выше.

Во-вторых, особой разновидностью индукции является *научная индукция*, в основе которой лежит не перечисление, а отбор или исключение фактов. В этом случае исследователь намеренно избирает такое множество фактов, в которых распределение признака является заведомо неодинаковым. Обычно это проявляется в целенаправленности исследования. Например, для того чтобы обоснованно утверждать, что Иван всегда опаздывает, мы не можем опираться только на известные факты — факты, которые находятся «под рукой». Чтобы это суждение соответствовало требованиям, предъявляемым к научной индукции, мы должны опросить множество людей и особенно обратить внимание на те ситуации, которые сам Иван скорее всего оценивает как важные для себя. Естественно предположить, что даже непунктуальный человек будет приходить на встречу вовремя, если он в этом действительно заинтересован (например, от этой встречи

зависит, заработает ли данный человек крупную сумму денег, примут ли его на работу или сможет ли он в конце концов жениться на девушке, которую любит). Индуктивное заключение можно будет сделать только в том случае, если окажется, что Иван опаздывал и в ситуациях, в которых опоздание менее вероятно.

Обоснование с опорой на единичные факты. Очевидно, что единичный факт не может быть основанием для индукции: его, так сказать, «слишком мало», чтобы можно было прийти к достоверным выводам. Однако это касается в первую очередь логики и науки. В риторике единичный факт имеет непосредственную ценность и может использоваться для достижения целей, стоящих перед оратором.

В учебниках риторики нередко можно встретить утверждение о том, что индукция не является способом доказательства, которое дает однозначно достоверный результат. Это, конечно, правильно. Однако стоит задаться вопросом: есть ли нужда в том, чтобы предоставлять аудитории только безусловные истины? И почему мы обязаны использовать единичные факты только для доказательства научных истин, которые непременно должны быть универсальными? Другими словами, зачем нам ограничивать риторическое использование единичных фактов доказательством общих суждений, что далеко не всегда соответствует потребностям обыденного общения?

По большому счету, оратор далеко не всегда нуждается в опоре на логику и ее законы. Для него гораздо важнее, чтобы аудитория приняла его посылки и тезис. И здесь единичные факты могут быть очень полезными.

1. Единичный факт может использоваться как средство подтверждения общего положения в том случае, если он конкретизирует это положение. Единичный факт в этом случае выступает в качестве *примера*. Когда мы используем пример, нет речи о том, чтобы доказать утверждение в целом, продемонстрировать, что оно верно во всех случаях. Пример удобен, если мы хотим показать, что наш тезис возможен и не является плодом фантазии.

Например, врач, который убеждает аудиторию сделать прививки от гриппа, ссылается на то, что грипп может привести к серьезным осложнениям, которые вылечить крайне сложно или даже невозможно. В такой ситуации ему вполне достаточно сослаться на один-единственный случай из своей практики, который иллюстрировал бы такую возможность. Нет никакой нужды доказывать то, что грипп всегда ведет к осложнениям, уже одно то, что такие осложнения иногда имеют место, может быть достаточным аргументом, который вынудит слушателей сделать прививку.

2. Другая функция, которую может выполнять единичный факт, — это функция *иллюстрации*. Иногда нам приходится говорить о вещах, которые слишком отвлеченны и абстрактны. В этом случае одного факта достаточно для того, чтобы внести необходимую ясность, так сказать, «спуститься» от отвлеченных рассуждений к тому, что понятно для любого, — к обыденной жизни, к конкретным явлениям.

Приведем в качестве примера введения иллюстраций в текст речи, взятый из речи Цицерона «В защиту поэта Архия»:

«Но я все-таки настаиваю, что всякий раз, когда к выдающимся и блестящим природным качествам присоединяются некое разумное начало и просвещение, получаемое от науки, обычно возникает нечто превосходное и замечательное. Из числа таких людей был тот человек, которого видели наши отцы, — божественный Публий Африканский; из числа их были Гай Лелий, Луций Фурий, самые умеренные и самые воздержанные люди; из их числа был храбрейший и по тем временам образованнейший муж, старец Марк Катон».

3. Наконец, единичный факт может быть полезным при обосновании желательной для оратора линии поведения группы, к которой он принадлежит, или общества в целом. И в этом случае единичный факт выступает в качестве *образца*. На таком использовании единичного

факта, в частности, была основана советская пропаганда во время Великой отечественной войны, когда в качестве образцов предъявлялись героические поступки отдельных личностей (например, Зои Космодемьянской). В связи с таким положительным влиянием единичного факта, который, бесспорно, помог нам победить, следует еще раз задаться вопросом: можем ли мы с доверием относиться к рассуждениям философов, логиков и некоторых риторов о том, что единичный факт не может быть средством доказательства и убеждения?

Аналогия. Очень близкой к индукции является аналогия — такое умозаключение, при котором свойства, присущие одному объекту, переносятся на другой объект, принадлежащий к тому же классу. Аналогию правомерно рассматривать как особое явление, дополняющее индукцию, но, естественно, не тождественное ей и самостоятельное.

Кроме того, аналогия является своего рода мостиком между изобретением и таким этапом подготовки речи, как украшение, на котором автор создает адекватное языковое воплощение для своего замысла. Дело в том, что аналогия может использоваться как образное средство, придающее тексту дополнительную смысловую глубину. Этот аспект аналогии мы рассматривать не будем, остановимся лишь на том, как она может использоваться в рамках аргументации.

Примером, проясняющим сущность аналогии, может служить следующая ситуация: ребенок впервые попробовал яблоко, оно оказалось очень кислым и не понравилось ему. Когда ему спустя какое-то время предложили другое яблоко, он отказался от него, потому что решил, что оно тоже будет кислым. Та мысленная операция, в результате которой ребенок перенес признак с одного предмета на другой предмет, и является аналогией.

Очевидно, что отличие аналогии от индукции состоит в двух моментах. Во-первых, основанием для аналогии обычно оказываются качества одного-единственного объекта. Хотя индукция также может опираться на еди-

нический факт, для того, чтобы она была хотя бы немного достоверной, необходим более богатый опыт наблюдения.

Во-вторых, в случае с аналогией признаков переносится не на класс в целом, а на отдельный, единичный предмет, который принадлежит к этому классу. Другими словами, перенос признака не опосредуется общим суждением, которое выводится из опыта (например, суждения «Все яблоки кислые»). При этом принадлежность к классу далеко не всегда осознается или является значимой. Опорой при аналогии является наличие у двух предметов, существ или явлений общих признаков, и на этом основании делается вывод, что для этих объектов являются общими и другие признаки.

Существует два вида аналогии. Первый вид — это *физическая аналогия*. В этом случае сопоставляются близкие или практически тождественные явления или предметы. Физической аналогии противостоит *образная аналогия*. В ее основе лежит сравнение отдаленных явлений действительности, сходство которых проявляется лишь в самом процессе сопоставления и имеет ярко выраженный образный характер.

В качестве примера приведем историю, которая упоминается у Плутарха. Один человек хотел разойтись с женой, но друзья его отговаривали, мотивируя это тем, что его жена красива, является хорошей хозяйкой и вообще хорошим человеком, не бесплодна. На эти уговоры этот человек ответил прекрасной аналогией. Он указал на свой башмак и спросил: «Разве он не хорош? Или он стоптан? Но кто из вас знает, где он жмет мне ногу?» Представляется, что эта аналогия прекрасно дает понять, что у человека могут быть субъективные причины для желания расстаться с женой, которые не видны и не понятны окружающим.

Аналогия не обязательно направлена на структурирование того, что является ее объектом, в соответствии со структурой сопоставляемого. Особенно явно это в образных аналогиях.

«Странствующий рыцарь без дамы — это все равно что дерево без листьев, здание без фундамента или же тень без тела, которое ее отбрасывает» (Сервантес, «Дон-Кихот»).

Эта аналогия в целом указывает на то, что странствующий рыцарь не может существовать без дамы, которой он должен посвящать свои подвиги. Каждая из аналогий при этом указывает на разные аспекты связи, существующей между рыцарем и дамы. Аналогия с деревом без листьев навеивает скорее идею недостаточности и безжизненности, тогда как сравнение со зданием без фундамента или с тенью без тела отсылает к невозможности существования или, по крайней мере, к призрачности, непрочности такого существования. В подобных случаях образная составляющая аналогии очень велика, а потому речь здесь идет уже не о структурировании действительности, а о передаче самой общей оценки того, о чем идет речь.

И еще один пример:

«Доказательства, говорит Ролен, в слове суть то же, что кости и жилы в теле. Круглость, белизна, живость членов составляют красоту тела, но не силу и твердость» (М. Сперанский, Правила высшего красноречия).

В этом примере благодаря аналогии автору удастся продемонстрировать, показать ту функцию, которую играют аргументы в речи. По-видимому, можно смело говорить о том, что любые рассуждения о важности аргументации не будут настолько же показательны и убедительны, как использование этой аналогии. А все дело в том, что тело мы не можем представить себе без костей и жил (хотя нередко без труда представляем себе речь без аргументов).

2.9. Аргументы к этосу («нравы»)

Как уже указывалось, этос в риторике — это источник убеждения, связанный с личностью оратора. Аристотель так охарактеризовал этот аспект в «Риторике»: «[Доказательство достигается] с помощью нравственного характера [говорящего] в том случае, когда речь произносится так, что внушает доверие к человеку, ее произнося-

щему, потому что вообще мы более и скорее верим людям хорошим, в тех же случаях, когда нет ничего ясного и где есть место колебанию, — и подавно».

Любая демонстрация своих качеств с этой точки зрения оказывается аргументом к этосу:

«Верю я, глубоко верю, что сегодняшний день в летописях русского правосудия не будет днем, за который покраснеет общество, разбитое в своей надежде на господство правды в русском суде. Верю я, что вы скажете сегодня: «Молчи, закон, настало время благодати!» Верю я, что те экономические лишения, те нравственные мучения, в которых протекли годы жизни люторических крестьян, сегодня достигли своего предела...» (Ф. Н. Плевако).

Данный фрагмент из речи Ф. Н. Плевако в защиту люторических крестьян достаточно сложен с точки зрения своей риторической функции, поскольку содержит самые разные компоненты. Обратим в данном контексте внимание лишь на то, что оратор демонстрирует свою убежденность в необходимости оправдательного решения, которая тем самым указывает на его веру в общечеловеческие ценности. Человек же, который открыто заявляет о своей приверженности к общечеловеческим ценностям, неизбежно вызывает расположение. Усиливается аргумент к этосу в данном случае при помощи повтора слова «верю», то есть особой фигуры (см. раздел 3 «Элокуция»).

Из данного понимания этоса вытекает такое важное требование к оратору, как честность и последовательность. Оратор должен иметь цельную личность (или, как сказали бы сейчас, должен быть конгруэнтным). А это означает, что его слова должны согласовываться с его поступками. Оратор, который намеренно лжет или непоследователен в выражаемой им точке зрения, вряд ли сможет добиться понимания и принятия аудитории.

Впрочем, дело не только в том, что оратор должен быть образцом. Аристотель указывает, что в действительности мнение об ораторе, сложившееся вне ситуации произнесения речи, не имеет такого же значения, как само содержа-

ние речи и ее произнесение. Аргументы к этосу — это в первую очередь аргументы, которые вытекают из того, что и как говорит оратор.

Ядро аргументов к этосу составляют аргументы к человеку. Их сущность состоит в том, что оратор, стремясь поставить под сомнение положения, выдвинутые противоположной стороной, «атакует» не эти положения, а тех людей, которые их выдвигают или придерживаются. Основная задача при использовании аргументов к человеку состоит в том, чтобы показать несостоятельность противоположной стороны, ее неспособность утверждать то, что она утверждает.

Приведем пример, который прояснит сущность этой разновидности аргументов. В комедии Бомарше «Фигаро» главный герой на основании предъявленного ему списка добродетелей, которые должны иметься у хорошего слуги, дает резонный ответ: «Судя по добродетелям, требуемым от слуги, Ваше сиятельство, много ли есть господ, достойных стать слугами?»

В этом случае Фигаро обращает требования на самого говорящего (и, конечно, на тех людей, которые занимают аналогичное социальное положение и придерживаются тех же взглядов). Дополнительным фактором, делающим этот аргумент более эффективным, являются вопросительная форма и обобщение, при котором речь идет не о говорящем и слушателе, а о слугах и господах. Тем не менее ядром в приведенной реплике является именно аргумент к человеку, который более явно можно сформулировать так: «Как вы можете требовать от меня и мне подобных добродетелей, которыми вы сами не обладаете?»

Известный русский юрист Ф. Н. Плевако выиграл дело о священнике, укравшем белье, благодаря фразе: «Он столько раз отпускал вам ваши куда более серьезные грехи, неужели вы, господа присяжные заседатели, не отпустите ему этот маленький грех?» В этой фразе Плевако, естественно, концентрирует внимание не на недостатках обвинения или присяжных. Однако принцип аргументов

к человеку здесь сохраняется: деятели и лица, испытывающие действие, меняются местами, а отказ признать невиновность обвиняемого расценивается как отказ следовать принципам, которым сам обвиняемый всегда следовал.

В риторике различают три основных разновидности аргументов к человеку:

а) **прямая атака на личность** — вариант аргумента к человеку, при котором оппонент ставит под сомнение интеллектуальные способности оратора, его моральные качества или осведомленность;

б) **опосредованная атака на личность** — вариант аргумента к человеку, при котором оппонент указывает, что отстаиваемая точка зрения непосредственно представляет частные интересы оппонента, а потому ее нельзя считать непредвзятой;

в) **tu quoque (и ты тоже)** — вариант аргумента к человеку, при котором оппонент указывает на то, что действия или слова оратора отличаются от того, что он делал или говорил раньше.

Что же может ставиться под сомнение в рамках аргумента к человеку?

1. **Честность.** Если человек хотя бы раз солгал и это стало известно, его можно заподозрить в том, что он делает это и в настоящий момент. Именно поэтому оратор должен избегать «двойных стандартов» — положений, которые он готов применять лишь к некоторым ситуациям и людям, но не хочет признавать их применимость к другим людям (например, к себе).

2. **Способность к суждению, познавательная способность, компетентность.** Очень эффективная разновидность аргументов к человеку состоит в том, что оратор доказывает неспособность противоположной стороны логически и последовательно рассуждать и при этом опирается на явные ошибки в рассуждениях, допущенные противоположной стороной. Так же эффективно и указание на то, что оппонент не может выносить суждения по поводу какого-то предмета, поскольку не является спе-

циалистом (например, не имеет научной степени или даже высшего образования, или получил образование в другой области знаний).

3. Реалистичность видения фактов. Искажения в видении действительности являются важными для многих культур: не случайно в европейской культуре психически больные люди лишаются права принимать решения. Конечно, психические болезни — это явно крайний случай, чаще приходится иметь дело с тем, что оратор не знает фактов, не знает, как развивается ситуация. Не менее распространенным случаем является и наличие иллюзий относительно тех или иных сторон действительности. Однако доказательство того, что говорящий не способен адекватно воспринимать действительность и не обладает заслуживающими доверия знаниями о ней, может оказаться мощнейшим оружием в руках оппонентов.

4. Моральные стандарты. Они могут быть подвергнуты критике, если, например, он был осужден, или известны его супружеские измены, или если он закрывает глаза на несправедливые поступки, совершаемые другими людьми, и т. д. Особенно опасна подобная критика в том случае, когда оратор выдвигает положения, имеющие явно выраженный этический характер. При этом не обязательно, чтобы оратор был уличен в тех же грехах, в которых он обвиняет другого человека. По большому счету, упрекая кого-то, человек заявляет о своей претензии на звание «морального человека». А потому объектом аргумента к человеку может быть не только конкретная сторона личности или определенное поведение, но и «моральность» в целом.

5. Человеческие качества. В общении люди склонны ценить такие качества, как сдержанность в суждениях, терпимость, скромность. Возможно, оппонент, обративший внимание на отсутствие этих качеств у оратора, не вынудит аудиторию признать его доводы неправильными, недействительными. Однако он все равно сможет настроить аудиторию против оратора или, по крайней мере, заронить сомнение в качествах этого человека.

На основании сказанного нетрудно сформулировать требования, которым должна удовлетворять аргументация и речь в целом, чтобы быть убедительной.

Следует учитывать, что любой поступок может рассматриваться с разных точек зрения. Прежде всего, его можно рассматривать изолированно, и в этом случае мы можем только оценивать его как хороший или плохой. Однако на основании отдельного поступка можно делать выводы о характере человека, то есть о том, как человек ведет себя в определенных ситуациях, как он реагирует на выбор, который возникает перед ним. И если одна из сторон знает хотя бы один случай, когда ее оппонент совершил существенное нарушение моральных норм (например, дал ложные показания), она может сделать вывод, что такое поведение вообще характерно для противника, а следовательно, в другой ситуации он поступит так же; более того, он может поступать так же и в той ситуации, в которой он находится в настоящий момент.

Оратор должен с самого начала исключить возможность сомнения в его честности или искренности. По крайней мере, он должен учитывать свои собственные качества и действия и согласовывать с ними положения, на которые он опирается. Критика со стороны оппонентов может касаться не правильности тезиса, а личности оратора, а точнее, его качеств, из-за которых можно усомниться в его искренности или способности выносить суждения. Если в аудитории найдется хотя бы один человек, который хорошо знает оратора, он сможет открыто заявить о его нечестности и привести соответствующие аргументы. А этого будет достаточно для того, чтобы свести все усилия оратора на нет.

Если же по каким-то причинам исключить сомнения в «этических» качествах оратора невозможно, ему придется вооружиться серьезными аргументами против обвинений. Еще более целесообразно не выдвигать положений, которые могут быть поставлены под сомнение при помощи аргумента к человеку.

Существует мнение о том, что аргументы к человеку недопустимы, представляют собой ошибку. Эта точка зрения вызывает серьезные сомнения. Дело в том, что аргументы к человеку используются достаточно часто, а потому должны рассматриваться как форма аргументов наравне с другими типами аргументации. Их уместность зависит от ситуации. Доводы подобного рода могут играть очень важную роль в аргументации. Нередко случается, что одна из сторон в рамках спора начинает отклоняться от темы, приводит несущественные доводы, незаметно изменяет тему обсуждения или даже противоречит тем положениям, которые были выдвинуты изначально (например, потому что не желает признать правоту противоположной стороны). В этом случае обращение к аргументу к человеку совершенно обоснованно, и аргумент будет касаться того, как ведет себя одна из сторон.

Аргументы к человеку в целом неуместны, например, в судебном разбирательстве, где они используются крайне редко и суд обычно отказывается от их рассмотрения. Связано это с тем, что законодательство препятствует их использованию. Однако и здесь имеются исключения. Например, при слушании дела об изнасиловании свидетельства о развратном поведении жертвы имеют значение, поскольку позволяют доказать, что жертва спровоцировала насилие своим поведением. Кроме того, аргументы к этосу уместны в судебных слушаниях при рассмотрении заключений экспертов. Основные объекты атаки в этом случае — нечестность эксперта или его некомпетентность.

Таким образом, недопустимо не любое использование аргументов к человеку, а их неуместное использование. Единственная «предосудительная» ситуация, в которой используются аргументы к человеку, — это переход на личности, вызванный тем, что оратор не может найти иных средств доказательства своей правоты. В целом при использовании аргументов к человеку необходимо помнить о том, что любой из этих аспектов личности оппонента может стать объектом эффективного аргумента только

в том случае, если на его основании может быть опровергнут его тезис (или если аргументы оппонента в этом случае оказываются недействительными). Бессмысленно сразу же «переходить на личности», пытаясь доказать, что оппонент — никчемный человек. Такое поведение представляет собой очень распространенную ошибку. Хотя нередко аргументы к человеку называют недопустимыми, в действительности не следует допускать только необоснованного, не связанного с существом вопроса их использования.

Другое дело, что сами по себе аргументы к человеку при условии, что они используются изолированно, не имеют особой силы и в большом числе случаев действительно могут рассматриваться как ошибка. Аргумент к человеку оказывается более уместным в случае, когда он подкрепляет другую аргументацию. Приведем пример, иллюстрирующий эту функцию аргументов к человеку. Это будет фрагмент рассказа С. Званцева «Дело Вальяно»¹⁹. В этом рассказе описываются события XIX века, а точнее, судебное разбирательство по поводу обвинения крупного торговца Вальяно в контрабанде. Не вдаваясь в детали этого дела, которые не существенны с точки зрения приводимого примера, укажем лишь на то, что прокурору потребовалось 3 часа на то, чтобы доказать вину Вальяно. Адвокат обвиняемого (А. Я. Пассовер) говорил всего 5–6 минут и доказал обратное, просто сославшись на тот факт, что Вальяно незаконно провозил товары в таганрогский порт на турецких фелюгах, которые не фигурируют в законодательстве (хотя другие разновидности судов там перечислялись). Естественно, прокурор понял, что все его доказательства опровергнуты, и решил сказать свое последнее слово:

«Бледное лицо прокурора залилось краской. Он вскочил и почти закричал дрожащим голосом:

— Вальяно — контрабандист! Если бы он им не был, он не мог бы заплатить своему защитнику миллион рублей за защиту!

В зале ахнули. Миллион рублей! Неслыханная цифра! Реплика прокурора тотчас обернулась против него.

— Да, я получил миллион, — спокойно ответил защитник. — Значит, так дорого ценятся мои слова! А теперь посчитаем, сколько стоят слова прокурора... В год прокурор получает три тысячи шестьсот рублей, — высчитывал вслух «добродушный» адвокат, — в месяц — триста, стало быть, в день, в том числе и сегодняшний день, — рублей десять. Произносил прокурор свою речь сегодня три часа, сказал за свои десять рублей 45 тысяч слов. Сколько же стоит слово прокурора?

Вытянувшись, Пассовер крикнул:

— Грош цена слову прокурора!»

Естественно, в этом случае аргумент к человеку не связан с существом дела, прокурор и адвокат используют его для того, чтобы одержать верх в споре, доказать свое превосходство. Можно ставить под сомнение правомерность подобного использования аргумента к человеку (хотя в действительности адвокат использовал это средство в ответ на действия прокурора). Однако и это может быть крайне полезным. По крайней мере, последняя фраза адвоката просто подводит своеобразный итог слушания, указывает на то, что адвокат обоснованно считает себя победителем, поскольку все аргументы обвинения опровергнуты. Это действительно так, и аргумент к человеку, используемый адвокатом, как бы «вступает в резонанс» с тезисом его речи и прекрасным, остроумным и действенным доказательством этого тезиса.

Из всего сказанного вытекает важное следствие для оратора. Верьте в то, что вы говорите (или говорите о том, во что верите), ведите себя достойно, получайте удовольствие от написания речи и ее произнесения — и тогда можно быть уверенным, что у вас будет меньше проблем с аудиторией.

2.10. Аргументы к пафосу («страсти»)

«Страсти» традиционно соотносились с чувствами, которые испытывает аудитория. Фактически все эти ар-

гументы можно свести к таким парам, как любовь и агрессия, удовольствие и неудовольствие (и даже, если выражаться терминами Фрейда, к паре «Эрос и Танатос»). Из двух противоположностей — желательного и нежелательного — нетрудно вывести все остальные чувства.

Используя этот аргумент, оратор строит свою речь таким образом, чтобы вызвать у аудитории чувства, которые необходимы для достижения стоящих перед ним целей. Естественно, нельзя исключить того, что оратор при помощи своей речи будет манипулировать аудиторией. Однако в нормальном случае оратор при помощи аргументов к пафосу стремится выразить свою позицию, заразить ей аудиторию и тем самым подтолкнуть ее к тому, чтобы она изменила свое мнение или совершила какие-то действия.

Принципиально важно, что доводы к пафосу — это в первую очередь аргументы, которые так или иначе затрагивают *личные* интересы людей, составляющих аудиторию. Эта связь с личными интересами может быть как непосредственной, когда оратор говорит о том, что напрямую касается аудитории, так и опосредованной, основанной на способности человека представлять себе переживания других людей.

Существует два основания для классификации аргументов к пафосу. Во-первых, это те чувства, которые стремится вызвать оратор; во-вторых, это объект, на который направлены эти чувства.

1. С точки зрения чувств, которые стремится вызвать оратор, можно выделить два типа аргументов к пафосу:

а) **аргументы к обещанию**: в этом случае оратор ссылается на нечто желательное и рассматриваемое как хорошее. Например, оратор может доказывать необходимость качественной работы тем, что человек, который хорошо работает, получает целый ряд преимуществ (его могут премировать, повысить по должности, ему легче найти новую работу, он пользуется уважением у коллег и т. д.);

б) **аргументы к угрозе**: в этом случае оратор указывает на нечто нежелательное, оцениваемое как плохое

и связанное с фрустрацией, неудовольствием. Наиболее простой случай — это угроза наказания (адресованная, например, ребенку, который не хочет слушаться взрослых, или человеку, который собирается совершить поступок, нарушающий законы).

И в первом, и во втором случае мы имеем дело с тем, что касается (или может касаться) любого человека и так или иначе затрагивает его интересы: стремление сохранить комфорт и безопасность и избежать того, что неприятно, болезненно и создает дискомфорт. Различие между аргументами с этой точки зрения состоит в том, на каком аспекте делает акцент оратор — на положительном, связанном с желательным, или на отрицательном, связанном с нежелательным.

Естественно, каждый из этих двух видов аргументов может быть конкретизирован, поскольку «желательное» и «нежелательное» представляют собой слишком общие категории. В частности, аргументы к угрозе могут опираться на страх физической боли, моральных мучений, бедности, болезней, смерти и т. д., — одним словом, на все то, чего человек хотел бы избежать. Соответственно могут быть выделены и разновидности аргумента к обещанию. Кроме того, аргументы к пафосу необходимы в любом другом случае, который предполагает эмоциональное отношение к чему-либо; примером здесь может служить патриотизм.

2. С точки зрения объекта, на который направлены чувства, можно выделить три основных случая использования аргументов к пафосу. В основе этого деления лежит различение участников риторической коммуникации: аудитории, оратора и третьих лиц.

а) Самый элементарный случай состоит в том, что оратор указывает на желательные или нежелательные последствия, которые ожидают саму аудиторию. Например, оратор может красочно изобразить те «адские муки», которые курильщики создают сами себе, не отказываясь от своей привычки. Хотя, как показывает практика, од-

них аргументов подобного рода никогда недостаточно для того, чтобы кто-то бросил курить, эти аргументы вполне могут заставить слушателей задуматься и рано или поздно отказаться от своей привычки.

Фактически этот вид составляет ядро аргументов к пафосу, поскольку пафос традиционно связывается с аудиторией и ее качествами. В остальных случаях аргументы к пафосу связаны с аудиторией опосредованно и требуют эмпатии — вчувствования в то, что ощущал, ощущает и может ощущать другой человек или другие люди.

б) Вторая разновидность аргументов к пафосу — это стремление вызвать сострадание к самому оратору. В этом случае оратор должен побудить аудиторию испытать те же чувства, которые испытывает он сам. Наиболее оптимальный способ — открыто говорить о своих переживаниях. Этот аргумент нередко называют аргументом к жалости, поскольку человек может испытывать жалость к кому-либо только в том случае, если он понимает, что переживает другой человек, то есть примеряет ситуацию на самого себя.

Очень удачным (хотя и не совсем риторическим) примером этого вида аргументов является не так давно прошедшая по телевидению реклама, направленная на то, чтобы побудить людей более внимательно относиться к опасности заражения СПИДом. В ней достаточно молодой мужчина с затемненным лицом рассказывает историю своей жизни, которая заканчивается фразой: «А потом я умер». Примечательно, что в этом случае авторы рекламы не прибегают к кровавым сценам, не предлагают зрителю никаких «ужасов», связанных с процессом умирания. К сожалению, далеко не всякая социальная реклама обладает такими положительными качествами.

Конечно, здесь намеренно используется невозможная ситуация, поскольку ни один человек не может рассказать о собственной смерти (если принять, что загробной жизни не существует). Кроме того, изображаемая в рекламе ситуация всегда вымышленная, разыгранная; глупо

было бы думать, что актер, который снялся в этой рекламе, действительно умер от СПИДа. Тем не менее в этом случае модель аргумента к жалости реализуется очень явно, поскольку говорящий рассказывает историю своей жизни, которую может применить к себе любой человек.

Оратор может стремиться вызвать противоположные, то есть негативные чувства, однако не по отношению к себе, а по отношению к своему оппоненту.

в) Третья разновидность аргументов к пафосу — это стремление вызвать положительные или отрицательные чувства по отношению к третьим лицам — людям, которые в ситуации произнесения речи не являются ни ораторами, ни аудиторией. Здесь также можно говорить о двух противоположностях — сострадании и отвержении.

Нередко эти два чувства присутствуют в одном и том же аргументе, поскольку тот, кто испытывает страдания, обычно вызывает жалость и сострадание, а тот, кто причиняет зло, вызывает отвержение.

Приведем в качестве примера следующий фрагмент из книги известной феминистки Андреа Дворкин «Гиноцид»²⁰, в которой она описывает крайне жестокий китайский обычай бинтовать ноги девочек для того, чтобы уменьшить их размер и придать им особую форму. Вот как она описывает результат этой «операции»:

«Забинтованные ноги были искалечены и чрезвычайно болели. Женщине фактически приходилось ходить на внешней стороне подогнутых под ступню пальцев. Пятка и внутренний свод стопы напоминали подошву и пятку обуви с высоким каблуком. Образовывались окаменелые мозоли; ногти врастали в кожу; стопа кровоточила и истекала гноем; кровообращение практически останавливалось. Такая женщина хромала при ходьбе, опиралась на палку или передвигалась при помощи слуг. Чтобы не упасть, ей приходилось ходить маленькими шажками. Фактически каждый шаг был падением, от которого женщина удерживалась, только поспешно делая следующий шаг. Прогулка требовала громадного напряжения»²¹.

Это описание вызывает неприятные чувства, но это крайне характерно для аргументов к пафосу, которые очень часто опираются на «запрещенные приемы». Можно предположить, что большинство читателей невольно ощутили нечто напоминающее то, что могла чувствовать женщина в подобной ситуации. Естественно, эти ощущения вызывают жалость и сострадание к женщинам, которые были подвергнуты такой болезненной процедуре; кроме того, любой человек, видимо, желал бы не оказаться в такой же или аналогичной ситуации. В то же время это описание может вызывать ненависть по отношению к мужчинам, матерям, которые подвергли своих дочерей этому испытанию, и, шире, патриархальному обществу в целом, которое, по мнению феминисток, не может существовать без угнетения женщин (в книге А. Дворкин приводится много примеров рассуждений мужчин о бинтовании ног, которые, следует признать, не делают им чести). Очевидно, что, используя аргумент в таком виде, автор достигает цели.

Следует также отметить, что в этом случае речь идет о другой культуре, а потому автор и читатели вряд ли подвергаются опасности пройти через ту же процедуру. Эффект этого аргумента состоит в том, что автор вызывает негативные чувства у читателей, а тем самым — и сострадание к китайским женщинам.

Естественно, это описание само по себе не является аргументом — оно становится им только в контексте всей книги и выражаемых в ней взглядов. На них мы не будем останавливаться подробно, поскольку большинство людей хотя бы приблизительно понимают, к чему стремятся сторонники феминизма. Но главное в другом: пожалуй, этот аргумент действительно оказывает необходимое воздействие и позволяет читателям если не полностью принять положения феминизма, то, по крайней мере, отнестись к ним внимательно и понимающе. А все это происходит благодаря тому, что Андреа Дворкин удалось подобрать факты и изложить их должным образом.

В риторике было выработано несколько советов относительно использования аргументов к пафосу.

1. Риторика советует использовать этот тип аргументов в конце речи. Этот совет, видимо, понятен: аргументы к пафосу позволяют сделать акцент на окончании речи, усилить общее впечатление от нее и тем самым как бы закрепить ее эффект.

2. Аргументы к пафосу целесообразно использовать только в тех речах, которые посвящены потенциально «патетическим» объектам и проблемам. В противоположном случае оратор может оказаться смешным.

3. Излишняя чувствительность так же неуместна, как и сухость. Оратор, который не может быть патетичным тогда, когда это необходимо, так же неестествен, как и оратор, который патетичен в рассуждении о совершенно земных вещах.

2.11. Ошибки и уловки аргументации

Ошибки аргументации можно разделить на три группы: 1) ошибки, касающиеся тезиса, 2) ошибки, касающиеся аргументов, и 3) ошибки, касающиеся демонстрации.

1. **Ошибки, касающиеся тезиса.** Едва ли не самой распространенной ошибкой, которую допускают ораторы, является *подмена тезиса* — случай, когда оратор в процессе рассуждения доказывает положение, отличное от того, которое было им предъявлено. Подобная ошибка может быть как умышленной, так и неумышленной. В первом случае оратор *намеренно* совершает подмену (например, если он осознает, что свой тезис корректно доказать он не сможет). Во втором случае это происходит как бы случайно, независимо от воли оратора: он просто оказывается не в состоянии понять, что эта ошибка имеет место. Поэтому оратор должен очень внимательно относиться к тому, что он говорит, и проверять обоснованность своих рассуждений на этапе подготовки речи.

Рассуждение, в котором говорящий подыскивает аргументы в пользу положения, которое заведомо абсурдно или недостоверно, получило название **софизма**. Приме-

ром софизма можно считать известное рассуждение «рогатый»: «То, что ты не потерял, ты имеешь. Ты не потерял рога. Следовательно, у тебя есть рога». Традиционно такое рассуждение также считается ошибочным.

В основе софизмов обычно лежат самые разнообразные нарушения структуры рассуждения. В приведенном примере не учитывается то, что потерять можно только то, что ты имел ранее. Очевидно, что человек, который не имел рогов, не мог их и потерять.

Эта ошибка получила название «в честь» софистов — древнегреческих философов, которые полагали, что истинно то, что человек считает таковым (ср. известное высказывание Протагора «Человек есть мера всех вещей»). В действительности в такой позиции очень много справедливого; к сожалению, в философии было принято осуждать софистов, а потому от них остались в основном примеры заведомо ложных рассуждений.

Нередко в основе софизмов лежит использование одних и тех же выражений в разных значениях, например, в прямом и переносном, а также опора на необязательные признаки. Обе эти ошибки реализуются в таком рассуждении (при желании вы можете определить, к какому *правильному* модусу силлогизма относится это рассуждение):

Люди едят хлеб.

Свиньи едят хлеб.

Следовательно, люди — это свиньи.

Прежде всего, свойство «есть хлеб» не является обязательным, необходимым для людей и свиней, не имеет отношения к сущности человека и свиньи. Хлеб едят не только люди и свиньи, это характерно для большого числа домашних животных, а также для некоторых птиц и насекомых. Это рассуждение было бы правильным, если бы с опорой на свойство «есть хлеб» мы могли бы предложить определение свиньи, которое было бы полным и могло бы отличать ее от других живых существ.

Кроме того, вывод этого рассуждения содержит слово «свиньи», которое употребляется в переносном значении, то есть как ругательство, негативная *образная* характе-

ристика. Соответствующее животное лишь воплощает в нашем сознании те качества, которые мы приписываем человеку, называя его «свиньей», в действительности оно не присуще свиньям.

2. Ошибки, касающиеся аргументов.

Основная задача аргументации состоит в том, чтобы подобрать такие положения, которые обосновывали бы тезис. Это требование можно представить и по-другому: аргументы (посылки рассуждения) должны быть истинными, поскольку при помощи ложных посылок мы не можем обосновать тезиса. Поэтому *использование ложных посылок* является серьезной ошибкой.

Иногда оратор использует ложные посылки в силу того, что упрощает действительное положение дел, не учитывает сложности, присущей действительности. Возьмем в качестве примера следующее рассуждение:

«Хорошо владеет языком только тот человек, для которого он является родным; иностранец всегда владеет языком хуже. Иван является русским, а не англичанином и потому владеет английским языком хуже, чем англичанин».

В этом рассуждении вывод может быть совершенно правильным: Иван действительно может владеть английским языком плохо. Однако это рассуждение очень упрощает картину. Действительно, люди, не являющиеся англичанами, как правило, имеют плохое произношение. Они могут допускать в своей речи ошибки, связанные с тем, что они будут переносить на английский язык правила, характерные для их родного языка, то есть «буквально переводить» на английский язык конструкции своего родного языка или употреблять слово в соответствии с тем, какое значение оно имеет в их родном языке.

Однако это правило знает исключения. Можно указать людей, которые знают неродной для них язык лучше, чем те люди, для которых этот язык является родным. Во-первых, степень владения языком различается у разных его носителей, а потому естественно предположить, что существует немало англичан, которые не умеют говорить достаточно красиво и правильно. Во-вторых, чело-

век, который преподает тот же английский язык, благодаря усиленным занятиям может овладеть им даже лучше, чем носитель этого языка. Автор этих строк, например, знает русских, которые имеют право преподавать английский язык даже англичанам. А следовательно, можно предположить, что эти люди знают английский язык лучше хотя бы некоторых англичан.

Необходимо иметь в виду, что ложные посылки могут обосновывать правильный тезис. Сам тезис от этого не утрачивает своей истинности (хотя его убедительность, скорее всего, понижается). В приведенном примере вывод может быть совершенно правильным. Тем не менее, посылки, при помощи которых он обосновывается, критики не выдерживают, они не делают его необходимым и достоверным, поскольку не учитывают всех возможных случаев.

3. Ошибки, касающиеся демонстрации. Сущность этой группы ошибок состоит в том, что *оратор использует в качестве аргументов, оснований посылки, которые логически не связаны с тезисом*. Рассуждения, в которых допущена подобная ошибка, доказательны лишь внешне, в действительности такие рассуждения не могут подтвердить истинности вывода.

Приведем в качестве примера шуточное рассуждение немецкого физика В. Нернста, который открыл третье начало термодинамики и обосновывал «окончателность» этого открытия следующим образом:

«У первого начала было три автора: Мейер, Джоуль и Гельмгольц; у второго — два: Карно и Клаузиус, а у третьего — только один Нернст. Следовательно, число авторов четвертого начала термодинамики должно равняться нулю, то есть такого закона просто не может быть»²².

Подобное рассуждение может показаться логичным только потому, что оно внешне напоминает правильное доказательство (возможно, математическое). В действительности же это не так: *между номером начала термодинамики и количеством ученых, которые его открыли, нет необходимой связи*. Другими словами, эта связь случайна; нетрудно опровергнуть такое рассуждение, просто

указав, что любое начало термодинамики могли открыть любое количество ученых.

Любой человек, в том числе ученый, может намеренно создавать такие внешне логичные рассуждения, например, для того чтобы привлечь внимание к собственной персоне или идеям. В. Нернст, по-видимому, в данном случае обыгрывает фантазии об исключительности, которые характерны для многих людей. Однако оратор должен осознавать, что внешне логичное, но в действительности некорректное доказательство можно использовать лишь тогда, когда оно приводится намеренно и не выдается за правильное. Нельзя исключить, что аудитория примет на веру подобное доказательство. Но если этого не произойдет, оратор найдет дополнительные трудности, так как его станут обвинять в том, что он не умеет рассуждать.

Еще одна распространенная ошибка, связанная с демонстрацией, получила название **«порочный круг в доказательстве»**. В этом случае оратор обосновывает тезис при помощи самого тезиса. В самом простом случае такое рассуждение имеет вид: «Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда». Здесь отсутствие обоснованности очевидно: человек, рассуждающий подобным образом, не предлагает достаточного обоснования для своей точки зрения, для подтверждения тезиса он использует сам тезис, пусть даже в чуть-чуть измененной форме.

Однако эта ошибка не всегда так очевидна, поскольку одна и та же мысль может иметь несколько способов выражения. Например, рассуждение «Стекло прозрачно, потому что мы можем видеть сквозь него» основано на порочном круге. Дело в том, что суждения «Стекло прозрачно» и «Сквозь стекло можно видеть» различаются только поверхностным выражением, но отражают один и тот же смысл. Мы можем определить прозрачность с опорой на способность пропускать световые волны (именно этим объясняется то, что мы можем видеть через него), однако использовать это положение в качестве аргумента мы не имеем права, поскольку такое доказательство тавтологично, основано на повторении одного и того же смысла.

III. Диспозиция	161
1. Структура речи и классический	161
подход к композиции	161
1.1. Обращение	165
1.2. Именованье темы (вступление)	168
1.3. Повествование	172
1.4. Описание	174
1.5. Доказательство	177
1.6. Опровержение	180
1.7. Воззвание	182
1.8. Заключение	183
1.9. Общие рекомендации	184
2. Принцип выдвижения и современный взгляд на композицию	186
3. Отмеченные позиции и схемы выдвижения	190
3.1. Отмеченные позиции	190
3.2. Схемы выдвижения	196
4. Выразительность и ее виды	204

III. Диспозиция

Диспозиция — второй этап работы над речью. Если на первом этапе — на этапе инвенции — оратор определяет, о чем он будет говорить, исследует объект речи, выделяет значимые его аспекты, конкретизирует его, находит способы доказательства тезиса, то на втором этапе оратор располагает собранный материал в том порядке, в котором он будет представлен в тексте. В идеале работа на этом этапе должна закончиться составлением подробного плана-конспекта, в котором будет четко представлена последовательность утверждений и аргументов, а также прочих элементов речи.

Чтобы понять специфику диспозиции, можно обратиться к тому, как представляли задачи этого этапа сами риторы. В «Очерках теории и истории риторики» Н. А. Безменова ссылается на ритора Нового времени Ш. Батте, который полагал, что «идеи», вырабатываемые в процессе инвенции, нелинейны; они как бы сосуществуют друг с другом одновременно.

Поскольку же речь линейна, перед оратором встает задача выявить связи между этими идеями и расположить их друг за другом. Батте указывает, что в процессе зрительного восприятия «мысли входят в наше сознание толпой», тогда как при восприятии речи они входят в наше сознание последовательно, друг за другом. Следовательно, задачу диспозиции можно видеть в создании правильного (оптимального) порядка того, что было «изобретено».

1. Структура речи и классический подход к композиции

Диспозиция как отдел риторики рассматривает расположение частей ораторской речи. Сразу же возникает вопрос, что считать частью: отдельный аргумент, отдельную фразу, какое-то рассуждение, абзац и т. п.? Как членить речь? Попробуем пойти в этом за древними авторами, поняв их в современных нам категориях.

Древние риторики выделяли в речи отдельные фиксированные части, вроде вступления, описания, воззвания или заключения, и изображали диспозицию как последовательное нанизывание этих частей. Под этим есть свое основание, которое сегодня мы бы изложили так. Всякая пространная речь состоит из отдельных микрожанров, то есть речевых актов — действий, которые совершает говорящий при помощи слов. Литературовед Михаил Бахтин называл такие жанры первичными. Это жанры прагматические, или функциональные, т. е. выделенные на основании цели высказывания. Например, мы что-то обещаем (жанр обещания), кого-то порицаем (жанр порицания), что-то обосновываем (жанр обоснования), кому-то угрожаем (жанр угрозы). Все, что мы говорим, подчинено какой-то цели, говорится для чего-нибудь, вот и предлагается членить речь на такие целевые блоки — речевые акты, или первичные функциональные жанры. Граница жанров — это граница смены наших установок: здесь, именно в этом месте нашей речи мы перестали угрожать и начали обещать. Такое деление выглядит вполне здравым. Оно позволяет обучающемуся совершенствоваться в каждом из названных жанров (можно, например, попрактиковаться в обещаниях или угрозах), а кроме того, оно вооружает его «кубиками», комбинация которых и есть диспозиция речи. В этом случае оратор рассуждает приблизительно так: вначале я испугаю, потом посочувствую, потом пообещаю, и благодаря этому добьюсь того, что мне нужно. Не правда ли, это напоминает то, как мы обычно планируем свою речь?

Выделение микрожанров речи необычно только с точки зрения использования терминологии. В действительности некоторые риторы прошлого предложили крайне разработанные классификации таких жанров, которые они называли «фигурами». Хотя «фигура» — это термин, описывающий особенность выражения мысли и соотносящийся с третьим этапом подготовки речи (см. раздел «Эло-

куция» данного учебника), необходимо иметь в виду, что использование этого термина не было последовательным на протяжении веков. Именно поэтому среди фигур мысли в собственном смысле этого слова появлялись такие, как «клятва», «обращение», «уступка», «сомнение», «описание места», «описание времени» и т. д. Что это, как не микрожанры, о которых идет речь?

Итак, будем и мы считать композицией речи последовательность микрожанров, из которых она состоит. Отметим, однако, что древние риторы, хотя и выделяли отдельные микрожанры, в разделе «диспозиция» работали с более крупными функциональными единицами — с жанрами, выводимыми из их места в самой речи. Поэтому они выделяли обращение (зачин), именование темы (вступление), повествование (историю вопроса), описание (положение дел на момент речи), доказательство (основная аргументация), опровержение (рассмотрение контрдоводов), воззвание (обращение к чувствам слушателя) и заключение. Более же мелкие «кубики»: выражение удивления, обещание, клятва и прочие они рассматривали отдельно, часто смешивая их, как это уже указывалось, с речевыми приемами — фигурами речи.

Извлечем из этого для себя мораль. Существуют первичные микрожанры (обещание, угрозы и прочее), к их комбинации в конечном счете сводится речь. Существуют более крупные жанры (вступление, заключение и т. д.), и речь может быть рассмотрена как их последовательность. Наконец существуют и макрожанры — сами речи. Ведь мы можем, например, готовить обвинительную речь (один жанр) или речь в защиту кого-либо (другой жанр).

При этом в рамках такого макрожанра, как обвинительная речь, оказываются уместными самые разные микрожанры, а не только обвинение. И действительно, оратор в рамках обвинительной речи может, например, использовать следующие микрожанры:

— призывать слушателей присоединиться к предлагаемой им отрицательной оценке чего-либо: «Я думаю, что этот человек плох, и вы не можете думать по-другому, должны согласиться со мной» (это собственно призыв);

— указывать им на негативные последствия отказа принять эту оценку: «Если вы не осудите этого человека — или совершенный им поступок, — это повлечет за собой опасность для общественного порядка, то есть в том числе и для вас, потому что люди не будут бояться совершать такие поступки» (это уже угроза или, если угодно, предупреждение);

— сожалеть о том, что до сих пор в обществе имеются люди, которые совершают предосудительные поступки (это сожаление);

— приводить примеры, доказывающие, что отказ осудить отдельный поступок некоторого человека становился причиной того, что аналогичные поступки начинали совершать другие люди (это сообщение);

— призывать слушателей не брать примера с человека, о котором идет речь, и не совершать таких же поступков (это просьба или совет);

— делать уступку по отношению к возможным возражениям со стороны аудитории, указывая, что при определенных обстоятельствах тот же поступок может считаться не таким предосудительным, и т. д.

Естественно, этот список может быть расширен, он не является окончательным. Однако он показывает, каким образом строится любая речь. Даже если у нас есть конкретная цель (например, обвинить или, наоборот, похвалить кого-то), мы все равно используем целый ряд самых разных микрожанров, которые имеют заметно отличающиеся друг от друга цели. Главное, чтобы в конце концов оратор пришел к той точке, к которой он стремится; каким путем это будет сделано, не так важно (хотя иногда и сказывается на эффективности выступления).

Уяснив для себя эту трехступенчатую структуру, мы поймем композицию как конструирование речей из бло-

ков. Допустим, мы хотим прочесть обвинительную речь (макрожанр). Теоретически она может состоять из всех классических частей (крупных жанров): обращения (зачина), именованья темы (вступления), повествования (истории вопроса), описания (рассказа о положении дел на момент речи), доказательства (выдвижения аргументов), опровержения (рассмотрения контрдоводов), воззвания (обращения к чувствам слушателей) и заключения. Возможно, какую-то из этих частей мы опустим, возможно, что-то поменяем местами. После того, как у нас будет общий план речи, мы обратимся к набору наших кубиков (микрожанров) и построим из их комбинации каждую часть.

Центральными категориями для такого раздела риторики, как диспозиция, являются именно крупные жанры, как мы их называли, к которым относятся: 1) обращение, 2) именование темы, 3) повествование, 4) описание, 5) доказательство, 6) опровержение, 7) воззвание и 8) заключение.

Предварительно нужно заметить, что в риторике прошлого следование жанров считалось практически обязательным. Более гибкая точка зрения на структуру речи состояла бы в том, что каждый из таких жанров в действительности может быть «рассеянным» по всей речи (или, выражаясь иначе, «перемешанным» с другими жанрами). Почему бы не перемежать доказательство с повествованием? Почему бы не вводить элементы воззвания в доказательство? Почему бы не сочетать в одном фрагменте обращение и именование темы? И почему нельзя менять компоненты местами? Большинство из этих вопросов станет действительно понятным только после рассмотрения каждой из частей речи. А потому обратимся к каждому из этих жанров.

1.1. Обращение

Это жанр, с которого начинается речь. Основная задача этого жанра — установить границу между всем, что говорилось до нас, и тем, что будет говориться нами. Об-

ращение можно рассматривать как предложение темы, выделение ее из всего множества тем. Обращение устанавливает, отмечает границу между разными речевыми произведениями, указывает, что адресат и говорящий сменились и что, возможно, сменилась и тема.

Кроме того, обращение предполагает наличие говорящего (того, кто обращается) и аудитории (тех, к кому обращаются). Следовательно, основная функция обращения состоит также в установлении контакта с аудиторией.

Обращение нередко отсылает к ситуации, в которой произносится речь. Вот как начинает свою речь А. Ширвиндт на юбилее З. Е. Гердта:

«Друзья! Разрешите поднять, в данном случае умозрительно, этот символический бокал за очаровательное украшение нашей жизни — за Зиновия Гердта».

В этом вступлении находит отражение ситуация, по поводу которой произносится речь и, более того, в связи с которой собрались все слушатели.

Аналогичный пример находим в речи Н. П. Карабичевского, который в рамках одного судебного дела выступал сразу после известного русского адвоката П. А. Александрова. Будучи пораженным тем, что он услышал, он начал свою речь с непосредственного и достаточно эмоционального комментария услышанного:

«Я должен говорить, но я еще слушаю».

Именно в обращении мы заявляем о себе как об авторе речи. В газете, например, в роли обращения выступает заголовок в совокупности с именем автора статьи. Именно заголовок отделяет заметку от другого материала. В устных выступлениях говорящих часто представляет ведущий; иногда они представляют себя сами. Иногда такое самопредставление сводится к появлению на сцене знакомого лица. Следовательно, в пределах функции обращения может взять на себя кто-нибудь другой, либо обращение вообще может быть бессловесным. Однако более нормальной остается ситуация, когда говорящий в кратком обращении сумеет заявить о себе, о начале своего

выступления, успеет расположить к себе аудиторию или во всяком случае привлечет к себе и к своему выступлению внимание. При этом объем обращения, нагруженность его только что перечисленными функциями всецело зависит от ситуации общения, от степени известности оратора и расположенности к нему аудитории.

Обратим внимание на то, что сам по себе заголовок может быть непонятным для читателя газеты. В качестве примера приведем заголовок статьи «Балбесы и философы попа» (газета «Москва», № 51, 389), смысл которого будет прояснен ниже, в следующей главе. Сам по себе этот заголовок вряд ли даст представление о том, что говорится в статье. Однако он привлекает внимание и определенным образом представляет автора материала (хотя, возможно, и не в лучшем свете).

Таким образом, *основная задача обращения состоит в том, чтобы расположить к себе аудиторию, привлечь внимание к собственной персоне*. Это справедливо и для приведенного выше начала речи А. Ширвиндта. Говоря об «умозрительном поднятии символического бокала», он показывает себя как остроумного человека (а точнее, в очередной раз подтверждает наше представление о нем). По крайней мере, это очень «личная» (то есть узнаваемая) фраза.

С этой точки зрения нельзя не отметить, что наибольшая нагрузка на обращение ложится в сфере риторического этоса, то есть в плане качеств оратора. Для того чтобы произнесение речи имело эффект, оратор должен расположить аудиторию к себе, показать свои положительные качества. Начало речи дает для этого определенные возможности.

Нередко этот компонент речи ограничивается только вокативным предложением, в которой оратор обращается к аудитории. Это всегда какое-либо выражение вроде следующих: «уважаемые дамы и господа», «товарищи», «коллеги», «друзья» и т. д. Так нередко начинаются судебные речи, в которых оратор сразу же переходит к изложению дела (повествованию или описанию):

«Господа сенаторы! 26 декабря 1866 г. совершено таинственное убийство крестьянина Будилы, а в ночь с 3 на 4 января еще более таинственное похищение головы трупа того же Будилы. По стечению нескольких улик на графа Моркова направлено обвинение в том, что он похитил голову у трупа, а так как в похищении головы мог быть заинтересован только убийца, для сокрытия следов преступления, то и выведено было заключение, что убийца — граф Морков».

Хотя с такой точки зрения необходимость обращения кажется совершенно очевидной, а потому может показаться, что и выделять его нет особой необходимости (мы нередко обращаемся к аудитории таким образом не в силу того, что знаем рекомендации риторики), в этом все же есть необходимость. Во-первых, такое начало речи естественно. Во-вторых, оно соответствует правилам вежливости, а потому автоматически вызывает положительное отношение аудитории к оратору. Возможно, это не поможет вызвать однозначно положительное отношение, однако отсутствие такого обращения может вызвать дополнительную неприязнь.

По указанным причинам обращение в целом можно считать факультативным, необязательным компонентом речи (хотя это не касается обращения в узком смысле этого слова).

1.2. Именованное темы (вступление)

Если в зачине оратор говорит скорее о себе, чем о предмете речи, то во вступлении, или именовании темы, он вводит аудиторию в курс дела, анонсирует выбранную тему. Это особенно характерно для гомиластики, т. е. проповеди, торжественной речи, академического красноречия, когда выступающий не включен в заранее известную полемику (как, например, при слушании судебного дела или в выборной кампании), а развивает собственную тему.

«В сегодняшнем евангельском чтении Церковь предлагает нам притчу Господню о брачном пире. Это притча о Царствии Небесном. Царствие Небесное сравни-

вается со свадьбой, которую устраивает Отец небесный Сыну Своему», — так начинает одну из своих проповедей современный проповедник протоиерей Димитрий Смирнов.

Аналогичным образом начинаются лекции, в которых иногда прямо указывается тема: *«Темой моей лекции будет искажение данных при проведении социологических опросов»*.

Полезным структурообразующим элементом вступления является перечисление тем с названием их количества. Так, речь на презентации книги может быть начата следующим образом: *«Представляя вашему вниманию вузовский учебник по риторике, я хочу остановиться на трех моментах: на особенностях современной языковой и культурной ситуации, на образовательном контексте, в котором существуют учебники по риторике, и на ответственных традициях в области преподавания риторики»*. Если в первом случае оратор просто заявляет тему, то во втором случае он осуществляет *деление темы* — перечисляет те аспекты темы, которые, по его мнению, позволяют полностью ее раскрыть. Иногда деление темы выделяют в качестве особой, самостоятельной части речи.

Роль именованной темы на газетной полосе играют лиды, основная функция которых — именно функция именованной темы. Лиды следуют за заголовком, обычно выполняющим экспрессивные функции, и служат пояснением темы. Например, заголовок «Балбесы и философы попа», заимствованный нами из газеты «Москва» (№ 51, 389) мало что сообщает о теме заметки, но, безусловно, привлекает внимание читателя к материалу. Наряду с заголовком газетная заметка снабжена и лидом: «Эстраду принято ругать за банальность и несерьезность. Однако, если отнестись к ней философски, можно узреть даже образ мира со всеми его парадоксами. Именно так считает философ, литературовед, специалист по контркультуре Александр Дугин. Вот его точка зрения на нашу поп-музыку». Как видим, лид непосредственно вводит в тему.

В риторике принято выделять несколько видов именования темы.

Естественное вступление (древние называли его «принципиум») — это обычное вступление, о котором мы говорили до настоящего момента. Помимо описанных случаев простого заявления темы или перечисления отдельных ее аспектов, в естественном вступлении оратор обычно останавливается на значимости избранного предмета, либо на его важности для ситуации или аудитории, либо объясняет, почему он вправе говорить об этой теме:

«Уважаемые депутаты! Я хотел бы привлечь ваше внимание к проблеме правового обеспечения экономических преобразований. Я думаю, что этот вопрос имеет стратегическое значение, и полагаю, что если не будет должного правового обеспечения реформы, то не будет никакой реформы» (В. Ф. Яковлев);

«Уважаемые коллеги! Подняться на эту трибуну меня заставило то, что представленные поправки к законопроекту, несмотря на то, что он был принят в первом чтении, на мой взгляд, не решают двух принципиальных вопросов, которые по крайней мере в моем округе избиратели задают постоянно» (В. И. Жигулин)²³.

Сущность **искусственного вступления** («инсинуа-цио») состоит в том, что оратор начинает свою речь изда- лека, приближается к основной ее мысли постепенно. Очевидно, что особенно уместным этот вид вступления является в случаях, когда есть основания думать, что ауди- тория не примет тезиса речи сразу же, безоговорочно.

Один из наиболее распространенных вариантов тако- го вступления — это вынесение в начало какого-то при- мера, частного случая, ситуации, от которой затем можно перейти к более общим суждениям.

Впрочем, такое вступление может использоваться и в том случае, когда такого несогласия между оратором и аудиторией нет. В качестве примера приведем начало проповеди священника Вячеслава Резникова. Хотя про- повесть всегда направлена на убеждение, абсолютного про- тивостояния между оратором и аудиторией нет, посколь-

ку они в одинаковой степени являются верующими (по крайней мере, это касается церковных проповедей). В то же время использование такого начала также оказывается эффективным:

«Евангелие рассказывает, как однажды Господь после насыщения пяти тысяч пятью хлебами «понутил учеников Своих войти в лодку и отправиться вперед на другую сторону». Сам же Он взошел на гору помолиться. Но увидев, что они терпят бедствие по причине сильного ветра, пошел к ним прямо по воде. Они же, увидев Его, «идущего по морю, подумали, что это призрак, и вскричали. Ибо все видели Его и испугались. И тотчас заговорил с ними и сказал им: это Я, не бойтесь. И пошел к ним в лодку; и ветер утих. И они чрезвычайно изумлялись в себе и дивились. Ибо не вразумились чудом над хлебами, потому что сердце их было окаменено».

Значит, вот что называется окаменением сердца: когда мы не способны усваивать уроки, когда события нашей жизни, едва выйди из поля телесных чувств, сразу же уходят в небытие, когда окамененное сердце, подобно окаменевшим рукам, неспособно что-либо утверждать...» (священник Вячеслав Резников, «О окамененном сердце»).

Свою проповедь, посвященную окаменению сердца, священник В. Резников начинает с фрагмента Евангелия, который, видимо, с точки зрения темы проповеди ни о чем не говорит для его слушателей. Хотя они верующие и им наверняка знаком этот фрагмент, они, скорее всего, не смогут предсказать, почему проповедник выбрал именно этот фрагмент. И указание на окаменение сердца появляется лишь в конце примера (в конце первого абзаца), а затем тема проповеди начинает разворачиваться.

Во *внезапном вступлении*, которое традиционно называют «ex abrupto» («экс абрупто»), оратор начинает свою речь не с общих рассуждений и не издалека, а непосредственно с основной проблемы, которая непременно сильно волнует его. Классическим примером такого вступления является начало речи Цицерона против Катилины:

«Доколе, наконец, Катилина, будешь ты злоупотреблять терпением нашим?»

В этом случае Цицерон переходит к делу сразу же, начинает свою речь с эмоционального восклицания, которое прекрасно передает его возмущение и способно заразить этим чувством публику.

Именованье темы — это составляющая речи, которая при необходимости (в первую очередь — при очевидности темы) может быть опущена; в еще большей степени это касается деления темы. Ее введение обязательно только в том случае, если тема неочевидна, не очень понятна или крайне сложна.

1.3. Повествование

Повествование подготавливает нас к теме, это рассказ о фактической стороне дела, в том числе о событиях, предшествующих разбираемому событию, в частности, это может быть и история разработки данного вопроса. В современном подходе к тексту повествование рассматривается как особый тип текста наряду с описанием, рассуждением и диалогом. В отличие от описания повествование динамично, оно содержит перечень событий.

В своей знаменитой *«Жизни двенадцати цезарей»* Гай Светоний Транквилл часто прибегает к повествованию в начале изложения жизни одного из цезарей:

«Род Октавиев некогда был... одним из виднейших: об этом говорит многое. Там есть переулок в самой населенной части города, который издавна называется Октавиевы; и там показывают алтарь, посвященный одному из Октавиев. Будучи военачальником в одной пограничной войне, он приносил однажды жертвы Марсу, как вдруг пришла весть о набеге врагов: выхватив из огня внутренности жертвы, он рассек их полусырыми, пошел на бой и вернулся с победой. Существовало даже общественное постановление, чтобы и впредь жертвенные внутренности приносились Марсу таким же образом, а остатки жертвы отдавали Октавиям.

Этот род был введен в сенат Тарквинием Древним из числа младших родов, затем причислен Сервием Туллеем к патрициям, с течением времени опять перешел в плебс, и лишь много спустя божественный Юлий вновь вернул ему патрицианское достоинство. Первым из этого рода был избран на государственную должность Гай Руф и т. д.»

Так начинается Светоний жизнеописание Августа. Он описывает историю его рода.

Повествованием широко пользовались русские судебные ораторы девятнадцатого века, рассказывая о жизни подсудимого, предшествующей преступлению, либо сразу переходя к изложению сути дела так, как они его видят. Именно на это указывает пример, приведенный в главе, посвященной обращению: после обращения оратор сразу же приступает к изложению сути дела.

Часто повествованием пользовались одновременно и обвинение, и защита, и тогда перед присяжными выстраивались две версии одной жизни, особенно различались они психологической трактовкой событий. Выступая в защиту крестьянина, убившего свою жену, злоупотреблявшую пьянством, защитник Н. П. Шубинский замечает:

«Господин прокурор говорит: «Еще 8 лет тому назад появилось облачко на горизонте семейной жизни Киселевых — пьянство жены, постепенно перешедшее в тучу, но «разразившуюся не благодатным дождем», но событием, за которое вы сейчас судите мужа. Да, я вполне присоединяюсь к образному сравнению господина прокурора, но только прошу вас припомнить, что туча шлет не один только благодатный дождь, но и молнии, которые разрушают все, что встречают на своем огненном пути. ...Да, чем проникновеннее вы относитесь к прошлому, подготовившему почву для взрыва, тем священнее выполните свой судейский долг».

Далее адвокат как раз и переходит к подробному психологическому анализу этого прошлого. Удельный вес повествования в его речи достаточно велик, он составляет почти треть всей речи.

Риторы древности советовали включать в повествование только те факты, которые имеют отношение к существу дела. Этот совет можно принять с одной-единственной оговоркой. Действительно, отклонение от существа дела — это очень существенный недочет речи. Однако речь должна быть достаточно детальной. Нередко исход судебного разбирательства зависит от того, насколько удачно оратор реконструирует события, о которых идет речь, сможет ли он представить их как действительно имевшие место. А в этом случае огромную роль играют детали, иногда даже не имеющие непосредственной значимости с точки зрения существа дела (указания на погоду, внешний вид участников событий и т. д.) Главное, чтобы такие детали создавали достоверную и достаточно яркую картину событий.

1.4. Описание

В отличие от повествования, описание дает синхронный, статичный срез событий. В судебных речах, например, дается описание места преступления. Приведем обширную цитату из защитительной речи А. Ф. Кони, произнесенной по делу об убийстве Ф. Штрама, в которой сочетаются элементы как описания места преступления, так и портрета-описания психологических особенностей и жизненных обстоятельств убитого:

«Мы знаем, что это за место: это одна из маленьких квартир в одной из многолюдных улиц ремесленной и населенной части города. Квартира нанимается бедной женщиной, обыкновенно называемой в просторечии съемщицей, и отдается всякого рода жильцам. Проживают тут, как мы слышали, в этих трех маленьких комнатах, имеющих в длину всего десять шагов, с тоненькой стеной, из-за которой все слышно, с лестницей на небольшой чердак и с кухней, которая вместе составляет и прихожую, и комнату для отдачи жильцам, проживают в этих конурках студенты, сапожные подмастерья, девицы, «живущие от себя» и, наконец, сами хозяева. В такой-то квартире в начале сентября нынешнего года

на чердаке найден был запертый сундук, издававший смрадный запах, а в сундуке труп человека. Кто этот человек, нам сказали здесь свидетели — дворник, Тобиас и другие, и мы можем восстановить мысленно личность покойного. Портной-подмастерье, затем студент университета, не кончивший курса, затем домашний учитель, женатый, но не имевший детей и вскоре овдовевший, человек уже довольно зрелых, даже преклонных лет — Филипп Штрам, оставив свою учительскую деятельность, преимущественно жил в Петербурге и вел жизнь скрытную. Родных у него в Петербурге было немного; Тобиас, у которого он бывал очень редко, и то семейство Штрамов, которое явилось на суд в лице своих главных представителей. Показания свидетелей характеризуют нам этого старика в истоптанных сапогах, не носящего белья, а вместо него какой-то шерстяной камзол, а поверх него старый истертый сюртук, в котором заключалось все его достояние: его деньги, чеки, билеты, векселя. Он скуп и жаден. Проживая у Штрамов, ест и пьет, но ничем не помогает своим бедным родственникам, которые, в свою очередь, обходятся с ним не особенно уважительно, потому что он их стесняет. Спит он нередко на чердаке, и спит на голых досках. Человек этот, очевидно, всю свою жизнь положил на скопление небольшого капитала, все время проводит, орудуя им, отдавая деньги под проценты, и храня документы постоянно при себе, оберегает их от чужого взора, озираясь по сторонам и боясь, как бы кто-нибудь не заметил, что у него есть деньги. Этому старику с таким обыденным прошлым и скудным настоящим, вероятно, предстояли долгие бесцветно-скарёдные дни: такие ушедшие в себя эгоисты обыкновенно очень долго живут. Но дни эти были внезапно прекращены насильственным образом. Когда его нашли в сундуке, то на голове его оказались такие повреждения, которые указывали на то, что он убит. Тут возникает второй вопрос — как убит? Из медицинского акта известно, что первая из ран начиналась от нижнего края правого уха и шла к наружной поверхности

глаза; другая шла несколько сзади уха, к темянной кости; а третья — между нижним краем уха и второю раной, так что раны образовали между собою треугольник, который в виде лоскутка сгнившего мяса отвалился при вынутии трупа из сундука. Затем, на тыльной поверхности руки найдена рана, которою пересечены три пальца и которая идет вдоль к руке. Покойный оказался одетым в одном камзоле. По заключению врача, раны нанесены топором. Положение этих ран показывает, что они нанесены не спереди, потому что тогда, при естественном направлении удара справа налево или слева направо, они начинались бы сверху и имели бы совершенно противоположное направление чем то, в котором найдены. Они шли бы крестообразно с теми ранами, которые нанесены. Они нанесены, очевидно, сзади и несколько сбоку, так что наносивший стоял с правой стороны, топором и, очевидно, таким образом, что тот, кому они наносились, не успел заметить, что над ним поднимается топор, и потому не защищался обеими руками, не боялся, а сделал только инстинктивно движение правой рукой, которую поднес к тому месту, где нанесена главная рана, и получил второй удар, который перерубил ему пальцы...»

В этом примере различные виды описания перемешиваются с повествованием, хотя описательный аспект представлен более явно. Факты, которые приводит А. Ф. Кони, по большей части вводятся не для того, чтобы показать последовательность событий, их развитие, сколько для того, чтобы создать образ убитого, нарисовать его портрет.

В ставшей классической обвинительной речи Цицерона против Катилины знаменитый римский оратор, заканчивая повествование, следующим образом переходит к описанию:

«Наконец, давай припомним с тобою ту самую незапрошлую ночь. Мы оба бодрствовали, но, согласись, я вернее действовал на благо республике, чем ты на ее гибель. А именно в эту ночь ты явился в дом — не буду ничего скрывать, — в дом Марка Леки на улице серповщиков. Туда же собралось большинство твоих

товарищей в преступном безумии. Полагаю, ты не посмеешь этого отрицать. Молчишь? Улики изобличат тебя, если вздумаешь отпираться. Ведь здесь, в сенате, я вижу кое-кого из тех, кто был там вместе с тобой».

В речи Цицерона описание превращается в непосредственную улику. Но чаще в судебных речах, как обвинительных, так и защитительных, описание содержит общую картину места происшествия, к деталям которой автор речи возвращается многократно. В описании могут содержаться эмфатические, подчеркивающие выражения: «Запомним», «Обратим внимание», «Мы еще вернемся к этому месту» и т. п.

1.5. Доказательство

Доказательство сосредотачивает логические аргументы. Здесь используются силлогистика, рассуждения с дефиницией, индукция, т. е. все то, о чем говорилось выше в связи с «изобретением». Соответственно, основная цель доказательства — обосновать основную мысль речи.

В этой части речи часто используется так называемый **апофазис** — последовательный перебор и отвержение всех возможных альтернатив, кроме одной.

«Затем, далее, ей в самый день убийства вручается книжка чеков; она знает, что дядя скуп, и, видя у сына книжку, принадлежащую Филиппу Штраму, не может не догадаться, каким образом она взята. Быть может, подарил дядя? Нет, это не соответствует его наклонностям. Забыл? Тоже, конечно, нет, потому что это значило бы, что он забыл то, без чего он сам немыслим. Остается одно: книга взята насильем; но так как книга эта составляет часть самого дяди, то ее можно было взять только с ним самим, только с его жизнью, следовательно — он убит».

В приведенном апофазисе известный русский адвокат и публицист А. Ф. Кони рассматривает три альтернативных возможности попадания в руки племянника книжки чеков: подарок, забывчивость, насилие. Два исхода

отвергаются — остается насилие. Далее отвергается и возможность применить насилие, не совершив убийство. Остается лишь убийство.

Сродни апофазису по форме, но противоположен по содержанию другой прием, именуемый *диализисом*, — учет всех альтернатив. Чаще всего это перебор всех альтернатив для доказательства невозможности чего-то.

«На что же мы рассчитываем, кидаясь в войну без приготовлений? Не на флот ли? Но тут мы слабее афинян, а если станем упражняться и равносильно с афинянами вооружаться, то на это будет потребно время. Не на деньги ли? Но в этом отношении мы уступаем афинянам еще больше: у нас нет денег в государственной казне, нелегко взимаем мы подати и с частных лиц. Быть может, кто-нибудь полагается на то, что мы превосходим афинян хорошо вооруженными силами, и потому можем часто делать набеги на их землю и опустошать ее. Но во власти афинян много другой земли, все же наружные запасы они могут доставлять себе морем. Если, с другой стороны, мы попытаемся поднять их союзников, то и им должны будем помогать флотом, так как большинство союзников — островитяне. Итак, как же нам вести войну?»

Этот пример диализиса заимствован нами у великого историка античности Фукидида, который таким образом передает речь царя лакедемонян Архидама. Смысл этой речи в том, что решение ввязаться в войну не выдерживает никакой критики. Поэтому все возможности, связанные с надеждой выиграть, войну отвергаются одна за другой: флот, деньги, возможность совершать набеги на соседние земли.

Необходимо сказать и несколько слов о расположении аргументов. Самым «провальным» способом расположения является нисходящий, когда оратор сначала высказывает наиболее сильные аргументы, а затем — более слабые. «Выкладывая» самые важные аргументы, оратор фактически сам выносит себе приговор: он фактически

обрекает себя на то, что заключение его речи уже никто слушать не будет.

Более выгодным является восходящий порядок расположения аргументов. Такую рекомендацию давал Н. Ф. Кошанский, когда писал, что материал следует располагать «по мере увеличивающегося интереса»; по мнению П. С. Пороховщикова (Сергеича), восходящее расположение аргументации вообще является единственно правильным и допустимым. В этом случае оратор сначала излагает самые слабые аргументы, а сильные приберегает к концу доказательства. Помимо достоинств, такое расположение имеет и недостатки, на которые указывали Цицерон и Квинтиллиан. В частности, высказав сильные доводы в конце доказательства, оратор лишается возможности повторить их и тем самым закрепить их в сознании слушателей. Кроме того, сильные доводы в начале речи помогают оратору расположить к себе аудиторию, убедить ее в своей способности зрело рассуждать.

Существует еще способ расположения доводов, который традиционно называют гомеровским. В этом случае оратор начинает доказательство с сильных доводов, затем переходит к слабым и заканчивает опять-таки сильными доводами. При этом сильные доводы в конце доказательства могут быть фактически повторением сильных доводов из его начала; в таком случае оратор просто повторяет их после того, как они были разъяснены.

При подготовке этого жанра в рамках речи ораторы допускают распространенные ошибки. Укажем на них.

1. Первую ошибку традиционно называют «чрезмерным доказательством». Ее сущность состоит в том, что оратор приводит слишком много доказательств, забывая, что правильность тезиса зависит не от количества аргументов, а от их силы. Иногда достаточно одного-двух достаточно сильных доводов, чтобы доказать правильность своего мнения. Большое количество доводов (а они ведь не могут быть одинаково сильными) нередко приводит к «инфляции» действительно сильных доводов, которые как бы теряются среди остальных.

2. Еще одна ошибка — отказ от доводов, которые кажутся слабыми, но вместе могли бы быть сильными. В качестве примера Квинтиллиан приводит дело, по которому молодого человека обвиняли в убийстве родственника с целью получить наследство. Проблема состояла в том, что улики по этому делу не было. Однако обвинитель располагал доводами, которые по отдельности не были достаточно убедительными, но вместе имели значительную силу. Во-первых, подсудимый мог ожидать наследства, причем совсем не маленького; во-вторых, он испытывал крайнюю нужду и имел проблемы с кредиторами; наконец, в-третьих, он оскорбил своего отца, а потому не надеялся получить наследство от него. Очевидно, что если бы справедливым был только один довод из всех приведенных, то он не имел бы такой силы, как все три довода, которые создают достаточно полную и цельную картину.

3. Третья серьезная ошибка, которую иногда допускают ораторы, — это приведение аргументов, которые может использовать противоположная сторона. Не стоит недооценивать способность противников и думать, что они не смогут обнаружить тот или иной аргумент, но так иногда случается; тем не менее, совершенно очевидно, что не стоит давать им в руки оружие, которое они могут направить против тебя. Тем более что аргумент, высказанный тем, против кого он может быть направлен, приобретает двойную силу.

1.6. Опровержение

Опровержение посвящено разбору аргументов противника, как реально возникших, так и тех, которые могут прийти в голову. Эта часть полезна для оратора уже тем, что он сам критически рассматривает собственную аргументацию, ищет в ней уязвимые места и совершает предупредительные действия.

Одним из ярких приемов, используемых в опровержении, является так называемый *антистрекфон*, т. е. истолкование аргументов противника в свою пользу. Здесь речь идет об уже выставленных оппонентом аргументах.

Известный русский адвокат С. А. Андреевский строит на антистрейфоне одну из своих защитительных речей. В данном случае на этом приеме построена вся речь, а начинается она следующим пассажем:

«Никогда еще, господа судьи, мне не случилось видеть обвинительного акта, написанного в виде самого полного и убедительного оправдательного приговора — настолько полного, что как раз на том месте, где написано «посему Нотович и Василевский обвиняются», он может, не добавляя ни одного слова, написать: «и посему Нотович и Василевский должны быть признаны оправданными».

Далее именно пункты обвинения истолковываются нужным для защиты образом.

Другой прием, часто используемый в опровержении, состоит в отвержении доводов противника, которые могут отводиться как смешные или нелепые. Этот прием называется *антирезисом*. Типичный пример антирезиса мы находим в речи известного русского защитника М. Г. Казаринова:

«Настоящее дело представляется небывалым, как по сущности предъявляемого обвинения, так и по тем картинам, которые попутно развернуло перед нами судебное следствие».

В этой речи Казаринов использует сразу две формы антирезиса: отрицание аргумента противника как «небывалого по сущности» (так называемая элевация) и отрицание предположения, версии как «небывалого по развернутым картинам» (так называемый *диасирмус*).

Пример диасирмуса мы находим в пьесе Михаила Булгакова «Бег», где один из второстепенных персонажей, устроитель тараканьих бегов, отводит обвинение в том, что напоил пивом фаворита бегов Янычара следующей репликой: «Где вы видели пьяного таракана?» Восклицание «Где вы видели?» вообще характерно для диасирмуса, в то время как для элевации характерны выражения, содержащие оценку логичности речи противника: «Этот аргумент нелеп»; «Ваше возражение противоречиво»; «Где же логика!» и т. п.

1.7. Воззвание

В этой части сосредоточены эмоциональные доводы. Аудитория уже подготовлена доказательством, сомнения ее рассеяны опровержением, и теперь требуется только эмоциональное закрепление достигнутого. Аргументы к человеку, пафосные доводы встречались и ранее, но теперь нужно дать выход чувству. Вот как заканчивается речь Цицерона, произнесенная им в защиту Милона, обвиненного в убийстве Клодия. Убийство было совершено на дороге во время столкновения людей Милона с людьми Клодия, и знаменитый римский оратор, не отрицая сам факт убийства, давал ему свою трактовку, обвиняя самого Клодия. Милону грозило изгнание.

«О, если бы дали бессмертные боги... — отечество не прогневайся, если слова мои перед Милоном честны, а пред тобою преступны! — о, если бы Клодий был жив, был претором, консулом, диктатором! Все лучше, чем видеть мне то, что я вижу! О бессмертные боги! Вот храбрейший муж, достойнейший вашей пощады, о судьи: «Нет, нет, — говорит он, — лишь бы Клодий подвергся заслуженной каре, а я, коли нужно, приму на себя незаслуженную!» И такой-то муж, рожденный для отечества, погибнет не в отечестве, хотя и за отечество? Память о духе его останется при вас, а памятника над телом его не будет в Италии? И это вы потерпите? И кто-то из вас обречет приговором к изгнанию из Рима того человека, которого каждый иной город будет рад к себе призвать? О, блажен тот край, который примет этого мужа, и неблагоприятен тот, который его изгонит, и несчастен тот, который его потеряет! Но довольно! Говорить мне мешают слезы, а слезами защищать мешает Милон. Итак, умоляю и заклинаю вас, судьи: не бойтесь голосовать за то, за что высказалось ваше сердце. И поверьте: вашу доблесть, справедливость, верность сполна оценит тот, кто выбрал в этот суд самых честных, самых мудрых, самых смелых граждан!»

Как видим, речь не имеет заключения и кончается воззванием — страстным обращением к судьям.

Описания чувств в латинской риторике назывались *донизисом*. От оратора требовалось не только и не столько само чувство, сколько умение продемонстрировать его. Поэтому демонстрация того или иного чувства получала терминологическое закрепление. Демонстрация восхищения или восхищенного удивления называлась *адмиращией*, или *таумасмосом*, демонстрация отвержения, отвращения — *абоминацией*, или *бделигмой*. Таким образом, в состав заключения могли входить различные микрожанры, связанные с описанием эмоций: гнева, страха, отчаяния, восхищения и т. п.

1.8. Заключение

Заключение речи может содержать краткое резюме, либо так называемую концовку, либо и то, и другое. В резюме подводится итог содержанию речи, в концовке получает оформление сам выход из речевой коммуникации (другими словами, концовка представляет собой сигнал о том, что сообщение окончено, а за ним будет следовать другое). Стандартной формулой концовки было знаменитое *Dixi*, т. е. «Я сказал». Более полно формула звучит так: «Я сказал и тем облегчил свою душу» (*Dixi et animam meam leavi*). Источник этого оборота — Библия, книга пророка Иезекииля: «Если ты вразумлял нечестивца, а он не обратился от пути своего, то он умрет в беззаконии своем, а ты освободил свою душу». Аналогичную функцию выполняют выражение «Спасибо за внимание», а также предложение задавать вопросы, то есть переходить к дискуссии, естественное в рамках академического красноречия.

Из концовок речей в историю вошли слова Катона Старшего, который каждую речь, чему бы она ни посвящалась, заключал призывом разрушить Карфаген: «А кроме того, я утверждаю, что Карфаген должен быть разрушен» (*Ceterum censeo Carthagena esse delendam*).

Заканчивая трактат «О старости» Цицерон пишет: «Вот что хотел я сказать о старости. Я желаю вам дожить до нее, чтобы вы собственным опытом могли под-

твердить услышанное от меня». А Исократ заканчивает свою речь «О мире» следующими словами:

«Можно еще много и хорошо говорить на эту тему, но два обстоятельства побуждают меня прекратить свое выступление: длина моей речи и мои годы. Я прошу и призываю тех, кто моложе меня и имеет больше сил произносить и писать такие речи, чтобы склонить с их помощью наиболее сильные гражданские государства, привыкшие причинять зло остальным, обратиться к добродетели и справедливости. А в обстановке процветания Эллады лучше условия и для ученых занятий».

Во всех перечисленных выше случаях заключение сводится именно к концовке, а не к резюме. Резюме уместно там, где содержание речи можно уместить в краткие выводы и где нет опасения сбить этим эмоциональный подъем, вызванный воззванием.

1.9. Общие рекомендации

Риторика выработала ряд рекомендаций относительно того, как следует использовать членение речи на части.

1. Прежде всего, необходимо стремиться к тому, чтобы обращение и именование темы не были слишком длинными. Благодаря краткости оратору легче удержать внимание аудитории, а точнее, воспользоваться тем вниманием, на которое способна аудитория, чтобы изложить сущность своей точки зрения. Это касается также любого искусственного вступления, при котором оратор вынужден подходить к теме как бы издалека. Неспособность приступить к основной части достаточно быстро нередко свидетельствует о неспособности оратора четко сформулировать основную мысль своей речи.

2. Риторика никогда не отрицала того факта, что в порядке частей возможны изменения. Другими словами, описанная последовательность рассматривалась риториками как идеальная и, возможно, желательная. Однако они обычно отдавали себе отчет в том, что нарушения этой последовательности иногда могут быть вполне оправданными.

В то же время риторика была в значительной степени нормативной дисциплиной, а потому отступления от этой последовательности, конечно, не карались, но и не особенно приветствовались. Лишь относительно недавно (видимо, в силу общекультурных изменений) нарушения нормы стали нормой. И это вполне оправданно, поскольку опознаваемое отсутствие всегда является значимым.

3. Одним из принятых в риторике отклонений от полного набора жанров, на которые распадается речь, считалась своего рода сокращенная схема речи, которая включала вступление (объединявшее обращение и именование темы), доказательство и заключение. Такую схему рекомендовалось применять для тем, которые не являются значительными: слишком подробное рассмотрение в этом случае создает неуместную возвышенность, которая обычно воспринимается как нечто комичное.

4. Ценным советом в работе над речью является указание, в соответствии с которым сначала необходимо готовить основную часть, включающую все жанры, кроме обращения, именовании темы и заключения. Такой точки зрения придерживались, например, Цицерон и Паскаль. Этот совет представляет ценность, поскольку ораторы нередко слишком много внимания уделяют введению, полагая, что так же тщательно они смогут проработать и остальные части, но потом по каким-то причинам оказываются не в состоянии сделать этого. По этой причине лучше ограничиться банальным, неэффективным введением (и таким же заключением) и больше внимания уделить основной части.

5. К введению в риторике традиционно выдвигается несколько требований:

- по возможности оно не должно быть ни слишком тривиальным, ни слишком необычным;
- по стилю введение должно быть простым;
- во введении лучше не излагать самых важных мыслей, которые будут высказаны в дальнейшем, поскольку тогда прослушивание всей речи просто окажется ненужным и неинтересным.

2. Принцип выдвижения и современный взгляд на композицию

В отличие от классической риторики, которая выделяла отдельные блоки текста и учила конструировать текст из этих блоков, современный взгляд на композицию исходит из теоретико-вероятностного представления о разворачивании речи. Линейно разворачиваемый текст несет определенную информацию. На некоторые его части приходится информационные сгустки, на некоторые — пустоты, когда нам не сообщается ничего нового.

Это важно и с точки зрения воздействия речи на слушателей. Очевидно, что речь, в которой каждое предложение является очень важным, поскольку вносит новую информацию, будет с трудом восприниматься слушателями; такая речь представляет собой слишком сильную нагрузку для мышления и памяти. Поэтому оратор (нередко произвольно) повторяет какие-то мысли, возвращается к ним, а следовательно, намеренно делает определенные фрагменты речи менее информативными по сравнению с другими фрагментами.

С этой точки зрения дополнительное осмысление может быть дано и восходящему к Аристотелю требованию сводить любые утверждения и положения речи к общим местам в содержательном смысле этого слова, то есть к тому, что хорошо известно аудитории и принимается ею. Естественно, основная функция этого состоит в том, чтобы доказать соответствующее положение. Однако такая операция получает и дополнительный смысл, поскольку она помогает снизить информативность речи. Кстати, и спорное положение можно рассматривать как излишне информативное, поскольку оно противоречит тому, что люди привыкли думать, а следовательно, сосредотачивает вокруг себя слишком много ассоциаций, которые, как правило, имеют вид контраргументов.

Итак, человеческой речи свойственно такое информационное устройство, при котором мозг отдыхает на пустотах и «штурмует» информационные пики.

Законы, которым подчиняется распределение информации, одинаковы для самых разных уровней языка. Уже внутри слова мы можем заметить это неравномерное распределение информации. Так, в слове «композицией», основная информация приходится на первые и последние символы. В середине слова символы мало информативны, что можно легко проверить, записав слово с пропуском этих символов: «композ-ей» (такое сокращение вполне естественно, например, для конспекта лекции или энциклопедического словаря). В принципе, пропуски легко восполняются даже без контекста. Гораздо сложнее было бы восстановить слово при таких, например, сокращениях «...ицией», «...пози...» Следовательно, особенно информативны начало и конец слова.

То же можно наблюдать и в предложении. Например, предложение «Высказывания разделяются на устные и письменные» может быть без труда восстановлено при следующих выпусках «Высказывания ... на устные и ...» Следовательно, сказуемое «разделяются» и слово «письменные» после «устные и ...» несут относительно мало информации. Предложения, как и слова, состоят из информационных площадок и информационных пиков, и это нормальное явление, без которого нам было бы трудно воспринимать текст.

Если взять текст целого выступления в целом, то и здесь мы заметим чередование информационных сгустков и пустот. Предположим, нам необходимо высказать следующую мысль: лекционная часть нашего курса общая и для всех, кто имеет дело с текстами, а в практикуме одни части более важны для тех, кто создает тексты, а другие — для тех, кто их анализирует. Существенный момент этой мысли состоит в противопоставлении двух частей курса в отношении адресата книги. Воспользуемся таким способом создания информационных сгустков, как шрифтовое выделение, а также порядок слов.

В принципе, можно выделить три основных варианта выражения этой мысли.

Первый вариант — текст, в котором информация «размазана» максимально равномерно:

В данном учебнике лекционная часть является общей для студентов всех специальностей. Практическая часть состоит из заданий для тех, кто будет анализировать тексты, и для тех, кто будет их создавать.

Второй вариант — текст, в котором информационные сгустки сосредоточены вокруг его сущности:

Лекционная часть данного учебника — общая и для всех, кто имеет дело с текстом, а практическая часть — разная: одни задания представляют больший интерес для тех, кто создает тексты, другие — для тех, кто их анализирует.

Третий вариант — текст, в котором информационно выделены наименее существенные места:

В данном пособии лекционная часть является общей, а практическая часть — разная для тех, кто создает тексты, и для тех, кто их анализирует.

Зададимся вопросом: какой текст из трех предложенных ниже вариантов воспримется слушателями легче?

Очевидно, второй вариант самый приемлемый. Те слова, к которым привлечено внимание подчеркиванием, усиливают неравномерность распределения информации (мы ведь не знаем заранее, что будет подчеркнуто), но в «сгустки» попадает именно то, что помогает быстро распознать смысл текста. Первый вариант наиболее аморфен, и поэтому требуется больше времени и сил, чтобы извлечь необходимый смысл. Третий же вариант вообще абсурден: выделение несущественных частей текста затрудняет извлечение смысла.

Из сказанного извлекается следующая мораль. Композиция может быть удачной, ведущей к быстрому пониманию текста, и неудачной, затрудняющей это понимание. Очевидно, убеждающие тексты — это те, в которых мы легко схватываем смысл и остаемся за это благодарными говорящему. Чем темнее композиция, тем меньше шансов на достижение результата, то есть на убеждение.

Все это, в свою очередь, означает, что для построения успешных речей, необходимо овладеть такими композиционными приемами, которые позволят быстро и эффек-

тно выделить главное в содержании текста. Такие приемы называются выдвигением.

Принцип выдвигения был сформулирован в рамках стилистики. Классическая риторика не знала такой категории, хотя древние авторы хорошо понимали, что с помощью необычных оборотов речи можно привлекать внимание к тем или иным речевым пассажам. Стилисты выработали принцип выдвигения не на материале ораторских речей, а на литературном материале. Давно замечено, что в раскрытии художественного образа композиция текста играет важную роль. Еще в школе нас учили, что характер Печорина раскрывается благодаря умелой композиции частей, повествующих о его жизни, причем порядок частей не совпадает с хронологией.

В общем виде принцип выдвигения может быть сформулирован так: наиболее содержательные, важные стороны текста должны быть особым образом помечены; это облегчает восприятие как этих фрагментов, так и текста в целом. В художественном тексте это помогает раскрыть образ, усиливает гармонию между формой и содержанием, в научной речи это помогает быстро добраться до смысла текста, а часто и запомнить этот смысл. Даже в деловой речи, даже в сухих канцелярских документах соблюдается принцип выдвигения: формуляры документов устроены так, чтобы уже на графическом уровне отделить общую часть от того, что существенно в данной бумаге. Так, фамилия или денежная сумма вносятся в напечатанный бланк прописью. В ораторской речи выдвигение делает текст ясным и тем самым избавляет слушателей от излишних хлопот по извлечению из него смысла. Задача оратора вообще снять со слушающих груз сомнений. Снять сомнения — это и значит убедить. Поэтому чем яснее будет высвечена главная мысль, тем эффективнее окажется текст.

Каким путем могут быть помечены наиболее важные места текста? Таких путей может быть только два: либо в тексте уже есть готовые позиции, которые с самого начала являются выделенными (например, финал текста

выделен уже самой позицией финала), либо такие позиции должны быть созданы.

3. Отмеченные позиции и схемы выдвижения

Из приводившегося примера — слова «композицией» — можно сделать справедливый вывод, что *отмеченными позициями* являются начало и конец текста. Это действительно так: наиболее важными в любом тексте являются именно начало и конец, а также его заголовок (хотя он в целом представляет собой особую форму начала речи).

Тем не менее этих позиций явно мало: если в действительности есть только две отмеченных позиции, то у оратора имеется не так уж много возможностей для их эффективного использования. Именно поэтому исследователи задумались о том, нельзя ли обнаружить в тексте какие-то другие отмеченные позиции. Именно так было сформулировано понятие *схемы выдвижения*. В отличие от отмеченной позиции, которая является отмеченной сама по себе, в силу особенностей человеческого восприятия, схемы выдвижения можно рассматривать как приемы, то есть как способы намеренного выделения того или иного компонента речи. Другими словами, при помощи схемы выдвижения оратор может намеренно создавать отмеченную позицию именно в той части речи, в которой это ему необходимо.

3.1. Отмеченные позиции

Существует три основных отмеченных позиции текста: 1) заголовок, 2) начало текста и 3) конец текста.

Заголовок. Одной из главных отмеченных позиций для письменного текста является заголовок. В настоящее время активно используется и сопровождающий заголовок лид — небольшой текст, который раскрывает смысл следующего за ним текста.

Заголовок является своеобразным символом текста: с одной стороны, он его неотъемлемая часть, с другой — представитель всего текста в целом. Заголовок — мощный ключ к быстрой разгадке смысла всего текста. Это относится не только к газетным, но и к художественным заглавиям. Так, название романа «Преступление и наказание» сразу сигнализирует и о тематике, и о высоте философских обобщений, заглавие же «Золотой теленок» — о сатирическом или юмористическом развитии темы «золотого тельца».

Что касается газетных заголовков, то у них появляются дополнительные возможности, связанные с организацией газетной полосы. Заголовок в газете — это не только знак текста, не только его часть, он связан со всеми другими заголовками и вообще со всеми шрифтовыми выделениями. В совокупности выделенные графически места образуют своеобразную «газету в газете», которую мы читаем еще не обратившись к самим текстам статей и заметок.

Последнее свойство очень важно для автора статьи. Дело в том, что газетчики почти всегда втягивают заголовок в свою собственную «игру», он участвует в создании всего номера. Для них заголовок — штрих в том политическом пейзаже, который они рисуют. Заголовками и другими выделенными словами газетчик пользуется как широкими мазками. Выделенный графически текст образует экспресс-информацию о случившемся, дает этому случившемуся экспресс-оценку. Для автора же статьи заголовок — мощное средство выдвижения, обозначения главного внутри его собственной статьи. Поэтому даже тогда, когда автор солидарен с редактором в политических оценках, предложенный последним заголовок (а газета обычно сама озаглавливает материалы) может быть дисфункционален в смысле выдвижения. Это, пожалуй, в еще большей степени относится к врезкам, лидам и другим шрифтовым выделениям, образующим газету в газете. Бывают случаи, когда газетчики, выделив не самый

главный и не самый сильный аргумент статьи, делают ее уязвимой для критики, которая подхватывает и использует в своих целях именно этот графически неудачно оформленный аргумент.

Одна из основных функций газетного заголовка — интригующая функция. Заголовок должен привлечь внимание слушателя, заинтриговать его, заставить прочесть весь материал. В устной речи аналогичную функцию может выполнять зачин, когда оратор привлекает внимание аудитории каким-нибудь неожиданным сообщением или вопросом. А. Ф. Кони в «Советах лектору» предлагает, например, начать лекцию о Ньютоне с рассказа о том, что в Англии родился мальчик, такой маленький, что его можно было выкупать в пивной кружке.

Интригующие заголовки могут быть самыми разными. Вот несколько примеров из разных изданий: «Распутин: что за мифом?», «Путин и Наполеон», «Банда Деда Мороза», «Любая власть принимает форму бутылки», «Искусство угрожающего жеста» и прочее. Любой читатель газетной и журнальной периодики найдет сколько угодно интересных примеров интригующих заголовков, ибо об этой их функции журналисты никогда не забывают, а в последнее время проявляют, пожалуй, даже излишнее рвение в изобретении эпатазирующих названий. Такие заголовки малопонятны, а потому у читателя автоматически возникает желание понять, о чем же идет речь.

Оратору в большей степени следует остерегаться таких заголовков, чем журналисту. Дело в том, что читатель скорее всего прочитает статью с не совсем понятным заголовком, поскольку он читает газету или журнал и готов к тому, что почерпнет оттуда самую разную информацию. Что касается заголовка речи, то очевидно, что он должен быть более понятным. Вряд ли кто-то отправится на лекцию, если ее название, которое известно заранее, не будет давать явного представления о том, что в ней будет говориться. По крайней мере, интригующий заголовок должен поясняться при помощи более понятного подзаголовка (в этом он сближается с газетным лидом, см. ниже).

Кроме того, оратор должен учитывать, что в разных сферах коммуникативной деятельности имеются разные традиции. Для журналистики естественно стремление к эпатажу, к максимальному проявлению речевой индивидуальности журналиста. В других сферах стандарты и традиции могут быть гораздо более жесткими (в противоположном смысле этого слова, так как требование оригинальности — это тоже жесткое требование). А в некоторых ситуациях заголовок вообще неуместен (как, например, в судебных прениях).

Интригующая функция заголовка конфликтует с его информативной функцией, но в принципе не противоречит задачам выдвижения, особенно, если заголовок образный. К тому же журналисты, как правило, сопровождают слишком уж броский и «забористый» заголовок подзаголовком или лидом.

Лид в последнее время используется в газетах и журналах особенно широко и представляет собой графически выделенное и помещенное перед текстом краткое содержание статьи (или иные сведения, в том числе об авторе).

Так, одна из статей в «Известиях» называется «Саммит управляется с делами» с подзаголовком «Управделами президентов стран СНГ будут экономить бюджетные деньги». Лид выглядит следующим образом: «В Москве проходит встреча управделами президентов стран Содружества. Вчера завершилось пленарное заседание, на котором был подписан ряд документов по оживлению хозяйственного оборота внутри СНГ. Сегодня президентские «завхозы» уже неформально продолжают общение в одном из лучших объектов российского управделами — пансионате «Бор». Это пример чисто информативного лида.

А вот другой пример. Статья «Копейка рубль бережет!» в «Литературной газете» снабжена лидом:

«Первое, что приходит в голову при очередном повышении цен, — опять зажимают нашего брата! Неужели нельзя обойтись без того, чтобы лишний раз не раздражать население? Куда смотрит государство? Раньше ведь такого не было?»

О политике ценообразование на такой популярный вид услуг, как трансляция телевизионных программ, о том, как согласуются они с нашей довольно-таки низкой платежеспособностью, мы беседуем с начальником Управления экономического развития ОАО Мостелком М. Ю. Сербским».

Перед нами пример лида довольно распространенного типа: интервью предваряется сообщением об общем эмоциональном контексте проблемы, и лишь затем рассказывается, о чем и с кем беседует журналист. Вообще же лид — активно развивающийся микрожанр газетной публицистики, и виды его чрезвычайно разнообразны.

Начало текста. Одной из отмеченных позиций как письменного, так и устного текста, безусловно, является его абсолютное начало — первые фразы, даже первая фраза. Как и заголовок, она задает стилистический ключ текста. Как и заголовок, первая фраза может заинтриговать, захватить внимание. Всем известна фраза, открывающая вошедшую во все хрестоматии речь Цицерона против Катилины:

«До каких пор, скажи мне, Катилина, будешь злоупотреблять ты нашим терпением?»

За ней следует целая серия риторических вопросов, заданных в том же духе. Такое начало сразу настраивает на энергичную обвинительную речь, и этот настрой подтверждается. В ней же заключен и смысл всего выступления: пора положить конец бесчинствам Катилины.

П. А. Столыпин так начинает свою первую речь в Третьей Государственной думе:

«Господа члены Государственной думы!

Для успеха совместной работы вашей с правительством вам надлежит быть осведомленными о целях, преследуемых правительством, и о способах, намеченных для их достижения, и о существе законодательных его предложений. Ясная и определенная правительственная программа является, в этих видах, совершенно необходимой».

Такое начало, во-первых, настраивает на серьезный лад: оратор уже во вступлении предлагает различать цели, способы и существо предложений правительства, следо-

вательно, речь потребует внимания и логических усилий. Во-вторых, первые же фразы заявляют тему, вводят слушателей в проблематику: ясно, что речь пойдет о совместной работе правительства и думы, о взаимопонимании между думами и правительством.

Абсолютный конец выступления как письменного, так и устного также должен быть отнесен к отмеченным позициям. Недаром первые и последние фразы художественных произведений становятся хрестоматийными, запоминаются. Вспомним последние слова «Фауста»: «Вечная женственность манит нас ввысь», «Скупого рыцаря»: «Ужасный век, ужасные сердца» и т. п.

Процитированная речь против Катилины заканчивается воззванием, обращенным к Юпитеру:

«К тебе взываю, Юпитер! Тебя воздвиг здесь Ромул при тех же знаменях, что и весь этот город, тебя мы по праву называем Установителем нашего государства и нашей державы, — не допустим же Катилину и сообщников его до твоих алтарей и городских храмов, до римских крыш и стен, до жизни и благосостояния всех граждан! Накажи врагов каждого честного человека, недругов отчизны, разорителей Италии, людей, связанных союзом преступлений, нечестивой общностью, — живых и мертвых, — накажи их, Юпитер, вечными муками».

Основная мысль всей речи — пора положить конец бесчинствам Катилины — звучит и здесь, обращенная на этот раз к божееству.

Процитированная выше речь Столыпина заканчивается рассуждением о монаршей воле:

«... Монаршая воля неоднократно являла доказательства того, насколько Верховная власть, несмотря на встреченные ею на пути чрезвычайные трудности, дорожит своими основаниями законодательного порядка, вновь установленного в стране и определившего пределы Высочайше дарованного ей представительного строя.

Проявление Царской власти во все времена также показывало воочию народу, что историческая самодержавная власть и свободная воля Монарха являются

драгоценнейшим достоянием русской государственности, так как единственно эта Власть и эта Воля, создав существенные установления и охраняя их, призвана в минуты потрясений и опасности для государства к спасению России и обращению ее на путь порядка и исторической правды».

Как и в начале речи, оратор говорит о необходимости объединить усилия с правительством, понять его инициативы, но теперь он ссылается на авторитет царской власти и традиции русской государственности, как Цицерон ссылался на авторитет божественного установления и на традиции римской государственности. В обеих речах финал звучит гораздо более торжественно и приподнято, чем начало, но оба финала поддерживают основную идею речи.

3.2. Схемы выдвижения

Существует множество схем выдвижения. Например, если мы подчеркиваем в конспекте нужные слова, мы создаем простейшую схему выдвижения — графическое выделение. Именно так поступает А. И. Солженицын, который в стенограмме своего выступления в Государственной Думе 28 октября 1994 года выделяет жирным шрифтом отдельные фрагменты, которые он считает наиболее значимыми²⁴.

Еще один пример — повтор. Дважды повторив какое-нибудь положение нашей речи, мы, безусловно, выделяем, выдвигаем повторенный фрагмент. Схемой выдвижения окажется в данном случае повтор.

Наиболее распространены четыре схемы выдвижения, замеченные и описанные стилистами. Это 1) конвергенция, 2) сцепление, 3) градация и так называемое 4) обманутое ожидание. Последние три схемы образуют родственную группу, конвергенция стоит несколько в стороне.

1. Конвергенция — сосредоточение в одном фрагменте текста ярких выразительных приемов, благодаря чему этот фрагмент выделяется среди других. Например, рассуждая о чем-либо, вы нигде не пользуетесь примером, не иллюстрируете свою мысль. Но в одном месте вы де-

лаете исключение: приводите яркий пример. Тем самым вы выдвигаете это место, выделяете его на фоне остального текста. Более подробно о средствах повышения изобразительности мы будем говорить в следующей главе учебника, а потому пока это утверждение следует принять на веру.

В обычном случае конвергенция реализуется как намеренное скопление средств, повышающих выразительность и изобразительность фрагмента текста, благодаря чему фрагмент выделяется, выпадает из общей картины. Рассмотрим в качестве примера фрагмент из речи в защиту В. Засулич, произнесенной П. А. Александровым. Предшествующее изложение, в котором адвокат описывает события жизни обвиняемой, ее становление как личности, а также события, приведшие к ее покушению на генерала Трепова, нейтрально. А следующий фрагмент, в котором он переходит к сути своей речи, к основному моменту в защите — к чувствам, которые побудили обвиняемую совершить покушение, заметно выделяется на фоне всего текста в силу широкого использования риторических вопросов, повторов, эпитетов, высокой лексики:

«Сведения, полученные Засулич, были подробны, обстоятельны, достоверны. Теперь тяжелые сомнения сменились еще более тяжелою известностью. Роковой вопрос встал со всей его беспокойною настойчивостью. Кто же вступится за поруганную честь беспомощного каторжника? Кто смоем, кто и как искупит тот позор, который навсегда неутешимую болью будет напоминать о себе несчастному? С твердостью перенесет осужденный суровость каторги, но не примирится с этим возмездием за его преступление, быть может, сознает его справедливость, быть может, наступит минута, когда милосердие с высоты трона и для него откроется, когда скажут ему: «Ты искупил свою вину, войди опять в то общество, из которого ты удален, войди и будь снова гражданином». Но кто и как изгладит в его сердце воспоминание о позоре, о поруганном достоинстве; кто и как смоем то пятно, которое на всю жизнь останется неиз-

гладимым в его воспоминании? Наконец, где же гарантия против повторения подобного случая? Много товарищей по несчастью у Боголюбова, неужели и они должны существовать под страхом всегдашней возможности испытать то, что пришлось перенести Боголюбову? Если юристы могли создать лишение прав, то отчего психологи, моралисты не явятся со средствами отнять у лишенного прав его нравственную физиономию, его человеческую натуру, его душевное состояние; отчего же они не укажут средств низвести каторжника на степень скота, чувствующего физическую боль и чуждого душевных страданий?

Так думала, так не столько думала, как инстинктивно чувствовала В. Засулич. Я говорю ее мыслями, я говорю почти ее словами. Быть может, найдется много экзальтированного, болезненно преувеличенного в ее думах, волновавших ее вопросах, в ее недоумении. Быть может, законник нашелся бы в этих недоумениях, подведя приличную статью закона, прямо оправдывающую случай с Боголюбовым: у нас ли не найти статьи закона, коли нужно ее найти? Быть может, опытный блюститель порядка доказал бы, что иначе поступить, как было поступлено с Боголюбовым, и невозможно, что иначе и порядка существовать не может. Быть может, не блюститель порядка, а просто практический человек сказал бы, с полной уверенностью в разумности своего совета: «Бросьте вы, Вера Ивановна, это самое дело: не вас ведь выпороли».

Однако конвергенцией называют и обратный прием, встречающийся реже. Это намеренное отсутствие ярких, изобразительных средств на фоне достаточно изобразительного текста. Допустим, вы подробно и увлеченно описываете студенток своей группы, а затем сухо присовокупляете, что есть еще и Иванова, о которой вы ничего не сообщаете. Тот же прием имеет место, когда после образных, нагруженных деталями рассуждений оратор кратко и просто формулирует мысль, которую хочет донести до аудитории.

2. Сцепление — повтор сходных элементов в сходных позициях. Если конвергенция выделяет фрагмент на фоне текста, то сцепление выделяет некую цепочку фрагментов. Яркий пример сцепления — начало Нагорной проповеди Иисуса Христа:

«Блаженны нищие духом, ибо их есть царствие небесное.

Блаженны плачущие, ибо они утешатся.

Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю.

Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся.

Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут.

Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят.

Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими.

Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царствие Небесное.

Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас.

Вы — соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему ни годна, как разве выбросить ее вон на поприще людям.

Вы — свет мира. Не может укрыться город, стоящий на верху горы. И, зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме. Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного (...)

Вы слышали, что сказано древним: не убивай, кто же убьет, подлежит суду. А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто же скажет брату своему «рака!», подлежит синедрину; а кто скажет «безумный», подлежит геенне огненной (...)

Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй! А Я говорю вам, что всякий, кто посмотрит на

женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем <...>

Сказано также, что, если кто разведется с женою своею, пусть даст ей разводную. А Я говорю вам: кто разводится с женою своею, кроме вины любодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать...

Еще слышали вы, что сказано древним: не преступай клятвы, но исполняй перед Господом клятвы твои. А Я говорю вам: не клянись вовсе ни небом, потому что оно престол Божий; ни землею, потому что она подножие ног Его; ни Иерусалимом, потому что он город великого Царя; ни головою своею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сделать белым или черным. <...>

Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду... (Евангелие от Матфея, 5).

Повтор слова «блаженны», а также вынесение на первый план аналогичных по языковой и смысловой структуре высказываний «вы — соль земли» и «вы — свет мира» организует часть текста и выделяет ее на фоне других частей. То же касается и проходящей через всю проповедь антитезы «вы слышали, что сказано древним... а Я говорю вам...»

Еще один пример — из современной проповеди:

«Христос воскрес! — и да возрадуется душа наша о Господе.

Христос воскрес! — и исчезает страх перед смертью.

Христос воскрес! — и наши сердца наполняются радостной верой, что вслед за ним воскреснем и мы.

Праздновать Пасху — это значит всем сердцем познать силу и величие Воскресения Христа.

Праздновать Пасху — это значит стать новым человеком.

Праздновать Пасху — это значит всем сердцем и помышлением благодарить и прославлять Бога за неизреченный дар его — дар воскресения и любви» (архиман-

дрит Иоанн (Крестьянкин), «Слово на Светлой пасхальной седмице»).

То, что все приведенные примеры взяты из проповедей, не означает, что сцепление как особая схема выделения используется только в церковной речи. Тем не менее необходимо отметить, что его появление в проповедях совершенно уместно в силу того, что они представляют собой разновидность торжественного красноречия; в других видах красноречия сцепление далеко не всегда уместно. А все дело в том, что широкое использование такой риторической фигуры, как анафора, придает речи торжественность либо связано с передачей сильных чувств²⁵.

Кстати, второй пример вполне подходит и для иллюстрации конвергенции, поскольку остальная часть проповеди не имеет такой четко выраженной организации.

Сцепление как особый прием организации текста характерно для художественной речи. Простейший пример сцепления, на котором базируется стихотворная речь, — рифма. Сходно звучащие слова повторяются в концах строк, и это выделяет всю цепочку рифмованных слов, как бы поднимает ее над текстом. Часто по этой цепочке можно понять смысл всего стихотворения:

*Меж собакою и волком
У плакучих ив
Потерял мужик иголку,
Дырку не зашив.
Он в траве руками шарил,
В молодой траве,
И нашел какой-то шарик
В этой мураве.
И тогда зовет он: братцы!
Чего я нашел!
Те пришли — и ну изгаться.
Было хорошо.*

(Саша Соколов, стихотворение из романа «Меж собакою и волком»).

3. Градация — построение высказывания по принципу усиления или ослабления какого-либо признака.

Градация сродни сцеплению, только вместо простого повтора элементов мы видим повторение с усилением. Л. К. Граудина и Г. И. Кочеткова приводят такой пример градации:

«Авторитет России не только укрепить надо, но его и воспеть необходимо».

В этом примере оратор подчеркивает необходимость воспевания авторитета России, указывая на нее в контексте сопоставления с необходимостью укрепления авторитета. Очевидно, что требование о воспевании авторитета России более сильное, а потому, если оно для оратора важнее, от сопоставления с другим требованием оно только выигрывает.

В следующем примере градация «неверность» — «ложь» — «подлог» представляет собой не три способа представления одного и того же факта, а представление разных фактов, которые располагаются в порядке усиления (ср. этот фрагмент с представлением о необходимости восходящего расположения аргументов):

«По делу о продаже дома Котомину мы имеем журнал правления, который несомненно подходит под 362 ст. Уложения. Дом продан по долгосрочной ссуде на 18 лет, а переведен без согласия владельца его на краткосрочную ссуду на 3 года с обязательством ее возобновления после каждые 3 лет (первая неверность), в случае требования нотариусом сведений журнал правления постановляет сообщать им, что ссуда выдана из 15 серий на срок 26 лет (вторая неверность или, вернее сказать, ложь), и поручить бухгалтерии банка провести эту операцию по книгам согласно журналу (прямое поручение совершить подлог). Что бы ни говорили представители Тульского банка о невинности этой операции, журнал представляет несомненный уголовный материал для 362 ст. Уложения» (П. А. Александров).

В отличие от восходящего расположения аргументов как композиционного приема, в данном случае мы имеем место с градацией как способом организации высказывания, сложного предложения. Здесь необходимо от-

метить, что градация как схема выдвижения занимает промежуточное положение между композиционными схемами и фигурами речи (см. раздел III этого учебника).

4. Обманутое ожидание — это пример, состоящий в том, что у слушателя формируется некоторое ожидание. В этом случае оратор начинает с того, что, по-видимому, ожидает услышать аудитория. Таким образом, сначала ожидание как бы подтверждается, а затем неожиданно опровергается.

Элементарным примером обманутого ожидания будет и следующий фрагмент из защитительной речи, произнесенной А. Ф. Кони по делу об убийстве Филиппа Штрама:

«Господа судьи, господа присяжные заседатели! По делу, которое подлежит нашему рассмотрению, казалось бы, не нужно употреблять больших трудов для определения свойств и степени виновности главного подсудимого, потому что он перед вами сознался. Но такая легкость обсуждения настоящего дела представляется лишь с первого взгляда, и основываться на одном лишь сознании подсудимого для определения истинных размеров его виновности было бы, по меньшей мере, неосторожно».

В этом примере оратор подтверждает ожидание аудитории о том, что он не будет усердствовать в оправдании подсудимого, поскольку тот сам признался в совершенном преступлении, однако тут же указывает, что все не так просто, как может показаться. Поскольку для аудитории очевидно, что дело является практически решенным, оратор делает уступку, признает, что это так, — и тут же опровергает это допущение, указывая, что дело обстоит немного сложнее.

Нередко обманутое ожидание сопровождается использованием специальных языковых средств. Например, в таком случае формулировка ожидаемого намеренно подается как ряд риторических вопросов (вопросов, которые не требуют ответа), а возражение на нее вводится в виде повествовательного предложения:

«Стоит ли беречь старые памятники? Памятники тем, чьи дела сегодня кажутся многим из нас бесцельными или ничтожными? Стоит ли оставлять для них место на страницах самой содержательной из книг, которую называют Историей Человечества? Можно ли считать людей, совершивших эти дела, героями такой книги?»

Многие наши современники, даже не рассуждая, уверенно ответят: не стоит, подумав, приведут немало примеров и опять повторяют то же самое. И все же...»

4. Выразительность и ее виды

С композицией тесно связана категория «выразительность речи». Под **выразительностью речи** понимают способность речи привлекать к себе внимание, а также способность запоминаться. Во избежание путаницы отметим, что в литературоведении выразительность понимают как выражение авторских чувств. Однако мы понимаем выразительность по-иному. Речь может быть что называется серой, незапоминающейся, ускользающей от внимания. Такую речь мы и называем невыразительной. В то же время яркую речь, привлекающую к себе внимание, быстро схватываемую и запоминаемую, мы называем выразительной.

Выразительность — это очень важное качество речи. А дело в том, что она представляет собой средство управления вниманием, причем такое средство, которое является наиболее эффективным из тех, которые находятся в распоряжении оратора. И одновременно это средство, которое в целом остается незамеченным (в отличие от намеренно вводимых в речь выражений вроде «обратим внимание на то, что...», «самое же главное состоит в том, что...» и т. д.)

Очевидно, есть какие-то качества, за счет которых речь приобретает искомую выразительность, существуют приемы, с помощью которых можно невыразительную, серую речь превратить в выразительную. Следовательно, выразительность связана не только с содержанием речи и не

является постоянной величиной. Можно говорить об усилении выразительности за счет использования тех или иных приемов, тех или иных языковых средств. Когда на школьника, изучающего спряжение, сваливаются одиннадцать глаголов-исключений, он испытывает трудность в запоминании их. Поколения школьников выработали против этого защиту, зарифмовав исключения: «гнать, держать, бежать, обидеть, слышать, видеть и вертеть, и дышать, и ненавидеть, и зависеть, и терпеть». В таком виде список слов оказался более выразительным. Кстати, этот список приобретает и какой-то дополнительный (вполне жизненный) смысл: не зря ведь периодически возникающий на страницах книги Саша Соколов взял его в качестве эпиграфа к своему первому роману «Школа для дураков». По-видимому, это является прекрасным доказательством того, что это небольшое стихотворение достаточно выразительно.

Принято выделять два основных вида выразительности: внутреннюю выразительность и контекстно-обусловленную выразительность²⁶.

Внутренняя выразительность — это выразительность, создаваемая при помощи любых слов и выражений, которые экспрессивны, то есть выразительны и изобразительны, изначально; это свойство характеризует их как единицы языка. Сюда следует отнести любые слова и выражения, использование которых по каким-то причинам оказывается менее вероятным, а потому и отмеченным с точки зрения качеств текста. Если мы сравним пару высказываний:

а) *Давай деньги!*

б) *Гони бабки!*

то без труда увидим, что первое высказывание воспринимается как обычное, нейтральное, тогда как воздействующий потенциал второго заметно выше. А создается этот эффект благодаря замене нейтральных по своему значению слов словами экспрессивно окрашенными.

Естественно, речь идет не только о грубых словах и выражениях. Помимо них существуют также высокие выражения. Следовательно, мы имеем дело со своего рода континуумом, на одном конце которого находятся высокие слова и выражения, на другом — грубые; нейтральная лексика находится посередине:

лик — лицо — морда, харя, рожа.

Другими словами, средства усиления выразительности этой разновидности добавляют выразительность высказыванию в любом случае, независимо от условий их использования.

Контекстно-обусловленная выразительность возникает в силу того, что слова и выражения, которые могут и не обладать внутренней выразительностью, помещаются в специальный контекст, придающий им дополнительную выразительность. Контекстно-обусловленная выразительность в целом более важна, чем выразительность внутренняя, поскольку для ее создания могут использоваться практически любые языковые средства.

При помощи каких средств создается контекстно-обусловленная выразительность?

1. Прежде всего, это разнообразные тропы, в первую очередь развернутые, то есть метафоры, метонимии, сравнения. Здесь же можно упомянуть и перифразисы (разные представления одного и того же объекта, ср. «верблюд» и «корабль пустыни»): если один и тот же объект представлять при помощи разных выражений, текст будет восприниматься как более живой и менее монотонный, однообразный. В следующем разделе учебника, где все эти средства рассматриваются более подробно, больше внимания уделяется их способности увеличивать изобразительность текста — его способность представлять реальные факты и мысли. Здесь же необходимо отметить, что эти же средства играют очень важную роль при повышении выразительности, делают текст выделенным, более заметным, ярким, бросающимся в глаза.

2. Кроме того, это фигуры речи, в которых какой-то операции подвергается обычное достаточно распространенное выражение. Это могут быть или фигуры убавления, в которых какая-то часть выражения опускается, или фигуры прибавления, в которых один и тот же элемент повторяется.

Этот обзор, естественно, является поверхностным и вряд ли будет информативным для человека, который в этом вопросе является абсолютным новичком. Для того чтобы овладеть средствами контекстного усиления выразительности, необходимы знания, которые традиционно относятся к третьему разделу риторики — инвенции, особому этапу речи, на котором оратор обращается к языковому воплощению речи. Именно к нему мы и переходим.

IV. Элокуция	208
1. Элокуция и качества речи	208
2. Красота	211
2.1. Речевые средства усиления изобразительности	214
2.2. Специальные средства усиления изобразительности: тропы и фигуры	217
2.3. Тропы	221
2.4. Метафора и тропы сходства	224
2.5. Метонимия и тропы смежности	232
2.6. Антифразис и тропы контраста	235
2.7. Перифразис и тропы тождества	236
2.8. Грамматические тропы	240
2.9. Фигуры	245
2.10. Фигуры убавления	249
2.11. Фигуры прибавления	255
2.12. Фигуры размещения	270
2.13. Амплификации	274
2.14. Дискретные фигуры	291
3. Уместность	295
4. Правильность	299
5. Ясность	302

IV. Элокуция

1. Элокуция и качества речи

Элокуция (украшение) — это третий этап работы над речью, на котором оратор доводит свою работу по ее подготовке до логического конца. Содержание речи уже определено (это было сделано на этапе изобретения), план составлен (на этапе расположения), осталось только написать речь, «навести необходимый блеск». Именно эту задачу должен решить оратор на этапе элокуции.

В самом общем виде эту задачу можно определить как выбор языкового выражения. Образно ее удобно представить как наращение плоти на скелет, который был создан ранее. Знания о «хорошем» языковом выражении, сформированные риторикой и смежными дисциплинами, достаточно объемны. Чтобы последовательно изложить их, мы будем опираться на учение о качествах речи. Это учение также древне, как сама риторика; о качествах речи писали Аристотель, Теофраст; наиболее известное описание качеств речи содержится в трактате Цицерона «Об ораторе». Качества речи описываются и другими науками, изучающими язык; с небольшими изменениями список этих качеств сохранился в рамках такой современной дисциплины, как культура речи.

Предварительно необходимо отметить лишь то, что в дальнейшем нас будут интересовать качества речи с точки зрения риторики. А это предполагает совершенно особый ракурс их рассмотрения. Каким образом качества речи способствуют тому, что она оказывает необходимое воздействие на слушателей? Что наиболее важно с этой точки зрения? Какой смысл с этой точки зрения мы можем вложить в понятие «хорошая речь»? Как сделать речь хорошей? К чему следует стремиться, а чего, наоборот, избегать? Именно на эти вопросы мы и попытаемся ответить в этой главе.

Какими качествами должна обладать хорошая речь?

1. *Красота* — способность речи вызывать эстетические переживания. Мы можем рассматривать красоту речи

как самоценную категорию. Однако такая точка зрения вряд ли имеет прямое отношение к риторике (даже несмотря на то, что некоторое время она принималась многими ее теоретиками). Риторика возникла из потребностей в воздействии на других людей, а потому красота речи также должна рассматриваться в связи с этой «генеральной» линией.

С точки зрения воздействия такое качество речи, как красота, тесно связано с изобразительностью. *Изобразительность речи* — это ее наглядность, способность вызывать конкретные представления («картинки»). Изобразительность речи — залог того, что содержание речи будет лучше усвоено: если в сознании слушателей сформировалась яркая картина, то полученная ими информация рано или поздно окажет свое воздействие хотя бы потому, что они ее запомнят. Возможно, они не изменят своего мнения, однако от прослушанной речи у них останется достаточно яркое представление, чтобы потом они могли вспомнить о существовании и другой точки зрения, которая отличается от их собственной.

Кроме того, речь должна привлекать внимание. Оратор только тогда сможет достичь целей, которые он перед собой поставил, когда он сможет вынудить аудиторию услышать то, что он говорит. Необычно построенная речь представляет собой одно из средств, которые могут применяться в данном случае.

2. Правильность — соответствие речи стандартам, существующим в рамках общности носителей языка.

Правильность как особое качество речи имеет очень важное значение в связи с риторическим этосом. Напомним, что вслед за Аристотелем этосом называют те средства убеждения, которые исходят от самого говорящего в момент речи. Очевидно, что неправильная, неграмотная речь вряд ли поможет оратору расположить аудиторию к себе. При этом требование правильности применимо к речи, которая произносится в любой аудитории. Если эта

аудитория состоит из образованных людей, они смогут оценить речь с точки зрения ее правильности. Но даже если аудитория состоит из людей недостаточно образованных, оратор все равно должен говорить правильно, поскольку не исключено, что в этой аудитории найдется хотя бы один человек, который заметит ошибки и обратит на это внимание остальных людей. Вообще стремление к постоянному повышению своей грамотности — едва ли не единственная настоящая гарантия того, что эффект от выступления оратора не будет испорчен тем, что он говорит неправильно.

3. Уместность. Речь должна соответствовать ситуации, в которой она произносится, а также ожиданиям аудитории. Именно этот ее аспект связан с таким качеством, как уместность. В самом широком смысле речь идет о том, что в некоторых ситуациях то или иное речевое поведение неуместно. Например, не стоит рассказывать анекдоты на похоронах, говорить о недостатках человека на его юбилее, нельзя обращаться к вышестоящему лицу с приказом и т. д. Такое поведение будет воспринято как неуместное, возможно, даже оскорбляющее.

В более узком смысле уместность — это категория языковая. С этой точки зрения уместность касается соответствия слов и выражений, с одной стороны, объекту речи и, с другой — ситуации. Вряд ли в аудитории, которая не имеет высшего образования, будут уместны научные термины (вроде «экстраполировать», «проекция» или «атрибутивный»). В этом проявляется уместность относительно ситуации. Так же неуместны такие слова, как, например, просторечные выражения, в религиозной проповеди, которая всегда соотносится с высоким, духовным. В этом проявляется уместность относительно объекта речи. Если оратор не хочет выглядеть глупо или смешно, он должен учитывать требования, которые были выработаны многими людьми в процессе длительной речевой деятельности.

4. Ясность. Требование ясности — очень важное для оратора. В воздействии при помощи речи заинтересован

в первую очередь сам оратор, желание «быть убежденной» у аудитории встречается крайне редко. Не соблюдая требования ясности, оратор сам воздвигает на своем пути препятствие. Здесь нельзя не вспомнить совета известного русского адвоката П. С. Пороховщикова, который так писал о необходимости ясности: «...не так говорите, чтобы мог понять, а так, чтобы не мог не понять вас судья». Хотя эта рекомендация была высказана судебным ораторам, ее можно и нужно распространить на любую публичную речь.

2. Красота

Красота речи — едва ли не самый важный аспект элокуции. И дело не только в том, что в риторике с ранних этапов ее развития особое внимание уделялось средствам, которые позволяют сделать речь красивой. Нередко специалисты по риторике вообще рассматривают свою дисциплину как учение о средствах украшения. Здесь будет нелишним напомнить о том, что риторику на протяжении ее многовековой истории определяли не только как искусство убеждать (Аристотель) или как искусство хорошо говорить (Квинтиллиан), но и как *искусство украшения речи*. Такая точка зрения вышла на первый план во времена Возрождения, потеснив другие понимания риторики, и значительная часть риторических трактатов и учебников, появившихся с тех времен, очень подробно освещают связанные с украшением вопросы. Исключением не являются и некоторые современные работы, прежде всего, переведенная на русский язык «Общая риторика» группы «µ», которая объединила ряд бельгийских исследователей. Возможно, это не совсем оправданная крайность, однако в ней тоже есть смысл: уже во втором по древности определении риторики — риторики как искусства хорошо говорить — содержится пусть не совсем однозначное, но все-таки указание на красоту речи.

Конечно, отождествление риторики и изучения средств усиления изобразительности — тропов и фигур — вряд

ли является абсолютно правильным. Дело в том, что тропы и фигуры широко используются в художественных текстах, и в этом случае они обычно используются для создания в первую очередь эстетического эффекта. Но риторику интересует в первую очередь не красота текста самого по себе, а воздействие на слушателя, изменение его убеждений по какому-то кругу вопросов. Поэтому естественно, что в риторике средства усиления изобразительности рассматриваются с точки зрения убеждающего воздействия, в одном ряду с аргументами, выдвигаемыми в пользу отстаиваемой точки зрения.

Естественно, между средствами усиления изобразительности и аргументами есть разница. Аргументы — это явно сформулированные утверждения в поддержку тезиса, которые его обосновывают. Изобразительность (способность текста вызывать конкретные представления) и выразительность (способность текста передавать чувства) аргументами не являются, однако играют очень важную роль в процессе воздействия на слушателей. Предлагая слушателям яркую картину, оратор находит еще один путь к их сознанию: уже одно то, что в сознании слушателей возник образ, означает, что слова оратора достигли своей цели, и любая значимая информация, связанная с этой картиной, скорее всего, закрепится в сознании слушателей. Конечно, это не значит, что оратору удалось убедить слушателей, однако можно думать, что благоприятную почву для убеждения оратор таким образом успешно создал. То же справедливо и для выразительности: оратор, который не просто сообщает нечто, а говорит эмоционально, в большей степени имеет право рассчитывать на успех, чем его неэмоциональный коллега.

Основная идея, лежащая в основании риторического учения об изобразительности, состоит в том, что привлечь внимание и оказать воздействие может только та речь, которая представляет собой отклонение от нейтрального стандарта. Нейтральная, необразная речь, которую мы обычно используем, также способна оказывать воздействие, хотя оно и будет ограничиваться только содержательной

стороной (положениями и их доказательствами). Речь образная, необычная не только доставляет эстетическое наслаждение, но и привлекает внимание своей необычностью, заставляет слушателя более внимательно вникать в то, что говорит оратор. Образная речь в силу своей усложненности всегда передает чуть больше информации, чем речь нейтральная, а потому способна «пробить» самые серьезные предубеждения и сомнения тех людей, к которым мы обращаемся. Тропы и фигуры — основные средства усиления изобразительности — позволяют передать неявную информацию, поскольку они нелогичны и даже иррациональны, а потому не могут быть подвергнуты критике с точки зрения логики или науки.

Эту рекомендацию следует понимать в широком смысле. А потому иногда действенным оказывается такой поворот, который внешне выглядит как отклонение от указанного принципа: для более сильного воздействия от образных средств в некоторых случаях можно отказаться. А все дело в том, на каком фоне воспринимается речь. Если все говорят просто и непритязательно, конечно, лучше использовать образные средства. Однако если все говорит образно, возможно, имеет смысл сформулировать свои мысли просто, без излишних «наворотов». Таким образом, вопрос состоит в том, что именно является нейтральным стандартом, а что — отклонением.

Усиление изобразительности достигается за счет самых разных средств, которые можно разделить на две большие группы.

(1) Прежде всего, это *собственно речевые средства усиления изобразительности*. Чтобы понять, что это за средства, можно задаться вопросами: какими качествами обладают тексты, которые мы считаем изобразительными? За счет чего тексты, которые не являются образными, оказываются способными формировать яркие зрительные представления?

(2) Кроме того, существует большое количество *специальных средств усиления изобразительности*. Они

в целом не характерны для повседневной, разговорной или любой другой «обычной» речи и представляют собой отклонение от нейтрального стандарта. Гораздо более естественны и ожидаемы такие средства в поэтической речи, а в обыденной речи используются крайне редко и, что более важно, несистематически, без особых целей.

2.1. Речевые средства усиления изобразительности

Не все языковые выражения обладают таким качеством, как изобразительность, в одинаковой степени. Например, за словом «стол» стоит определенная картинка. У каждого носителя языка эта картинка, естественно, своя, особая, поскольку то, как мы представляем себе стол вообще, зависит от нашего личного опыта. Но можно ли предположить, что точно такая же картинка стоит за словами «любовь», «виновность» или «культура»? Конечно, нет, и причина этого очевидна: эти слова являются абстрактными, они отражают непредметные сущности. С ними можно связать определенные зрительные образы²⁷, однако эти образы будут крайне субъективными и не всегда достаточно конкретными.

С другой стороны, конкретность слова «стол» не является, так сказать, предельной. Если мы возьмем еще более конкретное слово (например, слово «бюро»), то без труда обнаружим, что связанные с ним представления еще более богаты и сложны. А все дело в том, что слово «бюро» обозначает разновидность стола, тогда как словом «стол» мы можем обозначать самые разные столы (письменные, кухонные, журнальные и многие-многие другие).

Своеобразным пределом, к которому стремится изобразительность языковых единиц, является представление о конкретном, единичном предмете, который хорошо известен как говорящему, так и слушателю. Естественно, этого уровня наглядности в ораторской речи достичь обычно не удастся, да и вряд ли имеет смысл к этому стремиться. Обычно достаточно просто помнить о том, что речь должна быть изобразительной и должна опираться на те средства, которые нам дает язык.

Итак, что можно сделать для того, чтобы речь была изобразительной?

Во-первых, для этого можно использовать *слова с более конкретным значением* — слова, которые обозначают не род, а вид, более узкую разновидность предметов или явлений. Этот способ получил название *гипонимизации* (от слова «гипоним», что обозначает название вида). Выбирая более низкое в видо-родовой иерархии слово, говорящий возбуждает в сознании слушателей более конкретные представления.

Во-вторых, для повышения изобразительности можно увеличивать количество деталей, признаков, отличительных черт. Этот способ получил название *атрибутизации* из-за того, что указывает на распространение речи атрибутов — признаков предметов и действий, которые отличают их от других аналогичных предметов и действий. Существуют самые разные столы, но мы употребляем одно и то же слово «стол» в самых разных случаях. Давайте сравним три фразы:

1. *На столе лежала книга.*
2. *На массивном деревянном столе лежал огромный фолиант.*
3. *На столе в углу кухни лежала открытая книга «О вкусной и здоровой пище».*

Говоря «На столе лежала книга», человек может иметь в виду какую-то ситуацию, которая может быть обозначена или вторым, или третьим предложением. Однако второе и третье предложение по своему смыслу различаются. Это две совершенно разные ситуации. И различие между ними в том, что в них идет речь о ситуациях, которые сходны только в каком-то одном отношении (в нашем случае — это фактическая сторона дела). В остальном же эти ситуации различаются.

Обращает на себя внимание и то, что второе и третье предложения отличаются от первого и особым характером представления ситуации. Первое высказывание констатирует факт, который почему-то оказывается значи-

мым. Второе и третье предложения описательны, они представляют ситуацию с большим количеством деталей (атрибутов). Во втором предложении имеются слова «массивный», «деревянный», «огромный», в третьем — слова и выражения «в углу кухни», «открытая», «О вкусной и здоровой пище». С точки зрения описываемого факта эти слова не важны, однако они необходимы для придания речи изобразительности.

Использование атрибутизации совершенно естественно и очень близко по своему эффекту к гипонимизации. Дело в том, что определение вида всегда более конкретно, а потому включает наименование рода и признака, который отличает данный вид от других видов. Например, женщина — это «человек женского пола», тогда как мужчина — это «человек мужского пола»; в обоих случаях имеется род (человек) и видовая характеристика («мужского» или «женского пола»).

Следовательно, атрибутизация очень близка к гипонимизации, и оба эти способа основаны на том, что они активизируют большее количество представлений. Однако в первом случае это достигается за счет выбора слова («бюро» вместо «стол»), а во втором — в добавлении слова («огромный стол» вместо «стол»).

Наконец, необходимо отметить, что в некоторых сферах (например, в судебном красноречии или, по крайней мере, в некоторых частях судебных речей) использование специальных средств усиления изобразительности, к рассмотрению которых мы сейчас перейдем, просто неуместно. Так, бессмысленно давать образные описания в том случае, если необходимо просто восстановить ход событий; в этом случае на первый план выступает требование точности, а языковые способности оратора мало кого интересуют, поскольку действительно важен только поиск истины. В этом случае описанные выше способы могут сослужить добрую службу, так как они оказываются практически единственными доступными средствами сделать речь эффективной.

2.2. Специальные средства усиления изобразительности: тропы и фигуры

Традиционным для риторики является различие двух специальных средств усиления изобразительности: **тропов (1) и фигур (2)**; особо выделяют **амплификации (3)** — специальные средства усиления изобразительности, которые занимают промежуточное положение между тропом и фигурой. Хотя это различие и является традиционным, необходимо признать, что среди исследователей нет единства относительно того, как рассматривается соотношение между тропами и фигурами. Поэтому объясним различие, на которое будем опираться в дальнейшем.

В самом общем виде противопоставление между тропами и фигурами можно представить следующим образом. Тропы всегда касаются одного слова или выражения, а фигуры — это явления на уровне группы слов. Другими словами, тропы предполагают операции над смыслом, в результате которых у языковых единиц появляются дополнительные значения, тогда как фигуры — это в первую очередь операции над самими словами.

(1) Тропом называют слова и выражения, употребленные в переносном значении. Переносные значения исходно всегда изобретаются говорящим, всегда оригинальны и новы, поскольку они отклоняются от принятого употребления слов; некоторые из них закрепляются в языке, становятся всеобщим достоянием. Примером тропеического употребления второго рода может служить слово «фазенда», при помощи которого не так давно называли обычные дачи или земельные участки.

Чтобы пояснить, что имеется в виду, обратимся к элементарным представлениям о строении языкового знака. В любом выражении можно выделить две стороны. Прежде всего, это само выражение, которое используется для указания на предмет или явление; эту сторону знака называют *означающим*. Кроме того, любое языковое выражение отсылает к внеязыковой действительности; то в мире, что данное выражение обозначает, называют *означаемым*.

Различие между прямым и переносным значением можно представить в виде схем.

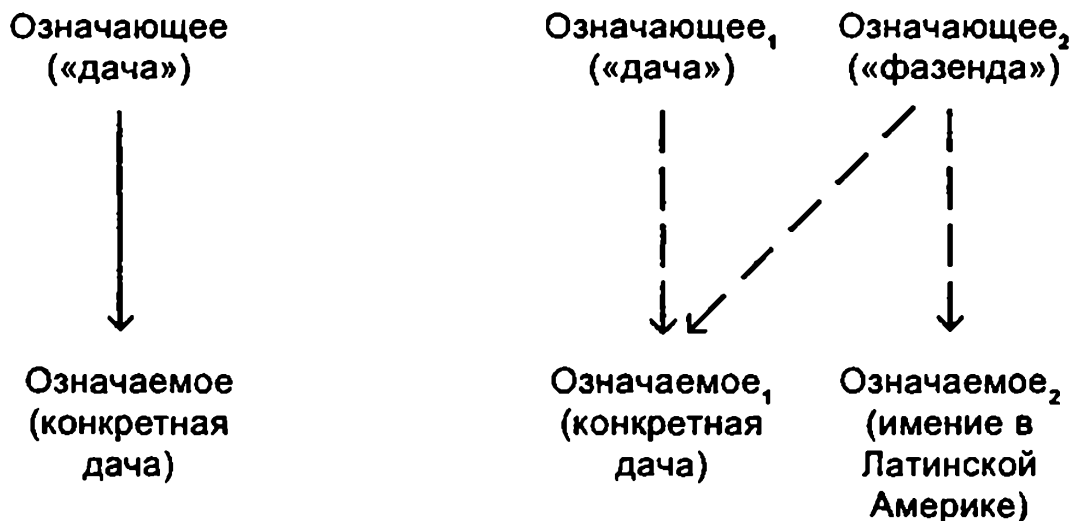

Рисунок 5. Прямое и переносное значение

В случае прямого значения (см. схему слева) мы имеем дело с одним означаемым и одним означающим. Например, слово «дача» отсылает к загородному дому и прилегающему к нему участку; здесь есть означающее (слово «дача») и означаемое (сами дачи, понятие дачи).

В случае с переносным значением (схема справа) ситуация более сложная. В этом случае слово используется для обозначения предмета или явления, которое оно обычно не означает. При этом у используемого слова имеется прямое значение, а у обозначаемого предмета — другое типичное наименование. В нашем случае очевидно, что дача — это дача, а фазенда — это фазенда: каждое из указанных явлений имеет специфические черты и свое собственное означающее. Между ними имеются сходства (поскольку это особого рода собственность), однако соответствующие слова являются обозначениями разных видов одного рода, а потому не могут быть отождествлены. Слово «фазенда» в прямом значении обозначает имение в Латинской Америке, и это его типичное значение; в переносном значении это слово приобретает способность обозначать обычную русскую дачу, которая до последнего времени не была частной собственностью и на которой совершенно нет рабов (если не считать таковыми самих владельцев).

Таким образом, любой троп — это употребление выражения, при котором для явления подыскивается новое имя. В риторике переносные значения слов традиционно описывают при помощи понятия косвенного смысла, который возникает в высказывании. Как уже указывалось, переносное значение может закрепляться за словом, становиться не особенностью конкретного высказывания, а особенностью речи целой группы людей или носителей языка в целом.

Поэтому необходимо иметь в виду, что о переносном значении в риторическом смысле можно говорить только в тех случаях, когда образная основа ощущается самими носителями языка. Так, мы уже не осознаем того, что дверная ручка получила свое название по смежности: она представляет собой приспособление, при помощи которого *рукой* открывают дверь, а шариковая ручка получила свое наименование в силу того, что люди пишут *рукой*. Такое же точно происхождение имеют и многие другие слова (вспомните об окружающих нас носиках, ножках, глазках, ушках, зубьях и т. д.)

Такое узкое понимание тропа сложилось в риторике потому, что выражения, образная основа которых не осознается, не могут играть особой роли с точки зрения воздействия на аудиторию с помощью самого языка. «Ручка» — это закрепленное наименование предметов, при помощи которых мы пишем или открываем двери. При помощи этого слова мы можем указать лишь на соответствующий предмет, однако его использование не украсит речь, не сделает ее чуть более сложной и требующей усилий для понимания, не придаст ей образности.

Не так давно исследователи показали, что описанные риторикой явления (например, метафора и метонимия) являются универсальными механизмами мышления. Например, крупнейший лингвист Роман Якобсон пришел к выводу, что метафора (перенос по сходству) и метонимия (перенос по смежности) представляют собой противоположные механизмы: метафора имеет дело со словами как единицами языка, а метонимия — с соединением слов в

речи. Французский философ-психоаналитик Жак Лакан высказал даже мнение, что описанные в риторике тропы являются проявлением вытеснения — психологического процесса, при котором человек отказывается принимать и осознавать свои запретные фантазии. Эти фантазии, которые становятся бессознательными, находят выражение в том, что человек начинает употреблять слова и допускать ошибки, которые одновременно указывают и на то, что он хочет сказать, и на то, что он сказать не может. Так бессознательное обходит цензуру, установленную по отношению к запретным мыслям и фантазиям.

(2) **Фигуры** — это особые способы организации высказываний. Если сущность тропа тесно связана с означающим и означаемым, то фигуры касаются прежде всего означающих, то есть самих слов и выражений, и их организации. Троп касается одного слова или выражения, фигура — это всегда определенным образом расположенные слова и выражения. Рассмотрим пример.

*Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.
Жди, когда из дальних мест
Писем не придет.
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждет.*

В этом отрывке из известного стихотворения К. Симонова содержится фигура — повтор одного и того же слова в начале отдельных отрезков речи (в риторике такой повтор называют *анафорой*). Вряд ли эффект этого стихотворения можно объяснить только языковыми механизмами, однако язык в нем играет очень важную роль. Такой повтор создает акцент на представлении об очень сильной надежде, об ожидании, различные части текста только оттеняют, уточняют и конкретизируют это представление.

(3) Тропы и фигуры не противопоставлены друг другу абсолютно, они образуют пересекающиеся множества. Основ-

ное явление, которое находится на пересечении тропов и фигур, получило название **амплификации**. Амплификации имеют черты, которые сближают ее как с тропами, так и с фигурами, хотя этих черт и недостаточно для того, чтобы определить принадлежность амплификаций однозначно.

Наиболее известным примером амплификации является *сравнение*: «пруд местами как сталь». В этом случае цвет поверхности пруда сравнивается с цветом стали, и на основании этого сравнения может быть создан троп, называемый метафорой («сталь пруда»). Другими словами, одно слово может заменить в речи другое слово, полностью вытеснить его, занять его место. В этом случае мы имеем дело с тропом. Если этого не происходит, в высказывании присутствуют оба означающих, и тогда речь идет об амплификации.

Если бы одно выражение просто заменило другое, то это выражение мы не могли бы назвать фигурой: если происходит замена одного выражения другим, мы имеем дело с тропами в чистом виде. В приведенном же примере присутствуют оба означающих и оба значения: основное и переносное. Эти обозначения соединяются в рамках высказывания, образуя группировку слов, а потому мы можем рассматривать приведенную конструкцию как фигуру.

Необходимо отметить, что противопоставление тропов и фигур как самостоятельных способов усиления образительности не является единственно возможным. С древних времен, например, тропы рассматривали как разновидность фигур. С этой точки зрения фигурами называют все специальные средства усиления образительности, а тропы рассматриваются как разновидность фигур (то есть как тропеические фигуры). Противопоставлять их стали позже. Тем не менее эта точка зрения имеет немало сторонников²⁸.

2.3. Тропы

Напомним, что тропами называют слова и выражения, употребленные в переносном значении. Это общее

определение в действительности охватывает достаточно большое число разнородных явлений, которые не только имеют между собой общее, но и заметно отличаются друг от друга. Именно поэтому необходимо ввести некоторые важные разграничения, которые помогут навести порядок в этом многообразии.

Во-первых, тропы подразделяются на две группы: словесные и грамматические.

Грамматические тропы. Второй разновидностью тропов являются грамматические тропы, в основе которых лежит переносное использование не слова, а грамматической формы. Самый яркий пример грамматического тропа — это *риторический вопрос*. Вопросительная фраза вообще предполагает реакцию в виде ответа, независимо от того, идет ли речь о вопросе типа «Сколько времени?» или о вопросе экзаменатора студенту; человек прибегает к вопросу тогда, когда он хочет что-то узнать. Особенность риторического вопроса состоит в том, что он не требует ответа, поскольку оратор либо полагает, что этот ответ очевиден для аудитории, либо не стремится получить ответ, использует вопрос в качестве введения для ответа, который он даст сам. В этом случае конструкция (вопросительное предложение), которая имеет типичное предназначение (побуждение к ответной реплике), используется нетипично, не так, как это делается обычно.

Грамматические тропы мы рассмотрим самыми последними. Пока же обратимся к словесным тропам.

Словесные тропы. В основе словесных тропов лежит использование слов в переносном значении. Словесные тропы принято делить на четыре группы в зависимости от того, какие отношения между соединяемыми в них образами лежат в их основе: сходство, смежность, контраст или тождество. Этот принцип деления нетрудно распространить и на грамматические тропы, однако в этом нет особой необходимости, так как число грамматических тропов невелико.

Чтобы объяснить, что имеется в виду, поговорим о женщинах. Точнее, возьмем в качестве примера слово

«женщина» и подберем переносные обозначения, основанные на каждом из видов.

1. Нередко можно столкнуться с тем, что женщин называют «цветами» (намекая при этом на их хрупкость и нежность); природу нередко называют «женщиной» или «матерью». Во всех указанных случаях переносное наименование основано на сходстве, которое проявляется в виде общего признака: женщины нежны и хрупки — цветы тоже нежны и хрупки, женщина рождает детей — природа также рождает все живое. Переносное употребление выражения, в основе которого лежит сходство, называют *метафорой*.

2. Женщин называют также «хранительницами очага» (такое хвалебное сочетание с хозяйственными функциями должно встревожить феминисток). С точки зрения риторики в этом случае осуществляется перенос по *смежности*: функция, которую выполняет объект, не является его сущностью, а только связана с ним, находится как бы рядом с нею.

Переносное обозначение предмета по смежности получило название *метонимии*. В приведенном примере вместо прямого обозначения («женщина») мы выбираем обозначение чего-то близкого не только в пространстве, но и во времени, а также в «сфере идей». Последняя возможность реализована в приведенном примере. В пространственном отношении с женщиной смежна, например, шляпка, а потому в литературе когда-то было модно называть анонимных персонажей при помощи указания на деталь туалета.

3. Если назвать женщину «мужчиной» или даже «мужиком», пусть и в юбке, ей это вряд ли понравится (хотя женщины бывают разные); аналогичного эффекта можно ожидать и со стороны мужчины. Почему люди обычно обижаются, если кто-то ошибается и принимает мальчика за девочку, а девочку за мальчика, здесь не важно. Важно другое: несмотря на очевидные различия между мужчинами и женщинами, а точнее, на их противоположность, нам ничто не мешает назвать одних другими.

Именно этот прием лежит в основе *тропов, основанных на контрасте*. Главной, наиболее очевидной и наиболее распространенной разновидностью этого тропа является *ирония* — использование слова в противоположном значении. Когда о мальчике говорят «мужчина», а о мужчине — «мальчик», они испытывают противоположные чувства. Однако во всех случаях эффект возникает из-за того, что сталкиваются противоположные понятия. Аналогично обстоит дело и тогда, когда человек в чувствах говорит об огромном особняке: «Вот так домик!»

4. Желая сделать комплимент тем, кто нас окружает в данный момент, мы нередко называем женщин «прекрасным полом». Это выражение также может быть переносным обозначением для всех женщин в целом. Женщина — это пол, и в женщинах принято ценить то, что они прекрасны (хотя и не только это). Тем не менее выражение «прекрасный пол» не является основным наименованием для женщин, а следовательно, это переносное наименование. В отличие от предыдущих случаев, здесь нет ни сходства между разными образами, ни смежности, ни контраста; речь идет об одном и том же объекте, у которого просто есть разные наименования. Именно в основе таких выражений лежат *отношения тождества*.

Этот троп, состоящий из акцентирования какого-то аспекта обозначаемого предмета, получил название *перифразиса* (другие названия — перифраза, парафраза). В случае с перифразисом мы заменяем прямое наименование предмета описательным выражением. Отсюда многочисленные «Столыпин наших дней», «Сапфо русской поэзии», «русский Шварценеггер», «Жириновский европейской политики».

2.4. Метафора и тропы сходства

Как уже указывалось, метафора — это троп, основанный на сходстве. В основе метафоры лежат ассоциации по сходству. Следовательно, метафора предполагает заме-

ну одного означающего другим означающим на том основании, что соответствующие означаемые похожи.

Например, Тит Ливий писал, что Катон постоянно лаял на Сципиона. В данном случае в основе переносного употребления глагола «лаять» лежит сопоставление Катона с собакой.

Следует обратить внимание на то, что самого Катона Тит Ливий собакой не называет (хотя это легко восстанавливается и даже подразумевается). При метафоре, как и при любом другом тропе, всегда есть необходимость сохранения остатков прямого смысла, и в приведенном примере это достигается за счет сохранения имени Катона. Если бы этого не было, то данная фраза имела бы вид: «Собака постоянно лаяла на Сципиона». Конечно, исходный смысл здесь также может быть восстановлен, однако для этого необходима опора на контекст. Допустим, если ранее Катон был назван собакой, то метонимия «Эта собака постоянно лаяла на Сципиона» была вполне понятной. Таким образом, при метафоре, как и при других тропах, замене подвергается не все предложение целиком, а только некоторые его части.

Данный пример интересен тем, что он позволяет, не произнося этого прямо, фактически отождествить человека с собакой. Следовательно, метафора в некоторых случаях может служить для смягчения, более мягкого и приемлемого выражения мысли, которая, будучи высказана прямо, могла бы оказаться очень грубой.

Рассмотрим еще два примера, которые являются более сложными.

1) К нам постоянно прилипает грех, мы согрешаем делом, словом, помышлением, всяким нашим чувством. И надо видеть эту грязь, надо каяться в этом, надо все силы души употреблять на то, чтоб одежду, которую мы здесь получаем, одежду нашей души, сохранять чистой (Дмитрий Смирнов);

2) Я не так глуп, чтобы учить других терпению и силе, и мне нечего предложить читателю, кроме убежденности в том, что если страдание неизбежно — кап-

ля мужества поможет больше, чем реки знаний, капля жалости — больше, чем реки мужества, а любовь Господня — больше всего (Льюис).

В основе первого фрагмента лежит сравнение греха с грязью (оно подкрепляется и фонетически, то есть при помощи повторения звуков «г» и «р»), а во втором предложении этого фрагмента грех прямо так и называется. Эта метафора подкрепляется (или разворачивается) при помощи слов «прилипает» и «чистой»; кроме того, эта метафора распространяется и дальше, на сравнение души, очищенной пребыванием в храме, и чистой одежды (брачного одеяния).

Во втором случае указание на большое и маленькое количество осуществляется при помощи метафорического отождествления: большое количество сопоставляется с реками, а маленькое — с каплей. [В этом примере имеется также амплификация, называемая антитезой, однако об этом будет сказано ниже.]

Интересен следующий пример метафоры:

«Когда ты увидел, что сицилийские рабы воодушевлены примером мятежников в Италии, ну и страха же ты нагнал на них, чтобы не вздумали и пикнуть! [...] Видно, вспыхнувший пожар погасил ты казнью и смертью немногих?» (Цицерон).

В данном случае Цицерон сравнивает подавление мятежа с гашением пожара. Фактически это означает, что метафора базируется на сопоставлении двух высказываний: «Ты подавил мятеж казнью и смертью немногих» и «Ты погасил пожар водой» (средство тушения пожара здесь не названо, поэтому мы просто восстанавливаем его). Этот пример интересен тем, что Цицерон не останавливается на замене слова «мятеж» словом «пожар»; в этом случае конечное высказывание выглядело бы так: «Ты подавил пожар казнью и смертью немногих», то есть не имело бы смысла (или, по крайней мере, этот смысл плохо прочитывался бы). Метафора требует не только замены слова «мятеж», но и замены глагола «подавил» — так достигается связность текста и понятность метафоры. На метафорический характер этого выра-

жения указывают только дополнения «казнью и смертью», которые оказываются средствами «тушения пожара».

Метафора может обыгрывать ход описываемых событий, создавая дополнительный узел повествования и заметно обогащая его:

«Опять пошел дождь, и наша пара, чтобы укрыться от дождя, встала под густое дерево. Кадуев снова пытается обнять Нину, он прижимает ее к себе, и тут блеснула молния — нет, фактически никакой молнии не было, но Олега ударило электрическим током. Это Нина его поцеловала».

Этот небольшой фрагмент взят из речи П. А. Дроздова в защиту О. Кадуева, которого обвиняли в попытке изнасилования. Адвокат очень умело обыгрывает тот факт, что описываемые события происходили во время дождя. На этом основании он называет молнию поцелуем (а все мы знаем, что в грозу нельзя стоять под высоким деревом, в вершину которого может ударить молния), затем — ударом электрического тока. И лишь после этого он указывает, что в действительности речь идет о поцелуе. Благодаря данному примеру адвокату удастся показать силу желания подзащитного, а также косвенно указать на то, что девушка сама дала повод для его действий. Конечно, такие удачные метафоры, которые одновременно связывают самые разные стороны текста и цели говорящего, — редкость, это или случайная удачная находка, или дело рук опытного мастера. Однако знать о них нужно. По крайней мере, используя такие случаи в качестве эталона, всегда можно определить, какие находки действительно являются хорошими.

Использование метафоры в начальной позиции (как правило, в позиции подлежащего) может создать комический эффект. Связано это с тем, что у метафоры есть одно важное свойство: она тяготеет к позиции сказуемого и редко, если это свежая метафора, попадает в позицию подлежащего. Например, если оппонент сравнит некое лицо с орлом, то фраза «Орел удалился в свой кабинет» сразу же снизит образ.

Еще одна рекомендация, касающаяся использования метафор, состоит в том, что не стоит сочетать в одном простом предложении две метафоры, основанных на разных основаниях. Дело в том, что это существенно затрудняет понимание. Когда двойственность смысла образуется только в одном «месте», картина становится объемной, наполненной смыслом, возникают дополнительные оттенки, которые обогащают смысл сообщения; если же в предложении оказывается более двух метафор, возрастает неопределенность, а выражение делается менее красивым и даже комичным. Традиционно для избежания такой ошибки советуют представлять то, о чем говорится; если сделать это трудно (то есть если нарушена изобразительность речи), от какой-то метафоры следует отказаться.

Естественно, все сказанное не касается стертых метафор или метафор, прочно закрепившихся в сознании носителей языка. Так, сказать «Он перелопатил море книг» вполне можно, поскольку переносные употребления глагола «перелопатить» и существительного «море» закреплены в языке.

Метафора — не единственный случай тропа, основанного на сходстве. На том же принципе основаны и другие тропы: гипербола, мейозис, олицетворение, овеществление, катахреза.

В риторике принято делить метафоры и их разновидности на виды в зависимости от того, какие объекты сравниваются. На этом основании можно выделить четыре разновидности метафоры.

1) При *олицетворении* неживое толкуется как живое:

«Скажи, что делал твой обнаженный меч, Туберон, в сражении под Фарсалом? Чью грудь стремилось пронзить его острие?» (Цицерон).

Этот пример представляет меч как одушевленное существо, которое может самостоятельно совершать действия. Конечно, Цицерон имеет в виду не меч, задавая свой вопрос, поскольку этот вопрос касается Туберона. Метафора в данном случае помогает Цицерону придать изящную, эффектную форму вопросу.

2) При *овеществлении* живое уподобляется неживому:
*Расступись, о старец-море,
 Дай приют моей волне (М. Ю. Лермонтов).*

3) Возможны также случаи, когда живое уподобляется живому:

«Десятки лет сосал их силы управляющий, десятки лет с сатанинской хитростью опутывал их сетью условий, договоров и неустоек» (Ф. Н. Плевако).

Очевидно, что в этом случае оратор сравнивает человека с пауком. Нигде означающее паук не фигурирует, мы можем восстановить его только по косвенным указаниям (пауки сосут кровь своих жертв, пауки плетут паутину — «сеть» для ловли насекомых). Если быть более точным, в этом случае метафора реализуется не в чистом виде, а в сочетании с метонимией: замене подвергается не прямое наименование («паук»), а его метонимические замены («сосать кровь», «сеть»).

Метафора, в которой живое уподобляется живому, не получила особого названия, — видимо, потому, что по сравнению с овеществлением и олицетворением, в которых происходит переход из одной категории в другую, такая метафора неспецифична. То же касается и последней, четвертой разновидности.

4) Наконец, неживое может уподобляться неживому.

Олицетворение и овеществление тесно связаны с оценкой. Представляя человека как предмет, мы часто снижаем общее впечатление о человеке; представляя неживое как человека или животное, мы возвышаем его. Пантеизм как представление об одухотворенности природы или о присутствии бога в природе — одно из наиболее ярких проявлений этого механизма.

Разновидностью метафоры являются мейозис и гипербола. Поскольку в этих тропах имеется преувеличение или преуменьшение, их нередко относят к тропам, основанным на контрасте. Действительно, контраст играет очень важную роль в этих тропам, однако сравнение является более важным компонентом: сравнивая что-то

с тем, что заведомо гораздо больше или меньше, мы все-таки осуществляем сравнение.

Гипербола — троп, в котором в результате переименования объекту приписывается свойство в преувеличенном количестве. Примером гиперболы может служить следующая строка В. Маяковского:

Товарищ профессор! Снимите очки-велосипед...

В основе этой гиперболы лежит не только сравнение, но и преувеличение: очки заведомо меньше велосипеда.

Рассмотрим, как этот троп может реализовываться в тексте:

«Если бы я захотел скорбеть об этом событии и оплакивать его не в присутствии римских граждан, тех или иных друзей нашего государства, людей, слышавших имя римского народа, если бы я обращался не к людям, а к диким зверям или даже — чтобы пойти дальше — если бы я глубине пустынь обратился к скалам и утесам, то даже вся немая и неодушевленная природа была бы потрясена такой страшной, такой возмутительной жестокостью» (Цицерон).

Необходимо иметь в виду, что гипербола не является тропом сходства в чистом виде, поскольку помимо сходства в ней также имеется опора на контраст. В приведенном примере метафора реализуется как олицетворение: совершенные деяния настолько страшны, что даже скалы были бы потрясены. Естественно, скалы не способны испытывать чувства, здесь им приписываются качества живых веществ. Эта метафора является опорой для преувеличения. Указывая на невозможный результат («даже скалы будут поражены»), связанный с силой признака («насколько возмутительна эта жестокость»), Цицерон указывает на преувеличенную и, в этом случае, *невозможную* степень проявления этого признака.

Мейозис — это троп, противоположный гиперболе. Если в гиперболе свойства объекта преувеличиваются, то при мейозисе они, наоборот, преуменьшаются. Мы используем это в устойчивых выражениях, когда говорим «Это

стоит копейки», «В двух шагах отсюда», «Дело займет всего одну минуту» и т. п. В данном случае нечто может стоять больше двух копеек, находиться не в двух, а в ста или даже пятиста шагах, а дело может потребовать больше часа. Однако мы все равно используем соответствующие обозначения, которые указывают на преувеличенную незначительность чего-либо.

«Раз разбитое хозяйство умирает, — и батрак осужден на всю жизнь искать, как благодеяния, работы у сильных и лобзать руку, дающую ему грош за труд, доставляющий другому выгоды на сотни рублей, лобзать, как руку благодетеля, и плакать и просить нового благодеяния, нового кабального труда за крохи хлеба и жалкие лохмотья» (Ф. Н. Плевако).

В данном примере преувеличением (хотя, надо признать, и не очень сильным) является использование выражений «грош» и «крохи хлеба». В действительности, конечно, батраки не получали грош за свой труд и уже тем более не питались крохами хлеба. Такое преуменьшение позволяет вызвать у слушателей жалость — при этом жалость совершенно оправданную, так что преуменьшение вряд ли можно считать неоправданным.

Катахреза — троп, в котором сближение между объектами осуществляется на основании самого общего свойства.

Необходимо отметить, что катахреза — это вынужденный троп. Такая точка зрения является достаточно старой; в частности, ее разделял уже французский теоретик риторики Фонтанье. В риторике сложилось справедливое мнение о том, что катахреза представляет собой переносное наименование, которое является единственным для данного объекта. Когда мы называем ножку стола ножкой, мы используем катахрезу: соответствующая часть стола отождествляется с ногой человека или животного на основании общего свойства — роли опоры, а также того, что эта часть является нижней. В то же время мы не можем назвать ножку стола как-то иначе.

2.5. Метонимия и тропы смежности

В основе метонимии лежит перенос значения по смежности. Смежность при этом понимается очень широко: это и пространственное соседство, и близость во времени, и связь между частью и целым, и соседство в пространстве идей. Метонимия — очень широко распространенное явление. Говоря «съел тарелку», «выпил чашку», мы имеем в виду, что съели суп или выпили чай, но уж никак не сами столовые приборы. Указание на соответствующую посуду в действительности отсылает к количеству содержимого. Метонимия здесь возникает потому, что она позволяет говорящему экономить речевые усилия: проще сказать «я съел тарелку», чем сказать «я съел тарелку супа».

Не менее распространенным является и другой тип метафоры — «автор вместо произведения». Приведем пример. Это четверостишие из романа Саши Соколова «Между собакой и волком»:

*Бывает так: с утра скучаешь
И словно бы чего-то ждешь,
То Пушкина перелистаешь,
То Пущина перелистнешь.*

Естественно, мы не можем перелистать самого Пушкина или Пущина, речь в данном случае идет о текстах, которые были созданы данными людьми.

Точно так же обстоит дело и с портфелем министра. Портфель совершенно не похож на должность министра, но он связан с ней отношениями смежности: министры носят (или носили) портфели. По этой причине портфель становится как бы воплощением министра, поскольку он постоянно «сопутствует» ему. Это же относится к выражению «занять кресло» в значении «занять должность». В отличие от метафоры, метонимия не привносит в ситуацию ничего додуманного, заимствованного из другого мира (ср. уподобление государства кораблю). Портфель и кресло входят в «мир министра». «Фокус» метонимии в том, что она выделяет нужную автору деталь, расставляет акценты.

Разновидности метонимии выделяют на основании того, какой тип переноса по смежности осуществляется. В действительности таких отношений достаточно много...

В группе метонимий выделяют особый случай — синекдоху, к которой относят перенос значения с части на целое (или наоборот), а также с абстрактного на конкретное (или наоборот). Приведем в качестве примера фразу из одной речи Ф. Н. Плевако:

«...если я сытый, давно сытый человек не умею понять и выразить муки голодного бесправия, пусть они сами говорят за себя и представляют перед вами».

В этом примере словосочетание «голодное бесправие» относится к подзащитному: название абстрактного качества становится фактически заменой для имени этого подзащитного.

Вот еще один пример из речи того же оратора, на этот раз — из речи в защиту Оскара Бостема:

«Поэтому я полагаю, что вы отнесетесь ко мне с доверием настолько, насколько этого будет заслуживать внутренняя правда моих слов».

В этом случае вполне достаточно было бы сказать: «насколько этого будут заслуживать мои слова». Однако Ф. Н. Плевако акцентирует внимание на качестве своих слов — их правдивости. Сказать «насколько этого будут заслуживать мои правдивые слова» также нельзя, поскольку это может быть воспринято как намеренное давление. Метонимия, выводящая на первый план качество, присущее речи, и делающая ее основным наименованием, оказывается самым уместным способом выражения.

Произнося обвинение против изготовителей фальшивых бумаг, А. Ф. Кони говорит, что в судебном зале нет пострадавших, однако страдает все общество. Но само по себе выражение «страдание всего общества» сухо, и оратор, не прибегая к развернутому примеру, все же вносит в речь элементы парадигмы:

«Но это происходит оттого, что потерпевшим лицом является целое общество, оттого, что в то время, когда обвиняемый сидит на скамье подсудимых, в раз-

ных местах, может быть, плачутся бедняки, у которых последний кусок хлеба отнят фальшивыми бумажками».

Мы не можем свести общество в целом только к беднякам, поскольку в него на равных правах входят и богатые люди, и люди среднего достатка. Однако в этом случае бедняки выступают в качестве той части общества, которая представляет общество в целом; именно на бедняках А. Ф. Кони объясняет, почему страдает все общество. Поэтому приведенный пример представляет собой синекдоху.

«Абстрактное вместо конкретного» — очень распространенный вид метонимии. Рассмотрим фразу «Перед ним сидела юность» (Ильф, Петров). В этой фразе слово «юность» используется для обозначения молодого человека, и одно качество этого объекта («быть юным») переносится на объект в целом. В результате этого данное качество выделяется и объект становится его воплощением. О метонимии (а точнее, о синекдохе) в этом случае говорят потому, что отдельное качество может сопутствовать объекту, однако оно не исчерпывает его сущности.

И еще два примера. В выражении «сопровождающие лица» слово «лицо» представляет собой синекдоху, поскольку лицо как часть человека представляет его всего. Аналогично и для выражения «Копейка рубль бережет»: оно содержит две синекдохи, так как под копеейкой подразумеваются мелкие, а под рублем — крупные деньги.

В отличие от метафоры, метонимия чаще всего используется для удобной «упаковки» готовых смыслов, позволяет нам упростить (укоротить) используемые фразы. В речи мы, не замечая этого, постоянно пользуемся незаметными метонимиями. Так, мы говорим «выпил два стакана, съел три тарелки», вместо более длинного «выпил два стакана молока, съел три тарелки супа». Метонимия, таким образом, обыденнее метафоры.

Впрочем, это не означает, что функция метонимии сводится только к упрощению. Метонимия также способна оказывать воздействие и передавать самые разные оттенки оценок. Так, называя документ с «бумажкой», мы используем метонимию, то есть осуществляем перенос по смеж-

ности (документ связан с бумагой, она его материальный носитель), но это название вряд ли можно считать нейтральным, поскольку в нем содержится явная негативная оценка, указание малоценности. Когда говорят «корочки» о дипломе, этим подчеркивается выхолощенность самого образования: только корочки — содержания нет.

2.6. Антифразис и тропы контраста

Как уже указывалось, основным проявлением тропов, основанных на контрасте, является **антифразис**. В этом случае слово употребляется в противоположном значении. Естественно, такое употребление мы также должны считать переносным, поскольку оно отличается от типичного прямого значения. Особенность антифразиса состоит в том, что мы можем употребить в противоположном значении практически любое слово; возможности слов с точки зрения других тропов в этом отношении несколько более ограничены.

Приведем два примера:

1) *«Обвинительное заключение... механически перечисляет показания всех без исключения свидетелей, и вне зависимости от того, имеют ли эти показания отношение к делу, уличают или не уличают они обвиняемого, — показания эти, без сколько-нибудь серьезного аналитического разбора, приводятся в качестве доказательства якобы «виновности» обвиняемого» (И. М. Кисенишский);*

2) *«Чтобы не быть голословным, приведу несколько конкретных примеров того, что в данном случае применяется именно такая «методика» (И. М. Кисенишский).*

Оба примера взяты из одной речи. Говоря об особенностях выступления обвинения²⁹, адвокат использует слова «виновность» и «методика» для обозначения того, что ни виновностью, ни методикой в полном смысле этого слова с его точки зрения не является. Фокус антифразиса как раз в этом и состоит. Когда мы употребляем слово таким образом, мы как бы говорим: «то, что вы называете виновностью, то, что вы могли бы назвать методикой, в действительности этим не является».

Астеизм — разновидность антифразиса, при котором слово, обозначающее нечто отрицательное, употребляется в положительном значении:

...Черт так не сыграет, как он, проклятый, играл на контрабасе, бывало, выводил, шельма, такие экивоки, каких Рубинштейн или Бетховен, положим, на скрипке не выведет. Мастер был, разбойник (А. П. Чехов).

Как видно из приведенного примера, различие между астеизмом и перифразисом состоит только в том, какое значение — положительное или отрицательное — является исходным, а какое — переносным. В остальном эти тропы тождественны.

2.7. Перифразис и тропы тождества

Перифразис представляет собой определение предмета, явления или человека через выделенный признак, на основании которого формируется новое наименование:

«Что же скажешь ты, славный страж и защитник провинции?» (Цицерон).

В данном случае Цицерон использует два словосочетания вместо имени собственного (которого, кстати, вообще могло не быть, и в этом случае фраза звучала бы совсем просто: «Что скажешь ты?»).

Рассмотрим еще один пример:

«Тогда после поцелуя этот Геркулес-Олег, как перышко, как пушинку, кладет Нину на траву и делает все, чтобы вступить в интимную связь» (П. А. Дроздов).

Этот пример взят из уже цитировавшейся защитительной речи, произнесенной П. А. Дроздовым по делу О. Кадуева. До этого места адвокат уже упоминал о силе подсудимого, о том, что он был спортсменом; он повторит это и позднее. В данном случае нас должно интересовать то, что он называет его Геркулесом. И большинство людей знают, что Геркулес (Геракл) — это герой античной мифологии, представляющей собой воплощение силы. Гераклу приписывалась нечеловеческая сила, и это адвокат использует в свою пользу. Данный перифразис оказывается очень важным с точки зрения структуры речи, поскольку позволяет обосновать очень важные положе-

ния, от которых зависит решение суда: подсудимый силен, а потому, ему ничего не стоило добиться своего независимо от сопротивления. Кроме того, когда О. Кадуева попытались задержать милиционеры, он легко разбросал пять человек, и задержать его смогли только после того, как подоспел шестой.

Итак, перифразис — это создание нетипичного, непривычного или по крайней мере менее частотного наименования с опорой на качества объекта. Зачем это нужно? Чтобы пояснить это, обратимся к примерам. Например, Петербург можно назвать «городом на Неве», «колыбелью русской революции», «городом Ленина», «криминальной столицей» или «градом Петра» (Пушкин). Поскольку у любого объекта может быть несколько характеристик, перифразис следует использовать для того, чтобы выделить в объекте те свойства, которые нужны говорящему.

Вот пример перифразиса из речи Максимилиана Робеспьера, произнесенной в Конвенте:

«У республики не оставалось другого средства, кроме усилий народа — просвещенного друга свободы, — который своим восстанием сумел подавить все заговоры аристократии».

Перифразис «просвещенный друг свободы» дан в форме приложения к слову «народ» и изображает народ с выгодной для оратора стороны. Народ — не просто друг свободы, но ее просвещенный друг. Отметим, кстати, что перифразис «друг народа» и антонимичный ему «враг народа» возник именно в годы Великой французской революции.

Разновидностями перифразиса являются эвфемизм и дисфемизм (к феминизму это никакого отношения не имеет). **Эвфемизмом** называют такое употребление, при котором грубое или даже ругательное слово заменяется более мягким и приемлемым. Приведем небольшой фрагмент, принадлежащий перу А. С. Пушкина, который, кстати, славился своими эпиграммами и неприличными стихами:

*В Академии наук
Заседает князь Дундук.
Говорят, не подобает
Дундуку такая честь.
Отчего ж он заседает?
От того, что есть чем сесть.*

Дисфемизм (какофемизм) — использование грубого слова или выражения вместо приемлемого и естественно ожидаемого более мягкого выражения.

При использовании эвфемизмов и дисфемизмов необходимо обращать внимание на то, не возникает ли комического эффекта. Нередко ораторы умело используют этот эффект. Например, в газетном сообщении о гибели преступника в перестрелке может встретиться перифразис «он покинул сей бренный мир». Это эвфемизм, поскольку выражение «покинуть сей бренный мир» гораздо более мягкое, чем нейтральный глагол «умереть» и тем более грубое «сдохнуть». Это пример мягкого и в целом уместного обращения к перифразису. Чаше же подобные глумливые перифразисы не производят хорошее впечатление и могут повредить репутации самого говорящего, поскольку его могут обвинить в иронизировании по поводу того, о чем иронизировать нельзя.

Антономазия — еще одна разновидность перифразиса, которая представляет собой замену имени собственного или обычного существительного описательным выражением, как правило, более или менее поэтическим (например, «покоритель Сибири» вместо собственного имени Ермак, «берег туманного Альбиона» вместо «Англия»).

Существует и обратное явление: имя нарицательное заменяется именем собственным, которое принадлежит одному лицу, воплощающему в себе все качества группы.

Имя собственное иногда используется как обычное существительное, которое пишется с маленькой буквы. В приводимых ниже извлечениях из речи Л. Берии «морганы» и «рокфеллеры» — это и реальные носители фамилий, и одновременно уничижительное обобщение; в

примере (2), взятом из статьи журналиста общей газеты Д. Фурмана, фамилии выступают лишь в качестве основания для обобщения, хотя в действительности именно эти люди в виду не имеются.

1) *«Нынешние заправилы Соединенных Штатов Америки — морганы, рокфеллеры, меллоны, дюпоны и другие, — в руках которых находятся рычаги военной и государственной машины, усиленно создают новые мировые монополии вроде Европейского объединения угля и стали, Мирового нефтяного картеля для того, чтобы побыстрее прибрать к рукам экономику других государств и подчинить их своим интересам»;*

2) *«Если проводить сравнение с русской революцией 1917 года, можно сказать, что к власти в Чечне пришли аналоги чапаевых, котовских и щорсов. А чеченская эмиграция — это аналог той русской эмиграции, когда в западных городах оказались рядом царские чиновники и генералы, кадеты, эсеры, меньшевики и даже анархисты».*

Естественно, в роли наименований могут выступать и имена литературных персонажей, которые, как известно, являются вымышленными лицами. Иногда это даже обыгрывается, ср. приводимый ниже пример из И. Солоневича:

Русскую психологию характеризуют не художественные вымыслы писателей, а реальные факты исторической жизни. Не Обломовы, а Дежневы, не Плюшкины, а Минины, не Колупаевы, а Строгановы, не «непротивление злу», а Суворовы, не «анархические наклонности русского народа», а его глубочайший и широчайший во всей истории человечества государственный инстинкт.

Этот фрагмент примечателен уже хотя бы тем, что в нем противопоставляются вымышленные персонажи реальным историческим деятелям. Прекрасный способ скрыто высказать аргумент, что фантазии о типичном русском человеке не имеют ничего общего с действительностью, и тем самым отразить возможные ссылки противника на русскую литературу, которая всегда стремилась «реалистично изображать действительность»!

Наконец, нередко используется и обратная замена, при которой одно лицо называется именем другого, как правило, с дополнительным указанием (например, «наш», «русский», «современный» и т. д.) Например, в газете «Известия» статья с подзаголовком *«Жириновский теперь будет учить ораторскому искусству»* озаглавлена *«Наш Демосфен»*. Демосфен выступает здесь символом красноречивого человека. Называя этим именем Жириновского, автор явно иронизирует, что подчеркнуто местоимением «наш». Обороты типа «наш Гомер (Пушкин, Цезарь)» и «Гомер (Пушкин, Цезарь) наших дней» являются риторическим штампом, а потому не могут претендовать на оригинальность. Однако они полезны потому, что определенным образом расставляют акценты (ср. у Л. Чуковской: *«Отечественные Холмсы и впрямь не блистают умом»*).

2.8. Грамматические тропы

Грамматические тропы (алеотеты) — это переносные использования грамматических форм. Напомним, что грамматическая форма — это единица языка, которая выражает значение не потому, что она, как обычное слово, отсылает к какому-то объекту действительности, а в силу своей природы. Каждый из глаголов в высказывании «Пришел, увидел, победил» имеет одну форму — форму единственного числа прошедшего времени мужского рода, а следовательно, указывает на то, что действие было совершено не самим говорящим и не слушателем; точно так же строка из стихотворения Н. Заболоцкого «Звезды, розы и квадраты...» содержит одинаковые грамматические формы — существительные множественного числа. Как и обычные слова, грамматические формы имеют значения, одни из которых являются типичными (прямыми), а другие — вторичными, необычными (переносными).

Как и обычные тропы, тропы грамматические делают речь изобразительной. Усиливают они и выразительность речи, но в этом отношении сильно разнятся между собой. Некоторые из них, утратив экспрессию, стали привычны-

ми, вошли в этикетные формулы (как обращение на «вы»); некоторые, напротив, слишком экспрессивны, как «не хамимы будете». Особое место среди грамматических тропов занимает риторический вопрос: оправдывая свое наименование, он очень широко используется в риторике.

В качестве примера мы уже приводили **риторический вопрос** — высказывание в форме вопроса, которое не предполагает ответа (например, потому, что у оратора уже готов ответ, который он выскажет аудитории сразу же после вопроса, — или ответ, который очевиден для аудитории):

«Что ж, возвратимся к тому, о чем уже говорили, и спросим: каким же пороком был мечен единственный сын, чтобы внушить отцу нелюбовь? Да выходит, что никаким! Так, значит, был сумасбродом отец, ненавидящий без причины свое порожденье? Да нет, его ум отличался твердостью и постоянством. Ну вот мы и видим, что если не был ни сумасбродом отец, ни сын конченным человеком, то не было и причины — ни у отца для ненависти, ни у сына для преступления» (Цицерон).

Здесь лишь необходимо добавить, что риторический вопрос нередко используется в том случае, если говорящий по каким-то причинам не может или не хочет высказать мысль прямо, хотя и нуждается в том, чтобы аудитория поняла, что он хочет сказать. Ярким примером такого использования риторического вопроса является следующий фрагмент из речи академика Д. С. Лихачева на I Съезде народных депутатов СССР:

«Вчера в обеденный перерыв я ходил в реставрационные мастерские Кремля, лазил по железной приставной лестнице на чердачное помещение. Интересно, кто из министров культуры ходил в эти мастерские? Я думаю, что и забраться туда им было трудно».

Вряд ли Лихачев не высказывает своей мысли потому, что боится преследований: к моменту произнесения слов это был уже пожилой человек, который пережил очень много, к тому же он был ученым с мировым статусом. Скорее, не говорить прямо Лихачева вынудила его

высочайшая интеллигентность. И вместо гневных, презрительных обвинений мы имеем дело с непредвзятой, практически объективной оценкой, со спокойной, взвешенной интонацией. Именно так должен говорить человек, который обладает такой культурой и таким статусом.

Еще один грамматический троп, стоящий близко к риторическому вопросу, — это *гипофора*. Так называли вопрос, который оратор произносит не для того, чтобы не отвечать, а для того, чтобы представить ход своей мысли.

В качестве примера возьмем фрагмент из одной речи Цицерона и из речи русского юриста А. Ф. Кони:

«О чем же мне раньше взывать? Или откуда начать свою речь? Какой или чьей просить помощи? Бессмертных богов или римский народ о заступничестве? Или вас, от которых сейчас все зависит?» (Цицерон).

«Если лектор начнет с того, что Калигула был сыном Германика и Агриппины, что родился в таком-то году, унаследовал такие-то черты характера, так-то и там-то жил и воспитывался, то... внимание вряд ли будет зацеплено. Почему? Потому что в этих сведениях нет ничего необычного и, пожалуй, интересного для того, чтобы завоевать внимание» (А. Ф. Кони).

Вопросы Цицерона не требуют ответа, при их помощи он показывает свою растерянность и свои колебания. Вопрос, который ставит А. Ф. Кони, связывает утверждение и его объяснение.

Наконец, помимо предварения мысли, риторический вопрос может выполнять и иные роли. В частности, в риторическом вопросе форма вопроса используется для выражения обычного утверждения или отрицания:

«Так надо ли теперь напоминать о неприятных впечатлениях, которые эти события могли бы породить? Надо ли снова приводить в волнение Париж и давать аристократии возможность использовать смуту для того, чтобы она поднялась после недавно испытанного поражения?» (М. Робеспьер).

В приведенном отрывке вопросов, которые действительно требовали бы ответа, нет: ответы и без того ясны.

Ясно, что напоминать о неприятных впечатлениях не надо, что не надо приводить в волнение Париж и давать аристократии возможность использовать смуту в своих целях. Однако, если выразить эти мысли в обычной утвердительной форме, эффект напряжения и эмоционального накала пропадет.

Нередко можно встретить не прямое использование вопросительных форм в разных сочетаниях. В примере:

«Что должны предпринять люди, уполномоченные спасти республику? Не должны ли они добраться до источника зла и уничтожить заговорщиков?» (М. Робеспьер)

сначала используется гипофора (оратор задает вопрос самому себе), а затем сам оратор отвечает на этот вопрос. Поэтому ответ он дает не в форме утвердительного (или отрицательного) предложения, а в форме вопроса. Второй вопрос в ответе уже не нуждается.

Риторический вопрос — прекрасный способ демонстрации сомнений колебаний:

«Быть или не быть? Вот в чем вопрос...» (Шекспир);

Очень распространенными являются грамматические тропы, связанные с формой числа. Здесь можно выделить несколько разновидностей.

В обычном случае «мы» имеет два значения: оно указывает либо на говорящего и собеседника («мы с тобой»), либо на говорящего и связанных с ним третьих лиц («мы с ними»). Однако в речи возможные и нетипичные (переносные) использования местоимений. Вот какие основные виды переносного использования этого местоимения можно выделить.

1. *Множественное поэтическое.* Такие формы, как *времена* (вместо обычного «время») или *небеса* (вместо «небо») звучат торжественно, а потому придают речи несколько возвышенный оттенок.

1) *«Программа Виктору Степановичу не понравилась настолько, что он позволили себе передать свои чувства руководству телекомпании» (В. Шендерович);*

2) «Он пришел с таким видом, что они недовольны. Они с большой буквы, вся Руси и Тернополя» (Л. Петрушевская).

2. Множественное скромности широко применяется в научном дискурсе: «Мы присоединяемся к мнению тех ученых, которые полагают, что ...» Как и в случае с местоимением «вы», эти формулы неэкспрессивны, а этикетны.

3. Множественное крестьянское является разновидностью множественного скромности: «Мы люди темные, ничего в этом не понимаем...»

4. Множественное величия используется в этикетных формах царских обращений («Мы, Николай I...»), а вне их звучит пародийно. В целях насмешки часто употребляют во множественном числе местоимение третьего лица — «они» вместо «он». Еще более насмешливо звучит «оне»:

Переносные употребления могут быть присущи и формам наклонения и времени глагола. Как правило, таким употреблениям присуща большая выразительность, нередко они звучат немного необычно. Можно выделить:

1. *Повелительное наклонение*, типично выражающее волеизъявление, может быть использовано в значении *сослагательного наклонения*, которое обозначает нереальное, но возможное (желательное или нежелательное) действие: «Не пожалей он денег, все сложилось бы иначе» (вместо: «Если бы он не пожалел денег...») Этот грамматический троп как бы сокращает расстояние между моментом речи и описанным в ней действием.

1. *Изъявительное наклонение*, обозначающее действие, которое имело, имеет или будет иметь место, может употребляться в значении *повелительного наклонения*, которое выражает волеизъявление: «Пойдешь, найдешь его и заставишь вернуться» (вместо «Пойди, найди его и заставь вернуться»). Этот троп придает речи оттенок категоричности.

3. *Сослагательное наклонение*, обозначающее нереальное действие, может быть использовано в значении повелительного наклонения, обозначающего волеизъявление: «Шел бы ты подальше» (вместо «Иди-ка ты подальше!») В подобных выражениях экспрессия создается за счет того, что подчеркивается желательность того действия, совершения которого говорящий требует от слушающего.

2.9. Фигуры

Фигурой в риторике называют необычный, особый оборот речи, который придает речи выразительность и изобразительность. Под этими необычными оборотами понимают всевозможные повторы, пропуски и перестановки слов.

Фигуры выполняют две основные функции. С одной стороны, они повышают выразительность текста. Для сравнения приведем две фразы:

1. *Иван принес много книг.*

2. *Иван принес много-много книг.*

Эти фразы пусть немного, но отличаются по своему воздействию на слушателя. Поскольку во второй фразе присутствует повтор («много-много»), она выглядит более выразительной, живой, естественной, эмоциональной. Читая эту фразу, мы невольно произносим ее с особой интонацией. Именно так должен говорить человек, который испытывает какие-то чувства в связи с тем, что он говорит.

С другой стороны, фигуры еще более важны в связи с понятием изобразительности. Все фигуры выразительны, но выразительны одинаково — все фигуры изобразительны, однако каждая из них изобразительна по-своему. В отношении изобразительности фигуры представляют собой своего рода синтаксические диаграммы чувств.

Нетерпению, стремлению перескочить через время и обстоятельства соответствуют пропуски слов:

«Скорее! Все — за мной!»

Навязчивому, повторяющемуся чувству соответствуют повторяющиеся слова. Устойчивое возмущение ложью

заставляет А. Солженицына трижды в коротком отрезке текста повторить слово «лгут»:

«Значит, заведомо знают, что лгут? Да, вкруговую знают, что лгут, — и лгут!»

Колебание, оговорки заставляют говорящего перебивать самого себя. А потому перебоям в чувстве соответствуют перебои в словесном выражении:

«Я думаю (если я только не ошибаюсь), что теперь мы добрались до главного».

Впрочем, необходимо иметь в виду, что фигуры — это не пантомима, поскольку фигуры не имеют смысла; скорее, это танец, который передает эмоциональное состояние, изображает его. Энергичные повторы мы встречаем и в панегириках, и в филиппиках, все те же энергичные повторы встречаем в любовных клятвах. Но вот обвинитель заколебался, влюбленный смутился — и появились другие фигуры. Характерно, что взволнованная, приподнятая речь всегда изобилует фигурами.

Следует также учитывать, что специфика фигур более ярко проявляется в устной, а не в письменной речи. По крайней мере, в письменном тексте особая организация сообщения заметна, однако не так сильно, как в тексте произносимом. Дело в том, что при быстром чтении (а читаем мы обычно быстро) полностью утрачивается интонация отдельных предложений, тогда как произносимая речь всегда имеет интонацию. Естественно, произносить фразы можно подобно роботу, однако для этого необходимо прилагать сознательные усилия; обычная речь, даже не будучи эмоциональной, все равно богато интонирована.

Вопрос о сущности фигуры не так прост, как может показаться. Прежде всего, термин «фигуры» в риторике употреблялся непоследовательно и даже противоречиво. Так, древние риторы называли фигурами не только фигуры в собственном смысле этого слова, но и тропы, то есть считали тропы особой разновидностью фигур.

Существует два основных понимания фигур, которые противостояли друг другу на протяжении практически всей истории риторики.

В узком смысле фигурами называют такую организацию речи, которая воспринимается как необычная, отклоняющаяся от стандарта. Впервые эту мысль высказал, по-видимому, Квинтилиан.

Впоследствии эта точка зрения была подвергнута критике. В частности, оказалось, что обычная речь так же насыщена фигурами, как и речь ораторская или поэтическая, но при этом вряд ли можно утверждать, что она отклоняется от стандарта: в чем воплощен стандарт, как не в обычной речи? Наиболее серьезным аргументом, пожалуй, является то, что если послушать речь торговков на рынке, то можно обнаружить в ней огромное количество фигур, которые эти люди употребляют совершенно неосознанно.

Возможно, этот аргумент можно было бы опровергнуть, если принять, что под выражением «обычная речь» понимается нечто иное, в целом отличное от речи торговков на рынке. Очевидно, что нейтральная речь (полностью необразная речь, лишенная слов и выражений с переносным значением и любых других красот) все-таки существует. И пример с речью торговков не совсем удачен, поскольку, «рекламируя» свой товар, они выступали в качестве самых настоящих ораторов — с тем только отличием, что они вряд ли были знакомы с риторикой. А ведь риторика и родилась из такого интуитивно ясного различия между хорошей, эффективной речью и речью плохой, некрасивой, недейственной. Риторика ничего не придумывала, она лишь обобщила опыт хороших ораторов (отчасти, возможно, и опыт тех самых торговков), определила, почему их речи можно считать хорошими и действенными. Как это всегда и бывает с наукой, со временем было выработано множество понятий, которые фиксировали значимые различия между средствами воздействия, искусство речи стало набором хорошо осознаваемых процедур и операций. Но исходно между действиями специально подготовленного оратора и торговли на рынке нет особой разницы, поскольку они делают одно и

то же. [Кстати, опровергая приведенный аргумент, мы использовали общие места «определение» и «имя», поскольку попытались опровергнуть правомерность применения выражения «обычная речь» к речи торговков. Критике была подвергнута одна из предпосылок опровергаемого утверждения — предположение, что речь торговков является обычной. Это неплохой пример силлогистического опровержения, который при желании вы можете проанализировать подробнее.]

Тем не менее, этот аргумент некоторые из риториков считали правильным. По этой причине было предложено и другое определение фигуры: фигура — это языковое средство, которое косвенно передает те или иные впечатления или переживания говорящего. Здесь имеется в виду следующее различие. Сказать о том, что ты возбужден, — это совсем не то же самое, что говорить, выражая возбуждение своим поведением. С точки зрения фигур речь рассматривается как такое косвенное выражение. Например, в речи возбуждение может проявляться в виде повторов, большого количества восклицаний, эмоционально-окрашенной лексики. Оратор может использовать эти средства намеренно для того, чтобы «изобразить» (или даже имитировать) возбуждение и передать необходимые чувства слушателям.

Отрицание представления о фигурах как отмеченной, выделенной речевой организации привело к необходимости признать, что в широком смысле любая речь фигуральна. А такая точка зрения также приводит к проблемам, поскольку фигуры вообще не выделяются, не имеют того, чему их можно было бы противопоставить.

В заключение этого рассуждения о фигурах необходимо дать одно практическое указание. *При помощи фигур обычно усиливаются доводы к пафосу.* Можно даже было бы сказать, что фигуры сами выступают как доводы к пафосу, ибо они проясняют чувства говорящего, демонстрируют их. Если фигуры и пафос не соответствуют друг другу или если речь вообще лишена фигур, это всегда бросается в глаза. Древние греки называли такое неумест-

ное употребление фигур **асхематон** (буквально — бесфигурье). В качестве примера можно привести следующую гипотетическую ситуацию: человек, собирающийся продемонстрировать свою уверенность в благополучии страны вместо обычных в таких случаях фигур неожиданно произносит следующее:

«Я думаю — да, пожалуй, я думаю... То есть, в известном смысле слова, я считаю, что страна будет — как это в таких случаях говорится — вполне (я серьезно говорю) будет... благополучна».

Это, конечно, гротеск, но неумелое и неуместное употребление фигур встречается в речах нередко.

Фигуры в риторике принято делить на три большие группы.

(1) Первая группа фигур — это **фигуры убавления**. В основе этих фигур лежит пропуск какого-то значимого компонента высказывания. Это также создает ощущение необычности речи.

(2) Вторая группа фигур — это **фигуры прибавления**. Их сущность заключается в повторе тех или иных компонентов высказывания. Обычно такими повторяемыми компонентами являются слова и словосочетания, хотя вполне можно представить себе и случаи, когда повторяются части слов или целые предложения.

(3) Третья группа фигур — это **фигуры размещения**. В них коммуникативные эффекты достигаются за счет того, что компоненты высказывания располагаются в необычном, неестественном порядке.

2.10. Фигуры убавления

Сущность фигур убавления состоит в пропуске каких-то элементов сообщения. В отличие от фигур повтора или фигур прибавления, фигуры убавления привлекают внимание в силу того, что они неполны. Если прибегать к противопоставлению означаемого и означающего, фигуры убавления можно рассматривать как такие выражения, в которых не все означаемые имеют соответствующие им означаемые.

Основное назначение фигур убавления состоит в выражении темперамента говорящего или в выражении скорости разворачивания событий.

Рассмотрим наиболее распространенные фигуры убавления: 1) эллипсис и его разновидности — контекстуальную элизию и зевгму, 2) асиндетон, 3) апосиопезис и 4) просиопезис. Фигуры убавления придают речи энергичность. При этом наиболее мягкими являются бессоюзие и контекстуальная элизия, более сильным — эллипсис, а такие средства как просиопезис и апосиопезис вообще можно признать экзотическими. Впрочем, и апосиопезис, и просиопезис — средства достаточно экзотические, применяемые в экстраординарных случаях.

1. *Эллипсисом* называют пропуск какого-то члена предложения; чаще всего в качестве опускаемого члена выступает сказуемое.

Контекстуальная элизия — разновидность эллипсиса. Так называют пропуск члена предложения, который можно восстановить из контекста.

Зевгма — еще одна разновидность эллипсиса. Сущность этой фигуры состоит в том, что в первом предложении сложного предложения главный член реализуется, тогда как в следующих предложениях он опускается:

«В каждом кризисе кайзер пасовал. В поражении — бежал; в революцию — отрекся; в изгнании заново женился» (У. Черчилль).

Название этой фигуры переводится с греческого языка как «иго». Это обусловлено тем, что предложения зевгмы представлялись древним грекам быками, идущими под одним ярмом.

В зависимости от того, в каком именно предложении главный член реализуется, принято различать:

а) *протозевгму* (главный член реализован в первом предложении):

«Перед нами трое подсудимых. Один из них старик, уже окончивший свою жизнь, другой — молодой человек, третья — женщина средних лет» (А. Ф. Кони);

б) мезозевгму (главный член реализован в среднем, но не в первом и не в последнем предложении);

в) гипозевгму (главный член реализован в последнем предложении).

Зевгму нередко используют для создания комического эффекта. В таких случаях он основывается на том, что одно и то же слово — пропускаемый член предложения — в сочетании с другими словами имеет разное значение:

*«Один человек ел хлеб с маслом,
другой — с удовольствием».*

В этом примере обыгрывается разница между выражениями «хлеб с маслом» и «есть с удовольствием». А возникает такая возможность потому, что слово хлеб может зависеть от глагола «есть», а выражение «есть с удовольствием» может быть распространено словом «хлеб». Так мы получаем два внешне сходных по своей структуре словосочетания, которые различаются своим значением: «есть хлеб с маслом» и «есть хлеб с удовольствием». Употребляя зевгму, автор этого высказывания попытался снять различие в значении, а потому и возник комический эффект. Приведем еще один пример зевгмы, на этот раз — поэтический:

*Вооружившись бубликом и Фетом,
я сел на скате у Гремячей башни... (Л. Лосев).*

2. **Асиндетон (бессоюзие)** — пропуск союзов. Эта фигура обычно используется для того, чтобы придать речи динамичность. В бессоюзные ряды могут объединяться как целые простые предложения, так и однородные члены предложения (или любые другие члены предложения, которые представляются как однородные). Рассмотрим примеры — фрагмент из речи Цицерона в защиту Тита Анния Милона (1) и фрагмент из речи А. Ф. Кони по делу об убийстве отца Иллариона (2):

1) *«Милон же, пробыв весь день в сенате, пока заседание не закончилось, пришел домой, сменил обувь и одежду, немного задержался, пока, как водится, собралась его жена, затем выехал в то время, когда Клодий, если он действительно думал приехать в этот день в*

Рим, уже мог бы возвратиться. Его встретил Клодий, ехавший налегке, верхом, а не на повозке, чего не бывало почти никогда; а между тем этот вот «коварный злоумышленник», который будто бы отправился в путь с целью убийства, ехал с женой, в повозке, одетый в дорожный плащ, с большой, обременительной и избалованной свитой рабынь и молодых рабов».

Далее следует описание событий, связанных с попыткой Клодия убить Милона, а также столкновения между рабами. Использование рядов, соединенных без помощи союза (в первом случае это предложения, во втором — распространяющие сказуемое члены предложения) позволяет как бы раскачать повествование, постепенно довести его до кульминации, которой и является описание покушения. Следует обратить внимание на то, что Цицерон мог бы не описывать сборы Милона в путь вообще, ограничившись указанием на то, что тот отправился в путь после сената. Что касается последнего ряда, то и эту информацию можно было бы представить в виде двух-трех развернутых предложений. Однако Цицерон строит этот фрагмент речи как перечисление деталей, которые благодаря запятым и соответствующей им интонации перечисления представляются как однородные члены предложения, хотя в действительности ими и не являются.

2) Отец Илларион, «этот одинокий человек, постоянно запертый в своей келье, ни с кем не сходившийся, не подает никаких признаков жизни в течение целого вечера, ночи и половины следующего дня, не возбуждая ничего беспокойства, что указывает, как вообще мал надзор за тем, что происходит в коридоре. Но, наконец, все-таки беспокойство возбуждается, смотрят в щелку, видят ноги, думают, что с ним дурно, посылают за доктором, отворяют дверь и находят, что он мертв, убит; тогда является полиция, следовательно и начинается следствие».

Комментарии в этом случае излишни: использование коротких предложений, которые соединены без помощи союзов, создает яркое впечатление переполоха монахов, проживающих в лавре.

Все приведенные примеры касаются описания реальных событий: в двух случаях речь идет о действительной последовательности, в одном — об описании одновременно существующих деталей. Однако этим роль асиндетона не ограничивается. Дело в том, что его можно использовать и в тех случаях, когда речь идет об абстрактных сущностях. Для этого рассмотрим еще один пример, в котором однородные действия называются при помощи разных слов³⁰:

«Никто не слушает того, что я кричу, о чем умоляю людей, но я все-таки не перестану и не перестану обличать, кричать, умолять все об одном и том же до последней минуты моей жизни, которой теперь немного осталось» (Л. Толстой).

В данном случае можно говорить об асиндетоне, так как более естественным было бы употребление союза «и» перед последним членом ряда: «обличать кричать и умолять». Однако введение этого союза заметно снижает накал чувств, стоящих за фразой; союз как бы закругляет фразу, делает фразу более естественной, «книжной», нейтральной. Именно отсутствие этого союза перед последним членом ряда делает бессоюзие ощутимым. К тому же отсутствие союза подчеркивает градацию — постепенное усиление, которое достигается за счет повтора близких по значению слов (как синонимы — слова с одинаковым значением — их можно рассматривать только в этом контексте).

В связи с этим необходимо отметить, что многосоюзие (полисиндетон) — это чрезмерное, отклоняющееся от нормы употребление союзов, тогда как асиндетон — это отказ от союзов. С этой точки зрения ряд «обличать, кричать и умолять» не является ни полисиндетоном, ни асиндетоном.

3. Апосиопезис (умолчание, фигура умолчания) — внезапный обрыв высказывания, которое в силу этого остается незаконченным:

*Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,*

*В том, что они — кто старше, кто моложе —
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь, —
Речь не о том, но все же, все же, все же...
(А. Твардовский).*

Апосиопезис — это явление, очень характерное для разговорной речи. И действительно, мы достаточно часто обрываем нашу речь на середине предложения и начинаем говорить о чем-то другом. Тем не менее функции апосиопезиса не связаны с этим качеством разговорной речи. Обычно эта фигура используется в более конкретных целях:

а) для того чтобы слушатели сами восстановили то, что не было сказано:

Власть уже столько своих обещаний не выполнила... (опущено: скорее всего, не выполнит и это);

б) для того чтобы напомнить слушателям известное высказывание или стихотворение, но без полного его цитирования;

в) для того чтобы выразить упрек или угрозу;

г) для того чтобы привлечь внимание тех, кто невнимательно следит за тем, что говорит оратор (прервать свою речь и начать говорить о чем-то другом — это достаточно эффективный прием, который иногда срабатывает в ситуации, когда оратор вынужден долго говорить).

Апосиопезис представляет собой прекрасное средство заинтриговать читателя, а потому он нередко используется в заголовках газетных и журнальных публикаций. Вот пример такого использования:

«Когда я слышу слово «гуманитарий»...» (название статьи Максима Соколова);

Примечательно, что в некоторых случаях апосиопезис получает дополнительную смысловую нагрузку. Например, в указанной статье М. Соколова содержится такой фрагмент: «Когда в 30-е гг. немецкий гражданин-начальник заявил: «Когда я слышу слово «культура», я хватаюсь за пистолет», он умело использовал настроение аудитории, несколько утомленной веймарским высоко-

культурным пиром во время чумы». Бесспорно, смысл заголовка статьи в таком контексте приобретает дополнительный смысл: это не только способ заинтриговать, но и намек на соответствующую фразу.

Иногда термины «умолчание» и «фигура умолчания» используют в более широком смысле, для обозначения любого умолчания, а также для ораторского приема, используя который, оратор обещает о чем-то не говорить, однако тут же сообщает об этом (ср. «не говоря уже о...»):

«Говорить вам, господа присяжные заседатели, о том, что ваш приговор имеет не только значение основания для наказания подсудимого за совершенный им поступок, казалось бы, излишне. Всякий судебный приговор прежде всего должен удовлетворять нравственному чувству людей, в том числе и самого подсудимого» (А. Ф. Кони).

4. Проксиопезис — фигура, противоположная апоксиопезису; в этом случае фраза начинается не с начала. Проксиопезис достаточно близок к апоксиопезису и в другом отношении: он также часто используется в случае цитирования.

Фигуры убавления часто используются при оформлении лозунгов. Пропуск значимых компонентов в этом случае усиливает призывность лозунгов, их воздействие на других людей:

«Все — на трудовой субботник!»

«Пятилетку — в жизнь!»

«За Родину! За Сталина!»

«Вся власть Советам!»

«Пятилетку — в три года!»

Что именно опущено и какие фигуры реализованы в данных лозунгах, мы оставляем определить читателю.

2.11. Фигуры прибавления

Фигуры прибавления — главное средство придания речи уверенности, демонстрации стабильности чувства. По характеру выражаемых чувств фигуры прибавления не

противостоят фигурам убавления. Главное впечатление, которое они создают, это впечатление поспешности, быстроты, готовности к действию, энергичности.

Фигуры прибавления следует использовать в том случае, когда необходимо подчеркнуть неизменность чувства, которое испытывает говорящий. С этой точки зрения в фигурах прибавления кроется мощная сила. На первый взгляд, повтор слова кажется избыточным. Зачем говорить «Сюда, сюда надо было вкладывать средства!» вместо того, чтобы сказать «Средства надо было вкладывать сюда»? Ведь необходимое значение вполне можно выразить при помощи второго предложения: все необходимое в нем есть (если, конечно, из ситуации ясно, что имеется в виду под словом «сюда»). Однако второе «сюда» очень важно, поскольку указывает на интенсивность чувств, охвативших говорящего, на его полную убежденность в своей правоте. Вместо него в риторическом «подстрочнике» фразы следовало бы написать: «Именно сюда надо было вкладывать средства. И это обращает на себя внимание. Я даже говорить спокойно об этом не могу». Вот какую примерно гамму чувств передает второе «сюда»!

Фигуры прибавления можно разделить на две разновидности. Во-первых, это **фигуры неупорядоченного повтора**; в них повтор имеет место, но он никак не привязан к месту в конструкции. Во-вторых, это **фигуры упорядоченного повтора**, в которых элементы повторяются в строго фиксированных позициях конструкции. В отличие от фигур неупорядоченного повтора, в фигурах упорядоченного повтора на первый план выступают *соображения симметрии*. Будем опираться на этот признак в дальнейшем.

Сначала рассмотрим фигуры неупорядоченного повтора: 1) *геминацию*, 2) *полисиндетон*, 3) *гомеологию* и *гомеотелевтон*, 4) *синтаксический параллелизм*, 5) *период* и 6) *эпимону*.

1. Самое распространенное явление повтора — *геминация*, то есть многократный повтор одного и того же слова или словосочетания.

И утро длилось, длилось, длилось (А. Блок).

Этот пример прекрасно демонстрирует изобразительность фигур: повтор одного и того же глагола создает впечатление бесконечно долгого (с точки зрения говорящего) утра и прекрасно передает чувства говорящего. Прелесть фигуры отчасти состоит в том, что создаваемое ею впечатление далеко не всегда можно точно передать словами. Однако это впечатление есть, и в его «невысказываемости» кроется очень мощный ресурс воздействия.

Еще один пример повтора — знаменитая фраза Льва Толстого: *«Не могу молчать и не могу, и не могу»*. Именно повтор и передает интенсивность чувства, которое переживает Толстой, для которого молчание стало просто невыносимым.

Необходимо иметь в виду, что любой повтор должен использоваться осознанно. Помимо повторов, которые придают речи выразительность и изобразительность, существуют и так называемые повторы вынужденные, которые не передают никаких дополнительных смыслов и тонких мыслей, но обнаруживают беспомощность говорящего, застрявшего на одном слове просто потому, что второе все никак не приходит ему в голову. Если оратор не хочет создавать впечатление человека, которому нечего сказать или который не владеет языком, ему необходимо обратить внимание на то, насколько уместно используется повтор.

2. *Геминацией* называют только повтор полных слов — слов, которые отсылают к объектам внеязыковой действительности. Применительно к повтору союзов употребляют термин «полисидентон» (многосоюzie). Многосоюzie придает речи торжественность, приподнятость. Вызвано это тем, что многосоюzie широко использовалось в языке Библии, а потому создает стиль, который ассоциируется с языком Библии: влияние Библии

на русский язык так велико, что наша языковая память неизбежно связана и с языком Библии, даже если мы никогда толком ее не читали.

Вот пример многосоюзия из защитительной речи С. А. Андреевского:

«Откуда-то изнутри в Андрееве поднялась могучая волна, которая захлестнула собой и разум, и сердце, и совесть, и волю, и память о грозящем законе».

3. Как уже указывалось, повторяться могут не только отдельные слова или словосочетания, но и части слов (морфемы: корни, приставки, суффиксы). Повтор приставок, корней и суффиксов называют *гомеологией*, повтор окончаний — *гомеотелевтоном*.

Прекрасным примером гомеологии являются некоторые стихотворения русского поэта Серебряного века Велимира Хлебникова. Хлебников известен прежде всего благодаря своему словотворчеству — придумыванию новых слов. Конечно, подавляющее большинство изобретенных им слов так и остались явлением поэтического языка, однако некоторые из них (например, слово «летчик») закрепились. А одно из стихотворений Хлебникова построено на гомеологии — повторе корня «смех»:

О, рассмейтесь, смехачи.

О, засмейтесь, смехачи.

Что смеются смехами, что смеяньствуют смеяльно,

О, засмейтесь усмеяльно.

О, рассмешниц надсмеяльных — смех усмейных смехачей.

О иссмейся рассмеяльно, смех надсмейных смеячей.

Особенность гомеологии состоит в том, что она акцентирует, актуализирует значение соответствующей части слова (а приставки, корни и суффиксы имеют значение точно так же, как и целые слова, правда, оно более абстрактное, более общее). Например, в следующем фрагменте из стихотворения Б. Окуджавы на первый план выступает представление о полном поглощении чем-то, полном растворении в чем-то — а все благодаря повтору приставки *за-*:

*Любовь такая штука,
в ней так легко пропасть,
зарыться, закружиться, затеряться...*

В заключение необходимо отметить, что гомеология лежит в основе многих закрепившихся в языке выражений: «ливмя лить», «криком кричать», «кишмя кишеть» и т. д. Несмотря на их закреплённость в языке, такие выражения обладают большей выразительностью и изобразительностью, а потому оратор также может использовать их в своей речи.

4. Ещё одна форма повтора — это **синтаксический параллелизм**. Его сущность состоит в повторе одинаковых или, по крайней мере, аналогичных синтаксических конструкций:

«Цены растут, инфляция галопирует, власть не выполняет обещания».

В этом примере (заголовке газетной статьи) в рамках синтаксического параллелизма объединены три одинаковые конструкции «подлежащее + сказуемое». Повтор этой конструкции придает заголовку динамичность.

Синтаксический параллелизм достаточно близок к грамматическим тропам. Напомним, что грамматические тропы — это использование грамматических фигур в переносном, не свойственном им значении. Естественно, мы не можем сближать синтаксический параллелизм с грамматическими тропами на этом основании. Сходство между ними заключается в том, что они в одинаковой степени опираются не на значение слова, а на грамматическую форму. В синтаксическом параллелизме повторяется не одно предложение, а одна конструкция, реализованная в разных предложениях, то есть общая схема, которая лежит в основе предложений.

Обычно в рамках синтаксического параллелизма объединяются достаточно короткие конструкции. Это обусловлено тем, что параллелизм длинных предложений, включающих большое количество членов, далеко не всегда бросается в глаза. Однако это не означает, что такой параллелизм невозможен. Для синтаксического парал-

лелизма достаточно, чтобы все конструкции, которые в него входят, имели хотя бы что-то общее. Вот пример из речи А. Я. Вышинского, в которой синтаксический параллелизм создается за счет вынесения сказуемого в начальную позицию, подлежащее всегда употребляется после сказуемого:

«Цветет, радостно растет наша великая родина. Богато колосятся золотом хлебов бесчисленные колхозы, полной грудью дышат тысячи новых социалистических стахановских фабрик и заводов. Дружно и чудесно работают на благо своей родины железные дороги, по бесконечно сверкающим стальным лентам которых из конца в конец мчатся кривоносовские поезда и маршруты. Несокрушимо, как гранит, стоит на страже родных границ окруженная любовью народа Красная Армия. Дороги и близки родные нам и всем, кто преисполнен сыновней любовью к своей матери-родине, имена замечательных большевиков, неустомимых и талантливейших строителей нашего государства — Серго Орджоникидзе, Клина Ворошилова, Лазаря Моисеевича Кагановича, руководителей украинских большевиков — Косиора и Постышева, руководителя ленинградских большевиков — Жданова. С непревзойденной великой любовью произносится трудящимися во всем мире имя великого учителя и вождя народов СССР — Иосифа Виссарионовича Сталина!»

На силу этого приема указывает уже хотя бы то, что синтаксический параллелизм — крайне характерная черта советского ораторского искусства. Именно он создает ту неповторимую интонацию, присущую большинству речей, написанных и произнесенных в первые двадцать-тридцать лет истории СССР. Хотя риторики, как и секса, в СССР не было, можно предположить, что многим политическим лидерам того времени она была известна, поскольку образование они получили еще до революции.

5. Синтаксический параллелизм лежит в основе *периода* — еще одной синтаксической фигуры. Период состоит из двух частей. Первая часть (*протазис*) состоит, как правило, из нескольких синтаксически параллельных

конструкций и сопровождается повышением интонации, а вторая часть (аподозис) представляет собой общий член ко всем частям протазиса и сопровождается понижением интонации. Протазис всегда произносится с повышением интонации, которая начинает понижаться только в аподозисе:

«Человек, по своему рождению и воспитанию чуждый розги, человек, глубоко чувствующий и понимающий все ее позорное и унижительное значение, человек, который по своему образу мыслей, по своим убеждениям и чувствам не мог без содрогания слышать исполнение позорной экзекуции, — он сам (Боголепов) должен был перенести на собственной коже всеподавляющее действие унижительного наказания» (П. А. Александров).

Нетрудно заметить, что в первой части периода трижды повторяется слово «человек», от которого зависят распространённые определения и определительное придаточное, и затем эти части обобщаются, подытоживаются аподозисом.

В отличие от протазиса, аподозис обычно состоит из одной части. Однако редко бывает и наоборот:

«Наоборот, если вы хотите заменить эти власти, вы покажете аристократии, что не одобряете того, что свершил народ, того, что вы сами свершили; вы воскресите надежды недоброжелателей, вы вторично возбудите аристократические секции против народных масс; вы предоставите злонамеренным лицам возможность клеветать на патриотов, подавлять их и снова нарушать общественное спокойствие» (М. Робеспьер).

6. Ещё одна разновидность неупорядоченного повтора — это эпимона. Данная фигура представляет собой повторение одного и того же слова или словосочетания в небольших вариациях, например, для существительного это могут быть разные падежи:

1) *«Человек — свободен... он за все платит сам: за веру, за неверие, за любовь, за ум, — человек за все платит сам, и поэтому он — свободен! Человек — вот правда! Что такое человек?.. Это не ты, не я, не они — нет! —*

это ты, я, они, старик, Наполеон, Магомет... в одном... Это — огромно! В этом — все начала и концы... Все — в человеке, все для человека! Существует только человек, все же остальное — дело его рук и мозга! Человек! Это — великолепно! Это звучит... гордо! Человек! Надо уважать человека! Не жалеть... не унижать его жалостью... уважать надо! Выпьем за человека... хорошо это... чувствовать себя человеком!..» (слова Сытина из пьесы Горького «На дне»);

2) *«Кандидатура Кириенко потому и могла появиться на горизонте, что во времена правления Ельцина политика у нас опережает экономику, диктует экономике, давит экономику» («Советская Россия»).*

Теперь рассмотрим **фигуры упорядоченного повтора**: 1) анафору, 2) эпифору, 3) стык, 4) кольцо, 5) эпанафору и 6) хиазм. Все фигуры упорядоченного повтора предполагают членение текста на части, в каждой из которых повторяется один и тот же элемент. Такими отрезками могут быть и части сложного предложения, и отдельные предложения, и абзацы. Главное, чтобы они не были настолько большими, чтобы слушатели могли пропустить повтор, не заметить его.

Все эти фигуры придают речи ритмичность, ясность, понятность, а также повышают ее эстетическое воздействие. Кроме того, данные фигуры следует использовать для иконичного³¹ представления референта: сама их структура способствует тому, чтобы указывать, например, на замкнутость действия (ср. «Нечего делать, делать нечего»). В отличие от фигур неупорядоченного повтора, фигуры упорядоченного повтора, связанные с симметрией, более ярки, в большей степени бросаются в глаза. Но именно они требуют особо умелого обращения, так как различия в употреблении той или другой фигуры здесь весьма существенны.

1. **Анафора** представляет собой повтор слов или выражений в начале отрезков речи:

«Только не думайте, что совершивших какое-нибудь беззаконие так вот точно и гонят, как вы это видите

часто на сцене, страдая огнями факелов, фурии. **Собственный грех, собственный страх каждого больше всего терзает, собственное преступление каждого гонит, ввергая в безумие, собственные дурные помыслы и нечистая совесть вселяют страх — вот они, фурии для беззаконников, неотвязные и безотлучные, чтобы денно и нощно карать преступнейших сыновей за родителей»** (Цицерон).

А вот еще два примера анафоры из речей Робеспьера:

«Напрасно друзья интриганов или лица, одураченные ими, требовали, чтобы конституция не была декретирована, чтобы арестованные лица не были возвращены в Конвент. Напрасно они протестовали против этой конституции и даже против всего того, что было сделано во время отсутствия государственных людей — вождей мятежной партии; патриоты шли к своей цели, не обращая внимания на их вопли»;

«В чем видел этот человек, что мы ниже римлян? В чем видел этот человек, что конституция, которую мы заканчиваем, ниже деспотического Сената, никогда не знавшего Декларации прав человека? В чем увидел он, что народ, проливающий свою кровь за всеобщую свободу, ниже римлян, которые не только не были героями во имя свободы, но были угнетателями других народов?»

В этом примере анафора реализована дважды. Во-первых, оба предложения начинаются одинаково — со слова «напрасно». Во-вторых, первое предложение также содержит анафору: оба придаточных, входящих в него, начинаются со слов «чтобы».

Анафора распространена и в поэтической речи, причем в ней гораздо чаще встречаются многократные повторы. Вот пример из «Демона» М. Ю. Лермонтова:

**Клянусь я первым днем творенья,
Клянусь его последним днем,
Клянусь позором преступленья
И вечной правды торжеством.**

Как и другие фигуры прибавления, анафора сигнализирует о некоем постоянстве в настроении говорящего.

Для анафоры это чаще всего чувство уверенности, она идеально передает чувство уверенности, позитивный настрой говорящего, она как бы закладывает основы, на которых держится вся речь. Поэтому анафору считают наиболее мажорной фигурой. По этой же причине анафора наиболее широко используется в торжественных речах.

Что касается иконичности анафоры, то она передает движение от зафиксированной исходной точки вперед. В приведенном примере Робеспьер отталкивается от того, что планы изменников напрасны, отсюда «напрасно» было исходной точкой его рассуждения. На фоне этого «напрасно» особенно убедительно звучит конец пассажа: *патриоты шли к своей цели, не обращая внимания на их вопли.*

Эпифора — фигура, противоположная анафоре. В ее основе лежит повторение одних и тех же компонентов в конце каждого отрезка высказывания:

а) *«Братье и дружино! Лице ж нам потяту быти, неже полоняну быти» («Дружина и братие! Лучше нам убитыми быть, чем плененными быть»)* (Слово о полку Игореве);

б) *«И самой справедливостью является тот закон времени, чтобы оно пожирало своих детей, — так проповедовало безумие.*

Нравственно все распределено по праву и наказанию. Ах, где же избавление от потока вещей и от наказания «существованием»? Так проповедовало безумие.

Может ли существовать избавление, если существует вечное право? Ах, недвижим камень «было»: вечными должны быть все наказания. Так проповедовало безумие» (Ф. Ницше).

В данном случае смысл вынесения глагола «быти» обусловлен необходимостью подчеркнуть неизбежность и серьезность выбора: так или иначе, все равно чему-то быть — или смерти или плену, однако умереть лучше, чем сдаться. Идея неизбежности чего-то вообще характерна для эпифоры. С этой точки зрения можно сформулировать и общий смысл, который выражает (или, точнее, добавляет к смыслу текста) эпифора: «Мы и сейчас и впредь будем

приходить к такому-то результату». Значение, создаваемое анафорой, можно сформулировать следующим образом: «Мы и сейчас и впредь будем исходить из такого-то положения». Из этих формулировок, по-видимому, достаточно явно вытекает различие между такими в целом аналогичными фигурами, как анафора и эпифора.

Необходимо отметить, что эпифора — это фигура более редкая, чем анафора. А это означает, что она обладает более сильной изобразительностью и выразительностью. Из-за оттенка неизбежности, неотвратимости наступления события с эпифорой чаще связываются настроения безысходности и безвыходности.

3. Стык (анадиплозис) — еще одна фигура, которая состоит в повторе одинаковых компонентов на границах смежных отрезков речи: один и тот же компонент заканчивает один фрагмент и начинает следующий за ним фрагмент.

Яркий пример последовательного применения анадиплозиса находим в «Песне про купца Калашникова» М. Ю. Лермонтова:

*Повалился он на холодный снег,
На холодный снег (1), словно сосенка,
Словно сосенка (2) во сыром бору,
Под смолистый под корень подрубленная.*

Однако едва ли не самым «хрестоматийным» примером стыка является следующий широко известный фрагмент из Библии:

«Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова; Иаков родил Иуду и братьев его; Иуда родил Фареса и Зару от Фамари; Фарес родил Есрома; Есром родил Арама; Арам родил Аминодава; Аминодав родил Наассона; Наассон родил Салмона; Салмон родил Вооза от Рахавы; Вооз родил Овида от Руфи; Овид родил Иессея; Иессей родил Давида царя; Давид царь родил Соломона от бывшей за Уриею; Соломон родил Ровоама; Ровоам родил Авию; Авия родил Асу; Аса родил Иосафата; Иосафат родил Иорам; Иорам родил Озию; Озия родил Иоафама; Иоафам

родил Ахаза; Ахаз родил Езекию; Езекия родил Манассию; Манассия родил Амона: Амон родил Иосию; Иосия родил Иоакима; Иоаким родил Иехонию и братьев его, перед переселением в Вавилон. По переселении же в Вавилон, Иехония родил Салафиля; Салафиль родил Зоровавеля; Зоровавель родил Авиуда; Авиуд родил Елиакима; Елиаким родил Азора; Азор родил Садока; Садок родил Ахима; Ахим родил Елиуда; Елиуд родил Елеазара; Елеазар родил Матфана; Матфан родил Иакова; Иаков родил Иосифа, мужа Марии, от Которой родился Иисус, называемый Христос».

«Надо бы защищать Доренко с Березовским, да не хочется. Не хочется, поскольку именно благодаря усилиям Березовского и Доренко власть решила, что СМИ и особенно телевидение — ее собственный карманный инструмент, тень, которая должна знать место. Не хочется, поскольку Сванидзе — бездарный, но последовательный ученик того же Доренко, и сколько у него таких учеников по всей стране развелось. Несть им числа.

Не хочется, да надо. Надо защищать и защищаться» (И. Петровская).

Анадиплозис передает ощущение обоснованности выводов, ощущение спокойной и плавной преемственности в развитии мысли и чувства. Каждый словесный «стык» демонстрирует прочность причинно-следственных связей. В приведенном фрагменте стык используется наряду с анафорой и другими фигурами, благодаря чему подчеркивается уверенность автора в своей правоте, а излагаемым мыслям придается дополнительная обоснованность.

Минимальная форма реализации стыка — повтор одного и того же компонента на границе двух предложений или фрагментов текста. Однако стык может использоваться и более широко, на протяжении текста большего объема. В этом случае его называют *цепным повтором*. Примером этого может служить приведенный выше отрывок из «Песни про купца Калашникова». Однако с точки зрения выражения логической обоснованности более показательным будет следующий афоризм:

*«Порядок — привычка,
привычка — характер,
характер — судьба».*

В данном случае стык выступает в сочетании с градацией, поскольку понятия «порядок — привычка — характер — судьба» образуют ряд, в котором значимость явлений для человека постепенно усиливается. Впрочем, в нашем случае это не так существенно. Гораздо важнее то, что стык создает ощущение логичности, полной доказанности. Нелишней оказывается и развернутость данного рассуждения. Фактически его автор хотел показать, что порядок практически равноценен судьбе. Однако высказывание «Порядок — судьба» не так убедительно, как приведенный выше афоризм.

4. *Кольцом* называют высказывание, которое начинается и заканчивается одним и тем же элементом. Можно определить кольцо как фигуру, противоположную стыку: если в стыке первый фрагмент заканчивается, а второй начинается каким-то компонентом, то в кольце, наоборот, первый фрагмент начинается, а второй фрагмент заканчивается одним и тем же словом или словосочетанием.

«Есть что-то выше нас, я не знаю что, но есть. Не только Россию, но и высших ценностей до конца умом не понять. Интуиция, например, подсказывает, что надо вести себя порядочно. Никто не знает. Но надо» (А. Михник).

Кольцо передает замкнутое движение по кругу, «зацикленность» мысли или события на чем-либо, возврат к исходной точке.

5. *Эпанафора (анаэпифора)* — фигура, представляющая собой сочетание анафоры и эпифоры (что можно увидеть уже из ее названия).

1) *«Теперь (1) стал позорен тот солдат, который довел себя до наказания розгами (2), теперь (1) смешон и считается бесчестным тот крестьянин, который допустил себя наказать розгами (2)» (П. А. Александров, защитительная речь на процессе Веры Засулич).*

2) *«Я люблю тех, кто (1) живет для познания и кто хочет познавать для того, чтобы когда-нибудь жил сверхчеловек. Ибо так хочет он своей гибели (2)».*

Я люблю того, кто (1) трудится и изобретает, чтобы построить жилище для сверхчеловека и приготовить к приходу его землю, животных и растения, ибо так хочет он своей гибели (2)» (Ф. Ницше).

6. **Хиазм** — фигура, которая состоит в повторении двух элементов, причем второй раз они повторяются в обратном порядке. По этой причине хиазм можно рассматривать как сочетание стыка и кольца, поскольку один элемент повторяется в самом начале и в самом конце высказывания, а второй элемент — на границе между частями этого высказывания:

1) *Происходит умопомрачительная чехарда исполнительной власти... вакуум (1) власти (2), а может быть, власть (1) вакуума (2) (из парламентской речи);*

2) *«Мы живем (1) не для того, чтобы есть (2), но едим (2) для того, чтобы жить (1)»;*

3) *«Если нельзя разлучить мужа и жену, то еще более не во власти человека разлучить пастыря и паству. Где я (1), там и вы (2), а где вы (2), там и я (1). Мы одно тело. А тело (3) от головы (4), как и голова (4) от тела (3), не отделяются» (И. Златоуст);*

4) *«Возмездием (1) мы освободимся (2), свободой (2) мы отместим (1)».*

Как видно из приведенных примеров, хиазм в высшей степени афористичен, высказывания, основанные на хиазме, легко запоминаются, а потому способны оказывать достаточно сильное воздействие.

Существует две основных разновидности хиазма. В первой разновидности перемена порядка слов влечет за собой и изменение смысла, поскольку хиазм подчеркивает различные причинно-следственные связи. Иллюстрациями этого типа хиазма являются приведенные выше примеры. Такой хиазм, сопровождающийся изменением отношений между частями, принято называть **антиметаболой**. Приведем еще один пример антиметаболы, кото-

рый непременно позволит запомнить, что это такое, — фрагмент песенки из фильма «Бриллиантовая рука», которую исполняет А. Миронов:

*Весь покрытый зеленью,
Абсолютно весь,
Остров Невезения
В океане есть.
Остров Невезения
В океане есть,
Весь покрытый зеленью,
Абсолютно весь.*

Вторая разновидность хиазма предполагает простую перестановку слов без изменения смысла; в этом случае меняется только порядок слов, а мысль и выражающее ее предложение остаются неизменными:

*Вот лицо возникает из кружев,
Возникает из кружев лицо (А. Блок).*

В заключение необходимо сказать несколько слов об использовании фигур повтора в целом. Прежде всего, фигуры играют очень важную роль не только с точки зрения повышения изобразительности речи, но и с точки зрения повышения ее убедительности, ощущения логичности. Если посмотреть с этой точки зрения на силлогизм, то станет очевидным родство между силлогизмом и фигурами, поскольку в рамках силлогизма мы можем обнаружить целый ряд фигур:

*Если человек совершил преступление,
он должен быть наказан.
Этот человек совершил преступление.
Следовательно, он должен быть наказан.*

Оставим читателю определить, какие именно фигуры реализованы в данных силлогизмах.

Кроме того, необходимо предостеречь оратора от неумеренного, необоснованно чрезмерного использования фигур повтора. Фигуры повтора — средство повышения пафоса речи, ее воздействия на чувства слушателей.

И может так случиться, что оратор введет в свою речь слишком много фигур, а следовательно, сделает ее более пафосной, чем это необходимо. Такое завышение пафоса создает комический эффект. По этой причине решение вопроса о количестве повторов, а также об их уместности требует от говорящего особого языкового такта. И определить уместность той или иной фигуры можно только исходя из конкретной ситуации, никаких однозначных рекомендаций здесь дать просто нельзя. Можно лишь указать на то, что наиболее замысловатые фигуры (вроде анаэпифоры), а также многократные повторы и хиазмы наиболее уместны в торжественных речах. В деловитых, полных конкретики речах уместнее анафоры, редкие однократные анадиплозисы, реже — эпифора и кольцо. Антиметабола же допустима в том случае, когда она вводится для актуализации противопоставления.

Особая опасность, связанная с использованием фигур, состоит в том, что они способны придать речи чрезмерную нарочитость и претенциозность. Это касается, например, многосоюзия, неумеренное использование которого может завысить стиль, оторвать его от конкретного содержания, придать речи претенциозный характер. То же справедливо и для периода. Хотя период очень удобен для передачи рассуждений, необходимо иметь в виду, что слишком длинный период грешит теми же недостатками, что и слишком длинная анафора, — придает речи нарочитость.

2.12. Фигуры размещения

Как уже указывалось, в основе фигур размещения лежит нарушение естественного порядка следования компонентов высказывания. В отличие от фигур убавления и фигур прибавления, фигуры размещения не связаны с изменением количественных характеристик высказывания, которые влекут за собой изменение его качественных характеристик; фигуры размещения достигают коммуникативного эффекта за счет необычного расположения компонентов высказывания.

Фигуры размещения принято делить на две группы:

- 1) фигуры перестановки;
- 2) фигуры разрыва.

1. Фигуры перестановки непосредственно связаны с нарушением порядка следования. С точки зрения трансляции эмоционального состояния говорящего эти фигуры идеальны для передачи внутреннего колебания, мятежности, тревожности (перестановка), неуверенности, нерешительности, смены настроения (дистантность).

Любые нарушения естественного, правильного порядка слов в риторике (да и в других науках, изучающих язык) принято называть *инверсией*. Школьный пример инверсии — строка из «Паруса» М. Ю. Лермонтова: *«Белеет парус одинокий в тумане моря голубом»*. Без инверсии она выглядела бы так: «Одинокий парус белеет в голубом тумане моря». Взволнованная поэтическая речь превращается едва ли не в протокольное описание.

Часто можно столкнуться с утверждением, что для русского языка характерен свободный порядок слов. В действительности это не так, поскольку порядок слов в русском языке несет важную смысловую нагрузку: сказать «Пришел Ваня» — это далеко не то же самое, что сказать «Ваня пришел». Тем не менее для нас будет достаточно полагать, что в русском языке порядок слов действительно свободный. По крайней мере, по сравнению с другими языками (например, английским или французским) порядок слов в русском языке действительно является свободным. Именно поэтому необходимо особо указать на те случаи, когда инверсия действительно может иметь место, а также указать на те эффекты, к которым они приводит.

а) Инверсия определения и определяемого существительного — наиболее яркий и заметный вид инверсии:

Настало лето холодное, дождливое.

Инверсия этого типа более характерна для поэтической, торжественной речи.

б) Инверсия подлежащего и сказуемого менее заметна и в большей степени связана со смыслом высказыва-

ния, чем с его экспрессией (ср. приведенные выше примеры «Ваня пришел» (прямой порядок слов) и «Пришел Ваня» (инверсия). Компонент предложения, вынесенный в его конец, актуализируется, акцентируется. Если рассматривать предложение как ответ на вопрос, то конечное слово будет скорее всего соответствовать вопросительному слову. Ср.:

Кто пришел? — Пришел Ваня.

Ваня пришел? — Ваня пришел.

То же касается и значительного числа случаев, в которых имеется нестандартное расположение других членов предложения (например, «Мальчик читает книгу» и «Книгу читает мальчик»).

Гипербатоном называют такую разновидность инверсии, при которой нарушается не только порядок слов, но и их расположение относительно друг друга. Обычно прилагательное помещается рядом с существительным (даже если имеет место инверсия), а наречие — рядом с глаголом. Гипербатон предполагает дистантное расположение членов предложения, которые естественно располагать рядом друг с другом: *Лето настало холодное, дождливое; Быстро он вернулся.*

2. Фигуры разрыва представлены парцелляцией и парентезой.

Парентеза — это фигура, сущность которой состоит в том, что предложение прерывается вставкой (другим предложением, словом, словосочетанием):

«Когда нам льстят, то хвалят наше русское гостеприимство, когда нас бранят — а когда нас не бранят? — про нас говорят, что единственно хорошую нашу сторону — гостеприимство — мы разделяем с племенами, стоящими на низкой ступени культуры» (А. Ф. Кони).

Основная функция парентезы состоит в создании впечатления живого, естественного мышления. Она способна выражать колебания и связанные с ними оговорки: «Я, конечно, понимаю, что то, что я говорю, достаточно спорно, и даже вижу, в чем эта спорность заключается». Кроме

того, парентеза — это способ дать дополнительные пояснения, которые важны для понимания высказывания.

Что касается приведенного примера из речи А. Ф. Кони, то для его полного понимания необходимо обратиться к более широкому контексту. Парентеза в данном случае выполняет роль тактического маневра (необходимо отметить, что это очень типично для ее использования). Перед процитированной фразой говорится: «Здесь заявлялось, что подсудимые явились в Россию с полным доверием к русскому гостеприимству. Оно им и было оказано». Продолжение же нашей цитаты и окончание речи следующее: «Поэтому надо иметь что-нибудь за собой, кроме благодушного свойства. Надо дать место и справедливости, которая выражается в правосудии. Оно иногда бывает сурово и кончается подчас насильственным гостеприимством. Этого правосудия ждет от вас обвинительная власть». Другими словами, защита поставила на пути обвинения ценностный (а следовательно, связанный с этосом) барьер — «русское гостеприимство». Обвинитель с помощью парентезы как бы кружит вокруг этого барьера, а затем предлагает этосные основания для обвинения — справедливость.

Парцелляцией называют расчленение высказывания на два или более интонационно обособленных отрезка. Тем самым пауза конца предложения вклиняется в предложение и разбивает его на части. Возникает как бы рубленое предложение. Графически пауза передается точкой, реже многоточием:

*Слушайте, это мы говорим. Оттуда. Из тьмы
(Р. Рождественский).*

Парцелляция — это относительно новое для языка явление. Оно возникло в XIX веке, а было описано, выделено и названо лишь в XX веке. Она активно используется в письменной речи и во многом является признаком современной литературы. В то же время не стоит забывать и о тесной связи парцелляции с интонацией.

Разновидностью парцелляции является **синтаксическая аппликация**. Внешне она напоминает парцелляцию,

поскольку обязательно состоит из двух компонентов, разделенных паузой. Однако если парцелляция просто членит предложение, то синтаксическая аппликация вносит второй частью изменение в смысл высказывания. Прекрасным примером синтаксической аппликации может служить следующая известная фраза А. П. Чехова:

«От меня ушла жена... в другую комнату».

Синтаксическая аппликация так или иначе связана с комическим эффектом или иронией. В приведенном примере явно реализуется комический эффект, а иллюстрацией иронического использования данной фигуры может быть такая фраза из статьи:

«Одним словом, чтобы лучше стать партией власти, надо от нее, от власти, временно дистанцироваться. Хотя бы на словах» («Новые Известия»).

2.13. Амплификации

Как уже указывалось, амплификации — это такие обороты, в которых сочетаются черты тропа и фигуры. С фигурой их сближает то, что амплификации представляют собой особые обороты, а следовательно, не совпадают со словом. В то же время они имеют с тропами и нечто общее: так же, как и в тропах, в амплификациях имеется как минимум два означающих, которые соотносятся с одним и тем же объектом. Если в тропах основное (прямое) наименование предмета вытесняется переносным, то в амплификациях эти обозначения, как правило, выражаются явно.

Амплификации можно классифицировать в зависимости от того, какой тип отношений — сходство, смежность, контраст или тождество — лежит в их основе, то есть на том же основании, что и тропы. Особо можно выделить и грамматические амплификации.

1. Амплификации, основанные на сходстве. К группе метафор примыкают *сравнения* — обороты с «как», «как будто», «словно», «подобно» и т. д., когда в тексте реализуются сразу оба члена сопоставления: «Водная

гладь как зеркало», «Парламент похож на лодку». Есть также формы, промежуточные между сравнением и собственно метафорой: лететь стрелой (лететь как стрела), взрыв негодования (взрыв похож на негодование).

Рассмотрим пример:

«Но пожертвованья собственно в пользу бедных у нас делаются теперь не весьма охотно, отчасти потому, что не всякий уверен, дойдет ли, как следует, до места назначения его пожертвование, попадет ли оно именно в те руки, в которые должно попасть. Большею частью случается так, что помощь, точно какая-то жидкость, несомая в руке, вся расхлещется по дороге, прежде чем донесется, и нуждающемуся приходится посмотреть только на одну сухую руку, в которой ничего нет» (Гоголь).

В этом примере помощь сравнивается с водой (по-видимому, на том основании, что вода для того, кто испытывает жажду, — практически то же самое, что помощь для бедствующего человека). Используя это сравнение, Н. В. Гоголь намекает на то, что помощь на пути к тому, для кого она предназначена, исчезает, то есть разворачивается. Поэтому неслучайным оказывается и сравнение помощи с водой, которую несут в руке.

Метафора может быть *развернутой*. Развернутой называется такая метафора, в которой уподобление происходит сразу по нескольким основаниям:

«Гуси, корм для которых подбрасывается государством, и собаки содержатся на Капитолии, то бы они поднимали тревогу, если явятся воры. Воров различить они не умеют, но тревогу все-таки поднимают, если кто ночью явится на Капитолий, — такое ведь подозрительно! — и оттого-то выходит, они, хоть животные, погрешают разве избыточной осторожностью? Ну, а если средь бела дня, как придет кто-нибудь поклониться богам, стали лаять собаки, — им, думаю, перебили бы лапы, за то что ретивы даже тогда, когда нету и повода для подозрения. Очень похожее дело и с обвинителями. Одни из вас —

гуси, что только кричат, но повредить не умеют, другие — собаки, что умеют и лай поднимать, и кусаться. Корм вам дается, мы знаем, — а ваш первый долг бросаться на тех, кто того заслуживает. Это всего угодней народу. Но если вы поведете обвинение так, что сперва объявите — такой-то отца, мол, родного убил, а потом не сможете доказать почему, каким образом, и лишь будете лаять без повода к подозрению, то ног вам, конечно, не перебьют, но если достаточно знаю я наших судей, то самую букву, которую вы до того ненавидите, что вам отвратительны даже любые календы, припечатают ко лбу так крепко, что потом никого нельзя будет вам обвинять, кроме собственной злой судьбы» (Цицерон).

В этом примере метафора играет роль аналогии: рассматривая ситуацию с гусями и собаками, Цицерон восстанавливает ее структуру, а затем переносит эту структуру на ситуацию с обвинителями, сравнивая их с собаками и гусями. Именно это позволяет ему ярко и просто представить обязанности обвинителей и их ответственность за неправильные действия.

Рассмотрим также уподобление государства кораблю. Такое уподобление можно развернуть, сравнив главу государства с кормчим, политический курс — с курсом корабля, враждебное государство — с пиратом и т. д. В таких случаях на основе метафоры строится целый условный мир. Иногда подобные метафоры превращаются в долго функционирующие *аллегории*. Именно такова аллегория «государство — корабль», встречающаяся уже у Горация.

Если аллегория закрепляется, она в любой момент может быть оживлена и дополнена. Вот, например, как разворачивает эту метафору Робеспьер:

«Конституционный корабль был построен вовсе не для того, чтобы остаться постоянно в верфи; но следует ли бросить его в море во время бури и навстречу противному ветру. Это то, чего хотели тираны и их рабы, которые сопротивлялись строительству этого корабля, но французский народ повелел вам ждать, когда

море успокоится; он выразил единодушное желание, чтобы вы, несмотря на вопли аристократии и сторонников федерализма, сначала освободили бы его от врагов».

А вот какой вариант предлагает современный публицист Максим Соколов:

«Народное доверие для политика — что попутный ветер для морехода. Когда он есть — хорошо, когда его нет — надо лавировать, выгребать etc. Если мореход станет двигаться лишь по ветру, не сообразуясь ни с целью похода, ни с лощей, в лучшем случае его плавание будет состоять из ряда хаотических маневров, в худшем — он, повинувшись ветру, проложит курс по суше».

В приведенных примерах два основных компонента сопоставления — корабль и государство — называются прямо, а потому мы можем сразу же понять, что говорящий имеет в виду. Однако так бывает не всегда. Иногда основа сопоставления (например, в том случае, когда оратор осознает, что сравнение может вызвать неприятие аудитории) не называется, однако по другим элементам метафоры мы можем восстановить эту основу. Очень яркий пример такого использования аллегория находим в комментарии В. Шендеровича:

«Вместо берцовой кости Примакова Доренко теперь грызет горло Путина. А мы, местные, знаем, что Доренко, если его отвязать, в живых жертву не оставляет... Вот Путин и понял, что если Доренко не остановить, он просто перекусит ему рейтинг».

Тема «кости», «горла», «привязи», «перекусывания» формирует определенный образ, по которому мы можем определить, с кем именно автор сравнивает Сергея Доренко.

Текст, в основе которого лежит аллегория, может включать и комментарий, который поясняет смысл, вложенный в аллеорию автором. В этом случае принято говорить о притче, или антаподозисе. Вот пример такой структуры у Л. Толстого:

«Точно так, как вследствие того, что нальется вода на сухую землю, исчезнет вода и сухая земля; точно так же вследствие того, что голодное войско вошло в обиль-

ный пустой город, уничтожилось войско и уничтожился обильный пустой город и сделалась грязь, сделались пожары и мародерство».

Тот же принцип реализуется в *аналогической аргументации*, о который мы говорили в связи с наведением. По сути, в обоих случаях мы имеем дело с одним и тем же явлением, рассмотренным с разных точек зрения. Современный теоретик риторики Х. Перельман относил аналогическую аргументацию к аргументации, которая определяет структуру реального — то, как устроен мир и какие аспекты мы в нем выделяем. Развернутая метафора и аллегория способны выделить те или иные аспекты объекта, который до этого рассматривался как цельный, и тем самым составить более богатое представление о нем.

На силу этого средства в воздействии на аудиторию указывает уже хотя бы то, что антаподозис — наиболее прямое средство создания ясности, им широко пользуется психотерапия при проведении рефрейминга. Понятие рефрейминга было сформулировано в рамках нейролингвистического программирования, однако в настоящее время оно нашло более широкое применение.

Вот какой пример рефрейминга приводит Роберт Дилтс в книге «Фокусы языка»:

К примеру, мы можем сказать, что неспособность к обучению подобна компьютерной программе, которая дает сбои. Естественным в такой ситуации будет спросить: «Где происходят сбои?», «Какова их причина и как их можно исправить?», «Виновата ли в этом конкретная строчка программы? Или дело в самой программе как таковой? Или в компьютере-посреднике? А может быть, проблема заключается в самом программисте?»

В этом случае важно, что проблема, которая кажется неразрешимой, в случае с аллегорическим рассмотрением может оказаться не такой уж и сложной, а возможные решения найдутся сами собой. Другими словами, всякий антаподозис — это и есть рефрейминг, своего рода «промыывание мозгов», навязывание реципиенту определенного видения ситуации.

2. Амплификации, основанные на смежности. Основная разновидность метонимических амплификаций получила название *«гипаллага»*. Сущность гипаллагы состоит в том, что определение одного слова ставится при другом слове, которое обозначает предмет или явление, связанные с первым словом по смежности.

Рассмотрим пример из одного стихотворения А. Блока:

«И жены кутались в печальные платки».

Платки не могут быть печальными, в этом предложении речь идет о печальных женах. Однако определение «печальный» отрывается от существительного «жены» и ставится при существительном «платки». Поскольку платки смежны с женами, здесь имеет место гипаллага.

Развернутая метонимия получила в риторике название парадигмы. В этом случае общее понятие представляется в виде более узкого частного случая, которому дается развернутое описание. В качестве примера возьмем рассуждение И. Л. Солоневича об устойчивости социальной жизни:

«Для того чтобы нация могла создать что-то ценное, нужна устойчивость власти, закона, традиции и хозяйственно-социального строя. Если устойчивости нет, невозможно никакое творчество, почти невозможен никакой труд».

Далее рассуждение прерывается парадигмой:

«...вот засел Лев Толстой лет на пять за «Войну и мир». Какое «мировоззрение» окажется победоносным к моменту окончания книги? Будет ли новым властителям приемлема «Периодическая система элементов», или появится какой-то новый Лысенко, который найдет у Толстого, Менделеева, Павлова, Мичурина и прочих анти-солидаристический уклон и, будучи профессиональной бездарностью, станет травить всяческий русский талант? А ведь никакой талант никогда не сможет творить «по указке партии», какой бы то ни было партии. Тем более в том случае, если «указка партии» будет меняться так же, как меняется «генеральная линия» ВКП(б). Вы начали работать над «Войной и миром», «Периодической сис-

темой элементов» или «Жизнью за царя». Или над вашим хутором. Или над вашей мастерской. И вы не знаете, что из всего вашего труда завтрашние «властители дум» — (и полиции) — сделают послезавтра».

В связи с приведенным примером следует обратить внимание на то, что фактически парадигма представляет собой наведение — обращение к частному случаю для доказательства общего тезиса. Это позволяет указать, что риторика всегда была устремлена к воздействию и убеждению. Вопрос заключается только в том, в чем именно она видела основные средства воздействия — в явно сформулированных аргументах или в определенных оборотах, которые усиливают воздействие речи на слушателей.

3. Амплификации, основанные на контрасте. В основе этих амплификаций лежит противопоставление двух признаков, которые исключают друг друга или, по крайней мере, находятся на противоположных концах континуума.

Антитеза — амплификация, в которой сопоставляются два противоположных друг другу понятия. Иногда эти понятия выражаются при помощи антонимов — слов с противоположным значением (например, «красивый» — «уродливый»). Хрестоматийный пример — строки из стихотворения Г. Р. Державина:

*Я — царь, я — раб,
Я — червь, я — бог...*

Однако так бывает не всегда, и именно поэтому целесообразно говорить именно о противопоставлении понятий:

«В деяниях человека все убого, как убог он сам; намерения ограничены, способы грубы, действия негибки, движения тяжелы и следствия однообразны. В деяниях божественных богатство бесконечного проявляются открыто, вплоть до самых малых его частей» (Жозеф де Местр).

В приведенном примере противопоставление человеческого и божественного реализуется в виду широкого набора средств. Во-первых, это антитеза между «деяниями человека» и «божественными деяниями». Во-вторых, это дополнительные средства, раскрывающие данное про-

тивопоставление: указание на убогость человека, ограниченность его намерений, грубость способов и т. д. противопоставляется «открытому проявлению богатства бесконечного». Как видно, автор не использует здесь антонимов.

Прекрасным примером антитезы является также следующее четверостишие, приписываемое А. С. Пушкину:

*Всегда так будет, как бывало,
Таков издревле белый свет:
Ученых много — умных мало,
Знакомых тьма — а друга нет.*

Основная функция, которую выполняет антитеза в тексте, заключается в подчеркивании мысли. По этой причине антитезу можно рассматривать как способ разворачивания мысли. В приведенном четверостишии автор, по-видимому, выражает свое сожаление о том, что умных людей не так много, а еще меньше людей, на которых можно было бы положиться как на друзей. И для того чтобы подчеркнуть свою мысль, он обращается к противоположным понятиям: для «умного» это «ученый» (Пушкин имеет в виду «имеющий хорошее образование»), для «друга» — «знакомый». Кроме того, в противопоставлении находятся и количественные характеристики («много» — «мало», «тьма» — «нет»).

Выделяют несколько разновидностей антитезы.

Акротеза — разновидность антитезы, в которой одно качество противопоставляется другому, контрастному («не уродливый, а красивый»):

«Высокоразвитый, полный честных нравственных принципов государственный преступник и безнравственный презренный разбойник или вор могут одинаково, стена об стену, тянуть долгие годы заключения, могут одинаково нести тяжкий труд рудниковых работ, но никакой закон не в состоянии уничтожить их во всем том, что составляет умственную и нравственную сферу человека. Что, потому, для одного составляет ничтожное лишение, легкое взыскание, то для другого может составить тяжкую нравственную пытку, невыносимое, бесчеловечное истязание» (П. А. Александров).

Противопоставление политического и уголовного преступников в данном случае играет важную роль потому, что адвокат стремится показать несоизмеримость переживаний от наказания, которые пережил политический арестант Боголюбов и которые мог бы пережить обычный уголовник. П. А. Александров не имеет в виду никакого конкретного уголовного преступника, антитеза нужна ему для того, чтобы оттенить свое утверждение, подчеркнуть его, сделать более зримым и даже лучше ощущаемым. А потому предполагаемые переживания уголовного преступника — это только фон.

Амфитеза — разновидность антитезы, в которой два контрастных качества сталкиваются, приписываются одному и тому же объекту («и уродливый, и красивый»). Рассмотрим в качестве примера описание времени великой французской революции:

«Это было самое прекрасное время, это было самое злосчастное время, — век мудрости, век безумия, дни веры, дни безверия, пора света, пора тьмы; это была весна надежд, это была стужа отчаяния. У нас было все впереди, у нас впереди ничего не было, мы то витали в небесах, то обрушивались в преисподнюю...» (Ч. Диккенс).

В данном примере характерным является то, что противоположные качества приписываются одному и тому же объекту (точнее, одним и тем же объектам).

А вот пример из одной речи Робеспьера:

«Демулен — это странное соединение правды и лжи, политики и вздора, здоровых взглядов и химерических проектов частного порядка».

Амфитеза — прекрасное средство для передачи парадоксальности, противоречивости, присущей внешним явлениям, а также амбивалентности (двойственности) отношения говорящего к описываемому объекту. Однако она может выполнять и противоположную функцию, выражая универсальность, тотальность чего-либо:

«Ты и убогая, ты и обильная, ты и могучая, ты и бессильная, матушка Русь» (Н. А. Некрасов).

Конечно, в этом случае имеется определенная амбивалентность. Однако очевидно и намерение автора указать на величие Руси.

Диатеза — разновидность антитезы, в которой объект оценивается с точки зрения противоположных качеств и на этом основании относится к нейтральному классу («ни уродливый, ни красивый»):

«Перед судом нет ни богатых, ни бедных, ни сильных, ни слабых людей. Суд видит перед собою только людей, обвиняемых в преступлении, ожидающих от него справедливого приговора, — и в этом величайший залог правосудия» (Н. В. Муравьев).

Очевидно, что при помощи антитезы известный русский юрист указывает на равенство людей перед законом, воплощаемым в суде. И такое указание выглядит гораздо более эффектно и убедительно, чем простая фраза «Перед законом все равны».

Указанные разновидности антитезы существенно отличаются от первого примера. Дело в том, что в первом примере речь действительно идет о противопоставлении между двумя видами деяний, тогда как примеры разновидностей антитезы отсылают скорее к способу выражения мыслей и соотносятся с одним объектом. Именно поэтому антитеза относится к амплификациям: получается, что несколько означаемых соотносятся с одним означаемым.

Парадиастола, особый вид антитезы, состоит в том, что в отношении контраста вступают не антонимы или противоположные понятия, а синонимы. Такой прием позволяет подчеркнуть различие между близкими по значению словами. Естественным условием для парадиастолы является противительная конструкция с союзами «а», «но»:

1) *«Либеральная реформа завязла, но не остановилась» (историк Яков Гордин);*

2) *«Да, она может выйти отсюда осужденной, но она не выйдет опозоренною, и останется только пожелать, чтобы не повторялись причины, производящие подобные*

преступления, порождающие подобных преступников» (П. А. Александров).

Диафора (дистинкция) — еще более крайняя разновидность антитезы: в ней противопоставляются даже не синонимы, а одна и та же лексема:

Лучше гор могут быть только горы (В. Высоцкий).

Фактически эта амплификация представляет собой промежуточное явление, объединяющее отношения контраста (противопоставление) и тождества (единство слова).

Градация — амплификация, в которой один и тот же признак получает несколько последовательных наименований, которые располагаются в порядке убывания или усиления признака:

«Когда проекты злых людей или агрессивные помыслы могущественных государств разбивают на части структуру цивилизованного общества, скромные простые люди поставлены перед трудностями, с которыми они не могут справляться. Для них все искажено, все нарушено, стерто в порошок» (У. Черчилль).

«Мне кажется, что мы не склонны к сосредоточенности, не любим ее, мы даже к ней отрицательно относимся» (И. П. Павлов).

В зависимости от того, в каком направлении строится градация, различают **климакс** (усиление признака) и **антиклимакс** (ослабление признака). Эти два вида могут выступать и в сочетании, когда направление градации к усилению или ослаблению признака резко сменяется противоположным:

«Он орел, тигр, лев — словом, животное».

Оксюморон — амплификация, представляющая собой парадоксальное, противоречивое сочетание слов, связанных подчинительной связью: «Живой труп», «Горячий снег» (оба примера — названия художественных произведений).

Коррекция — сложная амплификация, которая включает три компонента: 1) утверждение, 2) постановку под сомнение этого утверждения и, наконец, 3) усиленное утверждение той же мысли:

Тут в воспоминаниях пробел (1). Нет, не пробел (2), — а яма, провал (3) (И. Грекова);

«Сенат это понимает, консул видит. Но Катилина здравствует (1). Здравствует? (2) Именно! И даже является в сенат, принимает участие в публичных заседаниях, пожирает глазами и обрекает на смерть каждого из нас (3)» (Цицерон).

Иногда отрицание может опускаться. В этом случае коррекция выступает как простое уточнение.

Астеизм — это похвала в форме порицания, часто насмешки. В приводимом ниже примере журналист «Общей газеты» Юрий Соломонов использует как собственно антифразис («доблестная Генпрокуратура», «настоящий патриот»), так и астеизм: («норовят Россию угробить», «супостаты»).

«Стоит настоящему патриоту только еще начать оплакивать судьбы родины беззаветной, а тут уже один олигарх — раз! — и независимое телевидение создал, другой — бац! — и лучшую футбольную команду страны на баланс принял. Так и норовят Россию угробить. Единственно кто еще борется против них, это наша доблестная Генпрокуратура, которая время от времени открывает против супостатов уголовные дела, насылает на них шмоны, объявляет в розыск».

Очевидно, что в этом примере выражения, в основе которых лежит сопоставление по контрасту, употребляются «не всерьез»: автор описывает ситуацию с определенной точки зрения, но сам в эту точку зрения не верит, относится к ней с сомнением. Из-за этого все слова приобретают противоположный смысл. Примечательно, что если бы эта точка зрения излагалась человеком, который считал бы ее правильной, то он, скорее всего, отказался бы от оценочного использования слов и говорил бы просто «Генеральная прокуратура», «патриот», «родина», «олигархи» (а не «супостаты»).

4. Амплификации, основанные на тождестве. В основе этих амплификаций лежит повторение одного и того

же смысла, к которому отсылают несколько означающих. По этой причине данные амплификации называют также фигурами мысли, основанными на избыточном выражении. И действительно, один и тот же смысл в этих амплификациях выражается несколько раз, причем этого выражения «больше, чем нужно». Естественно, введение таких амплификаций не обусловлено необходимостью передать информацию, их основная функция состоит в уточнении или даже во «вбивании» какой-то информации в сознание слушателей.

Плеоназм создается накоплением, нанизыванием синонимичных средств выражения. Сущность этого явления передается хорошо известным выражением «масло масляное» и аналогичными ему тавтологическими словосочетаниями однокоренных или разнокоренных слов. Рассмотрим примеры:

1) *«...необходимо рассмотреть вкратце обстановку дела, и прежде всего взглянуть на личность потерпевшего от преступления. В показаниях монахов, проживающих в Лавре, она охарактеризована довольно ясно: человек старый, сосредоточенный, суровый, живший постоянно одиноко, умевший в многолюдном монастыре создать себе совершенную пустыню; видевшийся в 10 лет раз с людьми, которые живут в одном коридоре с ним, позволявший себе, в виде развлечения, покормить булкой маленьких певчих и лишаящий самого себя даже и этой малости, словом, человек угрюмый, замкнутый в себе, идеальный, если можно так выразиться, монах» (А. Ф. Кони);*

2) *«Но бывают дела другого рода, где свидетельские показания имеют совершенно иной характер, где они сбивчивы, неясны, туманны, где свидетели о многом умалчивают, многое боятся сказать, являя перед нами пример уклончивого недоговариванья и далеко не полной искренности» (А. Ф. Кони).*

Повторы в данном случае постоянно уточняют мысль и сгущают ее, в определенном смысле как бы с силой ввинчиваются в сознание адресата. В первом примере мы

видим длительное перечисление признаков, которые характеризуют отца Иллариона; они касаются его качеств «идеального монаха», хотя А. Ф. Кони делает упор на стремление держаться на дистанции, вытекающем из особенностей личности монаха и его веры. Повторяя очень близкие по смыслу слова и выражения, Кони делает акцент на его нелюдимости, поскольку это важно с точки зрения последующего изложения (таким образом он обосновывает решение подсудимого убить именно отца Иллариона: его отсутствия не заметят сразу после убийства).

Второй пример без синонимических повторов выглядел бы так: «Но бывают дела другого рода, где свидетельские показания имеют совершенно иной характер, где они неясны, где свидетели о многом умалчивают, являя перед нами пример уклончивости и далеко не полной искренности». Нетрудно заметить, что характер фразы изменился: из достаточно четкой, резкой она превратилась в вялую констатацию факта.

Разновидностью плеоназма является *иллеизм* — фигура, в которой на объект указывается дважды: сначала личным местоимением, а затем — существительным:

«Эта интеллигенция — книжная, философствующая и блудливая, слава Богу, почти истреблена. Но, к сожалению, истреблена не вся. Она отравляла наше сознание сто лет подряд, продолжает отравлять и сейчас. Она ничего не понимала сто лет назад, ничего не понимает и сейчас. Она есть исторический результат полного разрыва между образованным слоем нации и народной массой. И полной потери какого бы то ни было исторического чутья. Она, эта интеллигенция, почти истреблена» (И. Л. Солоневич).

Яркий пример антиципации, которая лежит в основе целого текста, то есть не реализуется в рамках предложения, находим в фельетоне М. Кольцова:

«Так всегда бывает в жизни — он и она расходятся не сразу. Пусть разрыв всегда кажется неожиданным. Пусть чудится, будто близость нарушена внезапно. На самом деле он и она незаметно отходят друг от друга.

А иногда встает просто мертвая холодная пустота. И встанет она, и вырывается только потому, что где-то внутри порвались невидимые нити, что ослабли и те скрепы, какими некогда соединены впервые увидевшие друг друга он и она. Если только скрепы и нити надорвались, тогда уж ничто, ничто не в силах помешать этому непреклонно идущему разрыву...

Кто она? Подметка. Кто он? Ну, ясно же кто. Сапог, конечно. Скажите, пожалуйста, чего стоит близость сапога с подметкой, ежели эти самые нити или дратва уже порвались, а деревянные шпильки хотя бы в одном месте повылетели».

Чем-то плеоназм в некоторых своих проявлениях напоминает априорные суждения у Канта. Кант полагал, что некоторые наши представления, например, о том, что мир имеет протяженность, известны нам до любого опыта, а потому, выражая их в словах, мы не можем сообщить никакого нового знания. Мир имеет протяженность уже в силу своего существования, мы не можем представить мир вне протяженности, без нее, а потому и утверждать, что мир протяжен, бессмысленно, это ясно без слов. В отличие от априорных, суждения апостериори («после опыта») всегда могут сообщать о чем-то новом (например, таково суждение «Этот зонт красный, а не зеленый»). Аналогично и человек, который допускает плеоназм, не сообщает ничего нового, так сказать, «твердит одно и то же»: новое сообщение всегда содержит соединение хотя бы двух разных понятий.

Плеоназм часто называют стилистической ошибкой, и в этом много справедливого. Например, преподаватели русского языка объясняют плеоназмы в речи тем, что говорящий не знает точно значения слова: если человек знает, что сувенир — это подарок на память, он никогда не сможет сказать «памятный сувенир» или «сувенир на память». Так что если кто-то не хочет быть объектом таких рассуждений, достойных Шерлока Холмса, ему следует избегать неосознанного использования плеоназмов.

Однако не все плеоназмы являются нежелательными. Особенно богата плеоназмами фразеология, где они создаются разными способами: избыточным использованием деепричастия («кипмя кипеть», «кишмя кишеть», «ливмя лить»); избыточным употреблением творительного падежа («дурак дураком», «ребенок ребенком», «дуб дубом»); избыточным употреблением имени при глаголе («зиму зимовать», «горе горевать», «жизнь прожить»); избыточным употреблением определения при имени («горе горькое», «старая старушка», «мука мученская»). Все это однокоренные словосочетания, по модели которых можно строить аналогичные им новые выражения. Такие плеоназмы, хотя и представляют собой нежелательный повтор, все же могут использоваться для повышения изобразительности текста: они создают впечатление чего-то интенсивного, ярко выраженного. В еще более полной степени это касается авторских плеоназмов, подчиненных заданию речи. Если плеоназм используется осознанно, он может быть очень важным средством повышения изобразительности текста.

Регрессия — фигура, сущность которой состоит в том, что сначала какие-то вещи называются вместе, а затем каждая из них называется и описывается более подробно. Схема регрессии следующая: «Есть А, В и С; А — это...; В — это...; С — это...» Она может быть несколько иной, как в первом примере, главное — тот же принцип ее организации:

1) Среди человеческих стремлений стремление к мудрости совершеннее, возвышеннее и приятнее всех (X обладает свойствами А, В, С и D).

Совершеннее, потому что человек, со всем рвением устремившийся к мудрости, уже становится обладателем некоторой части истинного блаженства, как говорит Мудрец: «Блажен человек, который снискал мудрость» (Свойство А состоит в том, что...)

Возвышеннее потому, что именно через него человек более всего уподобляется Богу, создавшему «все в премудрости», а так как подобие — причина любви, то стрем-

ление к мудрости больше всего связывает его с богом дружбой, почему и сказано в Книге Премудрости, что «мудрость — неистощимое сокровище для людей; пользуясь ею, они входят в содружество с Богом, посредством даров учения» (Свойство В состоит в том, что...)

Полезнее потому, что через него входят в царство бессмертия, ибо «желание премудрости возводит к царству» (Свойство С состоит в том, что...)

А приятнее потому, что «в обращении ее нет суровости, ни в сожитии с нею скорби, но веселье и радость (Свойство D состоит в том, что...)» (Фома Аквинский);

2) «Оттого и позорен подобный поступок, что он попирает две величайшие святыни: дружбу и верность. Ведь никому не дают поручения, кроме как другу, никому неверяются, не полагая верным» (Цицерон);

3) Есть три причины, возбуждающие доверие к говорящему, потому что есть именно столько вещей, в силу которых мы верим без доказательств, — это разум, добродетель и благорасположение (есть А, В и С); люди ошибаются в том, что говорят или советуют, или по всем этим причинам в совокупности, или по одной из них в отдельности, а именно: они или неверно рассуждают ввиду своего неразумения (А — это...), или же, верно рассуждая, они вследствие своей нравственной негодности говорят не то, что думают (В — это...), или, наконец, они разумны и честны, но не благорасположены, почему возможно не давать хорошего совета, хотя и знаешь, в чем он состоит (С — это...) Кроме этих трех причин нет никаких других (Аристотель)

4) «У них два рода армий: одна из них находится на наших границах, обессиленная, почти разрушающаяся по мере того, как республиканское правительство набирает силу и прекращение измен делает бесполезными героические усилия отечественных солдат; другая, более опасная, находится среди нас: это армия подкупленных шпионов, мошенников, которые проникают всюду, даже в народные общества» (М. Робеспьер).

Кроме того, регрессия реализована и в композиции большинства глав этой части учебника. Вообще нужно заметить, что регрессия — это безотказный лекторский прием: как только лектор называет общее число пунктов, подлежащих раскрытию, слушатели обычно сразу же берутся за ручки.

5. Грамматические амплификации. В основе грамматических амплификаций (так же как и соответствующей группы тропов) лежат отношения не между словами, а грамматическими формами или грамматическими значениями.

Очень распространенной является *грамматическая антитеза*, в которой противопоставляются, например, формы глагола:

«Вы должны пережить 15, 20, 30 лет гражданской войны и международных битв не только для того, чтобы изменить соответствующие отношения, но чтобы и самим измениться и стать способными к политическому господству» (Карл Маркс);

«В правительстве и администрации президента как играли, так и играют в разводки и разруливания. Гигантская административная машина как работала вхолостую, так и работает, ничуть не меняя функционального режима» (М. Соколов).

2.14. Дискретные фигуры

Дискретными называют фигуры, в основе которых лежит звуковая сторона слов и выражений. Различают звукоподражательные и паронимические фигуры.

Звукоподражательные фигуры непосредственно имитируют изображаемый объект. В зависимости от того, какие именно звуки использует автор, различают аллитерацию (повтор согласных) и ассонанс (повтор гласных).

Примером аллитерации может служить следующее четверостишие, в котором повторение шипящих согласных имитирует шелест женского платья:

*Но нежданно на портъере
Пробежит вторженья дрожь.*

Тишину шагами меря,

Ты, как будущность, войдешь (Б. Пастернак).

В следующем примере ассонанс (повтор звука «у») создает ощущение длительности пути в поезде и размышлений:

Молча лечу я по рельсам чугунным,

Думаю думу свою... (Н. А. Некрасов).

Сила ассонанса и аллитерации очень велика. Значительная часть штампов, закрепившихся в общественном сознании, получили наименования, которые основаны на повторении одних и тех же звуков, ср. «врач-вредитель» (повторяются звуки «в» и «р»), «гнилая интеллигенция» (повторяются звуки «г», «н», «и», «л»). Значительная часть широко известных афоризмов, пословиц и поговорок также содержат ассонансы и аллитерации: «Береженного Бог бережет» (повтор «б» и «ж»), «Через золото слезы льются» (повтор «з», «с», «л»), «Терпение и труд все перетрут» (повтор «т», «р», «п») и т. п. Ассонанс и аллитерация — трудная проблема для перевода, поскольку не всегда можно передать звуковую сторону оригинала. Так, латинское выражение «veni, vidi, vici» звучит гораздо сильнее, чем его русский эквивалент «пришел, увидел, победил».

Очень близко к ассонансу стоит такая дискретная фигура, как *ономатопея* (звукоподражание). В этом случае просто имитируется звук, издаваемый человеком, животным или неживым предметом. Многочисленные «бух», «бах», «трах», «мяу», «гав-гав», «хрю» представляют собой примеры ономатопеи. Она реализуется и в словах, которые не являются междометиями, ср. «лязг», «гулкий», «кукушка». В этих случаях звучание слов напоминает звуки, связанные с обозначаемыми предметами и явлениями.

Редко, но все же встречается ономатопея и в ораторских жанрах. Так, в риторическом памятнике XVII в. «Повесть об Азовском осадном сидении» автор, описывая военные события, прибегает к звукоподражанию, передающему ржание коней и грохот осыпающихся городских стен. Более того, уже в «Слове о полку Игореве», произведении если не риторическом, то публицистичес-

ком, мы встречаем яркие примеры звукописи: «Трубы трубят в Путивле», «В пяток (пятницу) потоптали поганные полки половецкие». Первая фраза непосредственно имитирует звук труб, вторая — топот коней.

Еще одна разновидность специального использования звуковой оболочки слова — **звуковой символизм**. В нем нет непосредственного звукоподражания. Он основан на том, что некоторые звуки при избыточном употреблении могут вызывать устойчивые ассоциации с тем или иным эмоциональным состоянием. В частности, дрожащий согласный «р» удачно резонирует с открыто выраженной угрозой, шипящие и свистящие «ш» и «с» — с угрозой скрытой, плавные «м» и «л» — с размягченностью, умиротворенностью, «у» — с унынием и печалью и т. п.

Паронимические фигуры обыгрывают звуковую сторону слова опосредованно, через связь с означаемым. Если звукоподражательные фигуры так или иначе связаны с тем, что звуки языка могут имитировать звуки природы или представлять ощущения, то в паронимических фигурах смысл начинает играть роль. Слово в этом случае уже указывается не набором звуков, а набором звуков с определенным смыслом. Чтобы пояснить это, рассмотрим понятие инструментовки.

Инструментовкой называют такое построение звукоряда, в котором набор однотипных звуков определяется ключевым словом:

*Тяжкий плотный занавес у входа,
За ночным окном туман.
Что теперь твоя постылая свобода,
Страх познавший Дон-Жуан?..
На вопрос жестокий нет ответа,
Нет ответа — тишина.
В пышной спальне страшно в час рассвета,
Слуги спят, и ночь бледна...
Только в грозном утреннем тумане
Бьют часы в последний раз.
Донна Анна в смертный час твой встанет,
Анна встанет в смертный час (А. Блок).*

Ключевым в данном стихотворении является словосочетание «смертный час». Если обратить внимание, то можно заметить, что наиболее часто встречаются звуки [т], [н], [с], которые отсылают к этому слову. Эти звуки А. Блок намеренно повторяет: они входят в ключевое словосочетание, которое имеет конкретный смысл, а потому как бы «переносится» на смысл стихотворения в целом. Здесь уже нет простого повтора звуков, избранные звуки обусловлены словосочетанием с конкретным значением.

Каламбур — дискретная фигура, в основе которой лежит сближение слов, близких по звучанию, но различающихся по значению. Близость значений в этом случае необязательна и даже нежелательна: чем более далекими оказываются слова, тем более удачным будет каламбур:

*Приятно поласкать дитя или собаку,
но всего необходимее полоскать рот (К. Прутков);
При словах «предложение» и «союз» ученицы скромно опускают глаза и краснеют (А. П. Чехов).*

Точно так же, как ассонанс и аллитерация, каламбур тесно связан с бессознательными или полусознательными представлениями, которые в обычном случае находятся под запретом. Каламбур представляет собой разновидность остроты, и в целом не случайно то, что его проанализировал основатель психоанализа З. Фрейд в своей книге, посвященной остроумию. По мнению Фрейда, остроумие представляет собой прорыв бессознательных (вытесняемых под давлением морали или по каким-то другим причинам) представлений, способ обойти цензуру, налагающую на них запрет. Со времен Фрейда (во многом благодаря самому Фрейду) очень многое изменилось, а потому в наши дни содержание бессознательного далеко не всегда как-то связано с сексуальной тематикой. Однако во времена Фрейда эта тема была очень болезненной. И приведенный пример из Чехова в этом смысле очень показателен: одно произнесение грамматических терминов «предложение» и «союз» непременно вызывало у молодых девушек смущение, в силу ассоциаций с браком и сексуальными отношениями.

По тем же причинам очень часто каламбуры обыгрывают созвучие с бранными и нецензурными словами. Так, А. И. Герцен в своей публицистике называет помещиков «секунами и серальниками» (от слов «сечь» и «сераль»). Эту разновидность каламбуров называют *какэм-фатоном*.

Очень близко к каламбуру стоит такая дискретная фигура, как *деформация идиомы*. Фактически она и представляет собой каламбур, однако в ее основе лежит не слово, а устойчивое выражение (идиома, фразеологизм). Эта фигура получила широкое распространение в последние годы; наиболее часто ее используют в газетных заголовках: «Неисполнительная власть» (вместо «исполнительная власть»), «Тени забитых предков» (вместо «Тени забытых предков» — название фильма С. Параджанова). Далеко не всегда такие заголовки удачны, особенно это касается этической стороны дела.

Однако более важно то, что широкое использование этого приема уменьшает его воздействие. Совершенно очевидно, что при таком избыточном употреблении прием перестает усиливать выразительность, превращается в своего рода газетный этикет.

Каламбур наиболее уместен в конце речи, где он помогает снять напряжение, а также в ее начале: таким образом можно расположить к себе аудиторию.

3. Уместность

Языковая уместность речи в настоящее время описывается при помощи понятия функционального стиля, а также понятия стилевой окраски слова.

Функциональный стиль — это система речевых средств, которые используются в той или иной сфере общения и соотносятся с определенной сферой деятельности.

Необходимо отметить, что эта категория не является риторической. Понятие функционального стиля было сформировано в таких дисциплинах, как культура речи и стилистика. Однако есть все основания ввести его в курс

риторики. Во-первых, все эти дисциплины так или иначе изучают эффективность речи. Во-вторых, в них есть и много общего, поскольку, например, культура речи очень многое позаимствовала из риторики (в частности, именно так произошло с учением о качествах речи).

В настоящее время принято выделять четыре основных стиля: официально-деловой (1), публицистический (2), научный (3) и разговорный (4). Особо говорят о функциональной разновидности языка — языке художественной литературы (5).

Официально-деловой стиль связан с административным, политическим, юридическим общением. В силу формализованности этой сферы деятельности основная черта официально-делового стиля — это штамп, клише, то есть устойчиво воспроизводимая конструкция. С одной стороны, штамп необходим, поскольку он упрощает выражение мыслей и волеизъявлений и, так сказать, «дисциплинирует». С другой стороны, в нем содержится и опасность для языка: слишком широкое использование штампов нередко приводит к исчезновению мысли. Стремление говорить «официально» и «по-деловому» может привести к тому, что речь будет перегружена лишними смыслами крайне сложными и вычурными конструкциями.

Отличительной чертой **публицистического стиля** является его ориентация на воздействие. Этот стиль в наибольшей степени использует такие средства элокуции, как тропы и фигуры. И в этом нет ничего удивительного, поскольку именно они оказывают наиболее сильное эмоциональное и эстетическое воздействие. В отличие от официально-делового, публицистический стиль исключает штампы (хотя широкое использование средств повышения изобразительности и выразительности также можно рассматривать как штамп, характерный для этого стиля). Публицистический стиль практически совпадает со сферой, с которой имеет дело риторика, а потому любой оратор должен уделять внимание работам и пособиям, в которых излагаются характеристики этого стиля.

Научный стиль обслуживает сферу научного и учебного общения. Научный стиль характеризуется логичностью. Это проявляется в стремлении к четкому определению слов, в последовательности изложения. Пожалуй, наиболее яркое проявление научного стиля — это терминология, то есть систематизированная, упорядоченная в соответствии с законами логики лексика.

Научной речи свойственна отвлеченность. В обычном случае наука стремится не к описанию конкретных явлений и фактов, а к выявлению закономерностей, и это проявляется в широком использовании общей, абстрактной терминологии. Это совершенно естественно, поскольку ученый и преподаватель в большинстве случаев говорит не о конкретном предмете, а о классе предметов, не о том, что происходит с этим предметом в данный или в какой-то другой момент, а о том, что с ним обычно происходит.

В научном стиле не используются или используются в минимальной степени слова с ярко выраженной экспрессивной окраской, оценочным значением, лексика, находящаяся за пределами русского литературного языка («долбануть», «харя», «уродливый» и т. п.) Конечно, такая лексика может использоваться в научном или учебном тексте. Однако это следует делать осторожно, единственное оправдание в этом случае — наличие особого намерения (например, желания привлечь внимание читателей к мысли за счет нарушения ожиданий). В обратном случае это будет не нарушение ожиданий — особый прием, а обычное нарушение правил хорошей речи. Злоупотреблять этим приемом также не следует.

Разговорный стиль формируется за счет языковых средств, которые используются в повседневном общении. Речь идет не о любой повседневной, обычной речи. Разговорный стиль — это стиль литературного языка; литературный язык обработан; следовательно, разговорным стилем называют только речь образованного населения. Другими словами, разговорный стиль, будучи разговорным, все-таки предполагает соответствие нормам, грамотность и владение элементарными знаниями о языке.

Особенность *языка художественной литературы* состоит в том, что он объединяет в себе средства всех языковых стилей, а также то, что находится за пределами литературного языка — языка, на котором говорят все члены языковой общности. Как бы мы ни относились к использованию нецензурной лексики в литературе, мы все равно должны принять, что она выполняет очень важную роль — повышает изобразительность и выразительность речи, способствует созданию живых и правдоподобных образов.

В более широком смысле в языке художественной литературы оправданно все, что способствует достижению задач, стоящих перед писателем. В частности, художественная литература длительное время (приблизительно с XVIII века) играла роль эталона для всех образованных носителей языка. Выражаясь проще, все старались говорить так, как пишут книги. Лишь в XX веке литература утратила эту позицию, и на ее место пришли средства массовой информации: газеты, журналы, радио, позже — телевидение. И произошло это во многом потому, что в язык художественной литературы проникало все больше и больше жаргонных, диалектных, нелитературных выражений.

Задача оратора состоит в том, чтобы говорить на литературном языке, закреплённом в словарях и других специальных изданиях. Этот язык воплощается и в языке журналистов. Правда, речь должна идти о лучших журналистах, а таковыми являются далеко не все представители этой профессии; пальцев на руках и ногах, пожалуй, не хватит для того, чтобы их пересчитать, однако их вполне достаточно для того, чтобы посчитать, во сколько раз плохих журналистов больше, чем хороших.

Для того чтобы соответствовать этим требованиям, оратор должен иметь хотя бы некоторые представления о том, что такое правильная речь. Мы не можем подробно осветить этот вопрос, а потому переадресуем всех желающих к учебникам по культуре речи.

На важность соблюдения требований, выработанных стилистикой, прежде всего — на необходимость строгого отбора речевых средств, указывает следующий остроум-

ный пример, иллюстрирующий последствия неправильного выбора стилей, который мы позаимствовали из учебника И. А. Голуб «Русский язык и культура речи»:

«В предобеденное время я ускоренными темпами обеспечивала восстановление надлежащего порядка на жилой площади, а также в предназначенном для приготовления пищи подсобном помещении общего пользования. В последующий период мною было организовано посещение торговой точки с целью приобретения необходимых продовольственных товаров».

Пожалуй, в комментариях он не нуждается.

4. Правильность

Правильность речи тесно связана с понятием нормы. **Языковая норма** — это правила использования языковых средств на определенном этапе развития языка. Норма возникает в силу того, что в языке имеется несколько вариантов одной и той же языковой единицы. Другими словами, норма возникает всегда, когда мы можем задать вопрос вроде следующего: а как правильно — инженеры или инженера? говорить о чем-то или про что-то?

Языковая норма закрепляет как правильный один вариант, отклоняя другой, делая его либо совсем неприемлемым, либо просто нежелательным, хотя и допустимым. Фактически по тому, какой вариант выбирает человек, мы можем судить о том, владеет ли он литературным языком.

То, что нормы определяют использование языковой единицы на определенном уровне языка, было сказано не случайно. Дело в том, что нормы изменчивы. То, что считалось правильным несколько десятков лет назад, сейчас считается неправильным. Особенно это справедливо для нашего времени: активные перемены в общественной и частной жизни приводят к серьезным изменениям в языке. Именно поэтому любой человек, которому приходится говорить или писать публично, должен очень внимательно относиться к тому, что и как он говорит.

Нормы многочисленны. Классифицировать их можно по двум основаниям.

1. Прежде всего, следует различать *нормы письменной и устной речи*. Нормы письменной речи отражаются только на письме. Их воплощением являются орфография (правила, определяющие написание слов) и пунктуация (правила, определяющие написание предложений, а точнее, расстановку знаков препинания).

В силу того, что оратор обычно говорит, а не пишет, более важными для него являются нормы устной речи, которые определяют как следует говорить. Это в первую очередь нормы произношения, а также нормы, определяющие правильную, приемлемую интонацию. Примером нормы, касающейся исключительно устного языка, может служить произношение звука [г]: правильным вариантом является произношение этого звука как парного по звонкости звуку [к], а для южных говоров русского языка характерно неправильное произношение этого звука как парного [х].

Наконец, существуют нормы, которые действительны и для письменной, и для устной речи. Например, правильно говорить «сказать о чем», а не «сказать про что» (точнее, вторая форма является просторечной, а потому нежелательной). Правильный выбор будет отражаться и в устной речи, и на письме.

2. Второе — и более важное — основание для классификации норм — это их распределение по уровням языка. В самом общем виде принцип этой классификации заключается в следующем. Мельчайшей единицей, из которой складывается наша речь, являются звуки, из звуков складываются слова, а из слов — предложения. Каждая новая единица и представляет собой особый уровень. Соответственно выделяют *фонетические, морфологические, синтаксические нормы*; особо говорят о *лексических нормах*.

Фонетические нормы — это главным образом нормы, которые определяют правильное произношение. Мы уже упоминали произношение звука [г] — это яркий при-

мер фонетической нормы. Здесь же можно назвать произношение такого звука, как [ч]. Так, в современном русском языке принято произносить слово «булочная» со звуком [ч], хотя еще совсем недавно на его месте произносили звук [ш]. Точно так же слово «что» следует произносить со звуком [ш], хотя некоторые жители Петербурга намеренно произносят это слово со звуком [ч].

Более сложный вопрос фонетической нормы — это постановка ударения. В русском языке ударение подвижно (оно может перемещаться при изменении слова) и разноместно (оно может падать на любую часть слова). Именно поэтому возникают вопросы о том, как следует ставить ударение в слове. В значительной части случаев неправильная постановка ударения вызывает только неудовольствие. Реже это может приводить к досадным неприятностям. Так, один диктор как-то объявил по радио: «Сегодня в опере — тоска». С точки зрения русского языка именно так на письме следует передать то, что он сказал. А все дело в том, что он имел в виду не тоску, которая овладеет или уже овладела посетителями оперы, а известную оперу «Тоска» (с ударением на первом слоге).

Морфологические нормы определяют правила образования и изменения слов. Русский язык представляет огромное количество способов образования новых слов. Например, существует огромное количество суффиксов, которые позволяют выразить самые разные оттенки отношения к девушке: «девушка», «девка», «девица», «деваха», «девчонка». Такого рода различия более точно следовало бы обозначать как регулируемые словообразовательными нормами.

Естественно, все эти варианты различаются, в обратном случае словообразовательных норм просто не было бы. И говорящий должен хотя бы примерно представлять, в чем эти различия заключаются.

То же касается и изменения слов. Одна из серьезных проблем — это образование множественного числа существительных. Как правильно сказать: директора или директоры? бухгалтера или бухгалтеры? Никаких совершенно

четких рекомендаций здесь дать, в общем-то, нельзя, а потому в сомнительных случаях необходимо обращаться к специальным словарям.

Синтаксические нормы определяют сочетаемость слов. Например, правильно говорить «возмущаться безобразиями», но не «возмущаться на безобразия», желательно говорить «сказать о чем-то», а не «сказать про что-то». Более подробно о таких нормах можно узнать, обратившись к специальным словарям, а также к учебникам по культуре речи.

Наконец, *лексические нормы* регламентируют использование слов. Среди наиболее распространенных ошибок (то есть нарушений нормы) можно назвать:

— неправильное употребление слов, вызванное незнанием точного значения слова («масштабная карта» вместо «большая») или незнанием его стилистической принадлежности («Несоблюдение техники безопасности приводит к беде» вместо «к несчастному случаю»);

— неоправданные плеоназмы — повторы («памятный сувенир», «период времени», «май месяц»);

— смешение паронимов — слов, близких по звучанию, но различающихся по значению («одеть пальто» вместо «надеть пальто») и т. д.

Более подробное рассмотрение языковых норм было бы неуместным в этой книге. Поэтому отошлем читателей к любым учебникам по культуре речи, а также к словарям русского языка. Такие книги необходимы любому человеку, которому в силу профессиональных обязанностей приходится иметь дело с публичной речью.

5. Ясность

Ясность — качество речи, которое имеет коммуникативную природу, то есть тесно связан с передачей информации. Говоря нечто, человек должен стремиться к тому, чтобы его слова были понятны (ясны) для тех, к кому он обращается. Ясность крайне важна. М. М. Сперанский

писал по этому поводу: «Ничто не может извинить сочинителя, когда он пишет или говорит темно... Если оратор говорит непонятно, ему лучше спокойно молчать». В такой «рекомендации» очень много справедливого. Основное предназначение языка состоит в том, чтобы сообщать другому человеку о своих мыслях, оценках и переживаниях. И если говорящий выражается непонятно, он не использует язык естественным образом.

Ясность речи — это во многом и следствие того, что оратор достаточно внимания уделил изобретению, то есть изучил предмет речи и уяснил для себя самое главное в нем. Как справедливо писал М. В. Ломоносов, «смутно пишут о том, что смутно себе представляют». Нередко случается, что оратор не может четко и ясно сформулировать то, что он должен сказать, или вообще не знает, о чем ему нужно говорить.

Квинтиллиан предложил два требования, о которых должен помнить оратор, если он стремится к ясности.

Во-первых, *оратор должен говорить так, чтобы его речь была понятной даже при невнимательном слушании*. Если оратор не соблюдает этого требования, он, можно сказать, говорит впустую. Далеко не всегда аудитория настроена по отношению к оратору настолько заинтересованно и доброжелательно, чтобы ловить каждое его слово. Поэтому данному требованию необходимо следовать. Не всегда его можно реализовать полностью, однако оно задает стандарт ясности, к которому нужно стремиться.

Во-вторых, *в процессе подготовки речи оратор должен выбросить из текста все слова, которые не способствуют ни ясности, ни точности*. Такие слова должны рассматриваться как погрешность или, по крайней мере, как ненужное излишество, от которого можно без труда отказаться.

Следовать этим правилам не так просто. Однако будет достаточно, если вы будете просто иметь эти требования в виду: они устанавливают стандарт, к которому следует стремиться.

Отметим основные виды нарушения ясности.

1. Многословие. Риторика представляет собой дисциплину, которая обучает в первую очередь *устному* общению. По этой причине оратор должен учитывать особенности устной речи. А одним из главных требований в этом случае является использование четких, кратких формулировок. То, что допустимо в письменной речи, может быть неприемлемым в речи устной. А все дело в том, что при чтении человек всегда может вернуться к более раннему фрагменту, тогда как при устном общении это обычно невозможно. Далеко не всегда мы имеем возможность переспросить; более того, далеко не всегда наши слушатели настолько заинтересованы в том, что мы говорим, чтобы переспросить или уточнить что-то. Строя огромные предложения, мы фактически ставим самим себе препятствие, которое мешает нам достичь желательных целей.

Естественно, стиль не должен переходить в телеграфный. Сверхкраткие фразы, состоящие из двух-трех слов являются отмеченными, а потому их следует применять лишь иногда, как средство изобразительности или выразительности. По этой причине можно предложить ориентироваться на число 7 ± 2 : по подсчетам психологов, именно столько элементов способен удержать человек в памяти одновременно. Следовательно, необходимо стремиться к тому, чтобы предложения не превышали 9–10 слов. Естественно, в подсчетах не стоит учитывать служебные слова (предлоги, союзы, частицы). Кроме того, речь идет о простых предложениях, в составе сложных предложений таких может быть несколько.

2. Двусмысленность. Двусмысленность — достаточно опасное явление, поскольку в некоторых случаях она может привести к серьезному непониманию со стороны слушателей.

Кроме того, двусмысленные фразы могут стать причиной комического эффекта. Когда аудитория смеется, это неплохо: значит, вас слушают. Двусмысленность лежит в основе каламбура, а потому нередко оказывается жела-

тельной. Однако иногда (например, если речь серьезна) смех нежелателен, он разрушает то, что пытается создать оратор. По этой причине необходимо помнить о том, что двусмысленных выражений следует избегать.

3. Повторы и тавтологии. Повтор — также двойственное явление. С одной стороны, на повторе основана большая часть фигур; следовательно, повтор играет очень важную роль с точки зрения изобразительности и выразительности текста.

Впрочем, в плане содержания речи повторы оправданны далеко не всегда, оратор, который говорит одно и то же («толчет воду в ступе»), не может развернуть свои мысли, показать различные стороны того, о чем он говорит, вызывает только неприятие. Риторика во многом представляет собой средство борьбы с повторами: и топики, и аргументация дают нам прекрасные средства для разработки мыслей.

То же касается и собственно языковой стороны речи. Русский язык является литературным (обработанным, развитым) языком, а потому дает богатые возможности для выражения мыслей. Прежде всего, это многочисленные синонимы, при помощи которых речь можно сделать более разнообразной. Не стоит забывать и о переносных употреблении слов, которые также помогают делать речь более богатой и образной.

4. Неточность в употреблении слов. Неточное употребление слов также препятствует ясности речи. Происходит это потому, что слушатель, слыша то или иное слово, естественно ожидает, что этому слову будет соответствовать определенное значение; если же говорящий использует это слово, вкладывая в него неправильное значение, то в речи возникают разнообразные ошибки, например, противоречия вроде того, которое имеет место в следующей фразе: «И стоят наши дальневосточные березки в своем подвенечном саване» (автор смешивает саван и фату, из-за чего смысл выражения кардинально меняется).

Впрочем, необходимо иметь в виду, что любой троп — это всегда неправильное употребление слова. Конечно, это

не оправдывает ошибок, подобной приведенной выше. В отличие от ошибочного, тропеическое употребление слова предполагает намеренность и осознание того эффекта, который за собой повлечет неправильное с точки зрения законов языка употребление слова. А потому фату невесты вполне можно сравнить с саваном (например, в том романтическом случае, когда девушка выходит замуж не по любви, мы вполне можем сравнить замужество со смертью) и употребить вместо слова «фата» слово «саван». Ту же ситуацию мы вполне можем спроецировать и на березы, хотя в этом случае соответствующий контекст придумать гораздо труднее (но тоже можно: с замужеством девушки можно сопоставить заключение контракта с какой-нибудь организацией на вырубку берез, тогда и сравнение фаты и савана снова оказывается уместным). Однако принципиально важно то, что при тропеическом употреблении слова эффект является осознанным, создается намеренно; неточность в словоупотреблении в лучшем случае ухудшает понятность текста, в худшем — создает комический эффект и выставляет оратора не в самом благоприятном свете.

Хрестоматия

Лисий, Защитительная речь по делу об убийстве Эратосфена

Лисий — известный софист, которого считают одним из основателей риторики. Хотя софистическая практика достаточно быстро была осуждена, приводимая ниже речь представляет несомненный интерес, поскольку в ней мы имеем дело с вполне обоснованным отстаиванием собственной позиции, лишенным какого бы то ни было трюкачества. Речь, которая приводится ниже, является, пожалуй, самой известной из всех речей Лисия, которые дошли до нашего времени. Текст приводится по изданию: Лисий, Речи. М., 1994. С. 47–54.

«Мне было бы дорого, господа, если бы вы на суде в настоящем деле поступили со мной так же, как поступили бы, если бы вас самих постигло подобное несчастье: я глубоко убежден, что если бы вы смотрели на дело, касающееся другого, теми же глазами, как на свое собственное, то среди вас не нашлось бы ни одного человека, которого не возмущало бы это происшествие; но все вы считали бы установленные законами наказания для таких преступников слишком малыми. И, думается мне, такое воззрение принято не только у вас, но и во всей Греции: это — единственное преступление, за которое и в демократических, и в олигархических государствах законом предоставлен самым ничтожным в государстве людям один и тот же способ мести по отношению к самым влиятельным, так что и самый незнатный, и самый знатный гражданин может получить одно и то же удовлетворение: вот до какой степени тяжким считают все люди такое поругание чести. Таким образом, что касается меры наказания, все вы держитесь, я полагаю, одинакового со мною воззрения, что никто не смотрит на дело так легко, чтобы думать, что виновные в подобных деяниях должны получить прощение или что они заслуживают лишь ма-

лого наказания. А мне доказать следует, я думаю, лишь то, что Эратосфен был в преступной связи с моей женой и через это не только ее совратил, но и детей моих опозорил, а мне самому нанес оскорбление, проникнув в мой дом; что вражды между мной и им не было никакой, кроме как по этому поводу, и что сделал я это не из-за денег, чтобы из бедного стать богатым, и вообще не из корыстных целей, а только ради законом дозволенного мщения. Поэтому я изложу вам все обстоятельства моего дела с самого начала, ничего не пропуская, все расскажу по правде: единственное спасение себе я вижу в том, если сумею рассказать вам все, как было.

Когда я решил жениться, афиняне, и ввел в свой дом жену, то сначала я держался такого правила, чтобы не докучать ей строгостью, но и не слишком много давать ей воли делать что хочет; смотрел за нею по мере возможности и наблюдал, как и следовало.

Но, когда у меня родился ребенок, я уже стал доверять ей и отдал ей на руки все, что у меня есть, находя, что ребенок является самой прочной связью супружества. В первое время, афиняне, она была лучшей женой в мире: отличная, экономная хозяйка, расчетливо управляющая всем домом. Но когда у меня умерла мать, то смерть ее сделалась причиной всех моих несчастий. Жена моя пошла за ее телом в похоронной процессии; там ее увидал этот человек и спустя некоторое время соблазнил ее: поджидая на улице нашу служанку, которая ходит на рынок, он стал через нее делать предложения моей жене и наконец довел ее до несчастья. Так вот прежде всего, господа (надо и это рассказать вам), у меня есть домик, двухэтажный, с одинаковым устройством верхних и нижних комнат как в женской, так и в мужской половине. Когда родился у нас ребенок, мать стала кормить его; но, чтобы ей не подвергать опасности здоровье, сходя по лестнице, когда ей приходилось мыться, я стал жить наверху, а женщины внизу. Таким образом, уже было заведено, что жена

часто уходила вниз спать к ребенку и кормить его грудью, чтобы он не кричал. Дело шло долго таким образом, и мне никогда не приходило в голову подозрение; напротив, я был настолько глуп, что считал свою жену самой честной женщиной в городе. Время шло, господа, и вот как-то я вернулся неожиданно из деревни; после обеда ребенок стал кричать и капризничать: его нарочно для этого дразнила служанка, потому что тот человек был в доме; впоследствии я все узнал. Я велел жене пойти и дать грудь ребенку, чтобы он перестал плакать.

Она сначала не хотела, потому будто бы, что она давно не видалась со мной и рада была моему возвращению. Когда же я стал сердиться и велел ей уходить, она сказала: «Это для того, чтоб тебе здесь заигрывать с нашей девчонкой; ты и раньше выпивши приставал к ней». Я смеялся, а она встала и, уходя, как будто в шутку заперла дверь за собой и ключ унесла. Я, не обращая на это никакого внимания и ничего не подозревая, сладко уснул, потому что вернулся из деревни. На рассвете она вернулась и отперла дверь.

Когда я спросил, отчего двери ночью скрипели, она отвечала, что в комнате у ребенка потухла лампа и тогда она послала взять огня у соседей. Я промолчал: думал, что так и было. Но показалось мне, господа, что лицо у нее было набелено, хотя не прошло еще и месяца со смерти ее брата; но все-таки и тут я ничего не сказал по поводу этого и вышел из дома молча. После этого, господа, прошло немало времени; я был далек от мысли о своих несчастьях.

Вдруг однажды подходит ко мне какая-то старуха, подосланная женщиной, с которой он был в незаконной связи, как я потом слышал. Та сердилась на него, считая себя обиженной тем, что он больше не ходит к ней по-прежнему, и следила за ним, пока наконец не открыла, какая тому причина. Так вот эта служанка, поджидавшая меня возле моего дома, подошла ко мне и сказала: «Евфилет, не думай, что я подошла к тебе из праздного

любопытства: нет, человек, наносящий оскорбление тебе и твоей жене, вместе с тем и наш враг. Так, если ты возьмешь служанку, которая ходит на рынок и прислуживает вам за столом, и допросишь ее под пыткой, то узнаешь все». «А человек, который делает это, — прибавила она, — Эратосфен из дема Эи: он соблазнил не только твою жену, но и многих других. Это уж его специальность». Так сказавши, господа, она ушла, а меня это сейчас же взволновало; все мне пришло на ум, и я был полон подозрения: я стал думать о том, как она заперла меня в спальне, вспомнил, как в ту ночь скрипела дверь, ведущая со двора в дом, и та, которая выходит на улицу, чего раньше никогда не случалось; а также и то, что жена, как мне показалось, была набелена. Все это пришло мне на ум, и я был полон подозрения. Вернувшись домой, я велел служанке идти со мной на рынок. Я привел ее к одному из своих друзей и стал говорить, что я все узнал, что делается у меня в доме: «Так вот, можешь выбирать из двух любое: или я тебя выпорю и сошлю на мельницу, где конца не будет твоим мукам, или если ты скажешь всю правду, то тебе не будет ничего дурного и ты получишь от меня прощение за свою вину. Но только не лги, говори правду». Она сперва стала было отпираться и говорила, что я волен делать что хочу, так как-де она ничего не знает; когда же я назвал ей Эратосфена и сказал, что это он ходит к моей жене, она испугалась, подумав, что я все знаю доподлинно. Тут она уж бросилась мне в ноги и, взяв с меня обещание, что ей ничего худого не будет, стала рассказывать прежде всего, как после похорон он подошел к ней; затем, как она сама наконец передала его предложение госпоже, как та после долгого времени сдалась на его убеждения и какими способами она принимает его посещения; как на фесмофориях (праздник в честь богинь Деметры и Персефоны, в котором участвовали только замужние женщины), когда я был в деревне, она ходила с его матерью в храм; и все остальное, что произошло, она в точности рассказала. Когда она кончила, я сказал:

«Смотри же, чтоб ни одна душа не узнала об этом; а то весь наш договор с тобою нарушен. Но я хочу, чтоб ты доказала мне это на месте преступления: слов мне не надо, но, раз дело обстоит так, нужно, чтобы преступление было очевидным». Она на это согласилась. После этого прошло дня четыре-пять ... как я вам докажу это вескими аргументами. Но сначала я хочу рассказать, что произошло в последний день. Сострат — мне друг и приятель. Я встретился с ним после заката солнца, когда он шел из деревни. Зная, что, вернувшись в такой час, он ничего не найдет дома съестного, я пригласил его отобедать со мной. Придя ко мне домой, мы поднялись в верхний этаж и стали обедать. Поблагодарив меня за угощение, он ушел домой, а я лег спать. И вот, господа, пришел Эратосфен. Служанка сейчас же разбудила меня и сказала, что он тут. Я велел ей смотреть за дверью, молча спустился вниз и вышел из дома. Я заходил к одному, к другому; одних не застал дома, других, оказалось, не было в городе. Взяв с собою сколько можно было при таких обстоятельствах людей, я пошел. Потом, взяв факелы в ближайшей лавочке, мы вошли в дом: дверь была отворена служанкой, которой было дано это поручение. Толкнув дверь в спальню, мы, входившие первыми, увидели его еще лежавшим с моей женой, а вошедшие после — стоявшим на кровати в одном хитоне. Тут, господа, я ударом сбил его с ног и, скрутив ему руки назад и связав их, стал спрашивать, на каком основании он позволяет себе такую дерзость, — входить в мой дом. Он вину свою признал, но только слезно молил не убивать его, а взять с него деньги. На это я отвечал: «Не я убью тебя, но закон нашего государства; нарушая закон, ты поставил его ниже твоих удовольствий и предпочел лучше совершить такое преступление по отношению к жене моей и детям, чем повиноваться законам и быть честным гражданином». Таким образом, господа, он получил то возмездие, которое, по повелению закона, должны получать подобного рода преступники...»

Цицерон, Речь в защиту поэта Авла Лициния Архия

Цицерона по праву считают одним из ярчайших представителей античной риторики. Он зарекомендовал себя как прекрасный практик, а также оставил нам ряд теоретических сочинений, в которых нашли отражение его представления об ораторском искусстве.

Предлагаемая вниманию читателей речь была произнесена Цицероном по делу о признании поэта Архия римским гражданином. Путешествуя по югу Италии, Архий получил гражданство ряда южных городов; затем, после принятия закона о предоставлении прав римского гражданства жителям союзных городов, Архий был внесен в список римских граждан. Поскольку он отсутствовал в Риме во время цензов, некто Граттий обвинил его в незаконном присвоении прав римского гражданства. Процесс закончился оправданием Архия.

Текст приводится с сокращениями по изданию: Цицерон М. Т. Речи в 2-х тт. М., 1974.

(I, 1) Если я в какой-то мере, судьи, обладаю природным даром слова (его незначительность я признаю), или навыком в произнесении речей (в чем не отрицаю некоторой своей подготовки), или знанием существа именно этого дела, основанным на занятиях и на изучении самых высоких наук (чему я, сознаюсь, не был чужд ни в одну пору своей жизни), то Авл Лициний, пожалуй, более, чем кто-либо другой, должен, можно сказать, с полным правом потребовать от меня плодов всего этого. Ибо, насколько мой ум может охватить минувшую жизнь и предаться воспоминаниям об отдаленном детстве, я, возвращаясь мыслью к тем временам, вижу, что именно он первый пробудил во мне желание избрать эти занятия и вступить на этот путь. И если мой дар слова, сложившийся благодаря его советам и наставлениям, некоторым людям иногда приносил спасение, то ему самому, от которо-

го я получил то, чем я могу помогать одним и охранять других, я, насколько это зависит от меня, конечно, должен нести помощь и спасение. (2) А дабы никто не удивлялся этим моим словам, так как Авл Лициний, могут сказать, обладает неким иным даром, а не знанием ораторского искусства или умением говорить, я скажу, что и я никогда не был всецело предан одному только этому занятию. Ведь все науки, воспитывающие просвещенного человека, как бы сцеплены между собой общими звеньями и в какой-то мере родственны одна другой. (II, 3) Но для того, чтобы никому из вас не показалось странным, что в вопросе, разбираемом на основании законов, и в уголовном суде, когда дело слушается в присутствии претора римского народа, в высокой степени выдающегося мужа, и перед строжайшими судьями, при таком огромном стечении людей, я прибегаю к подобному роду красноречия, чуждому не только обычаям, принятым в суде, но даже и речам на форуме, я прошу вас оказать мне в настоящем деле, имея в виду личность обвиняемого, вот какое снисхождение, для вас, надеюсь, не тягостное. В моей речи в защиту выдающегося поэта и образованнейшего человека при таком стечении просвещеннейших людей, при вашей доброте, наконец, при этом преторе, вершащем суд, позвольте мне высказаться несколько свободнее о занятиях, связанных с просвещением и литературой, и, говоря о таком человеке, который, будучи далек от общественных дел и занимаясь литературой, не имеет опыта в судебных делах и не подвергался опасностям, прибегнуть к новому и, можно сказать, необычному роду красноречия.

(4) Если я почувствую, что вы охотно предоставляете мне эту возможность, то я, конечно, достигну того, что вы признаете присутствующего здесь Авла Лициния не только не подлежащим исключению из числа граждан — коль скоро он действительно является гражданином, но решите, что если бы даже он им не был, его следовало бы принять в их число.

(III) Ведь Архию, как только он вышел из детского возраста и после изучения наук, которые готовят

детей к восприятию просвещения, обратился к занятию писателя, удалось вскоре превзойти всех славой своего дарования сначала в Антиохии (там он родился в знатной семье), в городе, некогда славном и богатом, где было множество ученейших людей и процветали благороднейшие науки. Впоследствии в других областях Азии и во всей Греции его посещения привлекали к себе внимание, причем от него ожидали большего, чем вещала молва, а по приезде его изумлялись ему больше, чем обещало ожидание. (5) В ту пору в Италии были широко распространены искусства и учения Греции, и в Лации к этим занятиям относились тогда более горячо, чем относятся к ним теперь в тех же самых городах, да и здесь, в Риме, ими не пренебрегали — ведь в государстве в то время царило спокойствие. Поэтому и жители Тарента, и жители Регия, и жители Неаполя даровали Архию права гражданства и другие награды; все те, кто сколько-нибудь мог оценить дарование, признавали его достойным знакомства и уз гостеприимства.

(IV) Между тем, по истечении довольно долгого срока, после того как Архий выезжал в Сицилию вместе с Марком Лукуллом, он, возвращаясь из этой же провинции вместе с тем же Лукуллом, приехал в Гераклею. Так как эта городская община пользовалась широкими правами на основании союзного договора, то он захотел получить в ней права гражданства и исходатайствовал их тогда у гераклеян как благодаря тому, что его самого сочли достойным этого, так и благодаря авторитету и влиянию Лукулла. (7) На основании закона Сильвана и Карбона права гражданства были даны «всякому, кто был приписан к союзной городской общине, кто имел свое местожительство в Италии тогда, когда проводился закон, и кто в шестидесятидневный срок заявил об этом претору...» Так как Архий жил в Риме уже много лет, он и подал заявление своему ближайшему другу претору Квинту Метеллу.

(8) Если дело идет только о правах гражданства и о законе, то я ничего больше не скажу — дело рассмотрено. И правда, что из этого можно оспаривать, Граттий? Ста-

нешь ли ты отрицать, что он был приписан к Гераклею? Здесь находится весьма влиятельный, добросовестный и честный муж — Марк Лукулл; он утверждает, что он не предполагает, а знает достоверно, не руководится слухами, а верит своим глазам, не только присутствовал при этом деле, но и принимал в нем живое участие. Здесь находятся посланцы из Гераклеи, знатнейшие люди; они прибыли на этот суд с полномочиями и со свидетельскими показаниями от имени общины; они утверждают, что Архий приписан к общине Гераклеи. И ты еще требуешь официальные списки гераклеян, уничтоженные, как все мы знаем, пожаром в архиве во время Италийской войны. Но смешно на то, чем мы располагаем, ничем не отвечать; требовать того, чем мы располагать не можем; молчать о свидетельствах людей и требовать письменных свидетельств; располагая клятвенным показанием прославленного мужа, клятвой и заверением честнейшего муниципия, отвергать то, что не может быть искажено, а представления списков, которые, как ты сам говоришь, обычно подделываются, требовать. (9) Неужели нельзя считать жителем Рима того, кто за столько лет до дарования ему прав гражданства избрал Рим, чтобы связать с ним все свои дела и всю свою судьбу? Или он не делал заявления?

Да нет же, он его сделал, его внесли в списки, которые, на основании заявления, сделанного перед коллегией преторов, одни только и являются подлинными официальными списками. <...>

(11) Ты требуешь наши цензорские списки; по-видимому, так; словно никому не известно, что при последних цензорах Авл Лициний был при войске вместе с прославленным императором Луцием Лукуллом; при предпоследних он был с ним же (тот был тогда квестором в Азии), при первых — при Юлии и Крассе — ценз народа вовсе не производился. Но ведь ценз сам по себе еще не подтверждает прав гражданства, а только указывает, что человек, который подвергся цензу, тем самым уже тогда вел себя как Гражданин; между тем Авл Лициний, кото-

рого ты обвиняешь в том, что он, даже по его собственному признанию, не обладал правами римских граждан, в те времена не раз составлял завещание в соответствии с нашими законами и получал наследство от римских граждан, его имя было сообщено в эрарий проконсулом Луцием Лукуллом в числе имен лиц, заслуживших награду. (VI) Ищи доказательств, если можешь; никогда не будет он изобличен — ни на основании своего собственного признания, ни на основании признания его друзей.

(12) Ты спросишь меня, Граттий, почему так по душе мне Авл Лициний; потому что он нам дарит то, благодаря чему отдыхает ум после шума на форуме, что ласкает наш слух, утомленный препирательствами. Или ты, быть может, думаешь, что мы можем знать, что именно нам говорить изо дня в день при таком большом разнообразии вопросов, если мы не будем совершенствовать свой ум наукой, или же что наш ум может выносить такое напряжение, если мы не будем давать ему отдыха опять-таки в виде той же науки? Я, во всяком случае, сознаюсь в своей преданности этим занятиям. Пусть будет стыдно другим, если кто-нибудь настолько углубился в литературу, что уже не в состоянии ни извлечь из нее что-либо для общей пользы, ни представить что-нибудь для всеобщего обозрения. Но почему стыдиться этого мне, судьи, если я в течение стольких лет веду такой образ жизни, что не было случая, когда желание отдыха отвлекло бы меня от оказания помощи кому бы то ни было — при грозившей ли ему опасности или для защиты его интересов, — когда стремление к наслаждению отклонило бы меня от моего пути, наконец, когда, желая поспать подольше, я опоздал бы? (13) Так кто же может порицать меня и кто вправе на меня негодовать, если столько времени, сколько другим людям предоставляется для занятий личными делами, для празднования торжественных дней игр, для других удовольствий и непосредственно для отдыха души и тела, сколько другие уделяют рано начинающимся пирушкам, наконец, игре в кости и в мяч, я лично буду тратить на

занятия науками, постоянно к ним возвращаясь? И тем более следует предоставить мне такую возможность, что благодаря этим занятиям также совершенствуется мое красноречие, которое, каково бы оно ни было, никогда не изменяло моим друзьям, находившимся в опасном положении. Если оно и кажется кому-нибудь незначительным, то я, во всяком случае, понимаю, из какого источника мне черпать то, что выше всего.

(14) Ведь если бы я в юности, под влиянием наставлений многих людей и многих литературных произведений, не внушил себе, что в жизни надо усиленно стремиться только к славе и почестям, а преследуя эту цель — презирать все телесные муки, все опасности, грозящие смертью и изгнанием, то я никогда бы не бросился, ради вашего спасения, в столь многочисленные и в столь жестокие битвы и не стал бы подвергаться ежедневным нападениям бесчестных людей. Но таких примеров полны все книги, полны все высказывания мудрецов, полна старина; все это было бы скрыто во мраке, если бы этого не озарил свет литературы. Бесчисленные образы храбрейших мужей, созданные не только для любования ими, но и для подражания им, оставили нам греческие и латинские писатели! Всегда видя их перед собой во время своего управления государством, я воспитывал свое сердце и ум одним лишь размышлением о выдающихся людях.

(VII, 15) Кто-нибудь спросит: «Что же? А разве именно те выдающиеся мужи, о чьих доблестных делах рассказано в литературе, получили то самое образование, которое ты превозносишь похвалами?» Это трудно утверждать насчет всех, но все же я хорошо знаю, что мне ответить. Я знаю, что было много людей выдающихся душевных качеств и доблести, что они сами по себе, без образования, можно сказать, в силу своих прирожденных как бы божественных свойств, были воздержны и строги. Я даже добавлю: природные качества без образования вели к славе чаще, чем образование без природных качеств. Но я все-таки настаиваю, что всякий раз, когда к выдаю-

щимся и блестящим природным качествам присоединяются некое разумное начало и просвещение, получаемое от науки, обычно возникает нечто превосходное и замечательное. (16) Из числа таких людей был* тот человек, которого видели наши отцы, — божественный Публий Африканский; из их числа были Гай Лелий, Луций Фурий, самые умеренные и самые воздержные люди; из их числа был храбрейший и по тем временам образованнейший муж, старец Марк Катон. Если бы литература не помогала им проникнуться доблестью и воспитать ее в себе, они к ней, конечно, никогда бы не обратились. И даже если бы плоды занятий науками не были столь явны и если бы даже в этих занятиях люди искали только удовольствия, все же вы, я думаю, признали бы такое направление ума самым достойным и благородным. Ведь другие занятия годятся не для всех времен, не для всех возрастов, не во всех случаях, а эти занятия воспитывают юность, веселят старость, при счастливых обстоятельствах служат украшением, при несчастливых — прибежищем и утешением, радуют на родине, не обременяют на чужбине, бодрствуют вместе с нами по ночам, странствуют с нами и живут с нами в деревне.

(VIII, 17) Но если бы мы сами не могли ни постичь их, ни наслаждаться, воспринимая их своим умом, мы все же должны были бы восхищаться ими, даже видя их достоянием других. Кто из нас оказался настолько грубым и черствым человеком, что его не взволновала недавняя смерть Росция? Хотя он и умер стариком, все же, ввиду своего выдающегося искусства и изящества игры, он, казалось, вообще не должен был бы умирать. И если Росций снискал нашу всеобщую и глубокую любовь своими живыми телодвижениями, то неужели мы пренебрежем невероятной живостью движений души и быстротой ума? (18) Сколько раз видел я, судьи, как присутствующий здесь Архий — воспользуюсь вашей благосклонностью, раз вы так внимательно слушаете эту мою необычную речь, — сколько раз видел я, как он, не записав ни одной буквы,

произносил без подготовки большое число прекрасных стихов именно о событиях, которые тогда происходили; сколько раз, когда его вызывали для повторения, он говорил о том же, изменив слова и обороты речи! Что же касается написанного им после тщательного размышления, то оно, как я видел, встречало большое одобрение; он достигал славы, равной славе писателей древности. Его ли мне не любить, им ли не восхищаться, его ли не считать заслуживающим защиты любым способом? Ведь мы узнали от выдающихся и образованнейших людей, что занятия другими предметами основываются на изучении, на наставлениях и на науке; поэт же обладает своей мощью от природы, он возбуждается силами своего ума и как бы исполняется божественного духа. Поэтому наш знаменитый Энний справедливо называет поэтов священными, так как они кажутся препорученными нам как милостивый дар богов. (19) Да будет поэтому у вас, судьи, у образованнейших людей, священно это имя — «поэт», которое даже в варварских странах никогда не подвергалось оскорблениям. Скалы и пустыни откликаются на звук голоса, дикие звери часто поддаются действию пения и замирают на месте; а нас, воспитанных на прекраснейших образцах, не взволнует голос поэта? Жители Колофона говорят, что Гомер был их согражданином, хиосцы считают его своим; саламинцы заявляют на него права, а жители Смирны утверждают, что он принадлежит им; поэтому они даже воздвигли ему храм в своем городе; кроме того, очень многие другие города состязаются друг с другом и спорят об этом.

(IX) Итак, даже чужеземца, за то, что он был поэтом, они стремятся и после его смерти признать своим согражданином; так неужели же мы отвергнем этого вот, находящегося в живых, который и по своей доброй воле и по законам — наш, тем более что Архий издавна направил все свое усердие и все свое дарование на то, чтобы возвеличивать славу римского народа и воздавать ему хвалу? Ведь он еще юношей принялся за описание войны

с кимврами и пользовался расположением самого Гая Мария, который, казалось, довольно жестко относился к этим занятиям. (20) Ибо едва ли найдется человек, настолько враждебный Музам, чтобы сопротивляться увековечению в стихах своих деяний. Знаменитый Фемистокл, самый выдающийся афинянин, на вопрос, какого исполнителя и вообще чей голос слушает он с наибольшим удовольствием, говорят, сказал: «Голос того, кто лучше всех рассказывает о моей доблести». Поэтому и знаменитый Марий особенно ценил Луция Плоция, который, по мнению Мария, своим дарованием мог прославить его деяния. (21) Что же касается войны с Митридатом, великой, тяжелой и протекавшей на суше и на море с переменным успехом, то вся она описана Архием; книги эти возвеличивают не только Луция Лукулла, храбрейшего и знаменитейшего мужа, но и имя римского народа; ибо ведь это римский народ, под империем Лукулла, открыл для себя доступ в Понт, охранявшийся издревле властью своих царей и естественными условиями; ведь римского народа войско под водительством того же Лукулла, незначительными силами разбило неисчислимые войска армян; римского народа заслуга в том, что дружественный нам город Кизик, по решению того же Лукулла, был избавлен от нападения царя, спасен от всех опасностей и, так сказать, вырван из пасти войны; и всегда будут превозносить и восхвалять тот беспримерный морской бой под Тенедосом, в котором Луций Лукулл, перебив вражеских военачальников, потопил флот врагов; нам принадлежат трофеи, нам — памятники, нам — триумфы. И кто посвящает свое дарование восхвалению всего этого, тот возвеличивает славу римского народа. <...>

(XI) Нечего скрывать то, что не может остаться тайным и о чем следует заявить открыто: всех нас влечет жажда похвал, все лучшие люди больше других стремятся к славе. Самые знаменитые философы даже на тех книгах, в которых они пишут о презрении к славе, ставят,

однако, свое имя; они хотят, чтобы за те самые сочинения, в которых они выражают свое презрение к прославлению и известности, их прославляли и восхваляли их имена. <...>

(28) А для того, чтобы вы, судьи, сделали это охотнее, я укажу вам на самого себя и признаюсь вам в своем славолюбии, быть может, чрезмерном, но все же достойном уважения. Ведь Архий уже начал описывать стихами деяния, совершенные мной в мое консульство вместе с вами ради спасения нашей державы, а также для защиты жизни граждан и всего государственного строя. Прослушав их, я, так как это показалось мне важным и приятным, поручил ему закончить его работу. Ведь доблесть не нуждается в иной награде за свои труды, кроме награды в виде хвалы и славы; если она у нас будет похищена, то к чему нам, судьи, на нашем столь малом и столь кратком жизненном пути так тяжело трудиться? (29) Во всяком случае, если бы человек в сердце своем ничего не предчувствовал и если бы в те же тесные границы, какими определен срок его жизни, он замыкал все свои помыслы, то он не стал бы ни изнурять себя такими тяжелыми трудами, ни тревожиться и лишать себя ни из-за стольких забот, ни бороться столь часто за самое свою жизнь. Но теперь в каждом честном человеке живет доблестное стремление, которое днем и ночью терзает его сердце жаждой славы и говорит о том, что память о нашем имени не должна угаснуть с нашей жизнью, но должна жить во всех последующих поколениях.

(XII, 30) Неужели же мы все, отдаваясь государственной деятельности, подвергая опасностям свою жизнь и перенося столько трудов, столь ничтожны духом, чтобы поверить, что с нами, не знавшими до нашего последнего дыхания ни покоя, ни досуга, все умрет? Если многие выдающиеся люди постарались оставить после себя статуи и изображения, передававшие не их душу, а их внешний облик, то не должны ли мы предпочесть, чтобы после нас осталась картина наших помыслов и доблестных деяний,

искусно созданная людьми величайшего дарования? Я, по крайней мере, думал, что все деяния, какие я совершал, уже в то время, когда они совершались, становились семьями доблести, рассыпающимися по всему миру, и что память о них сохранится навеки. Но, будут ли эти воспоминания, после моей смерти, далеки от моего сознания или же, как думали мудрейшие люди, они будут соприкасаться с какой-то частью моей души, теперь я, несомненно, услаждаю себя размышлениями об этом и питаю какую-то надежду.

(31) Итак, судьи, спасите человека, столь благородного душой, что порукой за него, как видите, является высокое положение его друзей и их давняя дружба с ним, и столь высоко одаренного, а это можно видеть из того, что к его услугам прибегали люди выдающегося ума). Что касается правоты его дела, то она подтверждается законом, авторитетом муниципия, свидетельскими показаниями Лукулла, записями Метелла. Коль скоро это так, прошу вас, судьи, — если люди столь великого дарования имеют право на покровительство не только людей, но и богов, — то этого человека, который всегда возвеличивал вас, ваших императоров, подвиги римского народа, человека, который обещает увековечить славу недавней борьбы с теми опасностями, что внутри государства угрожали мне и вам, который принадлежит к числу людей, каких всегда считали и называли священными, примите под свое покровительство, чтобы его участь была облегчена вашим милосердием, а не ухудшена вашим бессердечием.

(32) Что я, по своему обыкновению, коротко и просто сказал о судебном деле, судьи, не сомневаюсь, заслужило всеобщее одобрение. Что касается сказанного мной о даровании Архия и о его занятиях вообще, — когда я, можно сказать, отступил от своего обыкновения и от судебных правил, — то вы, надеюсь, приняли это благосклонно. Тот, кто вершит этот суд, воспринял это именно так; в этом я уверен.

Поучение Григория, епископа Белгородского (конец XII века)

Данная речь представляет собой яркий пример средневековой русской проповеди (гомилетической речи). Ее приписывают белгородскому епископу Григорию. Епископ Белгорода (небольшого города под Киевом) заменял митрополита в периоды его отсутствия; в один из таких моментов, по-видимому, и была произнесена данная проповедь.

Текст приводится по изданию: Изборник: Повести Древней Руси. М., 1986.

Приблизьтесь, все мужи вместе и жены, церковные и светские, монахи и попы, богатые и бедные, местные и чужеземцы, соберитесь и послушайте меня, хотя я и не пастырь ваш и не знаю, как начать. Ибо только нахожусь я рядом с пастырем и вместо пастыря оставлен вам я, но ничего враждебного не совершу, хотя вижу всех убиваемых и на земле несчастной падающих — и спешу на помощь. Ибо если оберегает милосердие божье — и мертвые воскреснут, и бог в них восславится, но если раб действительно любит своего господина, то, видя его в позоре, в пренебрежении, не сочувствует ли он сердцем? И, если другого ничего не может сделать, не выкажет ли он свою поспешность в том, что не сможет видеть столько унижений и бесславья своего господина? И вы же все, сколько вас душу имеет человеческую и еще не совсем звероподобны, если видите, чей дом пожаром занимается и когда он совсем уже пропадает, не со рвением ли обеими руками поднимаетесь и спешите, стараясь загасить огонь и пламя? Как же я, видя не одни лишь дома, но весь город, не только город, но и окрестности его погорающими, полностью сожженными, и не как от огня дерево, но от пламени погибающих, — то не восскорблю ли душою и, насколько есть во мне силы, не попытаюсь ли загасить пламя? Что же это за пламень? Скажите вы мне: не тот ли, которым вы наполняетесь, когда пьете вино и мед и дру-

гие напитки безмерно, так что как будто от какого огня выгораєте? Таков по рождению хмель: согревает и разжигает нутро, как будто душу изгубляющее пламя. Пьяницы ведь царства божьего не получают — и не так ли уж ясно, что всякий пьяница погибает: и от бога они отгоняются, и в негасимый вечный огонь посылаемы. Я же, поверьте мне, ужасаюсь, раздумывая, как в вас бесы ликуют и сатана торжествует в вас и радуется пьянству, чтимому вами; все будто богом неким захвачены им, и детям своим вы велите поклоняться пьянству. И тот лишь считаете праздник славным, если лежат все, будто мертвые, спьяну, как идола, — с разверстыми ртами, но языками безгасными, с очами открытыми, но не видящими, с ногами, которые не могут ходить! Кто по достоинству вас оплачет, столь горестно от пьянства гибнущих? Нет человека несчастнее пьяницы: пьяница жизни своей лишается — для загробной жизни он больше чем умер, но жизни и там не сподобится! О вас хотел бы услышать, как бог говорит, что «не прибудет дух мой в людях таких», — так как плоть лишь у пьяниц там, где должен быть дух; дым отгоняет пчел, а пьянство духа святого прогонит; пьяница — весь из плоти, весь пороков исполнен и нечистот, пьяница ни о каком благе не помышляет. Боюсь я, верьте мне, что крещение угнетается вашим пьянством, ибо крещение святое на святыне основано, в пьянице же святыни нет никакой. Я рыдаю и плачу оттого, что больше Христа вам угоден дьявол, ибо ему вы творите радость. Когда вы упьетесь, тогда вы блудите и скачете, кричите, поете и пляшете, и в дудки дудите, завидуєте, пьете чуть свет, объедаетесь и упиваетесь, блюете и льстите, злопамятствуете, гневитесь, бранитесь, хулите и сердитесь, лжете, возносите, срамословите и кощунствуете, вопите и ссоритесь, море вам по колено, смеетесь, крадете, бьете, деретесь и празднословите, о смерти не помните, спите много, обвиняете и порицаете, божитесь и укоряете, доносите, — но как же святому крещенью не тужить из-за вашего пьянства? Да и плясунья жена — сатанина невеста, супруга дьяволу: когда каждый мужчина глядит на такую жену, для мужа ее при-

стойно то и бесстыдно; образ божий нося на груди, с женою своею в пляске сойтись! — и вы еще входите в церковь! Так скажите же мне, как вы бога восславите? Ведь ясно, что пьяного, смрадом рыгающего, бог так же не любит, как сами гнушаемся мертвого пса мы смердящего. Горе мне! горе мне! каким образом устроил это господь бог в те дни, в какие не ждал я, что увижу людей, чтящих деяния беса?! И совсем того не стыдящихся, но даже гордящихся! Прекратите, братья, проклятое пьянство, ибо на радость нам дал бог вино, а также в удобное время, а не на пьянство. Горе мне! Горе мне! Зачем бога, создавшего вас, покидаете и предаетесь пьянству, которое идолов хуже? Скажите мне: чем отличаетесь вы от неверных, когда напиваетесь до опьянения? Они ведь служат созданию, а мед — что такое, не есть ли создание божье? И говорите: «Тогда только праздник хорош, если на несколько дней мы упьемся!» Подумайте сами, что говорите: ведь, отвлекаясь от праздника, дьяволу вы угождаете! Как очерствил сатана вашу душу! Но зачем так много я говорю? Раскайтесь! Откажитесь от такого веселья, что велит напиваться по праздникам, и восплачьте, каясь в ваших излишествах, иначе закроется царство небесное. Если, покаясь, не оставите подобных поступков, то будут вас мучить бесконечное время в негасимом огне! Богу нашему слава и власть с отцом и с духом святым и теперь, и всегда, и во веки веков. Аминь.

Феофан Прокопович,

Слово на погребение Петра Великого

Феофан Прокопович — один из ярчайших представителей культуры периода Петровских реформ, известный поэт, писатель и теоретик риторики. Текст этой самой знаменитой речи Прокоповича приводится по изданию: Граудина Л. К., Кочеткова Г. И. М., 2001.

Что се есть? До чего мы дожили, о россияне? Что видим? Что делаем? Петра Великого погребаем! Не мечтание ли се? Не сонное ли нам привидение? О, как истинная

печаль! О, как известное наше злоключение! Виновник бесчисленных благополучий наших и радостей, воскресивший аки от мертвых Россию и воздвигший в толикую силу и славу, или паче, рождший и воспитавший прямой сын отечества своего отец, которому по его достоинству добрии российстии сынове бессмертну быть желали, по летам же и состава крепости многолетно еще жить имущего вси надеялися, — противно и желанию и чаянию скончал жизнь и — о лютой нам язвы! — тогда жизнь скончал, когда по трудах, беспокойствах, печалех, бедствиях, по многих и многообразных смертех жить нечто начинал. Довольно же видим, коль прогневали мы тебе, о боже наш! И коль раздражили долготерпение твое! О недостойных и бедных нас! О грехов наших безмерия! Не видяй сего слеп есть, видяй же и не исповедуяй в жестокосердии своем окаменей есть. Но что нам умножать жалости и сердоболия, которые утолять елико возможно подобает. Как же то и возможно! Понеже есть ли великия его таланты, действия и дела воспомянем, еще вящше утратою толикого добра нашего уязвимся и возрыдаем. Сей воистинну толь печальной траты разве бы летаргом неким, неким смертообразным сном забыть нам возможно.

Кого бо мы, и какового, и коликого лишились? Се оный твой, Россие, Сампсон, каковый да бы в тебе мог явиться никто в мире не надеялся, а о явльшемся весь мир удивился. Застал он в тебе силу слабую и сделал по имени своему каменную, адамантову; застал воинство в дому вредное, в поле не крепкое, от супостат ругаемое, и ввел отечеству полезное, врагом страшное, всюду громкое и славное. Когда отечество свое защищал, купно и возвращением отъятых земель дополнил и новых провинций приобретением умножил. Когда же восстающыя на нас разрушал, купно и зломыслящих нам сломил и сокрушил духи и, заградив уста зависти, славная проповедати о себе всему миру повелел.

Се твой первый, о Россие, Иафет, неслыханное в тебе от века дело совершивший, строение и плавание карабельное, новый в свете флот, но и старым не уступающий, как

над чаяние, так вышше удивления всея селенныя, и отверзе тебе путь во вся концы земли и простре силу и славу твою до последних окиана, до предел пользы твоея, до предел, правдою полагаемых, власть же твоея державы, прежде и на земли зыблющуюся. ныне и на мори крепкую и постоянную сотворил.

Се Моисей твой, о Россие! Не суть ли законы его, яко крепкая забрала правды и яко нерешимыя оковы злодеяния! Не суть ли уставы его ясныя, свет стезям твоим высокоправительствующий сигклит и под ним главныя и частныя правительства, от него учрежденныя! Не светила ли суть тебе к поисканию пользы и ко отражению вреда, к безопасию миролюбных и ко обличению свирепых! Воистинну оставил нам сумнение о себе, в чем он лучший и паче достохвальный, или яко от добрых и простосердечных любим и лобызаемъ, или яко от нераскаянных лестцов и злодеев ненавидимъ был.

Се твой, Россие, Соломон, приемший от господы смысл и мудрость многу зело. И не довольно ли о сем свидетельствуют многообразная философская искусства и его действием показанная и многим подданным влиянная и заведенная различная, прежде нам и неслыханная учения, хитрости и мастерства; еще же и чины, и степени, и порядки гражданския, и честныя образы житейского обхождения, и благоприятных обычаев и нравов правила, но и внешний вид и наличие краснопретвореное, яко уже отечество наше, и отвнутри и отвне, несравненно от прежних лет лучшее и весьма иное видим и удивляемся.

Се же твой, о и церкви российской, и Давид и Константин. Его дело — правительство синодальное, его попечение — пишемая и глаголемая наставления. О, коликая произносило сердце сие воздыхания о невежестве пути спасенного! Коликыя ревности на суеверия, и лестническия притворы и раскол, гнездящийся в нас безумный, враждебный и пагубный! Коликое же в нем и желание было и искание вящшаго в чине пастырском искусства, прямейшего в народе богомудрия и изряднейшего во всем исправления!

Но о многоименитого мужа! Кратким ли словом объемом бесчисленные его славы, а простирать речи не допускает настоящая печаль и жалость, слезить токмо и стенать понуждающая. Негли со временем нечто притупится терн сей, сердца наша бодущий, и тогда пространнее о делах и добродетелях его побеседуем. Хотя и никогда довольно и по достоинству его возглаголати не можем; а и ныне, кратко воспоминающе и аки бы токмо воскрилий риз его касающееся, видим, слышателие, видим, беднии мы и несчастливи, кто нас оставил и кого мы лишились.

Не весьма же, россиане, изнемогаим от печали и жалости, не весьма бо и оставил нас сей великий монарх и отец наш. Оставил нас, но не нищих и убогих: безмерное богатство силы и славы его, которое вышеименованными его делами означилося, при нас есть. Какову он Россию свою сделал, такова и будет; сделал добрым любимую, любима и будет; сделал врагом страшную, страшная и будет; сделал на весь мир славную, славная и быть не престанет. Оставил нам духовная, гражданская и воинская исправления. Убо оставляя нас разрушением тела своего, дух свой оставил нам.

Наипаче же в своем в вечная отшествии не оставил нас сирых. Како бо весьма осиротелых нас наречем, когда державное его наследие видим, прямого по нем помощника в жизни его и подобонравного владетеля по смерти его, тебе, милостивейшая и самодержавнейшая государыня наша, великая героиня, и монархиня, и мать всероссийская! Мир весь свидетель есть, что женская плоть не мешает тебе быть подобной Петру Великому. Владетельское благоразумие и матернее благоутробие, и природою тебе от бога данное, кому не известно! А когда обое то утвердилось в тебе и совершилось, не просто сожитием толикого монарха, но и сообществом мудрости, и трудов, и различных бедствий его, в которых чрез многая лета, аки злато в горниле искушенную, за малое судил он иметь ложа своего сообщницу, но и короны, и державы, и престола своего наследницу сотворил. Как нам не надеяться, что сделанная от него утвердишь, недоделанная совершишь

и все в добром состоянии удержишь! Токмо, о душе мужественная, потщися одолеть нестерпимую сию болезнь твою, аще и усугубилася она в тебе отъятием любезнейшей дщери и, аки жестокая рана, новым уязвлением без меры разъярилася. И якова ты от всех видима была в присутствии подвизающегося Петра, во всех его трудах и бедствиях неотступная бывши сообщница, понудися такова же быти и в прегорьком сем лишении.

Вы же, благороднейшее сословие, всякого чина и сана сынове российский, верностью и повиновением утешайте государыню и мать вашу, утешайте и самих себе, несумненным познанием петрова духа в монархии вашей видяще, яко не весь Петр отшел от нас. Прочее припадаем вси господеву нашему, тако посетившему нас, да яко бог щедрот и отец всякия утехы ея величеству самодержавнейшей государыни нашей и ея дражайшей крови — дщерям, внукам, племянницам и всей высокой фамилии отрет сия неутолимыя слезы и усладит сердечную горесть благодетным своим призрением и всех нас милостивне да утешит. Но, о Россие, видя кто и каковой тебе оставил, виждь и какову оставил тебе. Аминь.

Степан Козловский, О необходимости чтения книг

Эта речь, созданная в XVIII в., представляет собой яркий пример школьного красноречия. Хотя эту разновидность ораторского искусства выделяют далеко не всегда, она все же существует. К ней относятся речи, создававшиеся главным образом не для удовлетворения тех или иных потребностей, а для тренировки; такие речи, естественно, обычно произносились публично, однако основная их функция все же была учебной. До нас такие речи дошли благодаря рукописным сборникам, составленным в учебных заведениях опять-таки с педагогическими целями. Ее автором является студент Московской Духовной Академии.

Текст приводится по изданию: Аннушкин В. И. История русской риторики: Хрестоматия. М., 1998.

Любопытные мужи, возымев старание о науках, начали в оных помалу упражняться и, увидев проницательным оком, что они немалою пользою могут служить человеку в жизни, старались их распространить и умножить. И для того представляя некоторым оных выгоды, заохочивали к продолжению оных и оставляли их своими последователями и преемниками, дабы не самим только наслаждаться приятною добротою оных, но чтобы и других сделать причастными их сладости. И таким образом, когда науки распространились и многие сделались испытателями оных, то видя, что их плодами пользуются только те, которые живут с ними в те же времена и в тех же местах, заблагорассудили сочинения свои напечатывать в книги и издавать в свет, дабы за многия тысячи от них живущие и гораздо в позднейшие времена жить имеющие употребляли их труды в свою пользу, что и справедливо. Ибо видим мы многих ученейших мужей полезные сочинения до наших времен дошедшие, которых число и ныне не уменьшается, но усугубляется.

Сие еще не требует другого доказательства, поелику в день огня не надобно. Из чего видно, что книги пишутся с тем, чтобы их издавать в свет. Для того в сем кратком моем слове предложить вознамерился, что надобно ли читать или нет? И прежде рассуждения о сей материи, во-первых, вас прошу, п. с. (почтеннейшие слушатели — А. В.), речь мою, какова она ни есть, выслушать с надлежащим вниманием. Неможно сказать, слушатели, чтобы нам не надобно было читать разных авторов сочинения, ибо мы из оных почерпаем превеликую пользу, которую ниже покажу и доказывать буду.

Довольно известно, что мы, читая различные книги о многих вещах, получаем тончайшее знание в краткое время, да притом сходное с натурою оных, которая бы ясно познать стараясь, не таким образом поняли, каким надобно, но может быть бы ошиблись, употребив на то пре-

много времени. Да и несомненно, что более могут видеть многие, нежели один. Мы, читая различные сочинения, не только познаем натуру некоторых вещей, но научаемся по подобию оных подробно рассуждать об них, и находить причины, а что нас научает рассуждать о вещах подробно, то просвещает наш разум, а как чтение различных книг научает нас подробно рассуждать в вещах, следовательно, просвещает разум, а когда просвещает разум, то книги читать надобно; и что тот может о вещах рассуждать подробно, кто чтение книг не пренебрегает.

По предложении же сего доказательства встречается другое, которое пользу чтения представляет. Оно есть следующее: что всякой для того должен прилежать к чтению ученых мужей сочинений, поелику мы не все имеем равныя от природы данныя дарования, но многих она таковыми одарила, чрез которых они удобнее и основательнее об всем рассуждать могут, нежели мы, то видно, что мы не столь хорошо рассуждаем, сколько другие, то оной недостаток ничем другим дополнить не можем, как следуя тому, кто нас остротою гораздо превосходит. Да еще и сего недовольно ко подтверждению, а есть другие причины, которые сдесь предложить не непристойно.

Нам, упражняющимся в чтении авторов, часто попадает то, чего мы во всю свою жизнь не достигли, и не столько бы не имели об нем яснаго понятия, но ниже бы названия онаго знали для того, что мы всех вещей знать, а наипаче чрез самих себя не можем, а хотя бы и не было пользы для нас в чтении, но однако и любопытство бы только одно нас к сему склоняло. То есть хотя не для того, чтобы получить какую пользу, но для того, кто о чем как думает и сходно ли с нашим мнением или нет. При сем упомяну и то, что нам многие известны приученные мужи, которые не только в свои времена, но и в наши в немалом почтении и уважении находятся у ученых, но знаем ли хотя одного такого, который бы учения от других не заимствовал? Поистинне все от других научаются,

то мы лишились ли тех учителей, которые их научили премудрости? Нет. Хотя мы их и не видим, но в чем их состояло учение, то нам известно. Ибо оно содержится в книге и дошло до наших времен, то для чего нам не читать тех сочинений, которые учили тех, которых мы учеными почитаем? для чего не читать тех книги, которые писали правила, к благополучию жизни служащая? для чего не читать книги тех, которые описывали прошедшие дела, памяти достойныя для того, чтобы мы, взирая на них, могли препровождать жизнь спокойно и осторожно? Есть ли же нам книг читать не надобно для того только, что их писали такие же, как и мы, так сие думать непристойно, ибо мы, не следуя другим, учеными быть не можем, а сие есть противно закону естественному, которой то повелевает заимствовать от других, чего сам не имеешь и другим сообщать что сам имеешь, да не имеют другие.

При сем упомянуть надобно, что книги читать должно сочиненные мужами учеными и от прочих ученых одобренные. Напротив того, бесполезно чтение тех, кои читают книги маловажные и ничего отменнаго не заключающие. Вредно чтение тех, которые читают книги для одного увеселения писанные, ибо первые теряют напрасно время, а другие развращаются. Когда же мы будем читать книги выше сего одобренные с тем намерением, чтобы оные когда-либо было нам полезно, то следующее при чтении наблюдать надобно: когда читаешь какую книгу, то тот язык знай основательно, на котором она писана, ибо от незнания онаго понимать будет трудно. Не будь никакими занят страстями, поелику они отнимают внимание, а без внимания чтение есть ничто. Читай не торопясь, но с разсуждением, поелику читать без разсуждения то же есть, что решетом черпать воду. Того, чье читаешь сочинение, не должен ни чрезвычайно любить, ни ненавидеть, понеже любовь делает то, что ты не то будешь почитать за справедливое, хотя будет нечто и ложное, а ненависть — то, что и справедливое будешь презирать и почитать ложным, которое и то, и другое в чтении оставлять должно.

Итак, довольно ясны причины, для которых надобно столько прилежать ко чтению книг, сколько сможем. Ибо выше доказано, какая оно содержит для читающих выгоды. Для (того) постараемся и мы читать ученых сочинения, употребив к тому те способы и принадлежности, которые выше показаны, дабы и нам приобрести такую же пользу, какую многие из онаго почерпали и почерпают, дабы чрез сие сделаться и нам такими, которых читают книги — и им подражать всегда обязаны.

Высочайший манифест императора Александра I по случаю окончания войны с Наполеоном

Этот текст был включен в хрестоматию для того, чтобы проиллюстрировать такой тип красноречия, как военное красноречие. Данная речь была приведена в качестве примера в «Учебном курсе словесности» В. Т. Плаксына, увидевшей свет в 1843–1844 гг. Текст манифеста приводится по изданию: Аннушкин В. И. История русской риторики: Хрестоматия. М., 1998.

Буря брани, врагом общего спокойствия, врагом России непримиримым поднятая, недавно свирепствовавшая в сердце Отечества нашего, ныне в страну неприятелей перенесшаяся, на ней отяготилась. Исполнилась мера терпения Бога, защитника правых!

Всемогуший ополчил Россию, да ея возвратит свободу народам и царствам, да воздвигнет падшие! Тысяча восемьсот двенадцатый год, тяжкий ранами, приятыми в грудь Отечества нашего для низложения коварных замыслов властолюбивого врага, вознес Россию на верх славы, явил пред лицом вселенной величие ее, положил основание свободы народов. С прискорбием души и истощив все средства к отвращению незаконной войны, прибегли мы к средствам силы. Горестная необходимость извлекла меч наш. Достоинство народа, промыслom Все-

вышнего попечению нашему вверенного, воспретило опустить его во влагалище, доколе неприятель на земле нашей. Торжественно дали мы сие обещание. Дали его не обольщенные блеском славы, не упоенные властолюбием, не во времена счастья. С сердцем чистым изливав у алтаря преевечного моления наши, в твердом уповании на правосудие его, исполнены чувств правоты нашей, призвали его на помощь. Мы предприняли дело великое. Во благодати Божией снискали конец его. Единодушные любезных нам верноподданных, известная любовь их к Отечеству утвердила надежды наши.

Российское дворянство, сильная надежда престола, на коей всегда возлежало величие его, служители алтарей всеильного Бога, их же благочестием утверждаемое на пути веры, знаменитое заслугами купечество и граждане не щадили никаких пожертвований.

Кроткий поселянин, незнакомый дотоль со звуком оружия, оружием защищал веру, отечество и государя, жизнь казалась ему малою жертвою. Чувство рабства незнаемо сердцу россиянина. Никогда не преклонял он главы пред властью чуждою. Дерзал ли кто налагать иго? Не коснело наказание! Вносил ли кто оружие в отечество его? Указует он гробы их! Тако возносит Бог уповающего на него! Враги побегли от лица нашего. Немногие остались, да возвестят о гибели. Тако гордого наказует Бог! Новые между тем преуготовлялись врагов ополчения. Еще противоборствующие России народы поставляли безопасность в соединении сил. Дабы оградить отечество от вторжения неприятелей, надлежало вынести войну вне пределов его, и победоносные воинства наши явились на Висле. Настал тысяча восемьсот тринадцатый год! Народы склонили слух свой к внушению истины. Утомленная бедствиями бодрость воспрянула. Души их слились во единую. Ополчения составили единое ополчение. Противящиеся покорены оружием. Быстрое прохождение от торжества к торжеству привело на берега Рейна. Неприятель пребыл непреклонным к миру. Но едва протек год, узрел он

нас при вратах Парижа! Французский народ, никогда не возбуждавший в нас чувств враждебных, удержал гром наш, готовый низринуться. Франция открыла глаза на окружающую бездну, расторгла узы обольщения, устыдилась быть орудием властолюбца. Глас отечества пробудился в душе народа. Возник новый вещей порядок: призван на престол законный государь. Франция возжелала мира. Ей дарован он, великодушный и прочный. Мир, сей залог частной каждого народа безопасности, всеобщего и продолжительного спокойствия, ограждающий независимость, утверждающий свободу, обещевает благоденствие Европы, приуготовляет возмездие, достойное принесенных трудов и преодоленных опасностей. Всемогуший положил предел бедствиям, прославил любезное наше Отечество в роде родов, воздал нам по сердцу и желаниям. Мы, благоговевя перед Господом, подателем всех благ, воссылая благодарственное моление из души нашей, повелеваем, да во всем пространстве империи нашей принесется торжественное молебствие милосердному Богу. Уверены мы, что Россия падет на колена и прольет слезы радости у престола Всещедрого.

П. А. Александров, Защитительная речь по делу В. Засулич (1878)

Петр Акимович Александров (1836–1893) — известный русский юрист, который начинал свою работу в прокуратуре, а в 1870-х годах стал практиковать как адвокат.

Приводимая ниже защитительная речь, произнесенная П. А. Александровым, привела к тому, что присяжные оправдали Веру Засулич; выигрыш этого дела принес П. А. Александрову огромную известность, которая не ограничивалась пределами России. Дело В. Засулич, которое рассматривалось Петербургским окружным судом с участием присяжных заседателей 31 марта 1878 г., заключалось в том, что 24 января 1878 г. она выстрели-

ла из пистолета в генерала Трепова, протестуя таким образом против применения телесных наказаний (незадолго до этого Трепов отдал распоряжение высечь розгами политического подследственного Боголюбова, находившегося в доме предварительного заключения).

Данная речь представляет собой прекрасный пример защитительной речи в том виде, в котором она сложилась к XIX веку в русской судебной практике. При изучении этой речи необходимо помнить, что решение проблем при помощи терроризма (что в наши дни стало актуальным), бесспорно, недопустимо. Однако этот исторический эпизод поучителен: он заставляет задуматься о том, что к подобным действиям людей нередко подталкивает ущемление их собственных прав или прав их близких.

Господа присяжные заседатели! Я выслушал благородную, сдержанную речь товарища прокурора, и со многим из того, что сказано им, я совершенно согласен; мы расходимся лишь в весьма немногом, но, тем не менее, задача моя после речи господина прокурора не оказалась облегченной. Не в фактах настоящего дела, не в сложности их лежит его трудность; дело это просто по своим обстоятельствам, до того просто, что если ограничиться одним только событием 24 января, тогда почти и рассуждать не придется. Кто станет отрицать, что самоуправное убийство есть преступление; кто будет отрицать то, что утверждает подсудимая, что тяжело поднимать руку для самоуправной расправы?

Все это истины, против которых нельзя спорить, но дело в том, что событие 24 января не может быть рассматриваемо отдельно от другого случая: оно так связуется, так переплетается с фактом совершившегося в доме предварительного заключения 13 июля, что если непонятным будет смысл покушения, произведенного В. Засулич на жизнь генерал-адъютанта Трепова, то его можно уяснить, только сопоставляя это покушение с теми мотивами, на-

чало которых положено было происшествием в доме предварительного заключения. В самом сопоставлении, собственно говоря, не было бы ничего трудного; очень нередко разбирается не только такое преступление, но и тот факт, который дал мотив этому преступлению. Но в настоящем деле эта связь до некоторой степени усложняется, и разъяснение ее затрудняется. В самом деле, нет сомнения, что распоряжение генерал-адъютанта Трепова было должностное распоряжение. Но должностное лицо мы теперь не судим, и генерал-адъютант Трепов является здесь в настоящее время не в качестве подсудимого должностного лица, а в качестве свидетеля, лица, потерпевшего от преступления; кроме того, чувство приличия, которое мы не решились бы преступить в защите нашей и которое не может не внушить нам известной сдержанности относительно генерал-адъютанта Трепова как лица, потерпевшего от преступления. Я очень хорошо понимаю, что не могу касаться действий должностного лица и обсуждать их так, как они обсуждаются, когда это должностное лицо предстоит в качестве подсудимого. Но из того затруднительного положения, в котором находится защита в этом деле, можно, мне кажется, выйти следующим образом.

Всякое должностное, начальствующее лицо представляется мне в виде двуликого Януса, поставленного в храме, на горе; одна сторона этого Януса обращена к закону, к начальству, к суду; она ими освещается и обсуждается; обсуждение здесь полное, веское, правдивое; другая сторона обращена к нам, простым смертным, стоящим в притворе храма, под горой. На эту сторону мы смотрим, и она бывает не всегда одинаково освещена для нас. Мы к ней подходим иногда только с простым фонарем, с грошовой свечкой, с тусклой лампой, многое для нас темно, многое наводит нас на такие суждения, которые не согласуются со взглядами начальства, суда на те же действия должностного лица. Но мы живем в этих, может быть, иногда и ошибочных понятиях, на основании их мы питаем те или

другие чувства к должностному лицу, порицаем его или славословим его, любим или остаемся к нему равнодушным, радуемся, если находим распоряжения мотивом для наших действий, за которые мы судимся и должны ответить, тогда важно иметь в виду не только то, правильны или не правильны действия должностного лица с точки зрения закона, а как мы сами смотрели на них. Не суждения закона о должностном действии, а наши воззрения на него должны быть приняты как обстоятельства, обуславливающие степень нашей ответственности. Пусть эти воззрения будут и неправильны, они ведь имеют значение не для суда над должностным лицом, а для суда над нашими поступками, соображенными с теми или другими руководившими нами понятиями.

Чтобы вполне судить о мотиве наших поступков, надо знать, как эти мотивы отразились в наших понятиях. Таким образом, в моем суждении о событии 13 июля не будет обсуждения действий должностного лица, а только разъяснение того, как отразилось это событие на уме и убеждениях Веры Засулич. Оставаясь в этих пределах, я, полагаю, не буду судьей действий должностного лица и затем надеюсь, что в этих пределах мне будет дана необходимая законная свобода слова и вместе с тем будет оказано снисхождение, если я с некоторой подробностью остановлюсь на таких обстоятельствах, которые с первого взгляда могут и не казаться прямо относящимися к делу. Являясь защитником В. Засулич, по ее собственному избранию, выслушав от нее, в моих беседах с нею, многое, что она находила нужным передать мне, я невольно впадаю в опасение не быть полным выразителем ее мнения и упустить что-либо, что, по взгляду самой подсудимой, может иметь значение для ее дела.

Я мог бы теперь начать прямо со случая 13 июля, но нужно прежде исследовать почву, которая обусловила связь между 13 июля и 24 января. Эта связь лежит во всем прошедшем, во всей жизни В. Засулич. Рассмотреть

эту жизнь весьма поучительно; поучительно рассмотреть ее не только для интересов настоящего дела, не только для того, чтобы определить, в какой степени виновна В. Засулич, но ее прошедшее поучительно и для извлечения из него других материалов, нужных и полезных для разрешения таких вопросов, которые выходят из пределов суда: для изучения той почвы, которая у нас нередко производит преступление и преступников. Вам сообщены уже о В. Засулич некоторые биографические данные: они не длинные, и мне придется остановиться только на некоторых из них.

Вы помните, что с семнадцати лет, по окончании образования в одном из московских пансионов, после того как она выдержала с отличием экзамен на звание домашней учительницы, Засулич вернулась в дом своей матери. Старуха-мать ее живет в Петербурге. В небольшой сравнительно промежуток времени семнадцатилетняя девушка имела случай познакомиться с Нечаевым и его сестрой. Познакомилась она с ней совершенно случайно, в учительской школе, куда она ходила изучать звуковой метод преподавания грамоты. Кто такой был Нечаев, какие его замыслы, она не знала, да тогда еще и никто не знал его в России; он считался простым студентом, который играл некоторую роль в студенческих волнениях, не представлявших ничего политического.

По просьбе Нечаева В. Засулич согласилась оказать ему некоторую, весьма обыкновенную услугу. Она раз три или четыре принимала от него письма и передавала их по адресу, ничего, конечно, не зная о содержании самих писем. Впоследствии оказалось, что Нечаев государственный преступник, и ее совершенно случайные отношения к Нечаеву послужили основанием к привлечению ее в качестве подозреваемой в государственном преступлении по известному нечаевскому делу. Вы помните из рассказа В. Засулич, что двух лет тюремного заключения стоило ей это подозрение. Год она просидела в Литовском замке и год в Петропавловской крепости. Это были восемнадцатый и девятнадцатый годы ее юности.

Годы юности по справедливости считаются лучшими годами в жизни человека; воспоминания о них, впечатления этих лет остаются на всю жизнь. Недавний ребенок готовится стать созревшим человеком. Жизнь представляется пока издали ясной, розовой, обольстительной стороной без мрачных теней, без темных пятен. Много переживает юноша в эти короткие годы, и пережитое кладет след на всю жизнь. Для мужчины это пора высшего образования; здесь пробуждаются первые прочные симпатии; здесь завязываются товарищеские связи; отсюда выносятся навсегда любовь к месту своего образования, к своей *alma mater* [мать кормящая]. Для девицы годы юности представляют пору расцвета, полного развития; перестав быть дитятею, свободная еще от обязанностей жены и матери, девица живет полною радостью, полным сердцем. То пора первой любви, беззаботности, веселых надежд, незабываемых радостей, пора дружбы; то пора всего того дорогого, неуловимо-мимолетного, к чему потом любят обращаться воспоминаниями зрелая мать и старая бабушка.

Легко вообразить, как провела Засулич эти лучшие годы своей жизни, в каких забавах, в каких радостях провела она это дорогое время, какие розовые мечты волновали ее в стенах Литовского замка и казематах Петропавловской крепости. Полное отчуждение от всего, что за тюремной стеной. Два года она не видела ни матери, ни родных, ни знакомых. Изредка только через тюремное начальство доходила весть от них, что все, мол, слава богу, здоровы. Ни работы, ни занятий. Кое-когда только книга, прошедшая через тюремную цензуру. Возможность сделать несколько шагов по комнате и полная невозможность увидеть что-либо через тюремное окно. Отсутствие воздуха, редкие, прогулки, дурной сон, плохое питание. Человеческий образ видится только в тюремном стороже, приносящем обед, да в часовом, заглядывающем время от времени в дверное окно, чтобы узнать, что делает арестант. Звук отворяемых и затворяемых замков, бряца-

ние ружей сменяющихся часовых, мерные шаги караула да уныло-музыкальный звон часов Петропавловского шпица. Вместо дружбы, любви, человеческого общения одно сознание, что справа и слева, за стеной, такие же товарищи по несчастью, такие же жертвы несчастной доли.

В эти годы зарождающихся симпатий Засулич действительно создала и закрепила в душе своей навеки одну симпатию — беззаветную любовь ко всякому, кто, подобно ей, принужден влачить несчастную жизнь подозреваемого в политическом преступлении. Политический арестант, кто бы он ни был, стал ей дорогим другом, товарищем юности, товарищем по воспитанию. Тюрма была для нее *alma mater*, которая закрепила эту дружбу, это товарищество.

Два года кончились. Засулич отпустили, не найдя даже никакого основания предать ее суду. Ей сказали: «Иди» и даже не прибавили: «И более не согрешай», потому что прегрешений не нашлось, и до того не находилось их, что в продолжение двух лет она всего только два раза была спрошена, и одно время серьезно думала, в продолжение многих месяцев, что она совершенно забыта: «Иди». Куда же идти? По счастью, у нее есть куда идти, у нее здесь, в Петербурге, старуха-мать, которая с радостью встретит дочь. Мать и дочь были обрадованы свиданием; казалось, два тяжких года исчезли из памяти. Засулич была еще молода: ей был всего двадцать первый год. Мать утешала ее, говорила: «Поправишься, Верочка, теперь все пройдет, все кончилось благополучно». Действительно, казалось, страдания излечатся, молодая жизнь одолеет, и не останется следов тяжелых лет заключения. Была весна, пошли мечты о летней дачной жизни, которая могла казаться земным раем после тюремной жизни; прошло десять дней полных розовых мечтаний. Вдруг поздний звонок. Не Друг ли запоздалый? Оказывается не друг, но и не враг, а местный надзиратель. Объясняет он Засулич, что приказано ее отправить в пересыльную тюрьму. «Как в тюрьму? Вероятно, это недоразумение, я не привлечена к нечаевско-

му делу, не предана суду, обо мне дело прекращено судебною палатою и Правительствующим Сенатом». «Не могу знать, отвечает надзиратель, пожалуйста, я от начальства имею предписание взять вас».

Мать принуждена отпустить дочь. Дала ей кое-что: легкое платье, бурнус, говорит: «Завтра мы тебя навестим, мы пойдем к прокурору, этот арест очевидное недоразумение, дело объяснится и ты будешь освобождена».

Проходят пять дней, В. Засулич сидит в пересыльной тюрьме с полной уверенностью скорого освобождения.

Возможно ли, чтобы после того как дело было прекращено судебною властью, не нашедшей никакого основания в чем бы то ни было обвинять Засулич, она, едва двадцатилетняя девица, живущая у матери, могла быть выслана, и выслана только что освобожденная, после двух-летнего тюремного заключения.

В пересыльной тюрьме навещают ее мать, сестра; ей приносят конфеты, книжки; никто не воображает, чтобы она могла быть выслана, и никто не озабочен приготовлениями к предстоящей высылке.

На пятый день задержания ей говорят: «Пожалуйста, вас сейчас отправляют в город Крестцы». «Как отправляют? Да у меня нет ничего для дороги. Подождите, по крайней мере, дайте мне возможность дать знать родственникам, предупредить их. Я уверена, что тут какое-нибудь недоразумение. Окажите мне снисхождение, подождите, отложите мою отправку хоть на день, на два, я дам знать родным». «Нельзя, говорят, не можем по закону, требуют вас немедленно отправить».

Рассуждать было нечего. Засулич понимала, что надо покориться закону, не знала только, о каком законе тут речь. Поехала она в одном платье, в легком бурнусе; пока ехала по железной дороге, было сносно, потом поехала на почтовых, в кибитке, между двух жандармов. Был апрель месяц, стало в легком бурнусе невыносимо холодно: жандарм снял свою шинель и одел барышню. Привезли ее в Крестцы. В Крестцах сдали ее исправнику, исправник

выдал квитанцию в принятии клади и говорит Засулич: «Идите, я вас не держу, вы не арестованы. Идите и по субботам являйтесь в полицейское управление, так как вы состоите у нас под надзором».

Рассматривает Засулич свои ресурсы, с которыми ей приходится начать новую жизнь в неизвестном городе. У нее оказывается рубль денег, французская книжка да коробка шоколадных конфет.

Нашелся добрый человек, дьячок, который поместил ее в своем семействе. Найти занятие в Крестцах ей не представилось возможности, тем более, что нельзя было скрыть, что она высланная административным порядком. Я не буду затем повторять другие подробности, которые рассказала сама В. Засулич.

Из Крестцов ей пришлось ехать в Тверь, в Солигалич, в Харьков. Таким образом началась ее бродячая жизнь, жизнь женщины, находящейся под надзором полиции. У нее делали обыски, призывали для разных опросов, подвергали иногда задержкам не в виде арестов и, наконец, о ней совсем забыли.

Когда от нее перестали требовать, чтобы она еженедельно являлась на просмотр к местным полицейским властям, тогда ей улыбнулась возможность контрабандой поехать в Петербург и затем с детьми своей сестры отправиться в Пензенскую губернию. Здесь она летом 1877 года прочитывает в первый раз в газете «Голос» известие о наказании Боголюбова.

Да позволено мне будет, прежде чем перейти к этому известию, сделать еще маленькую экскурсию в область розги.

Я не имею намерения, господа присяжные заседатели, представлять вашему вниманию историю розги, это завело бы меня в область слишком отдаленную, к весьма далеким страницам нашей истории, ибо история русской розги весьма продолжительна. Нет, не историю розги хочу я повествовать перед вами, я хочу привести лишь несколько воспоминаний о последних днях ее жизни.

Вера Ивановна Засулич принадлежит к молодому поколению. Она стала себя помнить тогда уже, когда наступили новые порядки, когда розги отошли в область преданий. Но мы, люди предшествовавшего поколения, мы еще помним то полное господство розг, которое существовало до 17 апреля 1863 г. Розга царила везде: в школе, на мирском сходе, она была неременной принадлежностью на конюшне помещика, потом в казармах, в полицейском управлении... Существовало сказание апокрифического, впрочем, свойства, что где-то русская розга была приведена в союз с английским механизмом, и русское сечение совершалось по всем правилам самой утонченной европейской вежливости. Впрочем, достоверность этого сказания никто не подтверждал собственным опытом. В книгах наших уголовных, гражданских и военных законов розга испещряла все страницы. Она составляла какой-то легкий мелодический перезвон в общем громогласном гуле плети, кнута и шпицрутен. Но наступил великий день, который чтит вся Россия, 17 апреля 1863 г., и розга перешла в область истории. Розга, правда, не совсем, но все другие телесные наказания миновали совершенно. Розга не была совершенно уничтожена, но крайне ограничена. В то время было много опасений за полное уничтожение розги, опасений, которых не разделяло правительство, но которые волновали некоторых представителей интеллигенции. Им казалось вдруг как-то неудобным и опасным оставить без розг Россию, которая так долго вела свою историю рядом с розгой, Россию, которая, по их глубокому убеждению, сложилась в обширную державу и достигла своего величия едва ли не благодаря розгам. Как, казалось, вдруг остаться без этого цемента, связующего общественные устои? Как будто в утешение этих мыслителей розга осталась в очень ограниченных размерах и утратила свою публичность.

По каким соображениям решились сохранить ее, я не знаю, но думаю, что она осталась как бы в виде сувенира после умершего или удалившегося навсегда лица. Такие сувениры обыкновенно приобретаются и сохраняют-

ся в малых размерах. Тут не нужно целого шиньона, достаточно одного локона; сувенир обыкновенно не выставляется наружу, а хранится в тайнике медальона, в дальнем ящике. Такие сувениры не переживают более одного поколения.

Когда в исторической жизни народа нарождается какое-либо преобразование, которое способно поднять дух народа, возвысить его человеческое достоинство, тогда подобное преобразование прививается и приносит свои плоды. Таким образом, и отмена телесного наказания оказала громадное влияние на поднятие в русском народе чувства человеческого достоинства. Теперь стал позорен тот солдат, который довел себя до наказания розгами; теперь смешон и считается бесчестным тот крестьянин, который допустит себя наказать розгами.

Вот в эту-то пору, через пятнадцать лет после отмены розг, которые, впрочем, давно уже были отменены для лиц привилегированного сословия, над политическим осужденным арестантом было совершено позорное сечение. Обстоятельство это не могло укрыться от внимания общества: о нем заговорили в Петербурге, о нем вскоре появляются газетные известия. И вот эти-то газетные известия дали первый толчок мыслям В. Засулич. Короткое газетное известие о наказании Боголюбова розгами не могло не произвести на Засулич подавляющего впечатления. Оно производило такое впечатление на всякого, кому знакомо чувство чести и человеческого достоинства.

Человек, по своему рождению, воспитанию и образованию чуждый розги; человек, глубоко чувствующий и понимающий все ее позорное и унижительное значение; человек, который по своему образу мыслей, по своим убеждениям и чувствам не мог без сердечного содрогания видеть и слышать исполнение покорной экзекуции над другими, этот человек сам должен был перенести на собственной коже всеподавляющее действие унижительного наказания.

Какое, думала Засулич, мучительное истязание, какое презрительное поругание над всем, что составляет самое существенное достояние развитого человека, и не только развитого, но и всякого, кому не чуждо чувство чести и человеческого достоинства.

Не с точки зрения формальностей закона могла обсуждать В. Засулич наказание, произведенное над Боголюбовым, но и для нее не могло быть ясным из самых газетных известий, что Боголюбов, хотя и был осужден в каторжные работы, но еще не поступил в разряд ссыльно-каторжных, что над ним не было еще исполнено все то, что, по фикции закона, отнимает от человека честь, разрывает всякую связь его с прошедшим и низводит его на положение лишенного всех прав. Боголюбов содержался еще в доме предварительного заключения, он жил среди прежней обстановки, среди людей, которые напоминали ему его прежнее положение.

Нет, не с формальной точки зрения обсуждала В. Засулич наказание Боголюбова; была другая точка зрения, менее специальная, более сердечная, более человеческая, которая никак не позволяла примириться с разумностью и справедливостью произведенного над Боголюбовым наказания.

Боголюбов был осужден за государственное преступление. Он принадлежал к группе молодых, очень молодых людей, судившихся за преступную манифестацию на площади Казанского собора. Весь Петербург знает об этой манифестации, и все с сожалением отнеслись тогда к этим молодым людям, так опрометчиво заявившим себя политическими преступниками, к этим так непроизводительно погубленным молодым силам. Суд строго отнесся к судимому деянию. Покушение явилось в глазах суда весьма опасным посягательством на государственный порядок, и закон был применен с подобающей строгостью. Но строгость приговора за преступление не исключала возможности видеть, что покушение молодых людей было прискорбным заблуждением и не имело в своем

основании таких расчетов, своекорыстных побуждений, преступных намерений, что, напротив, в основании его лежало доброе увлечение, с которым не совладал молодой разум, живой характер, и дало им направиться на ложный путь, приведший к прискорбным последствиям.

Характерные особенности нравственной стороны государственных преступлений не могут не обращать на себя внимания. Физиономия государственных преступлений нередко весьма изменчива. То, что вчера считалось государственным преступлением, сегодня или завтра становится высокочтимым подвигом гражданской доблести. Государственное преступление нередко только разновременно высказанное учение преждевременного преобразования, проповедь того, что еще недостаточно созрело и для чего еще не наступило время.

Все это, несмотря на тяжкую кару закона, постигающую государственного преступника, не позволяет видеть в нем презренного, отвергнутого члена общества, не позволяет заглушить симпатий ко всему тому высокому, честному, доброму, разумному, что остается в нем вне сферы его преступного деяния.

Мы в настоящее славное царствование, тогда еще с восторгом юности, приветствовали старцев, возвращенных монаршим милосердием из снегов Сибири, этих государственных преступников, явившихся энергическими деятелями по различным отраслям великих преобразований, тех преобразований, несвоевременная мечта о которых стоила им годов каторги.

Боголюбов судебным приговором был лишен всех прав состояния и присужден к каторге. Лишение всех прав и каторга — одно из самых тяжелых наказаний нашего законодательства. Лишение всех прав и каторга одинаково могут постигнуть самые разнообразные тяжкие преступления, несмотря на все различие их нравственной подкладки. В этом еще нет ничего несправедливого. Наказание, насколько оно касается сферы права, изменения общественного положения, лишения свободы, принудитель-

ных работ, может без особенно вопиющей неравномерности постигать преступника самого разнообразного характера. Разбойник, поджигатель, распространитель ереси, наконец, государственный преступник могут быть без явной несправедливости уравнены постигающим их наказанием.

Но есть сфера, которая не поддается праву, куда бессилен проникнуть нивелирующий закон, где всякая законная уравнительность была бы величайшей несправедливостью. Я разумею сферу умственного и нравственного развития, сферу убеждений, чувствований, вкусов, сферу всего того, что составляет умственное и нравственное достоинство человека.

Высокоразвитый, полный честных нравственных принципов государственный преступник и безнравственный, презренный разбойник или вор могут одинаково, стена об стену, тянуть долгие годы заключения, могут одинаково нести тяжкий труд рудниковых работ, но никакой закон, никакое положение, созданное для них наказанием, не в состоянии уравнивать их во всем том, что составляет умственную и нравственную сферу человека. Что, потому, для одного составляет ничтожное лишение, легкое взыскание, то для другого может составить тяжелую нравственную пытку, невыносимое, бесчеловечное истязание.

Закон карающий может отнять внешнюю честь, все внешние отличия, с ней сопряженные, но истребить в человеке чувство моральной чести, нравственного достоинства судебным приговором, изменить нравственное содержание человека, лишить его всего того, что составляет неотъемлемое достоинство его развития, никакой закон не может. И если закон не может предусмотреть все нравственные, индивидуальные различия преступника, которые обуславливаются их прошедшим, то является на помощь общая, присущая человеку, нравственная справедливость, которая должна подсказать, что применимо к одному и что было бы высшею несправедливостью в применении к другому.

Если с этой точки зрения общей справедливости смотреть на наказание, примененное к Боголюбову, то понятным станет возбуждающее, тяжелое чувство негодования, которое овладело всяким неспособным безучастно относиться к нравственному истязанию над ближним.

С чувством глубокого, непримиримого оскорбления за нравственное достоинство человека отнеслась Засулич к известию о позорном наказании Боголюбова.

Что был для нее Боголюбов? Он не был для нее родственником, другом, он не был ее знакомым, она никогда не видала и не знала его. Но разве для того, чтобы возмутиться видом нравственно раздавленного человека, чтобы прийти в негодование от позорного глумления над беззащитным, нужно быть сестрой, женой, любовницей? Для Засулич Боголюбов был политический арестант, и в этом слове было для нее все: политический арестант не был для Засулич отвлеченное представление, вычитываемое из книг, знакомое по слухам, по судебным процессам, представление, возбуждающее в честной душе чувство сожаления, сострадания, сердечной симпатии. Политический арестант был для Засулич она сама, ее горькое прошлое, ее собственная история история безвозвратно погубленных лет, лучших и дорогих в жизни каждого человека, которого не постигает тяжкая доля, перенесенная Засулич. Политический арестант был для Засулич горькое воспоминание ее собственных страданий, ее тяжкого нервного возбуждения, постоянной тревоги, томительной неизвестности, вечной думы над вопросами: Что я сделала? Что будет со мной? Когда же наступит конец? Политический арестант был ее собственное сердце, и всякое грубое прикосновение к этому сердцу болезненно отзывалось на ее возбужденной натуре.

В провинциальной глуши газетное известие действовало на Засулич еще сильнее, чем оно могло бы действовать здесь, в столице. Там она была одна. Ей не с кем было разделить свои сомнения, ей не от кого было услышать слово участия по занимавшему ее вопросу. Нет, ду-

мала Засулич, вероятно, известие неверно, по меньшей мере оно преувеличено. Неужели теперь, и именно теперь, думала она, возможно такое явление? Неужели 20 лет прогресса, смягчение нравов, человеколюбивое отношение к арестованному, улучшение судебных и тюремных порядков, ограничение личного произвола, неужели 20 лет поднятия личности и достоинства человека вычеркнуты и забыты бесследно? Неужели к тяжкому приговору, постигшему Боголюбова, можно было прибавлять еще более тяжкое презрение к его человеческой личности, забвение в нем всего прошлого, всего, что дали ему воспитание и развитие? Неужели нужно было еще наложить несмываемый позор на эту, положим, преступную, но во всяком случае не презренную личность? Нет ничего удивительного, продолжала думать Засулич, что Боголюбов в состоянии нервного возбуждения, столь понятного в одиночно-заключенном арестанте, мог, не владея собой, позволить себе то или другое нарушение тюремных правил, но на случай таких нарушений, если и признавать их вменяемыми человеку в исключительном состоянии его духа, существуют у тюремного начальства другие меры, ничего общего не имеющие с наказанием розгами. Да и какой же поступок приписывает Боголюбову газетное известие? Неснятие шапки при вторичной встрече с почетным посетителем. Нет, это невероятно, успокаивалась Засулич; подождем, будет опровержение, будет разъяснение происшествия; по всей вероятности, оно окажется не таким, как представлено.

Но не было ни разъяснений, ни опровержений, ни гласа, ни послушания. Тишина молчания не располагала к тишине взволнованных чувств. И снова возникал в женской экзальтированной голове образ Боголюбова, подвергнутого позорному наказанию, и распаленное воображение старалось угадать, перечувствовать все то, что мог перечувствовать несчастный. Рисовалась возмущающая душу картина, но то была еще только картина собственного воображения, не проверенная никакими данными, не по-

полненная слухами, рассказами очевидцев, свидетелей наказания; скоро явилось и то, и другое.

В сентябре Засулич была в Петербурге; здесь уже она могла проверить занимавшее ее мысль происшествие по рассказам очевидцев или лиц, слышавших непосредственно от очевидцев. Рассказы по содержанию своему не способны были усмирить возмущенное чувство. Газетное известие оказывалось непреувеличенным; напротив, оно дополнялось такими подробностями, которые заставляли содрогаться, которые приводили в негодование. Рассказывалось и подтверждалось, что Боголюбов не имел намерения оказать неуважение, неповиновение, что естественное уклонение от внушения, которое ему угрожало, что попытка сбить с Боголюбова шапку вызвала крики со стороны смотревших на происшествие арестантов независимо от какого-либо возмущения их к тому Боголюбовым. Рассказывались дальше возмутительные подробности приготовления и исполнения наказания. Во двор, на который из окон камер неслись крики арестантов, взволнованных происшествием с Боголюбовым, является смотритель тюрьмы и, чтобы «успокоить» волнение, возвещает о предстоящем наказании Боголюбова розгами, не успокоив никого этим в действительности, но, несомненно, доказав, что он, смотритель, обладает и практическим тактом и пониманием человеческого сердца. Перед окнами женских арестантских камер, в виду испуганных чем-то необычайным происходящим в тюрьме женщин, вяжутся пуки розог, как будто бы драть предстояло целую роту; разминаются руки, делаются репетиции предстоящей экзекуции, и в конце концов нервное волнение арестантов возбуждается до такой степени, что ликторы считают нужным убраться в сарай и оттуда выносят пуки розог уже спрятанными под шинелями.

Теперь, по отрывочным рассказам, по догадкам, по намекам нетрудно было вообразить и настоящую картину экзекуции. Восставала эта бледная, испуганная фигура Боголюбова, не ведающая, что он сделал, что с ним хо-

тят творить; восставал в мыслях болезненный его образ. Вот он, приведенный на место экзекуции и пораженный известием о том позоре, который ему готовится; вот он, полный негодования и думающий, что эта сила негодования даст ему силы Самсона, чтоб устоять в борьбе с массой ликторов, исполнителей наказания; вот он, падающий под массой пудов человеческих тел, насевших ему на плечи, распростертый на полу, позорно обнаженный несколькими парами рук, как железом, прикованный, лишенный всякой возможности сопротивляться, и над всей этой картиной мерный свист березовых прутьев, да также мерное счисление ударов благородным распорядителем экзекуции. Все замерло в тревожном ожидании стога; этот стон раздался, то не был стон физической боли — не на нее рассчитывали; то был мучительный стон удушенного, униженного, поруганного, раздавленного человека. Священнодействие совершилось, позорная жертва была принесена!..

Сведения, полученные Засулич, были подробны, обстоятельны, достоверны. Теперь тяжелые сомнения сменились еще более тяжелою известностью. Роковой вопрос встал со всей его беспокойною настойчивостью. Кто же вступится за поруганную честь беспомощного каторжника? Кто смоет, кто и как искупит тот позор, который навсегда неутешимою болью будет напоминать о себе несчастному? С твердостью перенесет осужденный суровость каторги, но не примирится с этим возмездием за его преступление, быть может, сознает его справедливость, быть может, наступит минута, когда милосердие с высоты трона и для него откроется, когда скажут ему: «Ты искупил свою вину, войди опять в то общество, из которого ты удален, войди и будь снова гражданином». Но кто и как изгладит в его сердце воспоминание о позоре, о поруганном достоинстве; кто и как смоет то пятно, которое на всю жизнь останется неизгладимым в его воспоминании? Наконец, где же гарантия против повторения подобного случая? Много товарищей по несчастью у Боголюбова, неужели и они должны существовать под страхом всегдаш-

ней возможности испытать то, что пришлось перенести Боголюбову? Если юристы могли создать лишение прав, то отчего психологи, моралисты не явятся со средствами отнять у лишенного прав его нравственную физиономию, его человеческую натуру, его душевное состояние; отчего же они не укажут средств низвести каторжника на степень скота, чувствующего физическую боль и чуждого душевных страданий?

Так думала, так не столько думала, как инстинктивно чувствовала В. Засулич. Я говорю ее мыслями, я говорю почти ее словами. Быть может, найдется много экзальтированного, болезненно преувеличенного в ее думах, волновавших ее вопросах, в ее недоумении. Быть может, законник нашелся бы в этих недоумениях, подведя приличную статью закона, прямо оправдывающую случай с Боголюбовым: у нас ли не найти статьи закона, коли нужно ее найти? Быть может, опытный блюститель порядка доказал бы, что иначе поступить, как было поступлено с Боголюбовым, и невозможно, что иначе и порядка существовать не может. Быть может, не блюститель порядка, а просто практический человек сказал бы с полной уверенностью в разумности своего совета: «Бросьте вы, Вера Ивановна, это самое дело: не вас ведь выпороли».

Но и законник, и блюститель порядка, и практический человек не разрешил бы волновавшего Засулич сомнения, не успокоил бы ее душевной тревоги. Не надо забывать, что Засулич натура экзальтированная, нервная, болезненная, впечатлительная; не надо забывать, что павшее на нее, чуть не ребенка в то время, подозрение в политическом преступлении, подозрение не оправдавшееся, но стоившее ей двухлетний одиночный заключения, и затем бесприютное скитание надломили ее натуру, навсегда оставив воспоминание о страданиях политического арестанта, толкнули ее жизнь на тот путь и в ту среду, где много поводов к страданию, душевному волнению, но где мало места для успокоения на соображениях практической пошлости.

В беседах с друзьями и знакомыми, наедине, днем и ночью, среди занятий и без дела Засулич не могла оторваться от мысли о Боголюбове, и ни откуда сочувственной помощи, ни откуда удовлетворения души, взволнованной вопросами: кто вступится за опозоренного Боголюбова, кто вступится за судьбу других несчастных, находящихся в положении Боголюбова? Засулич ждала этого заступничества от печати, она ждала оттуда поднятия, возбуждения так волновавшего ее вопроса. Памятуя о пределах, молчала печать. Ждала Засулич помощи от силы общественного мнения. Из тиши кабинета, из интимного круга приятельских бесед не выползло общественное мнение. Она ждала, наконец, слова от правосудия. Правосудие... Но о нем ничего не было слышно.

И ожидания оставались ожиданиями. А мысли тяжелые и тревоги душевные не унимались. И снова, и снова, и опять, и опять возникал образ Боголюбова и вся его обстановка.

Не звуки цепей смущали душу, но мрачные своды мертвого дома леденили воображение; рубцы, позорные рубцы резали сердце, и замогильный голос заживо погребенного звучал:

Что ж молчит в вас, братья, злоба.

Что ж любовь молчит?

И вдруг внезапная мысль, как молния, сверкнувшая в уме Засулич: «О, я сама! Затихло, замолкло все о Боголюбове, нужен крик, в моей груди достанет воздуха издать этот крик, я издам его и заставлю его услышать!» Решимость была ответом на эту мысль в ту же минуту. Теперь можно было рассуждать о времени, о способах исполнения, но само дело, выполненное 24 января, было бесповоротно решено.

Между блеснувшей и зародившейся мыслью и исполнением ее протекли дни и даже недели; это дало обвинению право признать вмененное Засулич намерение и действие заранее обдуманым.

Если эту обдуманность относить к приготовлению средств, к выбору способов и времени исполнения, то, конечно, взгляд обвинения нельзя не признать справедливым, но в существе своем, и своей основе, намерение Засулич не было и не могло быть намерением хладнокровно обдуманным, как ни велико по времени расстояние между решимостью и исполнением. Решимость была и осталась внезапною, вследствие внезапной мысли, павшей на благоприятную, для нее подготовленную, почву, овладевшей всецело и всевластно экзальтированной натурой. Намерения, подобные намерению Засулич, возникающие в душе возбужденной, аффектированной, не могут быть обдумываемы, обсуждаемы. Мысль сразу овладевает человеком, не его обсуждению она подчиняется, а подчиняет его себе и влечет за собою. Как бы далеко ни отстояло исполнение мысли, овладевшей душой, аффект не переходит в холодное размышление и остается аффектом. Мысль не проверяется, не обсуждается, ей служат, ей рабски повинуются, за ней следуют. Нет критического отношения, имеет место только безусловное поклонение. Тут обсуждаются и обдумываются только подробности исполнения, но это не касается сущности решения. Следует ли или не следует выполнить мысль, об этом не рассуждают, как бы долго ни думали над средствами и способами исполнения. Страстное состояние духа, в котором зарождается и воспринимается мысль, не допускает подобного обсуждения; так вдохновенная мысль поэта остается вдохновенною, не выдуманною, хотя она и может задумываться над выбором слов и рифм для ее воплощения.

Мысль о преступлении, которое стало бы ярким и громким указанием на расправу с Боголюбовым, всецело завладела возбужденным умом Засулич. Иначе и быть не могло: эта мысль как нельзя более соответствовала тем потребностям, отвечала на те задачи, которые волновали ее.

Руководящим побуждением для Засулич обвинение ставит месть. Местью и сама Засулич объяснила свой поступок, но для меня представляется невозможным

объяснить вполне дело Засулич побуждением мести, по крайней мере мести, понимаемой в ограниченном смысле этого слова. Мне кажется, что слово «месть» употреблено в показании Засулич, а затем и в обвинительном акте, как термин наиболее простой, короткий и несколько подходящий к обозначению побуждения, импульса, руководившего Засулич.

Но месть, одна «месть» была бы неверным мерилom для обсуждения внутренней стороны поступка Засулич. Месть обыкновенно руководится личными счетами с отомщаемым за себя или близких. Но никаких личных, исключительно ее, интересов не только не было для Засулич в происшествии с Боголюбовым, но и сам Боголюбов не был ей близким, знакомым человеком.

Месть стремится нанести возможно больше зла противнику; Засулич, стрелявшая в генерал-адъютанта Трепова, сознается, что для нее безразличны были те или другие последствия выстрела. Наконец, месть старается достигнуть удовлетворения возможно дешевою ценой, месть действует скрытно, с возможно меньшими пожертвованиями. В поступке Засулич, как бы ни обсуждать его, нельзя не видеть самого беззаветного, но и самого нерасчетливого самопожертвования. Так не жертвуют собой из-за одной узкой, эгоистической мести. Конечно, не чувство доброго расположения к генерал-адъютанту Трепову питала Засулич; конечно, у нее было известного рода недовольство против него, и это недовольство имело место в побуждениях Засулич, но ее месть всего менее интересовалась лицом отомщаемым; ее месть окрашивалась, видоизменялась, осложнялась другими побуждениями.

Вопрос справедливости и легальности наказания Боголюбова казался Засулич не разрешенным, а погребенным навсегда, надо было воскресить его и поставить твердо и громко.

Униженное и оскорбленное человеческое достоинство Боголюбова казалось невосстановленным, несмытым, неоправданным, чувство мести — неудовлетворенным. Воз-

возможность повторения в будущем случаев позорного наказания над политическими преступниками и арестантами казалась не предупрежденной.

Всем этим необходимостям, казалось Засулич, должно было удовлетворить такое преступление, которое с полной достоверностью можно было бы поставить в связь со случаем наказания Боголюбова и показать, что это преступление явилось как последствие случая 13 июля, как протест против поругания над человеческим достоинством политического преступника. Вступить за идею нравственной чести и достоинства политического осужденного, провозгласить эту идею достаточно громко и призвать к ее признанию и уверению — вот те побуждения, которые руководили Засулич, и мысль о преступлении, которое было бы поставлено в связь с наказанием Боголюбова, казалось, может дать удовлетворение всем этим побуждениям. Засулич решилась искать суда над ее собственным преступлением, чтоб поднять и вызвать обсуждение забытого случая о наказании Боголюбова.

Когда я совершу преступление, думала Засулич, тогда замолкнувший вопрос о наказании Боголюбова восстанет; мое преступление вызовет гласный процесс, и Россия, в лице своих представителей, будет поставлена в необходимость произнести приговор не обо мне одной, а произнести его, по важности случая, в виду Европы, той Европы, которая до сих пор любит называть нас варварским государством, в котором атрибутом правительства служит кнут.

Этими обсуждениями и определились намерения Засулич. Совершенно достоверным поэтому представляется то объяснение Засулич, которое притом же дано было ею при самом первоначальном ее допросе и было затем неизменно поддерживаемо, что для нее было безразлично: будет ли последствием произведенного ею выстрела смерть или только нанесение раны. Прибавлю от себя, что для ее целей было бы одинаково безразлично и то, если б выстрел, очевидно, направленный в известное лицо, и совсем не произвел никакого вредного действия, если б

последовала осечка или промах. Не жизнь, не физические страдания генерал-адъютанта Трепова нужны были для Засулич, а появление ее самой на скамье подсудимых, вместе с нею появление вопроса о случае с Боголюбовым.

Было безразлично, совместно существовало намерение убить или ранить; намерению убить не отдавала Засулич никакого особенного преимущества. В этом направлении она и действовала. Ею не было предпринято ничего для того, чтобы выстрел имел неизбежным следствием смерть. О более опасном направлении выстрела она не заботилась. А. конечно, находясь в том расстоянии от генерал-адъютанта Трепова, в каком она находилась, она, действительно, могла бы выстрелить совершенно в упор и выбрать самое опасное направление. Вынув из кармана револьвер, она направила его так, как пришлось: не выбирая, не рассчитывая, не поднимая даже руки. Она стреляла, правда, в очень близком расстоянии, но иначе она и не могла действовать. Генерал-адъютант Трепов был окружен своею свитою, и выстрел на более далеком расстоянии мог грозить другим, которым Засулич не желала вредить. Стрелять совсем в сторону было совсем дело не подходящее: это сводило бы драму, которая нужна была Засулич, на степень комедии.

На вопросе о том, имела ли Засулич намерение причинить смерть или имела намерение причинить только рану, прокурор остановился с особенной подробностью. Я внимательно выслушал те доводы, которые он высказал, но я согласиться с ними не могу, и они все падают перед соображением о той цели, которую имела В. Засулич. Ведь не отвергают же того, что именно оглашение дела с Боголюбовым было для В. Засулич побудительною причиною преступления. При такой точке зрения мы можем довольно безразлично относиться к тем обстоятельствам, которые обратили внимание господина прокурора, например, что револьвер был выбран из самых опасных. Я не думаю, чтобы тут имелась в виду наибольшая опасность; выбирался такой револьвер, какой мог удобнее войти в

карман: большой нельзя было бы взять, потому что он высовывался бы из кармана, необходимо было взять револьвер меньшей величины. Как он действовал более опасно или менее опасно, какие последствия от выстрела могли произойти, это для Засулич было совершенно безразлично. Мена револьвера произведена была без веденія Засулич. Но если даже и предполагать, как признает возможным предполагать прокурор, что первый револьвер принадлежит В. Засулич, то опять-таки перемена револьвера объясняется очень просто: прежний револьвер был таких размеров, что не мог поместиться в кармане.

Я не могу согласиться и с тем весьма остроумным предположением, что Засулич не стреляла в грудь и в голову генерал-адъютанта Трепова, находясь к нему en face, потому только, что чувствовала некоторое смущение, и что только после того, как несколько оправилась, она нашла в себе достаточно силы, чтобы произвести выстрел. Я думаю, что она просто не стреляла в грудь генерал-адъютанта Трепова потому, что она не заботилась о более опасном выстреле: она стреляет тогда, когда ей уже приходится уходить, когда ждать более нельзя.

Раздался выстрел... Не продолжая более дела, которое совершала, довольствуясь вполне тем, что достигнуто, Засулич сама бросила револьвер, прежде чем успели схватить ее, и, отойдя в сторону, без борьбы и сопротивления отдалась во власть набросившегося на нее майора Курнева и осталась не задушенной им только благодаря помощи других окружающих. Ее песня была теперь спета, ее мысль исполнена, ее дело совершено.

Я должен остановиться на прочтенном здесь показании генерал-адъютанта Трепова. В этом показании сказано, что после первого выстрела Засулич, как заметил генерал Трепов, хотела произвести второй выстрел, и что началась борьба: у нее отнимали револьвер. Это совершенно ошибочное показание генерал-адъютанта Трепова объясняется тем весьма понятным взволнованным состоянием, в котором он находился. Все свидетели, хотя также взволнованные происшествием, но не до такой сте-

пени, как генерал-адъютант Трепов, показали, что Засулич совершенно добровольно, без всякой борьбы, бросила сама револьвер и не показывала намерения продолжать выстрелы. Если же и представилось генерал-адъютанту Трепову что-либо похожее на борьбу, то это была та борьба, которую вел с Засулич Курнеев и вели прочие свидетели, которые должны были отрывать Курнеева, вцепившегося в Засулич.

Я думаю, что ввиду двойственности намерения Засулич, ввиду того, что для ее намерений было безразлично последствие большей или меньшей важности, что ею ничего не было предпринято для достижения именно большего результата, что смерть только допускалась, а не была исключительным стремлением В. Засулич, нет оснований произведенный ею выстрел определять покушением на убийство. Ее поступок должен быть определен по тому последствию, которое произведено в связи с тем особым намерением, которое имело в виду это последствие.

Намерение было: или причинить смерть, или нанести рану; не последовало смерти, но нанесена рана. Нет основания в этой нанесенной ране видеть осуществление намерения причинить смерть, уравнивать это нанесение раны покушению на убийство, а вполне было бы справедливо считать не более как действительным нанесением раны и осуществлением намерения нанести такую рану. Таким образом, отбрасывая покушение на убийство как не осуществившееся, следовало бы остановиться на действительно доказанном результате, соответствовавшем особому условному намерению нанесению раны.

Если Засулич должна понести ответственность за свой поступок, то эта ответственность была бы справедливее за зло, действительно последовавшее, а не такое, которое не было предположено как необходимый и исключительный результат, как прямое и безусловное стремление, а только допускалось.

Впрочем, все это только мое желание представить вам соображения и посильную помощь к разрешению предстоящих вам вопросов; для личных же чувств и жела-

ний Засулич безразлично, как бы ни разрешился вопрос о юридическом характере ее действий, для нее безразлично быть похороненной по той или другой статье закона. Когда она переступила порог дома градоначальника с решительным намерением разрешить мучившую ее мысль, она знала и понимала, что она несет в жертву все: свою свободу, остатки своей разбитой жизни, все то немногое, что дала ей на долю мачеха-судьба.

И не торговаться с представителями общественной совести за то или другое уменьшение своей вины явилась она сегодня перед вами, господа присяжные заседатели.

Она была и осталась беззаветною рабой той идеи, во имя которой подняла она кровавое оружие.

Она пришла сложить перед нами все бремя наболевшей души, открыть скорбный лист своей жизни, честно и откровенно изложить все то, что она пережила, передумала, перечувствовала, что двинуло ее на преступление, чего ждала она от него.

Господа присяжные заседатели! Не в первый раз на этой скамье преступлений и тяжелых душевных страданий является перед судом общественной совести женщина по обвинению в кровавом преступлении.

Были здесь женщины, смертью мстившие своим соблазнительям; были женщины, обагрявшие руки в крови изменивших им любимых людей или своих более счастливых соперниц. Эти женщины выходили отсюда оправданными. То был суд правый, отклик суда божественного, который взирает не на внешнюю только сторону деяний, но и на внутренний их смысл, на действительную преступность человека. Те женщины, совершая кровавую расправу, боролись и мстили за себя.

В первый раз является здесь женщина, для которой в преступлении не было личных интересов, личной мести, женщина, которая со своим преступлением связала борьбу за идею, во имя того, кто был ей только собратом по несчастью всей ее молодой жизни. Если этот мотив проступка окажется менее тяжелым на весах общественной правды, если для блага общего, для торжества закона, для

общественности нужно призвать кару законную, тогда — да совершится карающее правосудие! Не задумывайтесь!

Не много страданий может прибавить ваш приговор для этой надломленной, разбитой жизни. Без упрека, без горькой жалобы, без обиды примет она от вас решение ваше и утешится тем, что, может быть, ее страдания, ее жертва предотвратила возможность повторения случая, вызвавшего ее поступок. Как бы мрачно ни смотреть на этот поступок, в самых мотивах его нельзя не видеть честного и благородного порыва.

Да, она может выйти отсюда осужденной, но она не выйдет опозоренною, и остается только пожелать, чтобы не повторялись причины, производящие подобные преступления, порождающие подобных преступников.

В. Д. Спасович, Застольная речь в Кракове по случаю открытия памятника Мицкевичу

В. Д. Спасович (1829–1907) — известный русский юрист. Заслуга Спасовича перед русской юриспруденцией велика, поскольку считается, что именно он оказал огромное влияние на формирование традиций, которые в настоящее время стремятся соблюдать все адвокаты. Спасович широко занимался адвокатской практикой, а потому после него осталось множество судебных речей. Однако в данной хрестоматии мы приводим не судебную, а застольную речь, которая была произнесена им в июле 1898 г.

Когда проходит сто лет от рождения великого человека, не дожившего до преклонного возраста, нельзя рассчитывать, чтобы можно было собрать много новых сведений о нем из живого источника, из устных преданий от лиц, которые его лично знали и с ним общались. Я сам имел на моем веку знакомство с такими живыми свидетелями. Никогда я не забуду священника Каласантия

Львовича, изображенного в третьей части «Дедов» — высокую, тощую евангельскую фигуру с аскетическим выражением в лице, дышащем несказанным благородством и добротою. Знал я еще и другого товарища Мицкевича по заключению у отцов-васильян, поэта Яна Берниковского, переводчика Пиндара. Я расспрашивал о Мицкевиче Одынца, вернувшегося из Южной Америки Домейку, Богдана Залеского. Я воспитывался вместе с детьми живописца Валентия Ваньковича, который написал с Мицкевича известный портрет в 1828 г. в Петербурге и потом был в Париже сподвижником Мицкевича в секте Товянского. Я, наконец, знал лично Пеликана и полагаю, что Мицкевич не чересчур его обидел. Устные предания имеют ту невыгодную сторону, что они скрещиваются и путаются, что разрастаются до неузнаваемости, переходя из уст в уста, в особенности, когда рассказчик, передавая нечто про любимого им героя, понимает его по-своему и влагает в него нечто от себя. Из преданий образуется еще при жизни героя былина, которая, покрывая со всех сторон, точно мох, великое историческое лицо, портит его и искажает так, что исторической критике приходится много труда и времени употреблять на то, чтобы очистить это лицо от всех наростов, что не всегда удается. Иногда нельзя вполне восстановить лицо, каким оно было в действительности, непопорченное и цельное. Наша польская история давно уже взялась за это дело и вела свои работы и толково, и научно. Положено начало, поставлено несколько литературных изваяний, есть между ними и такие, которые важнее даже той статуи, которая была открыта вчерашнего числа на рынке в Кракове. Мы уже славили за настоящим обедом за его труд сына поэта, сочинившего замечательное жизнеописание своего отца (Владислав Мицкевич). В нашей среде обретается другой его биограф, Петр Хмелёский. Имеется еще прекрасная работа — Иосифа Калленбаха. Историк имеет то превосходство, по сравнению с художником-пластиком, что гениальнейший живописец или ваятель распоряжается только одним момен-

том во всей жизни героя, но не может изобразить всю его эволюцию, что он обязан выбирать, что может нам представить, например, тощего юношу, кудрявого брюнета с огненным взором и легким румянцем на щеках, словом, такого, к которому мы не привыкли. Мы наладились представлять его себе в ином виде, уже состарившегося, с громадною, сильно седеющею прическою, ширококостного, с орлиным профилем, с лицом, густо покрытым морщинами.

Если б пришлось делать выбор между этими двумя изображениями, то я, может быть, предпочел молодого орленка старому орлу, потому что я-то впервые и познакомился и влюбился в такого именно юношу. Когда я был мальчиком, я знал только автора оды «Молодость». Мы, будучи школьниками, на коленях молились и присягали, что мы будем любить Отечество, как Валленрод. Из-за границы до нас долетали только отрывочные кусочки импровизации «Пана Тадеуша»; я прочел поэму впервые, когда имел 18 лет и был в университете.

Что начато историей, то будет продолжено, и никогда, вероятно, не завершится этот труд, потому что гениальные произведения имеют то свойство, что они неисчерпаемы, что они бездонны, что они всегда свежи и современны, что они как будто бы вчера написаны. Каждое новое поколение узрит в них само себя с иной стороны, поймет их полнее и лучше, чем мы, и прольет на них свой собственный свет. Никогда они сами себя не переживут, они бессмертны, потому что индивидуально прекрасны, характерны и носят на себе неизгладимое клеймо, состоящее из черт положительных и из неразрывно связанных с этими положительными чертами других черт, отрицательных. На своем веку в свое время Мицкевич был совершеннейшее воплощение своего народа, потому-то он и был полный владыка наших сердец; владычество его было несравненно сильнее, нежели владычество над людьми правителей и династов. Мы любим этого песнопевца, почивающего среди наших королей на Вавеле, со всеми его недостатками и слабостями, со всеми его увлечениями и иллюзиями. Мы любим его за то, что он был именно та-

ков, каков он был, за то даже, что он заблуждался (не заблуждается один только Господь Бог). Без него и без скитания по распутьям, по которым он нас повел, мы, может быть испытали бы менее страданий, мы, может быть, прозябали бы благополучнее, но мы были вообще мельче, низкодобротнее и хуже.

Допустим, что в настоящее время мы не в состоянии повторять, а если повторяем, то в переносном только смысле те лозунги, которым он нас научил: «измеряй силу намерениями» или «умны, потому что восторженны». Он ведь нас научил, что чувство дальше метит, чем разум, он закалил в нас это чувство; что сделать, что мы приноровились, как то учинил Красиньский *sperare contra spem*, что мы при жизни прошли невинно через ад, как Данте, что мы духовно независимы, что, по словам Шуйского, сквозь наши лохмотья просвечивают прежняя наша гордость и царственность.

Допустим, что Мицкевич представлял себе будущность нашу слишком материально, что он брался вести нас в эту будущность точно в обетованную землю, между тем в эту землю он нас не привел, да никто из нас не попадет в такую Польшу, какую он ее себе воображал. Ведь и ученики Христовы чаяли скорого его пришествия, ведь ожидали же такого пришествия христиане в исходе первого тысячелетия, но совсем уже перестанут его ожидать к концу второго тысячелетия. Разве эти не оправдавшиеся ожидания принесли какой-нибудь ущерб христианству? Ожидания эти были заблуждениями многих, следующих одно за другим поколений. Пришлось перенести и это тяжелое испытание.

Допустим, что Мицкевич как истый славянин не достигал раздельности добра и красоты, искусства и жизни, что он не постигал возможности скверно жить, но божественно грезить, что он чувствовал в себе призвание не только писать, но и «делать поэзию», что в конце концов он разломал свой инструмент своими же руками и стал политическим и общественным вождем своего народа и его пророком, т. е. что он совершил то, что совершает те-

перь граф Лев Толстой в России. Скажу напрямик, что такое понимание искусства есть не что иное, как поэтическая ересь, оно — большая и вознаградимая потеря для искусства, но будем же справедливы и признаем, что это в тысячу раз лучше, чем развод жизни и искусства, чем ошибочное убеждение в том, что добро само по себе, а красота сама по себе, что добро в прошлом его смысле существует для одних себялюбцев, а красота — для одних смакующих ее эстетиков. Гёте оказывается великим артистом в недоконченном своем «Прометее», которого имел в виду Мицкевич, когда писал третью часть «Дедов», но Гёте был велик только фантазией и ни на минуту не забывал, что он витает в области одних только измышлений. Бесконечно выше его Конрад в третьей части «Дедов», настоящий Прометей, состязующийся с Богом и с его решениями. Мицкевич привил нам нечто от своего прометейства. Он сделал именно то, о чем говорил вчера на площади господин Тарновский, что мы им в некотором смысле искуплены, что мы стали не хуже наших предков, а, может быть, даже и лучше. Хотел бы я дожить до того времени, когда в числе памятников, которые начинают сооружать в честь Мицкевича, будет хотя бы один, представляющий его в момент, когда он созидал «Импровизацию», которая, по моему мнению, составляет вершину и апогей его поэтического творчества.

Скажу еще несколько слов. Мицкевич был и апостол имеющего еще сложиться объединенного славянства. Между нами есть и растения этого посева: есть братья чехи. Мы уже чествовали тостом присутствующего здесь Ярослава Врхлицкого. Приношу мой поклон этому, может быть, наибольшему ныне из поэтов во всем славянстве.

Вспомню еще, что Мицкевич написал дивные стихи своим «друзьям-москалям». Я прожил полвека в С.-Петербурге. Могу засвидетельствовать, что таких людей много. Подымаю бокал за их здоровье и передаю мой тост приезжему из Москвы профессору Брандту, с которым я познакомился в Праге и который приехал сюда только за тем, чтобы почтить память Мицкевича.

Вячеслав Резников, О свободе и ответственности

Данная речь представляет собой достаточно характерный пример современной гомилетики. Проповедь священника Вячеслава Резникова, как это часто бывает, привязана к конкретной дате и, соответственно, к конкретному месту Библии.

Текст приводится по изданию: Священник Вячеслав Резников, Двести двадцать две проповеди на ежедневные церковные апостольские и евангельские чтения начиная от Пасхи. М., 1999.

Однажды Господь рассказал такую притчу: «Когда нечистый дух выйдет из человека, то ходит по безводным местам, ища покоя, и не находит. Тогда говорит: «Возвращусь в дом мой, откуда я вышел». И, придя, находит его незанятым, выметенным и убранным. Тогда идет и берет с собою семь других духов, злейших себя, и, войдя, живут там; и бывает для человека того последнее хуже первого»... Но почему последнее обязательно хуже первого? И почему раньше нечистый дух не мог призвать к себе тех семерых? Очевидно, человек за время дарованной свободы не только не укрепился, но потерял даже былую малую способность противостоять злу.

Очевидно, до изгнания нечистого духа у него было стремление освободиться, было искание помощи, а значит, была и молитва к Богу, была какая-то вера в Него. Но вот пришло освобождение, дом его души опустел от незваного гостя. Человек облегченно вздохнул. Теперь он в силах свободно выбрать, свободно определить свой путь. И что же он выбирает? — А он просто начинает жить, как живет, жить по плоти. Исчезла необходимость противостоять злу, прекратилась и молитва. Бог нужен был не Сам по Себе, но как временный помощник; и теперь человек говорит своему Избавителю: «Сделал свое дело — уходи!» Господь же никого не насилует. Он стоит у дверей души и уйдет.

А вот изгнанному нечистому духу уже надоело ходить «по безводным местам», и он решает возвратиться. А человек не только не впустил Бога, но и порвал с Ним всякую молитвенную связь. А ведь Господь сказал, что «кто не собирает со Мною, тот расточает» (Мф. 12, 30), и теперь в душе уже освободилось место еще для семи злых духов, и на нее, спящую и бессильную, неожиданно обрушивается горе «хуже первого».

Человек должен свободно выбрать Бога, выбрать спасение, выбрать жизнь. И Бог много раз помогает нам, снова и снова освобождая от пут, снова и снова давая свободу выбора. И страшно видеть, как человек снова и снова пренебрегая данной ему свободой, снова и снова впадает в рабство греху и дьяволу, готовя себе вечную погибель. Потому что у того, кто несвободен, еще есть какое-то оправдание. Но если тебя освободили, а ты и теперь отступаешь от Бога, то делаешь это уже свободно и сознательно. И тут уже нет тебе никакого оправдания на самом милосердном суде.

Особенно четко это видно на судьбе богоизбранного народа. Сколько раз Бог посещал Свой народ, сколько раз освобождал и от рабства, и от религиозно нравственной слепоты, и от поработителей тела, и от заблуждений духа. И вот теперь во Христе Бог пришел уже окончательно освободить в первую очередь именно Свой народ от греха и смерти, пришел «ради истины Божией, чтобы исполнить обещанное отцам». Сваливаются бремена немощей и болезней, легионами выходят нечистые духи. А люди не хотят этого видеть, не хотят поклониться своему Избавителю и все искушают Его: «Учитель! хотелось бы нам видеть от Тебя знамение». Но Господь обличает лицемеров. Он приводит в пример неосвобожденных и непросвещенных, но более достойных милости. Он говорит, что «ниневитяне восстанут на суд с родом сим и осудят его: ибо они покаялись от проповеди Иониной; и вот здесь больше Ионы. Царица Южная восстанет на суд с родом сим и осудит его: ибо она приходила от пределов земли послушать мудрости Соломоновой; и вот здесь больше

Соломона». Непросвещенные светом истинного богопознания тянулись навстречу чистоте, навстречу мудрости, как и одержимый бесом отчаянно искал избавления. А тут освобожденные, наученные и очищенные сознательно делают отцом своим диавола (Ин. 8, 44).

И вот, размышляя об этом и видя то рабство, в которое мы тоже попали, некогда сбросив благое иго Христова, видя все наше невежество, видя все наши бесконечные работы, заботы, очереди, нельзя не отметить во всем этом и милости Божией. Связанные по рукам и ногам, мы, глядишь, и вздохнем иногда: «Эх, с радостью бы верил в Бога, да никто меня не научил!.. Сходил бы в церковь, да ни минуты времени нет!.. С радостью бы постился, да здоровье все подорвано». А освободи нас, верни нам здоровье, что мы будем делать? Не бросимся ли сами в объятия злых духов в поисках острых ощущений?

Вспомним же о нашем крещении, о том, как священник заклинательными молитвами изгнал из нас «всякого лукавого и нечистого духа», сокрытого и гнездившегося в сердце нашем. Вспомним, как потом мы, освобожденные, отреклись от сатаны и выразили готовность сочетаться со Христом, вспомним, как Христос возродил нас от воды и Духа, принял «в славу Божию... из милости, чтобы славили Бога». Примем же и мы Его, чтобы больше не был пустым и безпризорным дом нашей души и чтобы Апостол Павел мог сказать и о нас: «И сам я уверен о вас, братья мои, что и вы полны благодати, исполнены всякого познания, и можете наставлять друг друга».

Иоанн Крестьянкин, Поучение в Прощеное воскресенье

Иоанн Крестьянкин, архимандрит Псково-Печерского монастыря, — еще один яркий представитель современной русской гомилетики. Текст его проповеди приводится по изданию: Проповеди Архимандрита Иоанна (Крестьянкина). М., 2001.

Не отврати лица Твоего от отрока Твоего, яко скорблю, скоро услыши мя!

Такими проникнутыми сыновней скорбью словами, возлюбленные о Господе отцы, братия и сестры, Святая Церковь сегодня за вечерним богослужением обращается к Богу. И каждый из здесь стоящих, несомненно, пережил в своем сердце эти слова как свое личное обращение к Богу.

Не отврати Твоего лица, милосердный Господи, от нас! — просим мы. Но эту милость Божию мы должны заслужить. По зову нашей Православной Церкви мы собрались в этот святой вечер в храме, чтобы накануне Великого поста испросить себе благословение Божие на достойное вступление на поприще усиленных молитв и покаяния.

Собрались для того, чтобы по установленному в древние времена священному обычаю, поклонившись друг другу из глубины наших сердец, простить взаимные обиды и согрешения.

Это необходимо нам, если мы хотим жить с Господом, и находясь на земле, и переселившись в жизнь вечную. Мы все желаем себе вечного спасения. Но это возможно только в том случае, если не будет в нашем сердце обид; не будет взаимного озлобления друг на друга, взаимного осуждения, неприязни. Возможно только тогда, когда в сердце нашем будет мир — это драгоценное священное благо, которое дарует нам Христос Спаситель.

Но для этого, как вы все хорошо знаете нужно и простить тех, кто нас обидел, и испросить себе прощение у тех, кого мы вольно или невольно обидели. Иначе напрасны будут все наши труды в предстоящем посту. Не примет Господь наших многочисленных земных поклонов, если в сердце нашем будут продолжать жить обиды на брата, зло и недоброжелательность к ближним.

Не услышит Господь и наших слезных молений и воздыханий к Нему о помиловании нас, если не коснутся нашего сознания слова Спасителя: *«...если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный»* (Мф. 6, 14).

Господь говорит: прощай! — тогда и ты будешь иметь право просить себе прощения. Господь говорит: не обижай, а люби своего ближнего! А как часто мы любим только некоторых из тех, кто окружает нас, а иногда и никого не любим! Видим в людях только их недостатки и безжалостно осуждаем.

А ведь мы должны любить друг друга потому, что эта любовь, по слову Христа, — отличительный признак истинных христиан: *«По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою»* (Ин. 13, 35).

Сегодняшний день, дорогие, это день проверки нашей духовной зрелости, день нашей строгой самопроверки — способны ли мы следовать за Христом, выполняя все Его повеления? Многие из нас из собственного жизненного опыта хорошо знают, что простить гораздо легче, чем самому испросить прощение у того, кого чем-либо обидел. Тут гордость наша мешает нам признать себя виновным.

Многие верующие любят этот святой вечер. С радостью спешат в церковь, чтобы участвовать в чине прощения. Но все ли отчетливо представляют себе, какую ответственность мы берем на себя? Ибо, к сожалению, нередко этот трогательный чин у некоторых из нас носит оттенок формального исполнения взаимного прощения.

Подшли друг ко другу, произнесли: «Прости меня!» — и даже с улыбкой поцеловались, а в сердце при этом ничего не изменилось. Затаенная обида, недоброжелательство так и остались. Не этого, дорогие, ждет от нас Господь. Он ждет, что в этот святой вечер откроются наши сердца для искренней взаимной любви. Ждет, что, победив с помощью Божией в себе гордость, мы обретем в себе силу и с чистым сердцем и открытой душой подойдем к обиженному нами и скажем: «Прости меня Бога ради!»

Ждет, что мы вырвем из своих сердец и взаимное озлобление, и взаимное осуждение, и все то, что оскверняет нас и отдаляет нас от Бога.

А способны ли мы простить именно так, как этого требует Правда Божия?

Знайте, что не нужно Богу наше лицемерие. Богу нужна наша готовность — никого, кроме себя самих, не осуждать, всех любить и всем прощать. Нужна наша решимость в наступающем уже завтра посту сложить с себя накопленные нами, возможно долгими годами, грехи.

Если с таким настроением мы сегодня пришли сюда, тогда мы можем присоединить свои голоса к звукам церковного хора и всей силой своих духовных возможностей вопиять к Богу: «Не отврати лица Твоего от отрока Твоего... Я Твой, Господи! И прошу Тебя: скоро услыши мя!»

Но прежде чем испрашивать прощение друг у друга, мы должны просить прощения у Господа за то, что платили Ему черствой неблагодарностью и за Его голгофские страдания, и за Его крестную смерть, которые Он перенес ради искупления наших грехов. За то, что так мало у нас любви к Нему.

Должны просить прощения у Матери Божией за то, что ради нашего спасения Ее Сын был распят на Кресте. А мы своими грехами все продолжаем распинать Его, нанося раны и Ее материнскому сердцу...

Должны простить не только здесь присутствующих, но и находящихся в данный момент далеко от нас, и тех, кои уже отошли в вечность. Сами должны простить и попросить и их простить нас. А Господь донесет до их сердец мир, который может дать только Он. И этот мир (взаимного прощения) исцелит и их, и наши души.

Дай нам, Господи, сегодня почувствовать Твой благодатный мир, который дается только при условии искреннего и сердечного взаимного прощения.

«Не отврати лица Твоего...»

Молитвенно-скорбный дух слышится в этом дивном обращении грешной души к Богу. И наши души скорбят. Ведь мы собираемся в дни Великого поста очистить свою душу от всего греховного. Но как много в нас всего того, что отдаляет нас от Бога!

И все же — Боже милостивый, «не отврати лица Твоего...»! Мы хотя и очень грешные, но мы любим Тебя,

стремимся к Тебе! Мы немощны и телом, и духом, — и потому «скоро услыши нас!»

Человек состоит из тела и души, поэтому и наступающий завтра Великий пост у нас должен быть двояким. Для тела — воздержание от скоромной пищи, а для души — воздержание не только от худых дел, но и от худых мыслей и желаний.

Каждый из нас со всей строгостью пусть просмотрит прожитую жизнь. Пусть сердце наше затрепещет от сознания своей греховности и воззовет: «Милостиве, помилуй мя, падшего!» Сегодняшнему дню предшествовали три подготовительные седмицы, в песнопениях и молитвословиях которых раскрывалось перед нами учение Церкви о важности покаяния.

Мы должны вступить в пост в таком нашем душевном состоянии, при котором все люди, с которыми мы будем встречаться, были бы нам милы и дороги, как братья.

А для этого прежде всего каждый рассмотри самого себя со всей строгостью, со всей беспощадностью справедливого собственного суда. И ты поймешь, что сам-то ты ой как далек от жизни по евангельским заветам и не имеешь никакого права ни обижаться на кого-либо, ни ссориться, ни тем более кого-то обижать. Так торопись же скорее в этот день, специально установленный Святой Церковью для очищения твоей совести, со всеми примириться. Возьмем намерение впредь никого не обижать и ни на кого не обижаться.

Ты собираешься в Великом посту коленопреклоненно и, быть может, даже со слезами просить Господа простить тебя... Прости сперва сам!

И в заключение и я от лица братии прошу вас ради Господа: простите нам все, чем мы обидели или огорчили вас! От имени всей братии нашей святой обители, также у всех вас, как прихожан, так и паломников, ближних и дальних, прошу прощения, елико согрешили пред вами словом, делом, помышлением и всеми нашими чувствами душевными и телесными. Благодатию своею Бог простит и помилует всех нас. Аминь.

Речь А. А. Ширвиндта на юбилее З. Е. Гердта

Данная речь вряд ли нуждается в комментарии: мы все знаем, кто такой А. Ширвиндт, и заслуженно помним о Зиновии Ефимовиче Гердте. Эта речь, по-видимому, может служить прекрасным образцом поздравительной (эпидейктической) речи, искусство подготовки которой, к сожалению, в настоящее время в целом пребывает в упадке. Текст приводится по книге: Анисимова Т. Е., Гимпельсон Е. Г. Современная деловая риторика. М., 2002. С. 159–160.

Друзья! Разрешите поднять, в данном случае умозрительно, этот символический бокал за очаровательное украшение нашей жизни — за Зиновия Гердта.

В эпоху великой победы дилетантизма всякое проявление высокого профессионализма выглядит архаично и неправдоподобно. Гердт — воинствующий профессионал-универсал. Я иногда думаю, наблюдая за ним: кем бы был Гердт, не стань он артистом?

Не будь он артистом, он был бы гениальным плотником или хирургом. Гердтовские руки, держащие рубанок или топор, умелые, сильные, мужские — археологическая редкость в наш инфантильный век. Красивые гердтовские руки — руки мастера, руки артиста.

Не будь он артистом, он был бы поэтом, потому что он не только глубоко поэтическая натура, но один из немногих знакомых мне людей, которые не учат стихи, а впитывают их в себя, как некий нектар...

Не будь он артистом, он был бы замечательным эстрадным пародистом, тонким, доброжелательным, точным. Недаром из миллиона «своих» двойников Л. О. Утесов обожал Гердта.

Не будь он пародистом, он был бы певцом или музыкантом. Абсолютный слух, редкое вокальное чутье и музыкальная эрудиция дали бы нам своего Азнавура, с той только разницей, что у Гердта еще и хороший голос.

Не будь он музыкантом, он был бы писателем или журналистом. Что бы ни писал Гердт, будь то эстрадный монолог, которыми он грешил в молодости, или журнальная статья, — это всегда индивидуально, смело по жанровой стилистике.

Не будь он писателем, он мог бы стать великолепным телевизионным шоуменом — но, увы, уровень наших телешоу не позволяет пока привлекать Гердта в этом качестве на телеэкраны.

Не будь он шоуменом, он мог бы стать уникальным диктором-ведущим. Гердтовский закадровый голос — эталон этого еще малоизученного, но, несомненно, труднейшего вида искусства. Его голос не спутаешь с другим по тембру, по интонации, по одному ему свойственной иронии, будь то наивный мультик, «Двенадцать стульев» или рассказ о жизни и бедах североморских котиков.

Не будь он артистом... Но он Артист! Артист, Богом данный, и слава Богу, что при всех профессиональных «совмещениях» этой бурной натуры ему (Богу) было угодно отдать Гердта Мельпомене и другим сопутствующим искусству богам.

Диапазон Гердта-киноактера велик. Поднимаясь до чаплиновских высот в володинском «Фокуснике» или достигая мощнейшего обобщения в ильфовском Паниковском, Гердт всегда грустен, грустен — и все тут, как бы ни было смешно то, что он делает. Тонкий вкус и высокая интеллигентность, конечно, мешают его кинокарьере в нашем попмире, но поступиться этим он не может. «Живой» театр поглотил Гердта сравнительно недавно, но поглотил до конца. Его Костюмер в одноименном спектакле — это чудеса филигранной актерской техники, бешеного ритма и такой речевой скорости, что думалось: вот-вот угаснет и придумает краску-паузу, чтобы взять дыхание, — не брал, неся дальше, не пропуская при этом ни одного душевного поворота.

Наивно желать Гердту творческих успехов — он воплощение успеха. Пошло ратовать за вечную молодость —

он моложе тридцатилетних. Надо пожелать нам всем помогать ему, не раздражать его, беречь его, чтобы он, не дай Бог, не огорчился, разочаровавшись в нас, тех, ради которых он живет и творит.

Примечания

¹ Под филологией понимают содружество гуманитарных наук, сгруппированных вокруг изучения духовной культуры через анализ письменных текстов. Впервые филология возникла в античном мире, где была известна под именем «грамматики». Существуют классическая (античная), германская, славянская и другие филологии, сосредоточившие свое внимание на постижении соответствующих культур.

² Под герменевтикой понимают науку об истолковании смысла текста. Сегодня различают философскую и литературную герменевтику.

³ Под литературоведением понимают науку, изучающую художественную литературу и включающую теорию литературы, историю литературы и литературную критику.

⁴ В первичном значении слова это наука о создании поэтических произведений. Сегодня эта часть литературоведения с ориентацией на анализ формальной стороны литературного произведения.

⁵ Греческое слово «агора» означает городскую площадь, на которой проходили собрания, а также сами народные собрания. В современных европейских языках этим словом обозначают общественное пространство, на котором ведутся дискуссии, обсуждаются важные социальные проблемы.

⁶ Такие ошибки являются предметом забот специальной науки ортологии, включающей такие разделы, как орфография, пунктуация, орфоэпия.

⁷ Подобные явления находятся в ведении функциональной стилистики и культуры речи.

⁸ От латинского слова *inventio*, буквально — «изобретение». Этот раздел в старых учебниках назывался также «изобретением» или «изобретением мыслей».

⁹ От латинского слова *dispositio*, буквально — «расположение». Этот раздел так и назывался «расположением» или «расположением мыслей». Впоследствии слово «диспозиция» было вытеснено термином «композиция», под которой понимается порядок следования частей.

¹⁰ От латинского слова *elocutio* — буквально «выражение». В старых учебниках этот раздел часто именовался также «украшением мыслей» (от латинского слова *ornatio*).

¹¹ От латинского слова *memoria*, буквально — «запоминание»

¹² От латинского слова *demonstratio*.

¹³ Василий Великий. Опровержение на защитительную речь злочестивого Евномия. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийския. Часть III. Репринт. М., 1993. С. 23. Цитируется по книге: Волков А. А. Курс русской риторики.

¹⁴ Аверинцев С. С. Риторика как подход к обобщению действительности // Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996.

¹⁵ Более подробно структура аргументации рассматривается в главе 1.6. «Стратегии убеждения».

¹⁶ В данном учебнике мы принимаем терминологию, противоречащую этому утверждению. Однако это обусловлено тем, что термин «энтимема» традиционно закрепился за видом силлогизма, который отличается от формы от силлогизма в собственном смысле слова. Слово «пример» имеет слишком явное для носителей русского языка значение, а потому при его помощи достаточно трудно передать тот особый смысл, который Аристотель вкладывал в это слово, используя его как термин; по этой причине мы решили заменить его логическим термином Аристотеля — «наведение».

¹⁷ Более подробно с логико-философскими проблемами индукции можно познакомиться в следующих книгах: Светлов В. А. Современные индуктивные концепции. Л., 1988; Светлов В. А. Практическая логика. М., 1997, с. 206–299; Гладкий А. В. Введение в современную логику. М., 2001, с. 141–151; Ивин А. А. Риторика. М., 2001, с. 55–61, 216–219. Кстати, последняя книга является ярким примером именно логико-философского подхода к риторической аргументации.

¹⁸ Этот пример приводится в книге: Ивин А. А., Никифоров А. Л. Словарь по логике. М., 1998.

¹⁹ Пример приводится по книге Л. А. Введенской и Л. Г. Павловой «Культура и искусство речи» (Ростов-на-Дону, «Феникс», 1998).

²⁰ Это не опечатка. Название книги является игрой слов. С одной стороны, оно отсылает к понятию геноцида, с другой – к геноциду женщин (на что указывает греческий корень – тот же, что и в слове «гинекология»).

²¹ Цитируется по книге: Антология гендерной теории. Минск: Пропилеи, 2000. С. 18.

²² Цитируется по книге: Ивин А. А. Риторика: Искусство убеждать. М., 2002. С. 172.

²³ Примеры приводятся по книге Т. В. Анисимовой и Е. Г. Гимпельсон «Современная деловая риторика», с. 173.

²⁴ При желании с этим текстом можно познакомиться в газете «Московский комсомолец» от 1 ноября 1994 года. Он приводится также в книге «Культура русской речи» (М.: Норма, 2000), с. 329–339.

²⁵ Анафорой называют повтор одного и того же фрагмента в начале разных отрезков речи. Более подробно об анафоре и других фигурах говорится в разделе III «Элокуция».

²⁶ Так (возможно, не совсем удачно) мы заменяем уже ставшее традиционным не менее неудачное разграничение «адгерентных» и «ингерентных» средств усиления выразительности.

²⁷ Например, увидев в законе тех людей, которые его воплощают (милиционеров, судей). Однако это уже не собственно языковое, а специальное средство усиления изобразительности, о чем будет сказано чуть дальше.

²⁸ См.: Дюбуа Ж., Эделин Ф., Клинкаенберг Ж.-М. и др. Общая риторика. М., 1986; Тодоров Ц. Теории символа. М., 1999. С. 98; Ключев Е. В. Риторика: Инвенция. Диспозиция. Элокуция. М., 2001. С. 179.

²⁹ Отметим, что в этом случае имеется классическая реализация аргумента к человеку. Пусть в мягкой форме

(адвокат говорит не об обвинителе и даже не об обвинении, а об обвинительном заключении — это метонимия), оратор указывает на недостатки противника: механистичность в рассмотрении фактов, отсутствие необходимого аналитического разбора, неспособность к объективному восприятию фактов.

³⁰ Эта фигура в риторике получила название плеоназма. Однако о ней речь пойдет ниже.

³¹ Иконическими принято называть знаки, которые представляют объект, передавая его внутреннюю структуру. Означающее в таких знаках похоже на означаемое. Примером иконического знака может служить любой рисунок или схематичное изображение. В этом отношении иконические знаки противостоят символам, то есть обычным словам, в которых означаемое и означающее связаны условно, в силу соглашения.

Литература

- Анисимова Т. В., Гимпельсон Е. Г. Современная деловая риторика. М., Воронеж, 2002.
- Аннушкин В. И. История русской риторики: Хрестоматия. М., 1998.
- Античные риторика. М., 1978.
- Античные теории языка и стиля. М.-Л., 1956.
- Аристотель, Толика // Аристотель, Собрание сочинений в 4-х тт. Т. 2. М., 1978.
- Безменова Н. А. Очерки по теории и истории риторики. М., 1991.
- Волков А. А. Курс русской риторики. М., 2001.
- Волков А. А. Основы риторики. М., 2003.
- Вомперский В. П. Риторика в России XVII–XVIII вв. М., 1988.
- Гладкий А. В. Введение в современную логику. М., 2001.
- Граудина Л. К., Кочеткова Г. И. Русская риторика. М., 2001.
- Граудина Л. К., Миськевич Г. И. Теория и практика русского красноречия. М., 1989.
- Гурвич С. С., Погорелко В. Ф., Герман М. А. и др. Основы общей риторики. Киев, 1988.
- Дюбуа Ж., Эделин Ф., Клинкаенберг Ж.-Д., Менге Ф., Тринон А. Общая риторика. М., 1986.
- Ивин А. А. Риторика. М., 2000.
- Кириллов В. И., Старченко А. А. Логика. М., 2002.
- Клюев Е. В. Риторика: Инвенция, диспозиция, элокуция. М., 2001.
- Ломоносов М. В. Краткое руководство к красноречию // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений в 11-ти тт. Т. 7. Труды по филологии. М., 1952.
- Перельман Х., Ольбрехт-Тытека Л. Новая риторика: Трактат об аргументации // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.
- Петров О. В. Риторика. М., 2001.
- Рождественский Ю. В. Теория риторики. М., 1997.
- Русская риторика: Хрестоматия / Сост. Л. К. Граудина. М., 1996.
- Хазагеров Г. Г. Политическая риторика. М., 2002.
- Хазагеров Т. Г., Ширина Л. С. Общая риторика: Курс лекций и словарь риторических фигур. Ростов-на-Дону, 1998.
- Цицерон М. Т. Три трактата об ораторском искусстве. М., 1972.

Издательство «Феникс»

Приглашает к сотрудничеству Авторы

- *Учебников для ПТУ, колледжей и ВУЗов*
- *Медицинской и ветеринарной литературы*
- *Прикладной и технической литературы*
- *Литературы по спорту и боевым искусствам*
- *Детской и педагогической литературы*
- *Литературы по кулинарии и рукоделию*

Все финансовые затраты берем на себя, выплачиваем высокие гонорары согласно договорам.

При принятии произведения в производство гарантируется гонорар, превышающий на 10 % предложение любого Российского издательства.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ОТДЕЛЫ

Начальник отдела

Баранчикова Елена Валентиновна

тел.: 8 (8632) 61-89-78; e-mail: fenix@ic.ru

Начальник отдела

Бузаева Елена Викторовна

тел.: 8 (8632) 61-89-77; e-mail: reclamabook@jeo.ru

Начальник отдела

Морозова Оксана Вячеславовна

тел.: 8 (8632) 61-89-76; e-mail: gleb@ic.ru

Начальник отдела

Осташов Сергей Александрович

тел.: 8 (8632) 61-89-75; e-mail: publish@ic.ru

Почтовый адрес

344082, г. Ростов-на-Дону, пер. Халтуринский, 80

Адрес в сети Интернет

<http://PhoenixRostov.ru>

ТОРГОВЫЙ ДОМ «ФЕНИКС»

В МОСКВЕ

*книги издательства «Феникс»
можно купить:*

**Для книготорговых организаций
В региональных представительствах,
расположенных по адресам:**

ул. Мартеновская, 9/13 (М «Новогиреево»)

т/ф: (095) 305-67-57, 517-32-95,

E-mail: mosfen@nt.ru

Директор — Мячин Виталий Васильевич

ул. Маршала Новикова, 1,

М «Октябрьское поле»

т/ф: (095)196-08-43, E-mail: fenix-m@pike.net.ru

Директор — Монсеенко Сергей Николаевич

В Издательском Торговом Доме «КноРус»

ул. Б. Переяславская, 46,

М «Рижская», «Проспект мира»

т/ф: (095)280-02-07, 280-72-54, 280-91-06, 280-92-13

E-mail: office@knorus.ru

В крупнейших магазинах:

ТД «Библио-Глобус»

ул. Мясницкая, 6 (тел.: 925-24-57)

ТД «Москва»

ул. Тверская, 8 (тел.: 229-66-43)

«Московский Дом книги»

ул. Новый Арбат, 8 (тел.: 290-45-07)

«Молодая гвардия»

ул. Большая Полянка, 28 (тел.: 238-11-44)

«Дом педагогической книги»

ул. Пушкинская, 7/5 (тел.: 299-68-32)

«Медицинская книга»

Комсомольский проспект, 25 (тел.: 245-39-27)

Серия «Учебники, учебные пособия»

**Хазагеров Георгий Георгиевич,
Лобанов Игорь Борисович**

РИТОРИКА

Отв. редактор:

Техн. редактор:

Корректор:

Комп. верстка:

Оксана Морозова

Галина Логвинова

Юлия Давыдова

Валерий Хорев

Сдано в набор 10.11.2003.

Подписано в печать 8.12.2003.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага газетная.

Печать офсетная. Гарнитура SchoolBook.

Тираж 5000 экз. Заказ № 2741.

Издательство «ФЕНИКС»

344082, г. Ростов-на-Дону, пер. Халтуринский, 80

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии

ФГУП «Издательство «Самарский Дом печати»

443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.

Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

ISBN 5-222-04207-3

9 785222 042076